

ДЖЕФФ ЛОНГ

ПРЕИСПОДНЯЯ АДСКАЯ БЕЗДНА

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Annotation

На протяжении десяти лет хейдлы — обитающие в глубинах планеты человекоподобные существа homo hadalis — не подают о себе никаких известий. Официально считается, что они погибли от смертельного вируса. Но внезапно по Америке прокатывается волна таинственных преступлений — кто-то похищает детей, а взрослых, если те оказываются рядом, обнаруживают убитыми. Все указывает на то, что это дело рук людей бездны, хейдлов. Ребекка Колтрейн, мать одной из украденных девочек, собирает армию добровольцев и отправляется в погоню за похитителями...

«Преисподняя. Адская бездна» — долгожданное продолжение «Преисподней». романа, возглавившего списки бестселлеров «New York Times».

- [Джефф Лонг](#)
 - [Благодарность](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Три года спустя](#)
 -
 - [1](#)
 - [ДОКУМЕНТЫ](#)
 - [Семь лет спустя](#)
 -
 - [2](#)
 - [ДОКУМЕНТЫ](#)
 - [3](#)
 - [ДОКУМЕНТЫ](#)
 - [4](#)
 - [ДОКУМЕНТЫ](#)
 - [5](#)
 - [ДОКУМЕНТЫ](#)
 - [6](#)
 - [ДОКУМЕНТЫ](#)
 - [7](#)
 - [ДОКУМЕНТЫ](#)

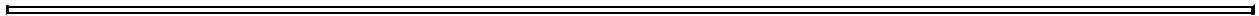
- [8](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [9](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [12](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [13](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [16](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [20](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [21](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [22](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [23](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [24](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [25](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [26](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [27](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [28](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [29](#)

- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [30](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [35](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [38](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [39](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [40](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [41](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [42](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [43](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [ДОКУМЕНТЫ](#)
- [50](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

Джефф Лонг
Преисподняя

Аде

Благодарность

Выражаю глубочайшую благодарность следующим людям.

Эмили Бестлер, одному из тех редких редакторов-кудесников, о котором мечтает каждый писатель, — редактору, который, засучив рукава, правит ваш стиль, укрощает сюжет, избавляя от южного акцента.

Слоуну Харрису, в равной степени джентльмену, гладиатору и пророку, — моему литературному агенту, который продолжает освещать мне путь и вести через пустыню.

По неизвестной причине агенты киностудий никогда не упоминаются в благодарностях книг — возможно, потому, что настоящие писатели якобы не жаждут внимания Голливуда. На самом деле именно мой замечательный агент, Джози Фридман, уже много лет помогает нам сводить концы с концами.

Величайший в мире рыбак Клифф Уоттс на протяжении трех десятилетий лечит и город Боулдер, и моих раненых персонажей. Было бы величайшей ошибкой обращаться к писателю по поводу операции на мозге.

И наконец, благодарю вас, Барбара и Хелена, за то, что столько лет отпускали меня во тьму ночи. Теперь пришла пора скакать навстречу заре.

*На дне
Сей пропасти — иная ждет меня,
Зияя глубочайшей глубиной.
Грозя пожрать. Ад, по сравненью с ней,
И все застенки Ада Небесами
Мне кажутся.*

Джон Мильтон.

Потерянный рай. Книга IV.

Перевод Аркадия Штейнберга

Пролог

Айк сдался.

Он украдкой выскользнул из постели; на обнаженном теле в старых ранах и татуировках вспышками крошечных молний поблескивала пещерная пыль. У двери он остановился, прислушиваясь. Али была на восьмом месяце беременности и, похоже, обрела покой и сон, постепенно покидавшие Айка. Он не слышал ее тихого дыхания, только песню.

Больше месяца песня будила его среди ночи, всегда одна и та же, в исполнении женщины — а может, ребенка. У Айка не получалось определить ее жанр: то ли воинственный гимн, то ли баллада. Или песня смерти. Он понимал, что пора подводить черту — бездна зовет своего неверного сына. Время пришло.

Рюкзак ждал в гараже, за мусорным баком. Завтра приедут мусорщики. Айк привычно вытащил бак на дорогу — его последние обязанности в этом мире. Потом вскинул рюкзак на плечо и зашагал к залитым светом луны холмам.

Впервые услышав песню, Айк все свалил на свои обострившиеся чувства. Проведенные под землей годы изменили его, снаружи и внутри. Там, внизу, менялись все — одни больше, другие меньше, и Айк принадлежал скорее к первым. Бездна пощадила внешнюю оболочку и не изуродовала его, но превратила в полуживотное. Сегодня ночью, к примеру, он по шороху крыльев мог определить количество птиц на дереве. Луна в буквальном смысле притягивала его: гравитация ночного светила вызывала прилив спинномозговой жидкости. Айк слышал сердцебиение своего ребенка... еще формировавшегося в утробе матери.

Предполагая, что это страдающая от бессонницы соседка или не выключенное радио, он целую неделю бродил босиком по окрестным дворам. Но источник ускользал, а звук становился все громче. Может, его зовет некое творение природы, гадал Айк, — например, море. Или муза нашептывает мелодию. А охватывающее его возбуждение сродни творческому порыву.

Несколько дней назад он наконец нашел, откуда доносится песня — из входа в пещеру. Именно туда лежал его путь этой ночью. Короткий переход, и Айк уже у расщелины в известняковой скале. Он стоит, повернувшись лицом к источнику звука. Нельзя сказать, что запах разложения и нечистот привлекает его. Но Айк повидал много подобных мест. В каком-то смысле

он там родился.

Песня поднималась из глубин пещеры. Манила воспоминаниями о подземном мире. Слова неразличимы — в лучшем случае. Может, Али, лингвист по профессии, сумела бы их разобрать. Айк же воспринимал то, что подсказывало воображение: «Уходи, оставь золотые яблоки солнца». Или нечто подобное. В последний раз оглянувшись на подлунный мир, Айк кивнул на прощание и начал спуск.

Все последующие дни бездна поглощала его со скоростью семидесяти пяти ударов сердца в минуту. Так спокойно он расставался со всем, что любил в этом мире. Шаг за шагом, спускаясь вниз по веревкам, преодолевая туннели и подземные моря, Айк погружался в толщу камня.

Прошла неделя. Еда закончилась. Батарейки сели.

Большинство людей повернули бы назад. Большинство людей вообще не пошли бы под землю. Айк продолжал спуск. За годы, проведенные в плену, он научился видеть во тьме вечной ночи.

Пей из черных рек.

Ешь плоть ночных тварей.

Слушай цвета.

Обоняй тени.

И тьма раскрылась перед ним.

Айк узнавал жилы, пустоты и пещеры — не по названию, а по запаху обитателей подземного мира и минералов. Со временем он потерял ориентацию, причем намеренно. Ни память, ни карта, ни компас — ничто не указывало путь. Айк просто пробирался сквозь недра планеты, ориентируясь на силу тяжести, а также на ломтики мяса, оставленные специально для него.

Он знал: мясо служит наживкой. Обитатели пещер заманивали его вглубь — или думали, что заманивают. На самом деле Айк такое же порождение бездны, как и они. Запутанный лабиринт ходов и туннелей и его дом. Единственная разница между ним и теми, кто его кормит, состоит в его неустанных поисках. Они обитатели дна, хотя и не совсем, потому что это еще не дно. Они ограничены. Айк нет. Они прячутся от человечества. Айк пытается человечество спасти.

Время от времени он вырезал свои инициалы на колоннах и стенах. Сам не зная зачем. Оставленные метки не предназначались для других людей, которые могут последовать за ним, и не указывали дорогу к выходу. Айк не питал ни малейшей надежды выбраться на поверхность. В отличие от всех предыдущих спусков теперь у него билет в один конец. То, что ждет внизу, — заполнявшее сны, властвовавшее над этим мрачным миром, —

никогда не отпустит его. Сомнений в этом не было.

Когда-то, давным-давно, им руководила жажда приключений. В молодости Айк выбрал для себя профессию альпиниста и инструктора-проводника, что и стало началом его бед. Прокладывая дорогу через Гималаи, он случайно наткнулся на разветвленную сеть глубоких подземных туннелей, хранившую ужасные тайны. Тяга к солнцу привела его во тьму. Карабкаясь вверх, он спускался все глубже. Похоже, вся его жизнь была прелюдией к этому последнему спуску.

В самых смелых фантазиях, даже подстегнутых афганским гашишем или его любимым красным «Джонни Уокером», Айк не смог бы придумать того мира, который существовал глубоко под землей. Оглядываясь назад, можно сказать, что ни он, ни другие нисколько не удивились, что ад действительно существует — в виде разветвленной сети ходов и полостей, населенных первобытными племенами, поклоняющимися таинственному владыке. С начала времен человечество подозревало нечто подобное. Сменявшие друг друга цивилизации оставили после себя предания о демонах, великанах-людоедах и вампирах, описывавшие хищников подземного мира. Людей, которым посчастливилось вырваться из лап смерти и которые рассказывали невероятные истории, бросали в темницу или в сумасшедший дом, сжигали на костре или делали героями эпоса. Оказалось, шаманы и экзорцисты пытались победить тьму с тех самых пор, как люди приручили огонь.

Совсем недавно Айк вел научную экспедицию по системе туннелей, проходивших под дном Тихого океана. Вместе с Али они — единственные выжившие — едва успели подняться на поверхность, как в подземном мире начался мор. Человечество убедило себя, что все обитатели преисподней погибли, а дьявол мертв.

Но теперь, пробираясь в одиночестве сквозь чрево земли, Айк нисколько не сомневался: люди ошиблись. Преисподняя никогда не умирала. Там, внизу, жил неумный дух. Он пел Айку. И хотел выйти наружу.

Три года спустя

*Под местом пересечения океанских желобов:
Филиппинского, Яванского и Палу*

Он щелкнул пальцами. «Да будет свет». Вспыхнули осветительные патроны.

Из тьмы выступили лица съемочной группы. Люди моргали. Яркий свет резал глаза. Придавал лицам зеленоватый оттенок и голодный вид.

Вокруг материализовался город из камня.

Клеменс кивнул. Щелчок нумератора с «хлопушкой» прозвучал, словно выстрел. Надпись восковым карандашом: «ПРЕИСПОДНЯЯ, сцена 316, дубль 1. IMAH».

— Мертво, все мертво, — нараспев произнес он, а камера в это время показывала панораму города, похожего на скелет, твердый и пустой. Город был построен гораздо раньше Трои, еще до того, как впервые прозвучало слово «Египет». Стены потрескались от старости или разрушились под воздействием тектонических сил. Арки свисали подобно ребрам. Окна смотрели пустыми глазницами. Камера повернулась к рассказчику и замерла.

Клеменс посмотрел прямо в объектив. Пусть камера зафиксирует мешки под глазами, седую клочковатую бороду и сальные волосы, неровно зашитую рану на скуле. Никакого грима. Ничего не скрывать. Зрители должны видеть усталость и следы пятимесячного пребывания под землей, когда они ползли сквозь чрево планеты.

«Ради вас я истекал потом и кровью, — подумал Клеменс. — Убивал ради вас. И ради моей доли в сборах».

Его голубые глаза вспыхнули.

— День сто сорок седьмой, в недрах земли, под одним из самых глубоких океанских желобов, — произнес он. — Мы достигли их города. Их Афин. Их Александрии. Их Манхэттена. Здесь был центр цивилизации.

Клеменс негромко покашлял. Вся съемочная группа мучилась кашлем — какой-то неопасный пещерный вирус. Еще одна болезнь в череде недомоганий, не пощадивших никого: сыпь от ядовитых лишайников, расстройство желудка от речной воды, затяжная лихорадка после нападения прозрачных муравьев, гниющие раны, головная боль из-за повышенного давления. Не говоря уже о герпесе и гонорее, свирепствовавших среди

этого сборища похотливых мужчин и женщин.

Клеменс приблизился к высокому прозрачному натеку кальцита. Натёки сползали со стен подобно медленной, пластичной лавине медового цвета. Осветительный патрон, расположение которого было тщательно выбрано, подсвечивал камень сзади. Внутри, точно гигантское насекомое в куске янтаря, висел темный силуэт человека.

Клеменс перевел взгляд на камеру — на будущих зрителей, — словно приглашая к размышлениям.

— Какие новые чудеса мы тут увидим? — Он прижал фонарь к камню и заглянул внутрь. — Смотрите, смотрите моими глазами.

Потом медленно, дюйм за дюймом, стал перемещать луч фонаря. Постепенно темная фигура представала перед зрителем во всех своих жутких подробностях. Не человек, а некое первобытное существо. Символ регресса, каприз природы. Камера взяла крупный план.

Клеменс осветил бледные безволосые ноги, покрытые доисторическими татуировками. Луч фонаря остановился в паху существа. Гениталии были обернуты каким-то мешком с завязками из сыромятной кожи — нечто вроде фигового листа для этого уродливого Адама. Единственная одежда существа состояла из мешка, перевязанного кожаным шнурком, который обхватывал ягодицы. Кожа! — в мире, где не водились крупные животные... за исключением человека. Эти хейдлы все пускали в дело, даже человеческую кожу.

— Мы были их мечтой, — серьезным голосом произнес Клеменс в камеру. — А они — нашим кошмаром.

Клеменс передвинул луч выше. Существо выглядело одновременно изящным и свирепым. С крыльями как у купидона, оно не могло летать. Это даже не крылья, а зачатки крыльев, рудименты — почти смешные. Хотя какой уж тут смех. Тело существа покрывали раны и боевые шрамы, словно у обитающего на свалке пса.

Луч фонаря передвинулся выше и осветил жуткое лицо. Мутные розовые глаза — мертвые — уставились на Клеменса. Ему стало не по себе, хотя во время постановки кадра он уже все это видел. Существо, подобно сверчкам, мышам и всяким ползучим тварям, населявшим эти глубины, было альбиносом. Редкая белая растительность на лице. Ресницы и клочковатые усы выглядели почти изящными.

Тяжелые надбровные дуги выдавались вперед, как у обезьяны. Классический *Nomo erectus*. Подпиленные зубы и изрезанные ножом мочки ушей, превратившиеся в бахрому. И главное украшение, из-за которого Клеменс выбрал его из множества тел, — пара бесформенных рогов.

Потрясающие рога, фирменный знак Сатаны.

Рога представляли собой костяные наросты, что-то вроде раковой опухоли — как объяснили Клеменсу, весьма распространенной в подземном мире. Они росли прямо из лба существа и идеально подходили к названию фильма. Каждая преисподняя нуждается в своем дьяволе.

И совершенно неважно, что он не тот дьявол, на поиски которого пустился Клеменс. Это вовсе не тело Сатаны, по слухам лежащее где-то в городе. И не имеет значения, что те, кого люди считали демонами, были их далекими предками или по меньшей мере дальними родственниками. С генеалогическим древом Клеменс разберется потом, в монтажной.

— Теперь хейдлы ушли, — произнес Клеменс в микрофон, прикрепленный к изодранной футболке. — Ушли навсегда, уничтоженные созданной человеком болезнью. Одни называют это геноцидом, другие — божественным промыслом. Я склоняюсь ко второму. Мы избавились от власти ужаса, который они навевали. Освободились от древней тирании. Ночь принадлежит нам, человечеству, и так будет всегда.

Клеменс отступил и поднял наполненный ужасом взгляд, словно Франкенштейн, пожираемый монстром, которого сам создал. Замерев, он сосчитал до пяти.

— Стоп!

Оператор, выглянувшая из-за треноги с камерой, подняла большие пальцы вверх. Звукорежиссер снял наушники и махнул рукой — все в порядке. Отличный дубль.

— Сделайте несколько снимков нашего друга крупным планом, — распорядился Клеменс. — Затем разбираем оборудование и пакуемся. Уходим. Наверх. День еще не закончен. — Дежурная шутка. Какой день в мире, где нет солнца? — Мы возвращаемся домой.

Домой! Все мгновенно вскочили.

Туннель, ведущий наружу, проходил где-то рядом. Через несколько недель они выберутся на поверхность. В миллионный раз Клеменс вытащил из водонепроницаемого футляра пачку бумажных листов и стал вглядываться в потрепанные карты.

Это были страницы из дневника монахини, одной из двоих выживших, которые выбрались отсюда три года назад. Именно за призраками той погибшей экспедиции охотился Клеменс в своем фильме. Одно из самых отважных путешествий в истории, сравнимое с экспедициями Марко Поло и Колумба, — переход длиною в шесть тысяч миль по системе туннелей, проходивших под дном Тихого океана. Но главная интрига заключалась в том, что состоявшая из ученых экспедиция неожиданно столкнулась с

догматом веры. В глубинах бездны исследователи обнаружили дом Сатаны. Исторического Сатаны, человека — гоминида, если хотите, — который превратился в легенду. Предводителя племени.

Монахиня, этот синий чулок по имени Али фон Шаде, писала о встрече с ним. В то время город был обитаем — смертельная эпидемия еще не началась. В последний раз она видела Сатану в доспехах из зеленого нефрита. Три дня Клеменс прочесывал город в поисках тела или скелета, намереваясь показать его в кульминационных кадрах фильма — чтобы изумить, потрясти и в одном образе сплести воедино все сюжеты рассказанной истории. Клеменс действительно нашел нефритовые доспехи, только пустые. Брошенные, осиротевшие — ни единой косточки внутри. Несмотря на разочарование, он вдруг понял, что это ему даже нравится. Сатана оказался всего лишь пустой оболочкой.

Клеменс не раз обращался к фон Шаде с просьбой об интервью, но всегда получал вежливый отказ. «Я не хочу делиться подробностями той катастрофы». Как будто это ее личная история. Интеллектуальная собственность, находящаяся под священной защитой. Стерва.

Для подготовки экспедиции им с Куинном — его партнером — требовались карты и ориентиры. Клеменс перепробовал все: цветы, приглашения пообедать, деньги и даже процент с чистой прибыли от фильма. И все бесполезно. Впустую. Ничего. Куинн посоветовал оставить ее в покое. Клеменс не послушал и нанял вора-домушника, который выкрал дневник монахини, скопировал, а затем вернул на место. Ничего страшного. Если она не хочет говорить, за нее это сделает дневник.

Карты фон Шаде представляли собой что-то вроде записок — схема маршрута в них сопровождалась фантастическими историями и акварельными набросками, рассказывающими об экспедиции «Гелиоса». Каждый раз, когда во время путешествия Клеменс начинал сомневаться, предполагая, что она ошибается или выдумывает, карты оказывались верными.

Из темноты доносился гул далекого водопада. Он тоже присутствовал на карте. Фон Шаде сама не видела его — хейдлы захватили ее и завязали глаза, — но позже отметила этот звуковой ориентир в своем дневнике. Кратчайший путь к солнцу лежит через водопад.

Наверху плыли длинные, призрачные ленты облаков. Пещера была огромной, и в ней сформировался собственный микроклимат. Геологи предполагали, что много миллионов лет назад пузыри серной кислоты поднялись из земной мантии на поверхность, в результате чего образовался лабиринт из полостей и туннелей, известный теперь как субтерра.

Превосходное убежище для потерянной расы.

Клеменс скатал в рулон страницы дневника фон Шаде и выключил головной фонарь. Запас аккумуляторов подходил к концу, как, впрочем, и остальное. Но съемки в основном закончены. Съёмочная группа покорила вершину, если можно так выразиться, — добралась до подземного города в лабиринте подземных пещер под дном Тихого океана. Теперь можно подниматься, выходить на поверхность, к солнцу. К потускневшим имени и славе Клеменса.

Почти все члены съёмочной группы были еще прыщавыми юнцами, когда он получил премию «Оскар» за документальный фильм «Адреналин», рассказывавший о безумцах-спортсменах, которые в поисках острых ощущений пересекали зоны международных конфликтов. После такого успеха Клеменс почивал на лаврах оскароносца, подвизаясь в качестве режиссера второго плана на съемках голливудских боевиков.

А потом люди открыли субтерру. В мгновение ока внимание всех переключилось на огромный обитаемый лабиринт, существовавший прямо под ногами. Рынок книг и фильмов о любителях адреналина просто исчез. Клеменс на собственной шкуре убедился в невозможности конкурировать с демонами и злодеями разных религий. Через год он обанкротился, развелся с женой и был вынужден снимать порнофильмы за двести долларов в день.

Примерно в это время в его жизни появился Куинн. Старомодный исследователь, уже спускавшийся под землю и задумавший фильм. Картину о неудавшейся экспедиции, которая повторила бы путь в преисподнюю. На Клеменса снизошло что-то вроде откровения: чтобы победить дьявола, нужно стать дьяволом самому. Именно поэтому он — в возрасте пятидесяти двух лет — убедил Куинна стать его партнером в производстве фильма. Вместе они подготовили эту отчаянную, хотя и тщательно подготовленную экспедицию в недра земли. Клеменс пришел к выводу: если «Преисподняя», выплеснувшись на огромные экраны IMAX, не сможет возродить его репутацию, значит, все кончено. Придется вновь работать на порномафию.

К сожалению, в проблему превратился сам Куинн. Благородный. Улыбчивый. «Настоящий мужик». Куинна — в президенты! Съёмочной группе импонировали его непринужденные манеры и забота о безопасности. А также талант рассказчика и сценариста — рядом с ним Клеменс выглядел серостью, лишенной воображения. Он и на самом деле был таким. Только не собирался терпеть насмешки подчиненных. А значит, Куинн должен был сгнуться. Умереть.

Клеменс надеялся, что после исчезновения партнера дела пойдут на

лад. Но презрение съемочной группы лишь усилилось. Они его подозревали. Идиоты. В этом диком мире, где не действуют законы, убийства не существовало. Кроме того, «нет тела — нет и преступления». Куинн выбрал для падения бездонную пропасть. Проще не бывает — один легкий толчок сзади, и до свидания, амиго. Клеменс несколько раз пытался успокоить людей и даже предоставил два дня на поиски их бесстрашного лидера. Затем пришло время угроз и запугивания. Шоу должно продолжаться.

— Джошуа...

Снова этот шепот. Клеменс резко обернулся.

Повел фонарем влево, затем вправо. Естественно, никого. Все началось после того, как они вошли в город. Группа издевалась над ним: они шептали его имя голосом Куинна, доводя до бешенства.

— Пошел ты! — бросил Клеменс в темноту.

— Сам иди, — ответил женский голос. В луче фонаря появилась Хаксли. — Что с тобой?

— Так это ты?

— Да, я. Ты сказал, что мы разбиваем здесь лагерь.

Хаксли была ветеринаром, и Куинн пригласил ее в экспедицию в качестве врача. Именно неуверенная рука доктора, привыкшего иметь дело с домашними животными, зашивала щеку Клеменса после камнепада в одном из туннелей. Он догадывался, что ей нужно.

— Крылья. — Хаксли приблизилась к замурованному в кальците существу. — Мне нужно сделать замеры и взять образцы. Я хочу добавить крылья к своей коллекции. Крылья ангела. Падшего ангела. Уникальный экземпляр.

Приближается бунт, подумал Клеменс. Съемочная группа в шаге от открытого восстания. Они не могут дождаться, когда выберутся отсюда. Наверху ждет солнечный свет. Все буквально жаждали его. И Хаксли хочет их задержать?

— Ты говоришь это каждый раз, стоит натолкнуться на какую-нибудь кость или тело, — возразил Клеменс. — Съемки закончены. Теперь вперед, вверх. Мы должны еще пройти много миль, прежде чем устраиваться на ночлег.

— Ты не понимаешь, — настаивала Хаксли. — Крылья у человека! А вчера мы видели одного с жабрами, как у земноводного. А на прошлой неделе — женщину-рептилию.

— Что ты пытаешься мне доказать? Это ж хейдлы. Мутанты. Здесь их тьма-тьмушная. Тысячи. Кроме того, ты уже защитила диссертацию, док.

Чего ты хочешь? Нобелевской премии?

— Не знаю, — ответила она. — А ты? Второго «Оскара»?

Клеменса злили вовсе не амбиции Хаксли. Когда все закончится, каждый постарается выжать из экспедиции максимум возможного. Он уже несколько месяцев выслушивал грандиозные планы. Байдарочники собирались разместить рекламу в журналах «Аутсайдер» и «Мэнс джорнал», чтобы привлечь любителей приключений. В подземных туннелях имелись темные стремнины и пороги четвертой категории сложности, а также речные берега из отполированного белого мрамора. Кинооператор мечтала открыть художественную галерею и опубликовать книгу — подарочное издание большого формата с фотографиями преисподней. Три альпиниста намеревались объединиться, основать венчурный фонд и вернуться для разведки потрясающих золотоносных жил, которые они трогали руками, но были вынуждены оставить позади.

Другими словами, здесь, внизу, зарабатывались деньги и слава. Хаксли ничем не отличалась от других. Настрадавшись в темноте подземного мира, доктор хотела своей доли пирога. Все дело в том, что женщина не умела себя вести. Тот факт, что она была подругой Куинна, вовсе не делал ее исключением из правил. Здесь распоряжался Клеменс. А все остальные, в том числе отчаянные альпинисты, спрашивали у него разрешение заработать на экспедиции. Но не Хаксли. Она вела себя так, словно Клеменс отнимал законно заработанное.

— У нас уговор.

— Какой уговор?

— Я в экспедиции в качестве ученого.

— Ты пошла как врач, — возразил Клеменс. — Твоя работа — лечить больных и раненых.

— Ты говорил, что мы останемся тут еще на одну ночь.

Клеменс смотрел сквозь не.

— Конец дискуссии, — отрезал он. — Мы уходим.

— Я остаюсь.

— Одна? Здесь? — Осветительные патроны тускнели, и тени подступали со всех сторон.

— Ты не ученый, — сказала Хаксли. — Тебе не понять.

Клеменс задумался, но не о том, чтобы остаться с ней, — размышлял, как от нее избавиться. Он не вчера родился. Понятно, что наверху Хаксли попытается обвинить его в убийстве. Затеет судебное преследование. Добьется ареста имущества. По крайней мере, этим она ему угрожала.

Клеменс пожал плечами.

— Занимайся своими обязанностями, док.

Хаксли заморгала. Это был блеф. Но теперь уже поздно. Клеменс улыбался ей улыбкой крокодила.

— Хорошо, — сказала она. — Я займусь своими обязанностями. С тобой или без тебя.

— Мы будем на тропе, которая ведет вверх, — сообщил Клеменс. — Пройдешь через водопад и увидишь туннель. Не забудь.

— Это займет пару часов. — Хаксли вскинула голову. — Я догоню вас.

— Уж постарайся. Не опоздай на автобус. Теперь никто никого ждать не будет. Закон джунглей, Хаксли. Каждый сам за себя. Поняла?

Женщина во все глаза смотрела на него, как будто он только что признался в убийстве.

— Я догоню вас до наступления ночи.

«Ночь». Еще одна странная метафора. Даже в этом месте, лишенном света, люди цеплялись за привычные понятия, называя часы бодрствования днем, а время сна ночью. Несмотря на то, что их тела забыли, что такое солнце, а сны снились в окружении полутонов тьмы.

Они оставили Хаксли в неярком круге света.

«Спи, милая принцесса», ^[1] — подумал Клеменс.

Мысленно он уже добавлял в сценарий скорбные строки о еще одной потере — докторе Хаксли.

Три дня они петляли по городу, отсняв огромное количество пленки. Это место напоминало Помпеи, с одной лишь разницей: мертвые не погребены в толще вулканического пепла, а висели в прозрачных наплывах. Болезнь убила их, а минеральные осадки обессмертили. Сотни и тысячи тел висели в отложениях углекислого кальция. Три ночи съемочная группа провела над тем местом, где нашел последний приют уродливый варвар. Теперь они свободны.

Выход из пещеры закрывал гигантский водопад. В воздух взмыла осветительная ракета. Водяная пыль расцвела многочисленными радугами, отмечавшими траекторию падения ракеты.

— Боже... — пробормотал один из байдарочников. Этим было все сказано.

Как и обещал дневник монахини, туннель находился сразу за центральным водопадом. Пещеры внутри пещер, соединяющиеся с другими пещерами. Слово швейцарский сыр.

Клеменс хотел, чтобы съемочная группа установила камеру и сняла, как он входит в туннель. Все сделали вид, что не слышат. Режиссер ждал, когда ворчание и хмурые взгляды выльются в открытый бунт, и вот теперь,

когда это произошло, даже испытал облегчение. Наконец отпала необходимость в дальнейших угрозах. Можно просто подниматься.

Тропа уводила все выше и выше, гигантскими кругами. Ступени лестницы, вырезанные в скале подземной цивилизацией, которая, по мнению некоторых ученых, существовала здесь двадцать пять тысячелетий назад, стерлись до едва заметных выступов. Камень был скользким от влаги, приносимой теплым ветром, постоянно дувшим в спину.

Довольно скоро Хаксли передумала и решила догнать остальных. По этой причине Клеменс шел последним. Ее голос стал доноситься уже через час, но слышал его только Клеменс. Слов он разобрать не мог, но понял, что женщина явно напугана. Может, сели аккумуляторы? Хотя, скорее всего, Хаксли не могла найти вход в туннель. Растяпа.

Вскоре голос стал таким слабым, что на него можно было не обращать внимания. Почти. Шепот все же достигал его ушей.

— Джошуа...

Как ей это удается?

Стены туннеля сближались. Поток теплого воздуха снизу иссяк. Клеменс почувствовал, как пространство схлопывается вокруг него — звуки теперь распространялись иначе. Казалось, все стало ближе.

— Джошуа...

Он не обращал внимания.

На всем пути Клеменс постоянно искал мусор, кости и другие следы первой экспедиции. Ее финансировала корпорация «Гелиос», и в ней были ученые, солдаты и носильщики — всего более двухсот человек. Их путь начинался под Галапагосскими островами.

Клеменс и его съемочная группа из девятнадцати человек преодолели шесть тысяч миль — шли пешком, карабкались по скалам, сплавлялись на плотах. Они повторили путь экспедиции «Гелиоса», находя ее следы и восстанавливая картину постепенной гибели по рисункам на стенах, мусору, засохшим экскрементам, а ближе к концу и по костям. Куинн сравнивал обреченных исследователей с Льюисом и Кларком, пересекавшими Америку, — разве что их маршрут был втрое длиннее. Их тоже убили аборигены, эти так называемые хейдлы из геологической преисподней. Выжили только фон Шаде и разведчик экспедиции; они могли рассказать, что произошло, но предпочитали молчать. Разведчик исчез, не сказав ни слова. Монахиня сначала лечилась, потом замкнулась в науке. Тайна ждала раскрытия.

«Нашел — мое», — подумал Клеменс. Теперь эта история принадлежит ему: обрывки дневников и журналов, клочки форменной

одежды, сломанные инструменты, а также продолговатые черепа, установленные на сталагмиты, и кости хейдлов, лежащих там, где их настигла болезнь... Все собрано и записано на широкоформатной пленке.

Карабкаясь вверх, они находили эмблемы хейдлов, вырезанные в камне. Одна из них указывала им путь. Простая, повторяющаяся спираль. На протяжении многих месяцев им встречались разные варианты этого символа, похожего на след от вспышки, только более изящные и витиеватые. И чем ближе они подходили к городу, тем сложнее и запутаннее становились спирали. Здесь, например, спираль была так искусно вплетена в арабеску, будто ее хотели спрятать.

Клеменс до сих пор не мог поверить, что дикие хейдлы некогда создали империю, включавшую весь этот лабиринт из ходов и туннелей. Когда человечество еще только училось добывать огонь, хейдлы уже строили огромный город, никогда не видевший солнца. Некоторые специалисты даже утверждали, что хейдлы обучили людей основам сельского хозяйства и металлургии.

Многие встретили это утверждение в штыки: «Они учили? Нас?» Теперь, проведя некоторое время под землей, Клеменс все понял — и ужаснулся. Почему бы не позволить скоту выращивать себе пищу, размножаться, скапливаться в городах и деревнях? Пусть нагуливают жир, прежде чем их утащат вниз.

У развилки группа остановилась на ночлег. Ни слова не говоря, мужчины и женщины сбросили рюкзаки и расстелили спальники. В дневнике монахини ничего не говорилось о том, что тропа разветвляется. И вообще там практически не описывался путь наверх. По всей видимости, фон Шаде пребывала в шоке после плена и освобождения. Или намеренно скрывала место, где в Новой Гвинее туннель выходит на поверхность.

Бобби, еще одна дамочка себе на уме, решила взять инициативу в свои руки и разведать путь, по которому они пойдут завтра. Через несколько минут ее отчаянный крик эхом отразился от стен туннеля. Все мгновенно вскочили. Без колебаний. На свет явилась разномастная коллекция ружей и пистолетов.

За восемь месяцев им ни разу не пришлось стрелять. Здесь не было ни одной живой мишени. Тьма подверглась стерилизации. В преисподней им никто не угрожал. Произошло изгнание дьявола, как предпочитали выражаться некоторые. Пандемия уничтожила хейдлов.

Бобби нашли в широкой впадине, притихшую и напуганную — бледность проступала даже сквозь обесцветившуюся за время пребывания под землей кожу лица. Она махнула рукой, указывая вверх по тропе.

Клеменс смотрел, как женщины окружили подругу, а мужчины плотной группой, с оружием на изготовку двинулись дальше.

— Господи, помоги... — послышался мужской голос.

По обе стороны тропы выстроились длинные ряды человеческих мумий. Всего их было тридцать, и на многих еще сохранились остатки ремней, ботинок и военной формы... с нашивками на рукаве в виде солнца с крыльями, логотипа корпорации «Гелиос».

— Наконец-то, — произнес Клеменс.

Все недоуменно уставились на него.

— Что?

— Потерявшийся дозор, — пояснил он. — Я все думал, куда же они подевались.

Последние триста миль съёмочная группа Клеменса то и дело натыкалась на останки ученых из экспедиции «Гелиоса», но среди них не было солдат. И вот наконец телохранители — высушенные и выставленные на публичное обозрение, с торчащими из них стрелами и копьями, с разного рода смертельными ранами. В одном из черепов застряло черное лезвие обсидианового топора с обломанной рукояткой.

— Что это? Что здесь произошло?

— Таксидермия каменного века, — объяснил кто-то.

— Последний рубеж Кастера, ^[2] старик.

— Как грешники в аду, — пробормотал звукооператор.

Похоже, они действительно страдали — связанные веревками, с отвисшими челюстями и съездившейся на костях плотью. Сборы проклятых. Не удивительно, что люди боялись подземного мира. В субтерре на самом деле существовали пытки, о которых рассказывали легенды.

Вот он, кульминационный кадр, подумал Клеменс.

Они бродили вдоль рядов, словно посетители мрачного музея, и освещали фонарями то одну, то другую мумию. Солдаты казались Клеменсу какими-то странными, похожими на больших насекомых с бочкообразной грудью и выпученными глазами.

Затем он увидел разрезы. Грудные клетки выглядели огромными из-за маленьких животов. Людей выпотрошили. Глаза вырвали, а вместо них вставили круглые белые камни, смотревшие в вечность. На иссохших бедрах и бицепсах виднелись такие же надрезы, нечто вроде ритуальных увечий.

У ног солдат лежали штурмовые винтовки с расщепленными прикладами — видимо, их сломали в поисках дерева, горючего материала.

Только приклады были пластиковыми. Разбитыми вдребезги. Клеменс буквально чувствовал атмосферу ненависти. Хейдлы презирали этих людей.

— Что это?

— Господи, сердце. Они привязали сердце к его бороде.

Клеменс приблизился к мумии. Совершенно верно: высохший мешочек мускулов был сердцем, вплетенным в бороду мужчины.

— Но почему они его не съели? — спросил Клеменс. — И где остальные части тел?

— О чем ты? — Бобби удивленно уставилась на него.

— Здесь было не меньше двух тысяч фунтов свежего мяса, — ответил Клеменс. — Но хейдлы не стали их есть, а высушили и выставили на обозрение. Хотел бы я знать, зачем им эта морока с консервацией трупов?

Подземным миром правил голод. Тут не пропадало ни грамма белка. Судя по тому, что видела съемочная группа, останки ученых и даже хейдлов всегда обглаживались до костей, а кости разбивались в поисках костного мозга. Тем не менее тела солдат остались целыми — в основном.

Настроение было подавленным. Клеменс слушал разговоры, пытаясь понять смысл подобной жестокости.

— Может, предупреждение? — предположил один из альпинистов. — «Берегись». «Осторожно, злая собака». «Здесь водятся драконы».

— Такой обычай существовал у римлян. Они распинали пленников вдоль дорог, ведущих в город. Вроде как в назидание.

— Нет-нет, больше похоже на трофеи. Сувениры с поля боя.

— Зачем они проделали это с глазами?

— Черт, смотрите, они еще и кастрированы. Эти подонки отрезали им яйца.

Последнее обстоятельство всех разозлило, особенно мужчин.

— Точно, но ради всего святого, зачем?

— Думаешь, хейдлы все еще здесь?

— Ты же видел город. Они погибли. Мертвы.

— А вдруг кто-то выжил?

— Невозможно.

— Выжившие есть всегда.

— Она права. Все это одно гигантское убежище.

Лучи фонарей разлетелись в разные стороны, обшаривая тьму.

— Невозможно.

Людьми овладел страх.

— Принесите камеру и звукозаписывающее оборудование, — сказал

Клеменс. — Единственное, что мы можем сделать, — снять их на пленку, сохранив для потомков.

На этот раз никто не противился приказу. Они ушли все вместе, оставив Клеменса одного. Режиссер стал прикидывать угол съемки и сочинять комментарии. «Камера скользит слева направо». «О них, о горсточке счастливых, сыновей и братьев».^[3]

Нет, поправил он себя. Люди приходят в широкоформатный кинотеатр не для того, чтобы слушать Шекспира. Им нужна сенсация, шок, потрясение. Клеменс начал снова.

«Лицо мумии крупным планом. Камера отъезжает, показывая мертвецов. Я выступаю из их шеренги».

«С незапамятных времен человек воевал с тьмой...»

Клеменс двинулся вдоль ряда мумий, выискивая подходящее лицо. Блестящие оскаленные зубы. Выпученные каменные глаза. Чернобородый, решил он. Тот самый, со свисающим с подбородка сердцем.

Он подошел к выбранному мертвецу и втиснулся между двумя телами. От стены веяло прохладой. Исходивший от мумий запах вызывал ассоциации с кожаной мастерской. И спортзалом. Даже мертвые, они не перестали пахнуть. Кожа и пот. Высушенные, как обертка кукурузного початка.

— Джошуа...

Шепот заставил его вздрогнуть. Неужели голос Хаксли слышен и тут? Или кто-то другой издевается над ним?

Клеменс поспешно отодвинулся от стены, подальше от мумий.

— Кто здесь?

Он направил луч фонаря в туннель, пытаясь найти шутника. Никого.

— Джошуа...

Снова шепот. Клеменс осветил оскаленные лица мумий. Воздух, решил он. Проходит по туннелям, издавая звуки, иногда похожие на свист и вздохи. И всего лишь. Шепот — это просто движение воздуха.

Посреди ночи Клеменс вдруг проснулся. Сел, потрянул головой и огляделся. Вчера вечером они выбрали для ночного освещения химические патроны оранжевого цвета. Его маленькое племя спало, сбившись в беспорядочную оранжевую кучу — руки и ноги переплетены, голова к голове, дыхания смешались. Бастион из произвольных подергиваний и храпа. И оружия.

Стремление сбиться в кучу превратилось в рефлекс. Днем это был отряд храбрецов, мускулистых, хвастливых, готовых сражаться с каждой

скалой, каждой рекой, протиснуться в любую расщелину, попадавшуюся на их пути. Ночью же они жались друг к другу, словно потерявшиеся в лесу дети.

— Джошуа...

Звук доносился издалека, тихий, едва слышный, больше похожий на выдох. Клеменс окинул взглядом спящих людей. Это не они. Шепот приходил извне, оттуда, где кончался круг оранжевого света.

И вот снова.

— Джошуа...

Такой тихий, будто звучит у него в голове. Может, это сон? Нет, теперь он точно проснулся.

— Что? — Клеменс старался говорить тихо.

— Джошуа...

Голос зовет его. Там кто-то есть.

Клеменс сосчитал людей и понял, что одного не хватает. Потом вспомнил о Хаксли. Она так и не появилась. Увлеченные мумиями, все о ней забыли.

— Хаксли? — шепотом позвал он.

Одна из женщин пошевелилась. Подняла голову.

— Что случилось?

— Ничего, — ответил Клеменс. — Спи.

Глаза женщины закрылись.

Он сидел еще несколько минут, внимательно прислушиваясь. Но в туннеле вновь стало тихо. Тогда Клеменс лег и попытался заснуть. Бесполезно. С голосом или без него, Хаксли уже не шла из головы. Женщина осталась там и, возможно, заблудилась. Ей страшно. Она ведь просила остаться. Смотрела умоляющим взглядом.

Промучившись полчаса без сна, Клеменс вздохнул и поднялся. В совесть он не верил. Но голос не давал ему покоя. Проклятье! Приведи ее. И тогда можно рассчитывать на ее благодарность.

Клеменс встал и на цыпочках вышел из оранжевого круга. Нет смысла никого будить. Утром он вернется и притащит Хаксли. Еще один бунтарь в его коллекции.

Направляясь к туннелю, Клеменс вдруг представил, что его проглатывает гигантская глотка, и едва не вернулся за обрезом. Но колени у него подгибались и без дополнительного груза. Кроме того, последние шесть тысяч миль они не встречали живых существ крупнее лобстера. «Сатана мертв. Да здравствует... что-нибудь».

Он спускался по туннелю. Грохот водопада усиливался.

Хаксли ждала прямо у входа в туннель. В луче фонаря Клеменса возникло ее лицо с выпученными глазами. Вид у нее был какой-то удивленный.

— Предупреждал же, чтобы не оставалась, — сказал Клеменс.

Она ничего не ответила. Дуется. Наверное, голодная. Непросто будет тащить ее вверх по туннелю.

Но Клеменс все равно был доволен, что вернулся за ней. Этот эпизод он включит в сценарий — рассказ о ночной спасательной экспедиции. Не важно, что спуск занял у него меньше трех часов. Он превратит их в восемь. Часов? Дней. Нужно выжать отсюда все, что только можно. Люди восславят его сострадание. Обозреватели отметят, как он заботился о съемочной группе. Не смог спасти всех — «бедный Куинн», — но пытался. На конкурсах пригодится все.

Хаксли продолжала пристально смотреть на него, не делая попытки подняться по тропе.

— Пошли, — сказал Клеменс, спускаясь к ней.

Она не отрывала от него глаз.

— Может, пойдем, Хакс?

Клеменс остановился. Теперь он увидел кровь на каменном выступе между ног женщины. Ее рот был зашит. Хаксли насадили на сталагмит, словно на кол.

— Господи Иисусе... — пробормотал Клеменс и попятился.

Глаза Хаксли следили за ним. Немыслимо. Она еще жива.

— Джошуа...

Клеменс полоснул лучом фонаря по обступившей его тьме. Тьма расступилась. Затем снова сомкнулась. Стены блестели от испарений водопада. Там была расщелина. И в ней что-то шевельнулось. Клеменс направил туда луч.

На него смотрели блестящие глаза. Лицо. Снова прозвучало его имя, на сей раз громко:

— Джошуа.

Клеменс вздрогнул.

— Что?!

Молчание. У Клеменса мелькнула мысль, что это ожил и освободился его приятель хейдл, замурованный в отложениях кальцита. Но глаза были розовыми. И никаких рогов на голове. Только копна сальных, спутанных волос и борода, не стриженная много лет.

Существо вынырнуло из утробы расщелины.

Послышался скрежет камня о камень. К величайшему изумлению

Клеменса, на незнакомце были доспехи из нефрита. Зеленые пластинки позвякивали, словно подвески на люстре.

Из каменной трубы, идущей вверх, донеслись крики. Похоже на щенячий визг. Причем мужские голоса звучали даже пронзительнее женских.

«Нет! Не может быть! Сгинь!» Клеменс попытался взять себя в руки. Это невозможно. Город мертв. Уничтожен. Там одни кости.

Клеменс вспомнил о камере. Пятясь, он невольно думал о том, какой это был бы великолепный кадр. В глубинах бездны, в городе затерянных душ из сочащегося водой камня... из праха восстает Сатана.

ДОКУМЕНТЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР О СУБТЕРРЕ

Сознавая, что в интересах всего человечества субтерра должна и впредь всегда использоваться исключительно в мирных целях и не должна стать ареной или предметом международных разногласий; признавая существенный вклад, внесенный в научные познания благодаря международному сотрудничеству в научных исследованиях в субтерре; и т. д. ... правительства, подписавшие договор, согласились о нижеследующем:

Статья I [Использование субтерры только в мирных целях]

1. Субтерра используется только в мирных целях. Запрещаются, в частности, любые мероприятия военного характера, такие как создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, а также испытания любых видов оружия.

Статья IV [Территориальные претензии]

1. Все ранее заявленные права или претензии на территориальный суверенитет под международными водами океанов и морей приостанавливаются на время действия настоящего договора.

2. Все ранее заявленные права или претензии на территориальный суверенитет в пределах существующих границ суверенных государств имеют силу в пределах данных территорий.

3. Ничто содержащееся в статье IV относительно территориальных претензий не отменяет статью I. Запрещаются любые мероприятия военного характера как под океанами, так и под территорией суверенных государств.

Семь лет спустя

Остров Святого Матфея, к западу от Аляски

— Мама?

Слабый голосок плыл в голубоватом тумане.

Али выпрямилась в длинной траншее. Всю прошлую ночь шел дождь, и осока стала изумрудно-зеленой. Грязные кости покрылись белыми каплями.

Минуту она стояла неподвижно, прислушиваясь и пытаясь понять, что означает преследующий ее голос. Сердце как эхокамера. Воспоминания не оставляют тебя. Али уже примирилась с этим. Но прошло уже семь лет после смерти дочери. Мэгги наконец отпустила ее.

Дело в костях, решила Али. Во всех этих детских костях.

— Мэгги? — прошептала она.

Туман молчал. Ощущение чьего-то незримого присутствия исчезло. Али опустила взгляд. Желтые галоши блестели рядом с грудой ребер и черепов.

— Спи, малыш.

Али вернулась к работе. Лето подходило к концу. Через несколько недель остров вновь окажется во власти ветра и льда. Мертвые смогут обрести покой.

Эти раскопки, как и многие другие, напоминали мелиорационные работы: траншеи, лопаты, веревка и колышки с разноцветными флажками. Кроме костей здесь нашли обычные глиняные черепки, резные побрякушки и всякую мелочь давно минувшей эпохи. Ни Вавилона, ни потерянной Атлантиды, ни царского золота. Только загадка.

«Математика-3», как они называли третью зону раскопок на острове Святого Матфея, была заурядным, можно даже сказать, жалким местом. Тем не менее оно могло изменить представление об истории человечества. Али предстояло разгадать тайну убийства детей, живших во время ледникового периода.

После семи месяцев работы при свете незаходящего солнца они приблизились к разгадке. Али чувствовала это. Кости явно вели ее куда-то. Правда, продвижение вперед означало, что нужно стать на точку зрения... хейдла, а не человека. Однако ей все еще мешал барьер «сейп».

«Сейп» — сокращенное название *Homo sapiens*, а под барьером

подразумевались укоренившиеся представления. Наверное, должно пройти еще одно поколение, прежде чем люди наконец признают, что до недавнего времени они сами и их предки делили планету с другими существами, некогда превосходившими их. Формально оба вида относились к человеческой расе, но этот факт сильно обижал обывателей, которые проводили границу между людьми и хейдлами.

Прошло чуть больше десяти лет со времени открытия Субтерры. Именно тогда стало ясно, что Homo hadalis (человек бездны) намного опередил своих дальних родственников на территории древней Европы, Азии и Америки, а также на этих островах, представлявших собой остатки перемычки, некогда находившейся на месте Берингова пролива. Археологи поспешно вернулись к тому, что уже считалось полностью исследованным, — древним преданиям, пирамидам, мусорным кучам — в попытке понять, как они могли пропустить целую эпоху в истории человечества. Углубляясь дальше и проникая за барьер «сейп», исследователи постепенно раскрывали картину взаимозависимости, соперничества и борьбы рас, живших в эпоху, отстоящую от нас на двадцать тысяч лет и даже больше.

Но и в свете этой археологической лихорадки с островом Святого Матфея не связывали особых надежд. Безлюдный клочок земли, точка посреди сурового моря. Перед Второй мировой войной береговая охрана США построила здесь базу, просуществовавшую всего три года. В перерывах между штормами отважный моряк Джонс пешком исследовал остров и наткнулся на странные петроглифы, наполовину засыпанные землей, — у подножия поросшего травой холма, где теперь стояла Али.

Вскоре после этого Джонс убежал в «самоволку». Только приехав сюда, Али поняла, насколько странной тут выглядела самовольная отлучка. Остров отрезан от мира ледяным морем. Вплавь пересечь его невозможно. Плот мгновенно унесет волнами. Самая высокая растительность едва доходит до щиколотки. Ни спрятаться, ни убежать. Али решила, что это либо преступление, либо самоубийство. Во всяком случае, командир сообщил о найденных Джонсом глифах как об «эскимосских каракулях», и затем о них благополучно забыли.

Около года назад один аспирант — откуда-то с севера Испании — наткнулся на старый рапорт береговой охраны с черно-белыми фотографиями. Предположив, что на снимках запечатлена письменность хейдлов, юный Грегорио Монтана принес их в Институт человека, детище Али. Короче говоря, все закончилось этими раскопками, задержавшимися из-за тумана.

Али была лингвистом, а не археологом и приехала сюда в поисках глифов, а не костей. Но когда они все вместе сняли толстое покрывало из лишайника — ее каприз, высказанное шепотом предположение, — то увидели кости. С тех пор останки не давали покоя Али.

Сорок три детских скелета лежали в ряд у подножия холма с исписанной глифами каменной стеной. Дети — все девочки, все жившие в эпоху ледникового периода — были умерщвлены в процессе ритуального жертвоприношения. Даже неопытный глаз Али увидел характерные зарубки от ножа на передних поверхностях шейных позвонков.

— Вот вы где, Александра.

Голос вывел Али из задумчивости. Из тумана вынырнул самый красивый мужчина, которого ей только приходилось видеть. Причем дело не в личном вкусе. Некоторые существа просто рождаются совершенными. Одним из таких существ был Грегорио — с длинными черными волосами и высокими баскскими скулами.

— Мы будто в прятки играем, — сказал он, указывая на туман в качестве объяснения. Впрочем, Грегорио имел в виду и поцелуй. Вчера вечером дело дошло и до этого. Одно легкое прикосновение, пожелание спокойной ночи. Достаточно, чтобы земля разверзлась под ногами. — Ты слишком любишь одиночество.

Али увидела зажатый в его кулаке букетик полевых цветов. Грегорио приступил к осаде.

— Пытаюсь разобраться. Пока не поздно, — ответила Али и махнула рукой в сторону костей. Но она имела в виду и поцелуй.

По какой-то непостижимой причине этот античный бог решил по уши влюбиться в женщину, которая на четырнадцать лет и три месяца старше его. В женщину, которая была монашкой, прежде чем стать матерью, никогда не венчавшуюся жену, вдову, чей муж, вполне возможно, еще жив. Али колебалось: то ли отчитать Грегорио, то ли убежать. Или броситься ему на шею. А самое главное, Грегорио сам не знал, что с собой делать.

— Да, — кивнул он, поворачиваясь к костям. — Пора уложить деток спать на зиму.

Не имея возможности должным образом провести раскопки, они решили оставить скелеты на месте и вновь накрыть одеялом из лишайника. Следующим летом сюда приедет более многочисленная экспедиция, чтобы заняться костями.

Словно только что заметив букет в своей руке, Грегорио положил цветы рядом с черепом. Этот жест снял напряжение. Двусмысленность исчезла, и теперь они с Али могли обсуждать тайну костей.

— Не могу успокоиться, — сказала Али. — Зачем убивать этих детей? Какой ужасный был день.

— Жестокие боги. — Грегорио пожал плечами. — Еще один печальный факт в этом мире.

Али чувствовала его запах.

— Их так много, — сказала она. — Всех убили одновременно. И все девочки.

— Кровавая оргия. Дело рук хейдлов.

— Вот это и не дает мне покоя, — покачала головой Али. — Хейдлы тут ни при чем. В их мире не обнаружено ни одного случая жертвоприношения детей. Они были жестокими, однако, когда речь шла о пленниках, проявляли прагматизм. Женщины использовались для получения потомства. Мужчины становились рабами. Главным богатством считались дети. Они включались в жизненный цикл подземного мира. Их любили, особенно девочек. Пленники рассказывали о хейдлах, жертвовавших жизнью ради спасения человеческого ребенка.

— И у любви есть границы, — объявил Грегорио.

— Прощу прощения? — Вчера вечером он заявлял прямо противоположное.

Остальные члены экспедиции называли его Греггом. Али же с самого начала отдала предпочтение полному имени. Оно звучало круглее и богаче. И создавало эффект присутствия — даже когда Грегорио не было в комнате. Кроме того, это его настоящее имя. Он, в свою очередь, называл ее Александрой. Алек-сандра. И Грегорр-ио. Али не сразу поняла, что их дружбу замечают или даже что это дружба. Но каждый, кто слышал мелодичное сплетение звуков, понимал: за ним что-то кроется.

— Я хотел сказать, что мы для них были просто животными, — пояснил он.

— Согласна. — Али кивнула. — Тем не менее жертвоприношение детей не в их правилах. Захват людей для хейдлов означал тренировку охотничьих навыков, экспедиции на поверхность и поддержание численности рабов. Основу их империи составлял рабский труд. Мы обнаружили своды законов, касающиеся обращения с рабами. Убийство раба считалось серьезным проступком. Как же тогда объяснить нашу находку? Сорок три ребенка одним махом — с перерезанным горлом, брошенные без погребения. И все девочки, которые могли бы им родить сотни детей.

Девочки, подумала она. Как ее Мэгги.

— Это зло, — очень тихо произнес Грегорио.

Он знал о Мэгги. И позволил Али выплеснуть свой гнев.

«Дыши», — приказала она себе. Наверное, этим утром ей нечего делать среди костей. Но день за днем давно погибшие дети уводили Мэгги из лагеря. Словно нуждались в матери. А ей нужна дочь. Все просто.

— Зла нет, — сказала Али. — Сатана мертв. Я видела, как его убили. Он был просто человеком в маске.

До известной степени тот инцидент закрыл последнюю страницу книги цивилизации хейдлов. Один человек, иезуит по имени Томас, уговорил ее принять участие в первой экспедиции под дном Тихого океана. Ей поручили выследить исторического Сатану. Священная миссия — так ей тогда казалось. Преисподнюю недавно открыли, Али была монахиней, а этот человек — священником. И только потом, после того как ее захватили хейдлы, Томас объявил себя тем бессмертным существом, на поиски которого сам ее отправил. Она попалась, клюнула на его смертельно опасную шараду — и стала свидетелем того, как его застрелили.

— Значит, он не был Сатаной. — Грегорио оглянулся на туман, словно его богохульство мог услышать басахаун, древний призрак его родины. — Потому что зло не исчезло из мира.

В такие минуты Грегорио казался Али очень юным.

— Зло не нуждается в имени, — ответила она.

— Нуждается, — настаивал Грегорио. — Мы не можем без дьявола. — Он коснулся сердца. — Вот здесь без него наполовину пусто.

— Почему? Потому что, если дьявол мертв, Бог тоже мертв? — Это был один из главных аргументов современных теологов. Мир переживал нечто вроде религиозного кризиса. Если у дьявола нет лица, то человек видит в зеркале лишь свое отражение. — В конце концов нам пора взрослеть. Теперь мы остались одни. Больше некого винить за все те ужасы, что с нами происходят.

— Значит, детям позволено умирать?

Грегорио обвел рукой скелеты.

Али перевела взгляд на букет полевых цветов, лежавший рядом с черепом.

— Я просто хочу сказать, что нет смысла возлагать вину на злых духов. Лучшее, что мы можем сделать, — дать слово самому мирозданию. Язык — вот наше спасение. Без него останется лишь хаос.

— Музыка, — сказал он. — Мне кажется, наше спасение в музыке.

Грегорио трудился над симфонией для доисторических инструментов. Это будет потрясающе и для глаз, и для слуха — флейты из костей и скрипки со струнами из жил.

— Слова или ноты. — Али коснулась каменной стены, опоясывавшей холм. — У нас остался единственный ключ к разгадке — глифы.

Изображения, которые начинались на высоте одного фута, тянулись по всей длине обнажившегося камня. Они напоминали сильно истертый пазл на каком-то инопланетном языке. Некоторые символы уже имелись в базе данных букв и пиктограмм хейдлов, которую вела Али. Остальные были такими древними, что, наверное, давно вышли из употребления.

— До сих пор не могу понять, как тому парню из береговой охраны удалось их обнаружить, — сказала она. — Что заставило его идти сюда через весь остров?

— Голоса, — уверенно ответил Грегорио.

— Голоса?

Али вздрогнула. Неужели он тоже их слышит?

— Не настоящие. Воспоминания. Наш друг Джонс слышал голос умершей возлюбленной, — пояснил Грегорио. — Я прочел это между строк рапорта его командира. Думаю, что, после того как она убила себя, на Джонса легло проклятие.

— Его подруга совершила самоубийство?

Али пропустила эту часть рапорта, обратившись непосредственно к старым черно-белым снимкам глифов.

— Она ждала от него ребенка. Девушка из очень религиозной семьи, а они с Джонсом неженаты. Вот и покончила с собой. И парень должен был последовать ее примеру — это лишь вопрос времени. Согласна?

— Необязательно.

— Джонс исчез в годовщину ее самоубийства. Все совершенно очевидно. Возлюбленная звала его. Джонс увидел призрак. Думаю, он прыгнул в море.

— Призрак?

— Да, знаю, предрассудки Старого Света.

— Ладно, разбитое сердце и чувство вины могут объяснить странствования Джонса, но не открытие, — сказала Али. — Что-то заставило его раздвинуть траву и найти глифы?

Похожее чувство подсказало ей снять покров из лишайника, под которым обнаружили кости.

— Удача. — Грегорио прижал ладонь к камню. — Сначала его, потом наша.

Али посмотрела на него, затем перевела взгляд выше, поверх его головы. Ночной дождь смыл клочок поросшей зеленью почвы, обнажив нечто, вырезанное в твердой скале.

— А это не лестница?

Грегорио взял лопату, но не смог достать ступеней. Он бросил лопату, и лезвие со звоном ударилось о камень.

— Подсади меня, — попросила Али.

— Хочешь залезть наверх? — Лицо Грегорио помрачнело. — Нет. Давай я.

— Просто подсади.

Она встала на его сложенные ковшиком ладони, затем на плечи и крепко ухватилась за дерн. Ее исчезнувший муж Айк, альпинист и скалолаз, справился бы без труда. Но Али не боялась показаться смешной. Извиваясь, она полезла вверх. Дерн соскальзывал со скалы.

— Довольно высоко, — заметил Грегорио.

Весь в комках грязи и мокрой траве, он стоял внизу, готовый поймать ее.

Спуск пугал еще больше, чем подъем. Взобравшись чуть выше, Али дотянулась до каменного выступа. Еще один кусок дерна оторвался и упал вниз.

— Здесь не одна ступенька. Целая лестница.

Края ступеней громоздились друг на друга, уводя вверх.

— Позови остальных, — сказала Али. — На вершине холма что-то есть. Или внутри.

— Я тебя не оставлю.

Сверху Грегорио казался таким маленьким. Справа и слева от него, наполовину скрытые туманом, тянулись аккуратные кучки костей. Их уложили у основания засыпанной лестницы. С высоты это было очевидно. Детей принесли в жертву тому, что скрыто внутри холма.

— Я не упаду, — пообещала Али. — Пусть начинают снизу. Раскопайте ступени.

— Не лезь выше.

— Обещаю.

Как только Грегорио ушел, она стала карабкаться вверх, сдирая дерн голыми руками. Холодная грязь скатывалась вниз мимо ног Али, но не попадала на кости; дети в безопасности.

Лестница уходила вверх, теряясь в тумане. Земля исчезла из виду. Холм не был естественным. Слой земли и лишайника скрывал массивные каменные блоки. Кто-то построил этот искусственный холм, а кто-то засыпал его. Зачем?

Вершина разочаровала — плоская, пустая, без всякого обзора. Из щелей между камнями торчат пучки травы. Повсюду разбросаны кусочки

голубой яичной скорлупы. Али сделала круг, ища остатки пирамиды, которая могла находиться на вершине холма. Потом нагнулась, чтобы внимательно рассмотреть длинную борозду, частично заросшую травой, — возможное свидетельство более поздней деятельности. Она вдавила пальцы в землю, затем услышала за спиной чье-то тяжелое дыхание и встала прямо.

Из тумана появился Грегорио, весь в грязи, с лопатой в руках. Из рта его вырывалось облачко пара. Далеко внизу океанские волны бились о невидимые утесы.

— Ну что?

— Не знаю. Глифы внизу принадлежат хейдлам. Наверное, это их аванпост, самая удаленная точка империи. Дальше на поверхности земли только пустыня ледникового периода. Но при чем тут человеческие жертвы? Может, они хотели при помощи крови остановить силы природы? Или предупреждали своих соперников-людей? Или... что?

Разгадка близка, но зима еще ближе.

— Мы еще не закончили, Александра, — торжественно произнес Грегорио и воткнул лопату в землю, не желавшую раскрывать тайну.

Земля беззвучно разверзлась под его ногами, и он провалился по пояс. Только что его голова и плечи возвышались над Али — и вот перед ее носом оказалась макушка. Человек без ног, крепко сжимающий волшебную лопату.

Али расхохоталась.

Грегорио состроил недовольную гримасу.

— Это смешно?

Он похлопал по грязи, доходившей ему до пояса.

Уязвленная гордость только усиливала комичность ситуации.

— Ладно, — смиловилась Али. — Давай руку.

— Не стоит. Я начну прямо отсюда.

Он принялся расширять дыру, счищая травяной ковер вокруг себя. Под ним оказались ступени, ведущие вниз, внутрь холма. Грегорио начал спускаться, затем поднял голову и увидел, что Али колеблется.

— Хочешь, отложим до другого раза?

У нее имелась масса причин остаться наверху. Тысячи людей ежедневно спускались под землю, навстречу судьбе, навстречу грезам. Для Али субтерра оставалась кошмаром. Преисподняя отняла сначала отца ее ребенка, а потом и самого ребенка. Отняла у нее жизнь или одну из жизней. По крайней мере, так ей казалось.

Али сделала научную карьеру, заглядывая в бездну, но издали, из

безопасного убежища, которым для нее стал институт в Сан-Франциско. Хотя в конце концов ей придется спуститься под землю. Все равно ее не покидало ощущение, что она уже наполовину рассталась с этим миром.

— И всю зиму гадать, что там, внизу, — сказала Али. — Иди вперед.

В кармане у нее был фонарь — принуждение к действию, свет. Она протянула фонарь Грегорио.

Извилистая лестница уходила вниз. Рукотворное сооружение вскоре превратилось в канал древнего вулкана. Спуск стал естественным.

Награда не заставила себя долго ждать. Глифы, которыми были испещрены стены, находились в превосходном состоянии, не тронутые солнцем, дождем и ветром. Али и Грегорио спускались глубже.

— Вулкан похож на глотку, из которой вырываются слова песни. — Он осветил фонариком ряды символов. — Но что он пел? И кому?

— Ты обратил внимание на этот значок? — Али указала на глиф, напоминающий наклонную букву «N». — Он повторяется. И чем глубже, тем чаще — как ритм барабана, постепенно заглушающий остальные звуки.

Н

Вскоре на стенах остались лишь стройные ряды «N». Глиф словно дразнил Али. Казалось, это что-то знакомое. Она склонила голову набок. Глиф стал на место.

— Это алеф.

Грегорио поднялся к ней.

— Видишь? — Пальцем Али начертила современную букву «алеф» рядом с вырезанным на стене символом. — Первая буква семитского алфавита, непроизносимая. Но этот знак старше минимум на десять тысяч лет. — Али оглянулась. Буквы спиралью уходили вверх. — Какая красота!

Грегорио беспомощно молчал.

— Это символ молчания. Смотри, как молчание по мере подъема постепенно превращается в слова.

— Похоже.

Ее интуиция поразила Грегорио.

— Другого объяснения быть не может.

Она права. Али чувствовала это.

— Интересно, глубоко ли ведет ход? — спросил Грегорио.

— Если он соединяется с системой туннелей — в чем я не сомневаюсь, — то ты нашел новую точку входа. Можешь добавить свое

имя к списку первооткрывателей. Когда-то их было мало. А теперь пруд пруди — как покорителей Эвереста.

— Нужно идти дальше, — сказал Грегорио. Он уже попался на крючок.

— Что будем делать, когда сядет аккумулятор? Кроме того, на обед у меня только плитка «Луна». Ах да, еще бутылочка обезболивающего. — О приливах жара, которых опасалась, Али предпочла не говорить. — А у тебя? Комплект оборудования для спуска?

— Там найдется все, — ответил Грегорио. — Ты сама говорила.

— Найдется, но только для тех, кто знает бездну.

— Тогда веди. — Он протянул ей фонарь. — Это твоя территория.

— Все не так просто.

На самом деле спускаться не труднее, чем дышать. Возвращаться на поверхность — расставаться с преисподней и всеми ее тайнами — вот настоящее испытание.

— Перед нами дорога. Наша дорога. Подумай, Александра, что мы можем там найти.

— В другой раз.

— Хотя бы еще немного.

Далеко идти не пришлось.

Грегорио первым заметил тело. Замер на месте и перекрестился. Али обошла его и опустилась на колени.

Мертвец — скорее скелет, чем мумия — лежал у основания грубой каменной колонны. На нем был толстый вязаный свитер и форменные брюки.

— Бедняга Джонс, — пробормотала Али.

Сомнений быть не могло. Это парень из береговой охраны, их предполагаемый Орфей. Спустился на четверть мили и прилег вздремнуть. Может, умер, грезя о мертвой возлюбленной.

Грегорио снял куртку и прикрыл то, что осталось от лица Джонса. Затем выпрямился и удивленно присвистнул.

— А это что за штука?

Али проследила за его взглядом и направила луч фонаря на верхнюю часть колонны.

— Минотавр?

Перед ними громоздилась статуя высотой в два этажа — гротесковая с точки зрения классического искусства, получеловек-полузверь. Монстра вырезали из скрученной каменной колонны. От самого основания вверх поднимались спирали гранитных прожилок, похожих на веревки.

Скульпторы начали работу с брюха чудовища, оставив грубые сколы и отметины, но по мере подъема удары долота становились все точнее. В сущности, мастера лишь частично освободили человека-быка из каменного плена. Отполированными были только рога.

— Вот кто убил детей, — сказала Али.

— Сказочный монстр? — Грегорио обогнул колонны, словно мотылек.

— Тут присутствует алеф, — пояснила она. — Все сходится. Алеф и голова быка.

— О чем ты? Что за голова быка?

— Ох, кузнечик, — вздохнула Али. Эта одна из шуток, понятных только им, мудрому учителю и стажеру. Кончиками пальцев она начертила на стене эволюцию символа. — Финикийцы рисовали его с рогами.

К

— Вот голова, а вот рога. Потом рога превратились в ноги — один сдвинулся сюда, а другой туда.

Явно взволнованная, она торопилась поделиться своими мыслями.

— Алеф — прообраз первой буквы нашего алфавита, воплощение договора с силами природы. Это основа письменного языка, животное, превратившееся в символ, который, в свою очередь, стал буквой. Скромной буквой. Могущественной буквой. Начертанная на голове голема, эта буква оживила его. Ты знаешь, что алеф — первая буква мистического имени Бога в библейской книге Исхода? Иегова. Суций. «Я есмь Суций».

— Да, Александра. Но это не голем. И не Бог. Чудовище.

— Должно быть, это их бог, — предположила Али. Из полуоткрытого рта чудовища вырывался безмолвный рев, ставший языком. — Алеф сотворил плоть. Или камень. — Она произнесла одно слово на щелкающем языке хейдлов. Оно означало «старше-чем-старый». «Их бог, наш дьявол».

Благодаря случайному совпадению, всплывшему в памяти голосу дочери, Али как будто переместилась во времени на двадцать тысяч лет назад. Давным-давно простая буква алфавита жила в этих темных пещерах в виде культа некоего чудовища. Нет, вдруг поняла она, культ не умер много тысячелетий назад.

— Я уже видела этот символ. Чуть отличающийся по форме и заросший рубцовой тканью.

— Рубцовой тканью?

— Хейдлы вырезали его на Айке, когда взяли в плен. — Улыбка

сползла с лица Грегорио. Опять Айк. Хотя он, скорее всего, мертв. Как бедняга Джонс. — На пояснице, — прибавила Али. — Тавро хозяина, говорил Айк.

— Он принадлежал вот этому чудовищу?

Грегорио махнул рукой в сторону каменной колонны, словно хотел опрокинуть ее. Статуя осталась неподвижной. Казалось, монстр держит землю на своих плечах.

— Айк не имел представления, кто его хозяин и что означает этот символ. Не такой, как клейма других рабов. И это тревожило Айку, не давало покоя. Он вспоминал, что чувствовал себя сиротой, не знающим имени отца. Мне кажется, именно поэтому Айк оставил нас. — «Нас»: ее, Мэгги и всех братьев-людей.

Еще до рождения дочери, даже до того, как Али выбрала ей имя, Айк исчез — оставив дочь без отца, вернулся в подземный мир, чтобы узнать имя отца, который не был ему отцом.

Али и Грегорио молчали. Из темноты доносился стук падающих капель. Без него здесь было бы тихо, как в склепе.

Али посветила фонарем в туннель. Извиваясь, он уходил глубже.

— Пора идти. Остальные будут волноваться, куда мы пропали.

Грегорио вдруг озабочился ее репутацией.

— Да, идем. Нужно рассказать им о туннеле. — Он посмотрел на мумию. — А с ним что делать?

— Сообщим властям. А пока у бедного Джонса есть собственный склеп.

— Хорошо. Очень хорошо. — На лице Грегорио отразилось облегчение. Мертвецом займутся другие.

— Можешь забрать свою куртку.

Грегорио передернул плечами.

— Пусть остается. Ему пригодится для путешествия.

Они начали подъем. Примерно на полпути у Али возникло ощущение, словно кто-то тянется к ней, пытаясь удержать.

— Мама...

Али замерла.

Потом посмотрела вверх, на продолжавшего идти Грегорио. Тот явно ничего не слышал. Она направила луч фонаря вниз, пытаясь понять, откуда доносился голос. Каменный Минотавр, казалось, наблюдает за ней.

— Мэгги... — прошептала Али, ожидая, что голос послышится снова.

Тишина. «Спи, малышка». Повернувшись, она стала взбираться вслед за Грегорио вверх, к свету — не замечая, что вполголоса напевает

колыбельную.

ДОКУМЕНТЫ

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ КАНАЛ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ НА ПОГОДЕ

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ В ПРЕИСПОДНЕЙ

Устойчивый поток воздуха в туннелях будет продолжать охлаждать регион Ущелья девяти рек. Утром местами туман, днем ясно и не по сезону холодно. Максимальные температуры воздуха днем в районе 50 градусов. Минимальные температуры воздуха — те же.

Уровни рек — стабильные, в пределах нормы. Возможны внезапные наводнения.^[4]

Максимальная и минимальная температура воздуха в субтерре (на прошлой неделе):

Максимальная — 148 градусов, Уинк, Большие туннели, Арктические провинции.

Минимальная — 39 градусов, Нуэва Лока, протекторат Аргентины.

Опасности: быстро движущееся облако серы достигнет сети туннелей Хеннерс к концу сегодняшнего дня. Возможно расстройство обоняния. Труба 666 в зоне L закрыта из-за электромагнитных штормов.

Серьезные опасности: на территориях Синин — Нью-Торонто на глубине минус 3 мили зарегистрирован выброс метана, поднимающийся вверх. Метан горюч. Смесь с воздухом при концентрации от 5 до 15 процентов взрывоопасна. Метан не ядовит при вдыхании, но может вызвать удушье из-за снижения концентрации кислорода. Пользуйтесь респираторами. Соблюдайте меры противопожарной безопасности. Будьте внимательны и осторожны.

Удачной охоты!

Под дном северной части Тихого океана

Они сделали привал, прервав свой великий поход, — девять человек, передвигавшиеся в полной темноте, рассчитывавшие только на свои ноги. Замыкавший цепочку Ли лениво ощупывал наросты, покрывавшие его голову. Пальцы пробегали по напоминающим кораллы рогам, гладили бугры и шишки, вспучивавшиеся на черепе. Каждый день они слегка изменялись, становились все более выпуклыми. Костный шлем, как и сама экспедиция, жил своей жизнью.

Впереди кто-то негромко застонал. Уже три дня у него выходил камень из почки. Никто не собирался сбавлять темп, жалея беднягу. Каждый перенес жестокие мучения, но должен был держаться ради остальных. И держался. Боль не убьет, и ее можно вытерпеть — слишком большое расстояние требовалось преодолеть за ограниченное время. Они состязались в ходьбе с полчищами людей.

Ли уже не пользовался обонянием, чтобы чувствовать вторжение людей. Он просто ощущал его вкус в воздухе. Отвратительное зловоние поднималось по жилым туннелям. Ли и его товарищи уже много дней находили следы расширяющейся колонизации. Нечистоты и химикалии загрязняли подземные воды, спускавшиеся к ним. Они оставляли ожоги на коже и выворачивали наизнанку желудки. Человек был бедствием. Сорняком.

Ли хотелось увести их маленький отряд прочь от маячившей впереди цивилизации. Почти два года они пробирались по самым дальним ответвлениям самых глубоких лабиринтов, держась на шаг впереди от разрастающихся колоний. Пока еще не слишком поздно, пока орды захватчиков полностью не заполонили туннели, пронизывающие эту часть планеты, они посещали то, что осталось от народа, сохраняя свидетельства.

Минуя разрушенные города, Ли и его товарищи пробирались среди расписных акрополей и вырезанных в скале амфитеатров, среди шпилей из сталагмитов и проходов, украшенных надписями и рисунками. В глубоких каньонах, прорезанных подземными реками, они шли между гигантских статуй царей, чьи имена навсегда забыты. Древние каналы превратились в широкие каменные дельты. То, что было отнято у камня, вернулось назад.

Ли уловил почти неслышное постукивание лапок насекомого. Не

вставая с корточек, он медленно повернулся к стене. Зрение у него атрофировалось — или скорее изменилось, — но остальные чувства обострились. Обоняние реагировало на смену минералов. Ли мог определять форму предметов на слух, по тому, как отражается от них звук голоса. Чувствовал цвета, не видя их.

Снова постукивание — осторожный телеграф бегства. Насекомое почувствовало опасность. Слишком поздно. Молниеносным движением Ли накрыл его сложенной ковшиком ладонью.

Потом осторожно взял, еще живое, и тщательно обследовал. Ошибиться нельзя. У некоторых видов по кровеносным сосудам тек сильнейший яд. У других внутри имелись острые шипы, выходившие наружу уже в желудке. Этот безопасен. Длина и вес насекомого указывали на обычного пещерного жука. Ли назвал его *Coleoptera bailey*.

Быстрым движением пальца Ли убил жука. Оторвал крылья и голову с длинными усами, вскрыл туловище и извлек внутренности. Мясо и панцирь насекомого орехом хрустнули на зубах. Точно — жук.

Они никогда не отказывались от подобного лакомства. Насекомые, ящерицы, рыбы, змеи — все, что пережило мор и не было ядовитым, питало их экспедицию. Жизнь под землей изменила их обмен веществ. Ни у одного не осталось ни грамма жира. Спали они по три часа в сутки. Примерно один раз в пять дней Ли выделял небольшое количество твердого кала, который сушил и использовал в качестве топлива для костра — изредка они разжигали огонь.

Ли проникся ритмом бездны. Здесь был его дом. К сожалению, эти чувства разделяли далеко не все. Именно они вели их экспедицию к свету. Поддались ностальгии, превратившейся в бесполезное, одностороннее стремление. О них все забыли. А здесь, внизу, осталось еще столько интересного. Приходилось подчиняться воле большинства — ничего не поделаешь. В этом чужом мире сплоченность определяет все. Раскол равносильен смерти.

— Свет, — предупредил шедший впереди.

Человек с коралловыми наростами на голове прикрыл ладонями глаза. Вспыхнул яркий голубой фонарик. С минуту или около того фонарь казался слишком ярким, потом потускнел до вполне терпимого светового мячика.

— Джон! — окликнул сосед.

Джон Ли опустил руки и с удивлением стал рассматривать открывшуюся перед ним картину.

Его товарищи, одетые в лохмотья или набедренные повязки, выглядели коллекцией монстров. В сущности, они были *lusus naturae*, игрой

природы... бородатые, лохматые, с ранцами, рюкзаками, а также с помятыми и поцарапанными футлярами, в которых хранились научные приборы. У каждого имелись болячки, пятна грибка, укусы пауков и песчаных блох, шрамы в разной степени заживления, синяки, а также ожоги, приобретенные при пересечении интрамаргинальной горячей зоны. Но главное, что объединяло внешность людей, — это их уродства.

Преисподняя воздействовала на них по-разному. За много месяцев они привыкли к темноте, изоляции и постоянному голоду, получили представление о флоре, фауне, геологии и погибшей культуре субтерры, а Ли и некоторые другие даже полюбили этот подземный мир, который продолжал молча изменять их.

Они спустились сюда подготовленными — по крайней мере, им так казалось. Но датчики движения негодились, ведь тут не было крупных животных — не говоря уже о хейдлах, — от которых требовалось обороняться. Индикаторы радиации и детекторы газа предупреждали об известных опасностях, однако ничего не могли сказать о неизвестных. На собственной шкуре члены экспедиции узнали о нигде не описанных редких газах, кислотах, солях и жидкостях. После того как они вернутся на поверхность с собранными данными, таблицу элементов ждет существенное пополнение. Другими словами, исследователи невольно стали подопытными кроликами субтерры. Овчинка стоила выделки, но ученые не были первыми. Хейдлы подвергались подобным мутациям — и извлекали из них пользу — на протяжении тысячелетий.

Их называли костными деформациями. *Osteitis deformans*, или болезнь Паже. Костная ткань словно срывалась с цепи — начиналась либо ее дегенерация, либо неуправляемый рост. В результате у Ли и всех его товарищей деформировались черепа и появились рога причудливой формы. К счастью, новообразования не относились к злокачественным. Рост костей не распространялся на черепную полость. Интеллект не страдал.

Плохо было то, что вторая экспедиция НАСА под дно Тихого океана стала сборищем людей-слонов. Сворой демонов. Стаей горгулий. Они превратили это в игру, сидя в темноте и подшучивая друг над другом. Прайд огров. Шайка монстров. Банда чертей. Племя дикарей. Возможно, подумал Ли, костные наросты все же повлияли на их умственные способности.

Ли предпочитал термин «стайка» — как щеглы или соловьи. Лично он не видел ничего уродливого в их метаморфозах. Так Бог говорит с тобой через твоё тело. Тем не менее Ли понимал черный юмор товарищей. Непринужденные шутки скрывали страх. У большинства наверху остались

семьи. Люди выйдут из-под земли не такими, какими спускались. Узнают ли их жены и дети?

— Станция уже близко, — сказал Уотс, их руководитель.

У него была голова Медузы Горгоны с кальциевыми змеями. У сидящего рядом с ним Чайлдза, который держал в руке фонарик, — он знал больше анекдотов, чем любой из живущих в мире людей, — на лбу красовался единственный рог. В голубоватом пятне света Уотс развернул потрепанные карты.

На карты был нанесен кольцевой маршрут, занявший два года и возвращавшийся в исходную точку, на станцию Ситка под островом Баранова у берегов Аляски. Хотя пользы от них никакой. Исследователи знали, где они уже прошли, но не имели представления, куда направляются. Навигационная система GPS под землей не работала. Магнитный север не определялся из-за «гремлинов» — блуждающих магнитных полей. Большинство радаров не проникали в такие глубины. Рассчитывать приходилось только на радиоволны в коротком диапазоне, хотя и у них тоже наблюдались необъяснимые аномалии.

— Послушайте, мы не обязаны возвращаться, — сказал полуголый биолог в беговых трусах фирмы «Адидас».

— Знаем, Билл, — ответил кто-то из спутников.

— Можно идти дальше, — настаивал Билл. — Вниз. Глубже.

— Мы проголосовали.

— Вы только подумайте. Представьте все то, что нас ждет впереди.

Это правда. Никто не мог знать, какие чудеса еще встретятся им в глубине туннелей. Исследователи соприкоснулись лишь с крошечной частью подземного мира. И обнаружили, что он странен и прекрасен — как сон.

Ли вспоминал. Они пересекли бутыльно-зеленую пустыню, состоявшую из раскрошенного известняка, мелкого, словно сахарная пудра, и расцвеченную небольшими языками пламени. Пять дней ходьбы в пекле.

Приготовившись к усилению жары — поскольку внутренность Земли считалась горячей, — исследователи неожиданно спустились в холодные зоны, где лед грозил закупорить туннели. Это были ледники, окрашенные в розовые и оранжевые тона, настоящие ледяные поля с трещинами и планктоном. Да, именно планктоном из древних, погребенных под землей морей. Причем живым. Стоило растопить лед, и в микроскоп можно было разглядеть крошечные шевелящиеся организмы.

В одном из туннелей они босиком шли по анаэробному мху, который представлял собой крупнейшую форму жизни на планете — его размеры

исчислялись миллионами, а возраст геологическими эпохами.

Они находили кости странных животных, словно сошедших с полотен Иеронима Босха — или, наоборот, проникших отсюда в его картины. Разнообразие видов казалось просто невероятным, а уровень мутаций превышал все мыслимые границы.

Здесь, внизу, эволюция почему-то значительно ускорилась. И что самое удивительное, приобретенные черты передавались потомству наряду с наследственными. Полученные данные противоречили положениям дарвинизма и заставляли вспомнить о теории Ламарка, утверждавшей, что у жирафов, тянущихся за пищей, рождается потомство с более длинными шеями. Почти двести лет никто не вспоминал об этом учении. А тут имелись многочисленные доказательства того, что свиньи могут летать. Или хейдлы — по крайней мере, некоторые из них. Крылья. Перепонки на пальцах ног. Чешуя. Когти. Все, что угодно. И вправду удивительно.

А потом они увидели древние города, растворявшиеся под наступлением минералов: бесконечную сеть проходов, аллей, лестниц и мостов над темными реками... архитектуру некогда великого народа. А также их тела и кости. Десятки тысяч, пораженные мором и оставшиеся непогребенными. Поначалу Ли и еще несколько человек пытались соорудить братские могилы. Но останков оказалось слишком много, их захоронение отнимало силы, а будущие колонисты все равно выкопают кости, чтобы перемолоть в муку, которую используют в качестве удобрения или корма для животных.

По той же причине, когда несколько месяцев назад четверо членов экспедиции утонули в реке, остальные сделали все возможное, чтобы их могила походила на человеческую. Правда, Ли сомневался, что это остановит колонистов. Здесь, внизу, люди разоряли все, что могли. Под лозунгом прогресса. Опять «божественное предначертание», только теперь Дикий Запад находился на глубине четырех миль и пронизывал земную кору.

Что еще могло ждать их в глубинах планеты? Золото, слава, новые виды животных и растений, новые города? Пусть выясняют другие. Вторая экспедиция НАСА в субтерру собиралась домой.

Биллу никто не ответил. Все равно когда-то нужно возвращаться.

Ли приходилось сдерживать себя. Он тоже не прочь провести здесь еще долгие годы, исследуя извилистые ходы. Но в отличие от Билла Ли не стал бороться, когда большинство проголосовало за то, чтобы повернуть назад и начать отступление. Уже много месяцев он слышал, как товарищи бормочут во сне, страстно желая вернуться. Душевная боль непобедима.

Да, их великая экспедиция подходит к концу.

Команда геологов, биологов и ботаников отправилась составлять карту и описание регионов, лежащих под северной третью Тихого океана. Рано или поздно, независимо от их желания этот каменный фронт будет заселен и отдаст свои природные богатства. Истинные ученые-практики, все они, даже убежденные республиканцы, хотели бы сохранить эти дикие места в первозданном виде.

Под землей встречались чудеса, перед которыми оказывалась бессильной наука, и Джон лишь угадывал в темноте их назначение и форму. Он всегда гордился своим атеизмом, считая его мерой рациональности мышления. Теперь же оставалось иронизировать над тем, что настоящая, материальная преисподняя привнесла в его жизнь Бога.

Он презирал верующих ученых, которые, казалось, никак не могут определить свою позицию в споре: ревностно защищая теорию Большого взрыва, они тут же признавали возможность существования божественной искры. Ли приравнивал подобную эквилибристику к интеллектуальной шизофрении. К предрассудкам в очках с проволочной оправой.

Теперь же он, подобно студенту-биологу, был потрясен сбалансированностью, симметрией и загадочностью всего, что его окружает. Едва лишь науке удалось склостить приличное объяснение того, что происходит на земле, как этот новый мир в недрах планеты разрушил всю стройную конструкцию. Люди, познакомьтесь со своими давно потерянными родственниками. Похоже на неожиданную встречу с соседом, о котором вы не подозревали, но который с самого рождения пользуется вашим телом. Шокирующая встреча. Почему они до сих пор не сталкивались, живя рядом друг с другом на маленьком куске камня, вращающемся вокруг Солнца?

В древности составители карт рисовали вымышленные континенты под названием Австралия и Антарктика, служившие противовесом известным землям. А потом фантазия стала реальностью. Так случилось и здесь — тайное зеркало, превращавшее неизвестное в известное, внутренний мир как перевернутый внешний, темная правда, дополняющая ту, что озарена солнечным светом, идеальное равновесие камня, воздуха и животных.

Двойственная сущность этих открытий не давала покоя Ли, хотя он и не касался этой темы в разговорах с товарищами. Поначалу Джон отмахивался от своих размышлений о гармонии, считая их космологическим зудом, наследием китайско-американских корней. Со временем Ли обнаружил, что подобные мысли приходят в голову не только

ему — об этом думали и другие, причем довольно давно. Подтверждение — точное подтверждение! — было запечатлено в камне. Вырезано. Хейдлами.

Не будучи специалистом по криптографии или лингвистом, Ли не мог точно определить, что хотели сказать хейдлы своими глифами, письменами и прочими формами пещерного искусства. Вместе с другими исследователями он фотографировал самые интересные образцы и размышлял над значением той или иной руны или символа. Несмотря на кровожадность, хейдлы были, по всей видимости, весьма необычной расой. Они оставили стилизованные изображения цветов, животных, солнца и луны, а также фрески и рисунки, живописующие войны и человеческие жертвоприношения — вырванные сердца, отрубленные головы, содранная кожа. Совсем как у ацтеков.

А потом Ли нашел нечто, позволявшее заглянуть глубже и перевернувшее все его представления с ног на голову. Или вывернувшее наизнанку. У основания высокого обелиска был вырезан значок инь/ян. Ошибиться невозможно — круг с объединенными противоположностями... На пятнадцать или двадцать тысяч лет старше китайского символа.

Находка положила начало его, если можно так выразиться, симпатии к дьяволу. Ли изо всех сил сопротивлялся этому чувству. Только глупец может романтизировать хейдлов, представляя их благородными разбойниками. Всюду, куда ни бросишь взгляд, Джона встречала культура, основанная на рабстве и убийствах. Даже в период расцвета своей цивилизации они использовали людей как рабочий скот. Пиктограммы, статуи, железные цепи, наручники и клетки для пленников, чаши из человеческих черепов — все это свидетельствовало о садизме хейдлов, об их кровожадности и дикости.

Тем не менее только глупец мог не замечать цивилизацию, которую они сумели построить здесь, так далеко от солнца — или, если хотите, так далеко от Бога. Вот уже два года духи хейдлов беседовали с ним, но не через жалкие груды костей и плоти, а через великолепие руин.

Когда человечество еще только училось выплавлять железо и возделывать землю, хейдлы уже сооружали памятники императорам. Их микеланджело вырезали грандиозные барельефы, да винчи изобретали, ньютон постигали законы природы. Ли нашел математические формулы, вырезанные на плитах, заросших желтым и синим лишайником. Целые теоремы, записанные цифрами и символами хейдлов!

Во тьме вечной ночи династии правителей сменяли одна другую, а дальние родственники хейдлов, *Homo sapiens*, все еще бегали по

поверхности земли, до смерти пугая мастодонтов. Человек еще только начинал охрой рисовать бизонов на стенах пещер, а история хейдлов была уже написана и забыта. Причем история не только империй, но и религии. Ли не сомневался, что они верили в единого Бога.

Остальные исследователи отказывались даровать хейдлам Бога. Их по-прежнему оскорбляла мысль, что эти потомки *Homo erectus* опередили людей практически во всех аспектах. А человеческая цивилизация, по всей видимости, просочилась из-под земли на поверхность благодаря беглым рабам. Человек не был первым. Неужели эти мутанты, заурядные гоминиды, примитивные существа со скошенным лбом, эти живые ископаемые могли некогда превосходить нас? Ответом на этот вопрос стал Бог — по крайней мере, так говорили политики и проповедники, различить которых становилось все труднее. Мы просто обязаны чем-то отличаться от хейдлов, и люди ухватились за монотеизм как за великое событие, продвинувшее людей далеко вперед.

Но Ли проходил через громадные сооружения, которые могли быть только соборами и храмами той эпохи. Даже по прошествии многих тысячелетий в них сохранилась превосходная, чистая акустика. Голос стоящего спереди разносился по всему помещению. Чей это мог быть голос, если не епископа, раввина, имама или гуру хейдлов?

Чем же еще можно объяснить присутствие повторяющихся глифов, изображений и спиралей на стенах, которые ведут к самым грандиозным зданиям каждого города хейдлов? Доисторическое граффити, презрительно отмахивались от них его товарищи. А Ли знал, что это Бог. Хейдлы нашли здесь божественное. А как же иначе? Кто, кроме Бога, мог создать — и спрятать — мир, наполненный красотой и волшебством? Единственное, чего не мог понять Ли, — какому богу они поклонялись: богу света, богу тьмы или тому, кто объединял в себе весь подземный мир, включая сверчков.

— Еще немного.

Уотс встал. Остальные тоже поднялись. Похожие на кораллы отростки рогов устремились к потолку. После двух лет ходьбы их мускулистые ноги не знали усталости.

Билл остался сидеть на корточках. Он не пойдет со всеми. И этим обречет себя на гибель. Смерть придет к нему в виде камнепада, быстрого течения темной воды или ядовитого насекомого. А может, он просто умрет голодной смертью. С ним не спорили. Билл больше не существовал. Товарищи прошли мимо. Никто даже не пробормотал слова прощания.

Ли был последним в цепочке.

— Потом расскажешь — произнес он.

Билл улыбнулся, обнажив остатки зубов.

Впереди застонал Моррис, геолог с камнем в почке. Обезболивающие у экспедиции давным-давно закончились. В колонии есть врач и лекарства. Страдания подходят к концу.

Однако два дня спустя, когда они приближались к окраине ярко освещенной колонии, Ли понял, что страдания только начинаются. Билл прав. Нужно было идти вглубь.

Ни сигнала, ни предупреждения. Тишину туннеля разорвал выстрел, и Брукс, ботаник, осел на пол бесформенной грудой.

— Не стреляйте! — крикнул Уотс навстречу слепящему свету. — Не стреляйте! Мы друзья.

— Они разговаривают? — послышался мужской голос.

Ли и его товарищи стояли тихо, словно мыши. Даже тише. Почти как Вебер.

— Всем лечь! — Голос принадлежал другому человеку. — Живо! Носом в пол. Прижаться! Одно движение, и мы стреляем.

Через минуту Ли услышал звук шагов. Их было семнадцать. И они ели говядину — Ли чувствовал запах жира в порах их кожи. Дезодорант. Жевательный табак «Скоулз». Кварцевая пыль в шнуровке ботинок. Старатели.

— Этот готов. Ты попал ему прямо в глаз.

Брукс сильнее всех настаивал на возвращении. Пережил два года в туннелях, и всего в нескольких шагах от дома... Ему почти удалось вернуться.

Уотс быстро заговорил, умоляя и одновременно обвиняя:

— Мы вторая экспедиция НАСА. Космического агентства. Исследуем внутренний космос. Ученые. Не вооружены. Что вы наделали? Не стреляйте. Это станция Ситка? Мы вышли отсюда двадцать три месяца назад. Командует тут еще Грэм? Я хочу видеть начальника. Немедленно.

— Заткнись, — сказал здоровяк. — Успокойся.

— У него есть семья. А вы его застрелили. Успокоиться? Шесть тысяч миль. Мы были здесь. И вернулись. Что вы наделали?

Ли чувствовал запах мозга Брукса. Кровь ручейком текла мимо пальцев по полу туннеля.

— Хотелось бы увидеть документы, мистер.

— Там, в моей сумке. Возьмите, черт бы вас побрал.

Посоветовавшись, мужчины позволили им встать. Но винтовки по-прежнему смотрели в лицо, пальцы лежали на спусковых крючках.

— Скажи еще что-нибудь, — потребовал один из часовых.

— Сказать? — взорвался Уотс. — Вы убили человека. Хорошего человека. Вы спятили? Опустите оружие.

— Он говорит по-английски.

Ли все понял. Их принимали за хейдлов. Даже вблизи.

— Они люди?

— Что с вами случилось, парни?

— Впустите их, — распорядился здоровяк.

Остатки второй экспедиции гуськом вошли на территорию колонии, босые и ослепленные. Голова Ли пульсировала болью. Яркий свет резал глаза.

Дорога пролежала среди размытых теней, в окружении голосов. Ли явственно слышал их.

— Что это? Кто они?

— Вторая экспедиция НАСА. Те парни, что потерялись. Федералы.

— Они же погибли.

— Ни слова за два года.

— Что с ними случилось? — Этот вопрос повторялся снова и снова. — Как такое могло произойти?

— Мама, а вон тот плачет.

Слезы бежали из глаз Ли — виной тому ядовитый смог и слепящий свет. И душевная боль.

— Он возвращается домой, — ответила мать. — Просто радуется.

Вовсе нет. Ли чувствовал соль на губах. Он ошибся. Билл.

— Симс одного застрелил. Черт, вы только посмотрите на них. Почти голые, с рогами. Откуда нам знать? Сначала стреляем, потом задаем вопросы.

Ли тошнило от здешнего воздуха, пропитанного вонью дизельного топлива, машинной смазки, электричества и цементной пыли. В домах гнили остатки пищи. Даже нечистоты тут расточительны. Перекармливаемые тела избавлялись от избытка питательных веществ.

Его охватила паника. «Что ты наделал?» Он тут чужой. Какая ужасная ошибка. Но теперь уже поздно бежать. Он окружен.

Мир вокруг приобретал четкость. Толпа обрела плоть — много плоти. Ли привык к виду похожих на палки спутников, питавшихся белковыми плитками и живностью, которую удавалось поймать. Колонисты поразили его огромными плечами, бочкообразными грудными клетками и мягкими животами. Даже худые выглядели упитанными. Словно скот. Ли отогнал от себя эту мысль.

Мог бы и догадаться. Должен был догадаться. Тем не менее он здесь.

Никто не подал воды, не предложил отдохнуть, не поприветствовал хотя бы кивком. Никто не говорил с ними — только о них, словно мимо проходят дикие животные. Ли чувствовал страх колонистов. Даже больше чем страх. Отвращение. Ему стоило больших трудов не принимать это на свой счет, но он старался. Люди защищаются. Все просто.

Движимые нищетой, жадностью, отчаянием или грезами, эти люди отказались от привычного мира, пытаясь найти то, чего им не хватало в жизни. Они принесли свет в царство тьмы, исполненные слепой веры, убежденные, что награда ждет за следующим поворотом туннеля. Теперь из глубин поднялась маленькая процессия монстров из НАСА, и колонисты почувствовали угрозу. Испугались. Они думали, что могут сколько угодно болтаться под землей и не измениться — по крайней мере, так. Надеялись, что спасение возможно без превращения.

— Должно быть, они в чем-то ошиблись.

— Забрались слишком глубоко — вот в чем дело. Бывает. Эти парни оказались в неподходящем месте в неподходящее время.

Уродливые товарищи Ли молчали: они уже получили ответ. Чем ближе к поверхности, тем сильнее будет ненависть. Уже не получится делать вид, что субтерра не оставила на них клейма. Жены отшатнутся. В ночных кошмарах детей будет присутствовать существо, живущее в доме.

Проходя мимо изумленных колонистов, Ли углубился в себя. Он рисовал в своем воображении Билла, который в одиночестве бредет в самое сердце тьмы, пробирается по туннелям, обходит покинутые города. Представляя, как Билл медленно умирает от голода, падает в провал или сходит с ума среди безлюдных храмов и крепостей, он думал: «Какие чудеса мне уже не суждено увидеть?»

ДОКУМЕНТЫ

«УОЛЛ-СТРИТ ДЖОРНАЛ»

Экономика субтерры: благословение и проклятие «подземных долларов»

За минувший год экономика субтерры, основанная на экспорте сырья, выросла на 281,2 %. Налоговые поступления, прибыль корпораций и заработок, отсылаемый домой теми, кто трудится под землей, ускорили рост государственных и частных расходов.

В США «подземные доллары» привели к стремительному росту расходов во всех секторах, от здравоохранения и образования до информационных технологий и транспорта, а также военных расходов. Аналитики предсказывают, что рекордный дефицит бюджета исчезнет в течение следующих двух месяцев. Уровень безработицы резко снизился. На прошлой неделе биржевой индекс пробил отметку 15 000.

Тем не менее президент Уэйн Барр призывает к введению ряда санкций против всей субтерры. «Все очень просто: государства-изгои просто откупаются от нас, — говорит Барр. — Пока мы тратим поступающие из-под земли богатства, режимы субтерры создают армии, накапливают запасы оружия, промышляют торговлей людьми и наркотиками. Международный порядок рушится на наших глазах, подрываемый диктаторами и современными конкистадорами, которые используют нефть и драгоценные металлы для подкупа государств на поверхности земли. Если мы не отвергнем искушение и не возьмем ситуацию под контроль, то станем заложниками собственной жадности».

По утверждению Барра, особое беспокойство вызывает недавняя череда путчей в субатлантических регионах, убийство миротворцев ООН в суб-Африке и постоянное нарушение Китаем иммиграционных ограничений в тихоокеанских сообществах. Известно, что под землей располагаются базы многочисленных террористических организаций.

Но для одних террорист, а для других революционер — по крайней мере, так считают некоторые политики субтерры. Наш корреспондент, недавно посетивший субтерру, обнаружил, что колонисты единодушны в своем мнении: страхи живущих на поверхности преувеличены.

«Если уж на то пошло, это мы стали заложниками потребностей и

нужд традиционных государств, — говорит Томми Хардин, бывший член палаты представителей от штата Техас, ныне губернатор провинции в составе Тихоокеанской конфедерации. — Нас в одностороннем порядке облагают налогами, а ввозные пошлины душат наше производство. Продукты питания, лекарства и другие жизненно важные товары продаются нам по немыслимым ценам. В наших поселениях размещены — причем в некоторых случаях за наш счет — гарнизоны войск ООН, не подчиняющиеся нашим законам».

Тревожным звонком прозвучало заявление Ольмека, президента сектора Коррео-Пасифик, потребовавшего контроля над бурением скважин и добычей полезных ископаемых в своем регионе. «Это всего лишь компенсация за наш труд и наши природные ресурсы, — сказал он. — Больше никаких грабежей со стороны пиратов с поверхности».

*Под Горами музыкантов,
к северу от Гавайских островов:
глубина 5635 фатомов*

Удивительные вещи можно увидеть через оптический прицел.

Иен Беквит из подразделения «Морские львы»^[5] с восхищением наблюдал за странным кожистым колибри, вылизывавшим внутренность «цветка» из кристаллов природного гипса. Зависнув в нескольких дюймах левее цели, на расстоянии 938 ярдов, птица пульсировала в оптике ночного прицела. Если Иен не ошибается, это абсолютно новый вид. Потом он занесет колибри в журнал.

Все снайперы вели журналы. На первой странице помещались полезные алгоритмы для оценки расстояний, а также основные сведения о физиологии человека: длина головы, расстояние от шеи до пупка и тому подобное. Остальные страницы предназначались для записи убийств. Именно тут Беквит вел дневник наблюдений. Зашифрованный.

Дневник наблюдений — это нечто вроде журнала снайпера. В него птицелов записывал все новые виды, которые попадались на его пути. Для Беквита он одновременно служил личным дневником. Сапсаны напоминали ему о городе, где он выследил и застрелил террориста. Попугаи вызывали ассоциации с наркокартелем, который Иен помог выкорчевать — выстрел за выстрелом. Под песню козодоя он как-то обыскивал мертвого руководителя одной из коммунистических групп. В сущности, птицы стали олицетворением совершенных им убийств.

Мягко выражаясь, наблюдение за птицами не входило в его обязанности. Приходилось соблюдать осторожность. Однажды комендор-сержант едва не застукал его. К счастью, сержант не разбирался в орнитологии и решил, что Беквит подглядывал за какой-то женщиной — если уж что и можно простить солдату, то именно это.

В школе снайперов учили фокусировать внимание подобно тому, как фокусируют оптический прицел. Настроиться. Не отвлекаться. Наблюдать. Ждать. Убить. Собраться. Уйти.

Но Беквит ничего не мог с собой поделать. Со временем цели свелись к математическим вычислениям. А расчехляя прицел, он каждый раз открывал для себя новый мир.

— Ветер? — спросил Беквит.

— Одна минута справа, — ответил наблюдатель.

Снайперская винтовка сконструирована как групповое оружие. Для нажатия на спусковой крючок достаточно одного пальца. Однако наблюдатель — это дополнительная пара глаз, еще один мозг, а также резерв на случай приближения врага.

— Угол возвышения?

Наблюдатель назвал цифры, и Беквит подкрутил головки настройки прицела. Колибри ярким язычком пламени мерцала внутри прозрачного цветка. «Как красиво!»

До школы снайперов Иен не обращал внимания на птиц. Он не увлекался охотой или орнитологией и вообще предпочитал сидеть дома. Школа снайперов все изменила. Теперь он зарабатывал на жизнь охотой на людей. Большую часть времени проводил на свежем воздухе. И превратился в любителя наблюдать за птицами.

В первый раз это случилось во время тренировки, такой же, как эта, только на поверхности. На нем был костюм «гилли» — необыкновенно жаркое и вонючее сооружение из мусора и травы, которое иногда использовалось для маскировки. В то утро Иен в наряде пастуха лежал рядом с облепленной мухами коровьей лепешкой, разглядывая далекие заросли сорняков в поисках цели; нельзя сказать, что он проклинал жизнь, однако особой радости тоже не испытывал.

Беквит записался в морскую пехоту десять лет назад, когда люди открыли субтерру и всем казалось, что из всех темных углов выглядывают хедди. Подобно многим юным рекрутам, он откликнулся на призыв президента «сплотиться и дать отпор аду». Но к тому времени как закончился начальный курс обучения, битва тоже закончилась. Хедди были уничтожены. Президент объявил о завершении миссии. Беквит никогда не видел живого хейдла, не говоря уже о том, чтобы стрелять в него.

Связанный трехгодичным контрактом, Иен решил заняться самосовершенствованием. Все шло по накатанной колее, пока однажды утром он не обнаружил, что лежит рядом с кучей коровьего дерьма, разглядывая окрестности в оптический прицел и размышляя над своим незавидным положением. Именно в этот момент Иен заметил пару танцующих друг перед другом птиц. Время остановилось. Расправив крылья, два американских журавля — он навестил их во время очередного увольнения — кружились в танце, хлопали крыльями и, словно в гипнотическом трансе, качали головами. После того случая Беквит, находясь на позиции — на тренировках или во время настоящей охоты на

людей, — уже не мог не замечать той красоты, которая ждала его в окуляре прицела.

— Целюсь в центр грудной клетки, — сказал он наблюдателю.

— Понял, слежу, — ответил тот.

— По цели.

Беквит сделал осторожный выдох и мягко нажал на спусковой крючок, утопив его на две трети. Колибри сияла.

— Стреляю по готовности.

Беквит нажал сильнее. Пуля оставляла инверсионный след в потревоженном воздухе, но здесь это выглядело иначе. В темноте подсвеченная инфракрасной оптикой, пробитая в воздухе дыра сверкала всеми цветами радуги.

— Цель поражена. Центр грудной клетки, — сообщил наблюдатель. — Этот кусок бумаги мертв, Бекки.

Бумажная мишень была старой — осталась с тех времен, когда главной угрозой считали хедди. На новых мишенях изображали китайских солдат. Армия Китая стреляла по фигурам американцев. Вот в чем смысл этих упражнений. Для войны нужен противник. И бумага в конечном итоге превращалась в плоть.

Беквит не отрывался от прицела, хотя колибри, конечно, улетела.

— Шевелись, Бекки, — сказал наблюдатель. — Уходим.

Иен подхватил оружейный чехол, спрятал винтовку и тронулся в путь.

По пути им встречались другие снайперские расчеты. Все в гражданской одежде. Строго говоря, их подразделения просто не существовало — ни в составе морской пехоты и «Морских львов», ни в демилитаризованной зоне. Условности международного законодательства должны исчезнуть — это лишь вопрос времени. Коль скоро захват земель перешел национальные границы, то следующим этапом станет подземная война. А пока военная форма и мишени с изображением китайских солдат под землей запрещены.

Прикрытием — когда они проходили поселения и аванпосты горнорудных компаний — служила выдуманная неправительственная организация «Врачи за мир». Несмотря на чехлы с винтовками, Беквит и остальные снайперы притворялись босоногими докторами. Разумеется, все это было шито белыми нитками, но люди подыгрывали им, радуясь бесплатной медицинской помощи.

В этом смысле город, куда они вошли, ничем не отличался от других. Маргаритавилль оккупировал склон утеса. Жители выползали из щелей и

пещер, словно насекомые. Два армейских санитаров установили медицинскую палатку, а Беквита прикомандировали к ним — помочь зашивать раны.

Приступив к своим обязанностям, они раздавали лекарства, вырывали зубы, накладывали шины на сломанные конечности. Жизнь в пещерах полна опасностей. Обвалы, норовящие отрезать пальцы или руки механизмы, укусы животных, блуждающие газовые карманы, внезапные разливы подземных рек, небрежное обращение с взрывчаткой.

Все шло своим чередом, пока двое шахтеров не внесли в палатку мужчину; носилками им служила секция алюминиевой лестницы.

Раненый был картографом. Его звали Грэм. Жилистый, словно скрученный из проволоки, он больше напоминал альпиниста былых времен, чем картографа — хотя никто точно не знал, как должен выглядеть человек этой профессии. Беквит представлял его похожим на молодого Питера О'Тула в фильме «Лоуренс Аравийский». Только не таким исцарапанным и помятым.

Пострадав от когтей какого-то животного, Грэм две недели полз по темным туннелям, пока не добрался до людей. Старый картограф не переставал улыбаться.

— Парни, такого счастливчика, как я, на этой планете больше нет, — заявил он. — Я победил. Вернулся домой.

Беквит и один из санитаров принялись обрабатывать резаные раны на груди и животе Грэма. Вокруг собрались зеваки. Не обращая внимания на раны, Грэм продолжал говорить. Он работал по контракту на одну из многонациональных геодезических компаний. Участвовал в долгосрочной экспедиции.

— А где остальные? — спросил кто-то из присутствующих.

— В брюхе зверя. Черного зверя.

— Ты их бросил.

— Бросать там было нечего — можете мне поверить.

— Где они, Грэм?

— Не скажу, парни. Это вам от меня подарок. Если я скажу, вы пойдете туда, а если пойдете, тоже будете мертвы.

— Они умерли?

— Да. Мы вторглись во владения зверя, и он до нас добрался.

— Что за зверь, старина?

Глаза Грэма горели странным огнем. Этот человек был безумен. Беквит вскрыл пакет с шовным материалом.

— Ты имеешь в виду животных? — спросил долговязый мужчина. —

Собак?

Беквита предупреждали о диких собаках. Их бросили шахтеры или колонисты, сбежавшие из преисподней; псы дичали, сбивались в стаи и могли напасть на неосторожного путешественника.

Но раны картографа были нанесены не собачьими клыками, а скорее ножом. Это беспокоило Беквита. Время от времени до него доходили слухи об удаленных аванпостах, где кончались продукты, и о заблудившихся среди туннелей отрядах. Отрезанная от внешнего мира обвалом группа японских лепидоптерологов — задокументированный факт — дошла до убийства и каннибализма.

— Не, не собаки, — ответил картограф. — Он был один, и он только наполовину зверь. Вторая его половина человеческая — по крайней мере, очень похоже.

— Что за ерунда, Грэм!

— Огр или демон, точно не знаю. Тот, кто жил там очень долго, прятался в чреве земли. Оставьте его в покое, парни.

— И где живет ваш демон?

— Не скажу.

— Почему, Грэм?

— Не надо его тревожить. Мы чужие — даже здесь. Таков урок, парни. Не углубляться. Я собираю манатки и ухожу. Вот что я намерен делать.

В ответ послышался презрительный смех. Беквит поднял голову, обвел взглядом мрачные лица.

— Вы не должны скрывать подобные сведения, Грэм. Расскажите обо всем. Мы решим, что делать дальше.

Беквит принялся зашивать раны.

— Мы видели его мельком, — сказал картограф.

— Начните сначала, Грэм.

Раненый вздохнул.

— Зверь преследовал нас неделю. Хотя, наверное, шел за нами и раньше. Мы слышали какие-то звуки, но приписывали их своему воображению или обычному для пещер эху. То один, то другой из нас что-то замечал, и все бросались в ту сторону. И никогда ничего не находили.

Мы сваливали все на воду, на нерегистрируемые приборами газы или давление воздуха. В этой темноте все время что-то мерещится, но не всем сразу и не одновременно — если только все скопом накачаются наркотиками. Каждый видел свое, причем всякий раз новое, не похожее на виденное раньше. Вроде слепцов, ощупывающих разные части слона. Один замечал чешую, другой — когтистые лапы, третий — руки, похожие на

человеческие. У зверя все это было. И еще что-то вроде панциря на голове. Ну, вы понимаете, о чем я: вроде как разные звери, и все выдуманные. А на самом деле он был один — настоящий.

Грэм выглядел так, словно побывал под газонокосилкой — раны до самых костей, — но продолжал описывать зверя. Беквит посмотрел на него с уважением. Морских спецназовцев учат преодолевать боль, однако до этого старика им далеко.

— Проходит неделя, — сказал кто-то из присутствующих. — У вас едет крыша. Вы что-то видите. А дальше?

— Мы продолжаем делать свою работу, — ответил Грэм.

— Вы сказали, что кто-то на вас охотился.

— Мы еще этого не знали. Потом пропал Шариф. Начали разбивать лагерь и заметили, что его нет. Пошли искать. Использовали инфракрасные приборы, регистрирующие тепло. Я обследовал несколько провалов, думая, что он мог туда упасть. Никаких следов.

Картограф посмотрел на спецназовца.

— Можно еще воды? — попросил он, и Беквит поднес бутылку к его губам. — Вкусно.

— Продолжайте, Грэм.

— Неизвестно, что случилось с Шарифом, но мы списали все на несчастный случай. До конца экспедиции оставалось несколько дней. Мы продолжили работу. Потом настала очередь Рейли. Нашел его я. Почувствовал запах крови и сразу же переключил прибор ночного видения на инфракрасный режим. Провалиться мне на этом месте — стены излучали тепло. Кровь была такой свежей, что еще сохранила тепло его тела. Весь каменный туннель был в крови, будто я стоял внутри артерии.

— А дальше? — спросил кто-то.

— Мы с Пи Джеем поняли, что пора уносить ноги. Закопали геодезическое оборудование...

— Проклятье! — выругался кто-то из мужчин и вышел.

Беквит предположил, что это владелец оборудования и оно не застраховано. Вероятно, тут ничего не страхуют.

— Не вилай, Грэм, — сказал другой мужчина. — Если ты имеешь в виду хедди, так и скажи. Намекаешь, что один из них пережил эпидемию?

— То был не хейдл, — покачал головой Грэм. — Слишком большой.

— Значит, большой хейдл.

— У него когти и панцирь на голове.

— Хорошо, большой хейдл с когтями и панцирем.

— Он поедает хейдлов. И хейдлов, и людей, и существ, которых я

раньше не видел. Всех.

Наступила тишина.

— Дайте же ему рассказать, — слышался наконец чей-то голос.

— Мы двинулись назад, — продолжил Грэм. — Не бежали, но все время двигались. Два дня и две ночи без остановки. К концу третьего дня нас шатало от недосыпания. Мы решили, что убежали от зверя и можем отдохнуть. Мы ошиблись.

— Продолжайте.

— Мы спали, погасив фонари. Вдруг мне показалось, что я горю. Поначалу я не понял, что это когти. В темноте просто чувствовал жжение. Потом настала очередь Пи Джея. Он закричал. Я включил фонарь и увидел эти глаза — похожие на наши, умные, но абсолютно дикие. Потом фонарь разбился, и я опять почувствовал на себе когти. Слышали эти советы притвориться мертвым, когда попадаешь в лапы льва или медведя? Мне не было нужды притворяться. Похоже, я и вправду был как мертвый.

— Отключился?

— Как можно отключиться, если там и так темно? — возразил Грэм. — Не знаю, сколько прошло времени. Я почувствовал боль. Потом понял: меня куда-то тащат. Это уже был не туннель. Там пахло, точно в кишечнике — разложившейся пищей, вонючими газами, дерьмом. До меня доносился звук разгрызаемой кости, будто собака добирается до костного мозга. Грызет, расщепляет. Я догадался, что это логово зверя — он оставил меня на потом.

— И что вы делали?

— Считал удары сердца. Старался не шевелиться. Пытался думать о чем-то еще: о солнце, голубом небе, о том, как еду по шоссе на своем «харлее». О счастливых днях.

— А потом?

— Зверь заговорил.

Беквит перестал шить.

— Зверь?

— Что-то произнес.

— Он разговаривал?

— Я знаю. Безумие. Подумал, что схожу с ума. Животное говорит? Именно так и было: грыз кости и разговаривал сам с собой, по крайней мере пытался. Это испугало меня больше, чем все остальное, вместе взятое. У зверя имелись зачатки речи. Он был один и пытался беседовать сам с собой, но с трудом выговаривал слова.

Скептики примолкли. Теперь Грэма слушали не перебивая.

— Наконец зверь ушел. Я слышал, как клацают когти по камням. Все затихло. Потом послышался стон Пи Джей. Он был жив. Мы нашли друг друга среди всех этих костей и навоза. В темноте я не мог сказать, кто больше пострадал, он или я. Мы лежали рядом, привалившись друг к другу, и шептали, пытаясь выработать план действий. Пи Джей сказал, что у него есть фонарь. Я попросил дать фонарь мне. Он отказался, возразив, что это привлечет зверя. Свет принесет нам смерть. В конце концов я просто отобрал у него фонарь и включил.

Беквит снова протянул картографу воду.

— И понял, что плохи наши дела, — продолжал Грэм. — Там лежала голова Рейли. Только голова. И еще рука с кольцом общества «Сигма хи», которое носил Шариф. Пи Джей весь исполосован. У меня тоже раны на руках и ногах. Мы были не первыми жертвами зверя. Я уже говорил, что он ест и хейдлов. И не просто поедает, а коллекционирует. Берцовые кости сложены, как дрова для костра, а на полке выставлены черепа — людей, хейдлов и всякие другие. Ни одно животное так не делает.

Потом мы слышали, как зверь возвращается, и Пи Джей говорит: «Черт, Грэм, ты нас убил». Но я заметил дыру в дальнем конце логова. Мы поползли туда, втиснулись в дыру, и — слава богу! — это оказалась расщелина, ведущая наверх.

— Ну мы и полезли. Расщелина становилась все уже. Мы оба до крови сдирали кожу о камни, и у нас не было веревки, чтобы подстраховать от падения. А что оставалось делать? Зверь преследовал нас, издавая звуки, похожие на ворчание и лай.

Мы протискивались все выше и выше, я первый, Пи Джей за мной, и уже думали, что оторвались от погони. А потом наткнулись на узкую щель. Я пытался пролезть — и так и этак — ничего не получалось. Пи Джей подо мной кричал, чтобы я поторопился, потому что этот мерзавец нас догоняет. Я хотел предложить, чтобы он сам попробовал, но расщелина была слишком узкой, и мы не могли поменяться местами. Тогда я вытянулся как можно сильнее и выдохнул весь воздух из легких. Сработало. Мне удалось протиснуться в щель, а над ней проход расширился, и я увидел горизонтальный туннель. Пи Джею оставалось только пролезть в узкую дырку.

Он был крупный мужчина — помните, парни? Я развернулся, повис головой вниз и стал его инструктировать: одну руку вверх, упереться ногой, выдохнуть воздух. Светил фонарем. Я уже касался его пальцев. Был уверен, что у него получилось. А потом Пи Джей вдохнул. Грудная клетка расширилась, и он застрял в щели, как гвоздь. Ни туда ни сюда. Я

спустился еще немного, ухватил его за руку и потянул. Он сказал, что я его убиваю. Нет, ответил я. Еще чуть-чуть, ты уже почти пролез. Так мы дергались туда-сюда. Я включил фонарь. Лицо его было красным, в глазах появилась паника. Я понимал: если он потеряет самообладание, ему конец. Спокойно и медленно. Осталось совсем немного. А потом он вдруг резко дернулся. Рот у него открылся, как у вытащенной из воды рыбы. Глаза вылезли из орбит. Пи Джей не кричал. На крик не хватало воздуха. Просто смотрел на меня. Лицо у него было такое, словно он узнал что-то ужасное.

— О чем вы, Грэм? Что случилось?

— Зверь настиг его и стал пожирать. Откусил. Потом еще раз. Бедняга Пи Джей издал тихий звук, как будто из него выпустили воздух.

— А вы что делали?

— Ну, я оставался с ним, сколько мог. Время от времени он сильно дергался — зверь тянул его, пытаюсь освободить проход и добраться до меня. Но Пи Джей накрепко застрял. Тогда монстр съел его ноги. Пи Джей не отрывал от меня взгляда. Потом его глаза затуманились. Свет в них погас. Тогда я сказал: «До свидания, брат. До встречи в другом мире». Что-то в этом роде. Развернулся, дополз до горизонтального туннеля. Оставил Пи Джея там. Совсем скоро сел аккумулятор фонаря.

Картограф умолк. Глаза его закрылись, и Беквит подумал, что он впал в забытие от лекарств. Похоже, у старика есть шанс выздороветь и снова увидеть солнце. По крайней мере, Беквит надеялся. Он не знаком с этим человеком, и это не его дело. Но Грэм, пережив эту ужасную неделю, был убежден в искупительном характере страданий. Что бы там ни произошло внизу, картограф явно страдал.

— Эй! — окликнул Грэма мужчина с бычьей шеей и массивными плечами. — Мы с тобой еще не закончили.

Глаза Грэма открылись. Он огляделся, и на лице его появилась улыбка.

— Я здесь.

— За дураков нас держишь? — спросил здоровяк. — Говорящее животное убило всех, кроме тебя? А потом ты три недели полз, один, без света, не зная дороги? И вернулся прямо в Маргаритавиль?

— Ему повезло, — ответил кто-то из толпы. — Не кипятись, Мик.

— В этих туннелях нет такого слова — «везение». Мы все там были. Знаем, как оно там, внизу. Я утверждаю, что Грэм все спланировал. Это все подстроено — точно.

— Что спланировал, Мик? Посмотри на него. Думаешь, он сам себя порезал, до кости?

— Должно быть, оставлял тайники с едой, когда они спускались, —

сказал здоровяк. — И метки на стенах туннелей, чтобы вернуться. Иначе ему никак не выбраться в одиночку. Я хочу получить ответы. Пи Джей был моим другом.

— Ты прав, Мик, — сказал Грэм. — На самом деле я не был один. Мне помогали, меня поддерживали. — Он улыбнулся, и его глаза блеснули. — Вроде как помощь изнутри.

Ответом ему стало глухое ворчание.

— Понятно, — сказал Мик. — И кто еще был с тобой заодно?

Улыбка Грэма стала шире.

— Пи Джей.

— Что?!

— А еще Рейли. И Мэтьюз.

— Что ты мелешь, старик?

— Они говорили со мной. Вроде радиопозывных, только без рации.

— Перестань нести этот бред.

— Правду говорю, — упорствовал Грэм. — Когда я хотел сдатьсь, они заставляли меня идти. Когда я терялся, указывали дорогу. Они были со мной каждый дюйм пути, все время шептали.

— Он свихнулся.

— Богом клянусь, парни. Как на духу. Души, — сказал Грэм. — Души мертвых. Их шепот был таким же реальным, как вы и я.

Беквит подумал, что нужно сказать, чтобы он заткнулся. Этот идиот своими безумными рассуждениями только подливает масла в огонь. Слишком поздно.

— Сначала порождение дьявола, потом души мертвых, — сказал Мик. — Что следующее — ангелы с пылающими мечами? Кончай, старик. Где ты бросил тела?

— Там, куда вы не попадете, потому что я не скажу, — ответил Грэм. — Теперь мне все стало ясно. Внизу есть места, в которых нам нечего делать. Мы должны оставить их в покое.

— Ты прячешь не только тела. Ради чего стоит убивать трех человек? Золото? Бриллианты? Что? Где ты их бросил, старик?

— Больше я вам ничего не скажу.

— Скажешь, убийца проклятый!

Беквит почувствовал, как на его плечо легла тяжелая ладонь. Это был Мик. На висках у него набухли вены.

— Мы его забираем.

— Я еще не закончил, — ответил Беквит.

— Ошибаетесь. Вы сделали свое дело, мистер.

Беквит встал. Шесть футов роста и тренированные мышцы — как у любого спецназовца. Но Мик был как минимум на сто фунтов тяжелее.

— Этот человек ранен, измучен и обезвожен.

— Отойдите, — сказал Мик.

— Он бредит. Сам не знает, что говорит.

— Прочь с дороги, — произнес Мик.

Санитар захлопнул свой чемоданчик и шагнул к Беквиту.

— Нам тут больше нечего делать, — сказал он.

— Нет, есть, — ответил Беквит.

Санитар посмотрел на толпу и нахмурился.

В палатку вошел еще кто-то из снайперов.

— Кончайте, парни. Уходим отсюда.

— Знаешь, что произойдет после нашего ухода? — спросил Беквит.

— Весь мир нам не спасти. Пойдем.

— И бросим человека на растерзание волкам?

— Мы сделали все, что могли, — сказал санитар. — Пошли, Бекки. Уходим.

— Они его убьют. Я на это не подписывался.

Беквит прекрасно понимал, что ведет себя глупо. Картограф для него абсолютно чужой человек. И его судьба не имеет никакого отношения к заданию спецназовцев. Они спустились под землю, чтобы стрелять по бумажным мишеням, а не вступать в конфликт с местными жителями.

— Собирайся, Бекки. Мы уходим.

Беквит не двинулся с места. Окинув взглядом толпу, снайпер увидел вместо лиц лишь маски жестокости и равнодушия. Они часть преисподней. Они и есть преисподняя. Кто-то должен противостоять этому. Иначе тьма победит.

— Я вас не оставляю, — сказал Беквит Грэму. И он не кривил душой.

Старик оттолкнул ногу спецназовца.

— Спасибо, друг, не надо. Возвращайся откуда пришел. Не трать свою жизнь на эту тьму.

— Вы пойдете со мной, — настаивал Беквит.

Он подсунил руки под картографа и попытался поднять его. Это могло сработать. Толпа расступится перед ним, и тогда можно будет унести старика. Грэм вскрикнул от боли, и Беквиту пришлось снова положить его.

— Держитесь.

— Я устал, сынок. — Картограф закрыл глаза. — Мне больно.

— Вы сказали, что хотите домой, — возразил Беквит. — Пойдемте домой.

Грэм отвернулся.

— Спаситель, которому некого спасать, — фыркнул Мик.

Вперед шагнул один из снайперов.

— На вашем месте, — сказал он здоровяку-шахтеру, — я бы тихо разошелся по домам, напился и благодарил Бога. Потому что сегодня вы заглянули в глаза ангела смерти, а он по какой-то причине позволил вам уйти.

Улыбка сползла с лица Мика.

На плечо Беквита легла чья-то рука. Это был его напарник.

— Собирай свои манатки, пижон. Ты сделал все, что мог.

Беквит посмотрел на лежащего на земле старика с наполовину зашитыми ранами и истощенным телом и впервые в жизни отступил. И это ему совсем не понравилось.

ДОКУМЕНТЫ

Из положений «Курса подготовки снайперов морского спецназа»

Снаряжение

Снайпер обязан иметь при себе следующее:

1. Бумагу в блокноте с твердой обложкой, обеспечивающей подходящую поверхность для рисования.
2. Карандаш, желательно номер 2, с ластиком.
3. Нож или бритвенное лезвие для заточки карандаша.
4. Транспортир или линейку.
5. Шнурок длиной 15 дюймов.

Из устава

Имущество средневекового монаха-картезианца

Ему (монаху-переписчику) выдаются: чернильница, перья, мел, два куска пемзы, два рога, маленький нож, два лезвия для выскребания пергамента (один обычный стилус и один тонкий), свинцовый карандаш, линейка, несколько грифельных досок и стилет.

Техас

Услышав стрекот сверчков, Ребекка отложила книгу и подошла к окну. На юге сверкнула молния. Что-то надвигалось со стороны Мексиканского залива.

Джейк вел битву под большим дубом: выкорчевывал сорняки, натыкался на шипы роз и прихлопывал комаров — все ради так называемой лужайки. Это был маленький жалкий пятачок травы, что не отменяло необходимости ухода за ним. До тех пор, пока из Канады не подуют холодные северные ветры, пригороды останутся зелеными. А значит, Джейк будет защищать свой клочок травы еще месяц.

Чуть дальше Ребекка заметила Сэм, танцующую на краю пропасти — в буквальном смысле. Сэм никак не назовешь храбрым ребенком. Перспектива перехода в четвертый класс пугала ее. Кроме того, девочка испытывала панический ужас перед змеями, пчелами, шприцами и фильмами про динозавров. Но когда папа был рядом, у Сэм появлялась смелость льва. Или щенка.

Теперь дочь демонстрировала балетные па на самом краю известнякового утеса, обрывавшегося прямо в реку. Джейк казался воплощением спокойствия и невозмутимости. Ребекка с трудом удержалась, чтобы сломя голову не броситься к Сэм. Нужно хоть немного доверять ребенку. Все в порядке. Рядом с Джейком почему-то всегда так.

По меркам выросшей на ферме Ребекки, Джейка не назовешь крупным мужчиной. Тем не менее она видела, как муж поднимал упавшие деревья, а однажды тащил на себе человека со сломанной ногой — больше девяти миль по плохой дороге. После смерти ее отца взял на себя заботы о всей семье. Во время поездки в Ирландию не раз и не два урезонивал забияк в пабе... и уходил, сопровождаемый доброжелательными улыбками. Джейк умел все. Сэм боготворила его. Ребекка тоже.

Глядя на них, Ребекка начала успокаиваться. Отец и дочь прекрасно понимали друг друга без слов. Они не смотрели друг на друга, но Сэм не удалялась от отца дальше чем на двадцать футов — а он от нее. словно спутники, связанные невидимой нитью.

На горизонте сверкнула молния, однако грома не было. Гроза бушевала далеко.

В конце концов Ребекка вышла на крыльцо.

— Эй вы, двое! — позвала она. — Пора домой.

Сэм запротестовала:

— Посмотри, мама.

Девочка продемонстрировала пируэт. На самом краю.

— Отойди оттуда! — приказала Ребекка.

— Но папа сказал...

— Не важно, юная леди. Очень близко к краю.

— Ты всегда волнуешься, мама.

Джейк отложил мешок с сорняками и подхватил дочь.

— Пойдем, Младший.

Это новое прозвище Сэм выбрала себе сама. В ответ на замечание родителей, что Младшим называют мальчиков, дочь лишь пожала плечами. Она уже привыкла к мальчишескому имени. И разве в школе папа не выполняет обязанности классной мамы? Если он может быть девочкой, то почему бы ей не быть мальчиком? Или что-то в этом роде.

Они вошли в дом; от них пахло травой и лимонадом.

— Пора спать, — сказала Ребекка.

Сэм посмотрела на нее. Потом на отца.

— Еще нет.

— Уже пора.

— Пожалуйста, мама!

— На следующей неделе начинаются занятия в школе, Сэм, ты должна опять привыкнуть к режиму.

Девочка посмотрела на дверь своей спальни в конце коридора и задумалась. Потом с серьезным видом покачала головой.

— Нет, только не это. — Ребекка вздохнула. — Папа спит с тобой уже три ночи подряд. Когда я его получу назад?

— Когда чудовища уйдут, — ответила Сэм.

Джейк думал, что страхи дочери связаны с недавней и преждевременной смертью Санта-Клауса, эльфов и зубной феи. Эту новость с радостью сообщил Сэм на детской площадке сын баптистского священника. И надо же такому случиться, что сам священник стоял рядом и не сказал ни слова. Выкорчевывал язычество из человеческой души. Наставлял ребенка на путь истинный.

Джейк поднял палец, как будто вдруг о чем-то вспомнил.

— Ну-ка, что у нас тут?

Движением фокусника он достал небольшой бумажный пакет с эмблемой супермаркетов «НЕВ». Внутри оказался ночник в виде

диснеевской Русалочки.

— Ты не представляешь, какая она красивая в темноте. Я спрашивал продавщицу в магазине. Она сказала, что ее маленькая дочка до сих пор пользуется таким ночником — а девочка уже поступила в колледж.

Сэм посмотрела на Русалочку. Ночник ей очень понравился, но она не прикоснулась к нему. Так легко ее не купишь.

— Они в шкафу, — сказала девочка.

Все время одно и то же — словно заевшая пластинка.

— Я проверял вчера, малыш. И позавчера. Там только одежда и обувь.

— Я слышу их в подвале.

— Там я тоже смотрел. Пусто, как в ухе слона.

В ухе слона? Сэм была не в том настроении, чтобы поддаваться на уловки.

— Значит, ниже подвала, — упорствовала девочка. — Они прячутся.

— Пойдем, Сэм.

— Правда. Я слишком маленькая, чтобы врать. Ты сам так говорил.

Это проверка. Если чудовища существуют, Сэм готова поверить и в других сказочных существ. Нет Санты — нет чудовищ. Но если чудовища и вправду существуют, значит, в мире есть место и для Санты. А может, и для толстого эльфа с кошельком. Лишь бы папа опять спал у нее в комнате.

Джейк посмотрел на Ребекку, и она покорно кивнула. Чудовища так чудовища.

— Ладно, малыш. — Джейк взял девочку на руки. — Сначала зубы, потом в кровать. Мне опять ложиться с краю? — Он пошел по коридору с дочерью на плече. — Все равно мы, кажется, не дослушали сказку.

— Ты уверен, что чудовищ нет?

— Раньше были, милая. Давным-давно.

— А теперь?

— А ты как думаешь?

— Да, — ответила Сэм. — Чудовища есть. Много-много. Просто спрятались и ждут.

ДОКУМЕНТЫ

«ВАШИНГТОН ТАЙМС»

Китай обвиняют в политике «голых ветвей»

Сегодня секретарь Министерства внутренних дел США обвинил Китай в ведении «тайной войны» против Соединенных Штатов путем наводнения тихоокеанской зоны субтерры тысячами «лишних» мужчин. По словам секретаря Тома Танкредо, образовался «китайский осьминог», щупальца которого протянулись на тысячи миль от побережья Китая.

«Китай отправляет в субтерру обитателей тюрем и гетто, — сказал Танкредо. — Китай предлагает финансовую помощь, оплачивает переезд, обеспечивает продуктами и жильем переселяющихся под землю гангстеров. Китай осуществляет медленный захват международной территории. Это сознательная политика, направленная на дестабилизацию всей субтихоокеанской зоны». Он назвал эту китайскую стратегию политикой «голых ветвей».

На протяжении многих столетий в Китае мальчиков ценили выше, чем девочек, что привело к значительному дисбалансу — 120 (по некоторым оценкам — 150) мужчин на 100 женщин. В условиях нехватки женщин бедные, неквалифицированные и неграмотные мужчины не имеют возможности жениться. Это бесплодные «голые ветви», которые традиционно пополняют банды разбойников и гангстерские шайки, контролируют преступную деятельность и служат питательной средой для националистических войн.

«Китайская популяционная катастрофа привела к распространению болезней, коррупции, преобладанию китайского населения и культа жестокости в тихоокеанской зоне субтерры», — заявил Танкредо.

Посол Китая в США назвал подобные высказывания «провокационными и контрпродуктивными». «„Голые ветви“ мигрируют, — сказал посол Яо Ден. — Если они желают покинуть родину в поисках лучшей жизни, мы не можем им помешать. Свобода передвижения относится к фундаментальным правам человека».

ДИАЛОГИ С АНГЕЛОМ, НОМЕР 1

Ангел и его ученик идут по тропинке. Они подходят к муравейнику. Ангел наклоняется и поднимает одного муравья.

— Ты пришел убить меня, — задумчиво говорит ангел ученику.

От его голоса звенят металлические прожилки в камне.

— Я пришел учиться, Повелитель, — отвечает ученик.

— Учиться, чтобы убить меня.

— Учиться, чтобы убить зло, Ринпоче.^[6] Но это было прежде.

— Прежде?

— Прежде, чем я понял, что невежество есть зло. Прежде, чем я понял, что ты не можешь умереть, Учитель. Прежде, чем ты научил меня отвергать любое насилие.

— И я больше не источник всего зла? — удивился ангел.

— Ты бриллиант, Мессия.

Муравей пытался вырваться из мраморно-белых пальцев. Сожми ангел пальцы чуть сильнее, и он раздавит муравья. Чуть слабее, и насекомое ускользнет.

Вот он, урок. Каждый его шаг, каждое движение, каждый вздох — урок. Ученик внимает. Ангел ничего не делает случайно.

— Знаешь, сколько учеников приходило ко мне за эти века? — спрашивает ангел.

— Много, Повелитель.

Ученик видел Коллекцию.

— Знаешь, как я поступил с ними?

— Уничтожил всех, Океан Мудрости.

Ангел ставит муравья на край тропинки, целого и невредимого.

— Я предложил им себя. Пытался преодолеть их непонимание и в процессе обучения вспоминал все, что я знаю о Вселенной.

— Да, Повелитель.

Ученик видел Коллекцию.

— Некоторых я обучил и отправил назад, на свет дня. Других наделил своей силой и позволил изображать меня, чтобы легенда не умирала. Третьих держал при себе — как тебя.

Ученик почтительно склоняет голову. Тем не менее не опускает глаза, не отрывает взгляда от лица наставника. Ангел предупреждал: «Не отводи глаз. Я голодный бог».

— Продолжим твой путь к знанию, — произносит ангел.

— Веди меня, Повелитель.

Ангел поворачивается. Идет дальше. Ученик смотрит, как рушится под его ногой муравейник. Ученик усваивает урок. Многих призывают. Но немногих щадят.

ДОКУМЕНТЫ

Примечания к «Симфонии субтерры» Грегорио Монтаны

- Мальчиком я был очарован находкой неандертальской флейты, сделанной в 1995 г. доктором Иваном Турком из Словенской академии наук и искусств (SAZU). Инструмент был изготовлен из берцовой кости пещерного медведя, и его возраст составлял сорок пять тысяч лет. Огромное впечатление на меня произвели флейты (из костей крыла красноголовых журавлей) и барабаны из панциря черепахи, найденные в Китае. В неолитическом поселении Цзяху (от 10000-го до 5800 г. до н. э.), а также треугольная лира в руках у статуи на острове Керос в Эгейском море (2700 г. до н. э.). Именно тогда мне впервые пришла в голову мысль о доисторической симфонии. Я изготовил древние инструменты и научился играть на них.

- Древнейшая из известных нам песен записана на ассирийских клинописных табличках (2000 г. до н. э.). и в ней используется гармонический ряд и диатоническая гамма (до, ре, ми и т. д.).

- Затем была открыта субтерра, и я познакомился с разнообразными музыкальными инструментами. Собственными губами я извлекал ноты из подземных флейт возрастом двадцать пять тысяч лет (от стандартного диатонического до гептатонического звукоряда, включая пониженную на полтона ля и нейтральную терцию для ми, или грустную ноту). Я переводил фрагменты гимнов хейдлов. Я слушал записи песен освобожденных рабов. Есть одна женщина, которая слышала, как поют хейдлы. После защиты докторской я должен поехать в Америку и встретиться с ней. Ее зовут Александра фон Шаде.

- Какое отношение имеет музыка к подземному миру? Профессора смеялись надо мной. Я не знал ответа на вопрос, который сам задал. Это как загадка, которую Бог вложил мне в руки. Связь ускользала от меня, но я чувствовал ее в темноте ночи, когда все остальные спят. Не знаю как, но музыка должна спасти нас.

- Доктор фон Шаде ответила на мое письмо! Вдруг оказалось, что я не одинок. Теперь мне есть с кем подискутировать: что было первым, музыка или слова. Она лингвист и очень хорошо чувствует слова. Мы спорили, переписываясь по электронной почте. Каждый страстно защищал свои

убеждения. Меня это просто пьянило. Когда-нибудь я закончу свою симфонию и посвящу произведение ей.

Америка

Только в Хеллоуин, единственную ночь в году, американские родители считают себя обязанными посылать детей во тьму, словно принося в жертву. Солнце только-только село. Начали появляться костюмы — национальный парад маленьких ночных кошмаров.

Слишком много масок этой ночью, и с наступлением утра отличить пропавших от мертвых будет еще труднее.

Отец — его звали Дэйв — шел за велосипедом, на котором восседала маленькая цыганка. Сегодня утром он снял с велосипеда дополнительные колесики, придававшие ему устойчивость. Растет. Слишком быстро.

— Помедленнее, Джен.

Разумеется, в ответ она налегла на педали. Торопилась на праздник.

Дальше тропинка поворачивала, и до нее уже не доставал свет газовых фонарей парка. Девочка оглянулась на отца. Улыбнулась. Папа тут. Боятся нечего. Она нырнула в темнеющий лес.

Оранжевая пластмассовая тыкva на руле велосипеда исчезла из виду.

— Джен.

Тишина.

— Дженни! — Громче.

Полная тишина.

Дэйв встревожился. В голову тут же полезли мысли о чудовищах, бандитах, наркоманах, сексуальных маньяках и бездомных. Неизвестно, сколько их прячется в темноте. Имя им легион.

Он был не в лучшей форме. Слишком много летних вечеров, проведенных в закусных «Дэйри куин». Да и в супермаркетах «Костко» нужно бывать пореже. «На заметку: притормози, Дэйв». Пыхтя и отдуваясь, он побежал по дорожке.

Пахло земель и гниющими между деревьев листьями. Вода журчала в невидимых жилах. Отовсюду наступали тени, нависала костистая паутина ветвей. Сверху смотрела бледная луна.

— Дженнифер, — снова позвал он. На сей раз строго. Нужно будет поговорить с ней. Для игр есть свое место и время — но только не в темном и опасном лесу. — Дженнифер!

Где-то рядом сновали животные. Шевелились листья. В душу стал заползать страх, но Дэйв ни на секунду не усомнился, что все в порядке. Он найдет ее за следующим поворотом. Им будет о чем рассказать. «Помнишь, тогда в парке...»

За покосившимся штакетником притаились четверо детей — два Человека-паука, один Джейсон,^[7] одна фея. Их целью был старый типовой дом в деревенском стиле. Свет внутри не горел. Он там никогда не горел. Лужайку не подстригали уже много лет. Объявление агентства недвижимости «Ремакс» полоскалось на ветру, давно забытое незадачливым риелтором.

Первый Человек-паук: Там их двое живет.

Второй Человек-паук: А я слышал, трое.

Джейсон: Мой папа говорит, что они лесбиянки. Или демократы.

Фея: Это отвратительно.

Джейсон: Страна должна быть сильной. Так говорит мой папа.

Второй Человек-паук: Они ведьмы — вот кто.

Первый Человек-паук: Вампиры.

Джейсон: Они никогда не выходят. У них нет детей. Папа говорит, что у них даже нет машины. Вегетарианские лесбиянские атеисты.

Первый Человек-паук: Нет машины? А что же они едят?

Джейсон: Домашних животных. Помните далматинца Браунов?

Второй Человек-паук: Ты этого не знаешь.

Джейсон: Животных, которых сбивают автомобили. И грибы.

Первый Человек-паук: Давай поломаем их деревья.

Фея: Да им наплевать. Посмотри на двор.

Джейсон: Тогда побьем окна.

Фея: Ты начинаешь психовать, Билли. Опять. Они всего лишь старые дамы.

Второй Человек-паук: Нэн права, приятель. Что они тебе сделали?

Джейсон: Они не такие. Этого хватит.

Фея: Они тебе в бабушки годятся.

Джейсон: Или тебе в матери.

Второй Человек-паук: Какая разница, Билли.

Фея: Я иду туда.

Джейсон: Даже не думай, Нэн.

Фея: Пойду и позвоню в дверь. И поздороваюсь.

Первый Человек-паук: Нет, ты туда не пойдешь.

Фея: Посмотрим.

Второй Человек-паук: Потрясающе! Она идет!

Первый Человек-паук: Нэн, вернись!

Второй Человек-паук: И что теперь?

Джейсон: А ты как думаешь? Она всем расскажет, что мы бабы. Мы должны идти с ней.

Первый Человек-паук: Я туда не пойду.

Джейсон: Баба!

Первый Человек-паук: Возьми свои слова обратно.

Джейсон: Или что?

Второй Человек-паук: Эй, смотрите! Дверь открывается.

Первый Человек-паук: Она машет.

Второй Человек-паук: Отлично, Нэн. Теперь они знают, что мы не прячемся в траве.

Джейсон: Пойдем, парни. Может, у них есть что-нибудь стоящее. Вроде ядовитых яблок.

Первый Человек-паук: Или супчика из глаз.

Второй Человек-паук: Или отбивных из далматинца.

Первый Человек-паук: Эй, Нэн ждет.

— Десять долларов с носа, — сказал преподобный Роббинс парочке.

— Но у меня есть купон.

Преподобный улыбнулся. Джо Квотербек пытается его перехитрить. Будто Роббинс вчера родился. Будто не может за секунду сбить этого придурка с ног. Сначала удар по коленке, потом по голове. В мгновение ока.

— Это прошлогодний купон, сынок, — сказал он.

— Тут нет срока годности. Написано, семь баксов. Значит, остается четырнадцать за меня и за нее.

— Двадцать долларов, дружок.

— У меня нет двадцати.

Девчонка потянула своего героя за рукав — типа того, лучше пойдем делать детей в родительском внедорожнике. И в этот момент из адской пасти раздался душераздирающий вопль. Роббинс не сдвинулся с места, загораживая вход в лабиринт. Он смотрел, какое впечатление произвел звук на двух юных клиентов. Заставил содрогнуться. Задуматься. Вызвал желание.

Девчонка уже не пыталась уйти. Она смотрела на вход в лабиринт. «Класс!» — светилось в ее глазах. Еще один крик — настоящий, и в этом-то вся прелесть, настоящий детский ужас, никаких записей, — и дело

сделано.

— Пятнадцать долларов и двадцать центов, — сказал подающий надежды молодой человек. — Больше у меня нет.

Роббинс бросил взгляд на автостоянку. Приближались новые клиенты, все аккуратно одетые, похожие на членов «Общества Иисуса», парни в слаксах «Докере», девчонки в строгих платьях с длинными рукавами и глухой застежкой до горла, маленькие крестики на цепочках — ни дать ни взять трансильванские крестьяне или что-то в этом роде. Гормоны сегодня бурлят. Хотя и не так сильно, как на порношоу. По правде говоря, некоторых девчонок жаль. Но с другой стороны, святоши — это не наркотики, не бешеные глаза выходцев из трущоб, не ножи и пистолеты. Роббинсу не нужны проблемы. Только непрерывный поток зеленых бумажек.

— Пятнадцать, — сказал Роббинс. — Мелочь оставь себе. И не говори никому, что я сделал тебе скидку.

Джо Квотербек просиял. Он посмотрел на подружку, словно взял первый приз на соревнованиях.

Прошел час.

Роббинс собирал деньги и считал выручку, слушая, как отчаянно визжат дети. В этом году «дом ужасов» обошелся ему в дополнительные четырнадцать сотен — пиломатериалы, краска, оборудование. Деньги немалые, но нельзя отставать от конкурентов. В полутора часах езды по шоссе 1–25 два проповедника из Денвера — один исправившийся уголовник, как и Роббинс, — открыли собственные «дома ужасов».

Можно заработать неплохие деньги, пугая юных христиан и выбивая из них мирскую дурь, но это искусство каждый год требовало совершенствования. Совсем недавно хватало несколько красочных диорам с карами, которые ожидают наркоманов, токсикоманов, пьяниц, шлюх, гомиков, голливудских богохульников и других грешников, служащих топливом для евангелического пламени. Теперь же требовалось обставлять все, как у Сесиля де Милля.^[8]

В этом году, к примеру, Роббинс привез со свалки кузов «тойоты» и подвесил в воздухе, словно машина падает с утеса... с пьяным водителем за рулем. Чуть дальше над озером целлофанового «огня» поджаривается, истекая жиром радикализма, восковая кукла кинорежиссера Майкла Мура. Неизменным успехом пользовался врач, делающий аборты, роль которого в этом году исполнял брат Роббинса Тед; он медленно отворачивался от гинекологического кресла (пара лошадиных подков, точечной сваркой прикрепленных к шестам), держа в руках окровавленный плод (кукла

обмочившегося младенца с отключенным голосом). Потом врач-злодей — Роббинс старался идти в ногу со временем — продавал плод исследователю стволовых клеток. Другой популярный персонаж — парализованная женщина в исполнении жены Теда; она отчаянно умоляла сохранить ей жизнь, в то время как атеисты по очереди выдергивали трубки, которые тянулись от нее к медицинской аппаратуре. Еще дальше учитель колошматил ребенка за то, что тот читал Библию на уроке биологии.

Но настоящим гвоздем программы, приносившим в этом году самые большие деньги, был аттракцион «Ад». Слухи об этом шоу распространились довольно широко. Ребятишки приезжали даже из Шайенна, чтобы нырнуть в преисподнюю через пластиковый желоб, купленный в универсальном магазине «Таргет».

Роббинс очень старался, придумывая свой маленький шедевр. Там имелись озера тьмы, стробоскопические лампы, туман из сухого льда, а песня «Роллинг стоунз» «Сочувствие дьяволу» исполнялась на пределе громкости. Призрачные демоны возникали буквально из ниоткуда. Кроме брата Теда и его жены, еще несколько членов клана Роббинсов приехали сюда из Юджина, чтобы нарядиться злыми духами и выпрыгивать из темноты, хватать за волосы, бегать на четвереньках, стонать, выть и лаять, до полусмерти пугая грешников. Судя по душераздирающим крикам, команда Роббинсов прекрасно справлялась с работой.

Часов около девяти появился первый из беспокойных родителей. Они приезжали каждый год. Всегда останавливались в дальнем конце стоянки — именно так приказывали им стеснявшиеся сыновья и дочери. Они прибывали примерно в это время, переживая, куда запропастились их Джонни или Кори.

— Вы не видели тут девочку примерно такого роста? — спросила мамаша. — У нее светлые волосы и очки. Прошел уже почти час.

— Она внутри, — ответил Роббинс, указывая пальцем на вход в преисподнюю. — Никто еще не выходил. Молодые люди бродят там по кругу. Вообще-то предполагается, что они пройдут насквозь и выйдут. Но все застревают.

Пронзительный визг заглушил «Роллинг стоунз». Мамаша вздрогнула. Хорошенькие ножки. И обручального кольца нет. Роббинс покачал головой и прищелкнул языком.

— Они обожают пугаться.

Завопил какой-то парень. Львиный рык ярости и боли. Неплохо, малыш. Крик затих.

— Боже милосердный... — пробормотала мамаша.

— Дети, — сказал Роббинс.

Женщина смотрела не на него, а куда-то за спину.

— Салли?

Роббинс повернулся.

Там стояла девочка — одежда изодрана в клочья, лицо в «крови». Она не отвечала. Просто смотрела невидящим взглядом, не замечая их.

«Проклятье! — подумал Роббинс. — Я же говорил Теду и остальным: никакой краски. И никаких грубостей, черт возьми».

Вечная проблема с родственниками. С одной стороны, они работают бесплатно. С другой — их невозможно уволить. Теперь ему выставят счет за новую одежду. А на Салли было явно недешевое голубое платице, что продают со скидкой в универмаге «Уол-Март».

— Салли? — повторила мамаша.

Девочка без чувств рухнула на землю.

— Дженнифер! — снова крикнул Дэйв.

Велосипед валялся у его ног. Ведерко в форме тыквы ярким оранжевым шаром лежало на подстилке из листьев. Дэйв огляделся, затем еще. Откуда начинать? Лунные тени словно исполосовали землю. Трещины в валунах напоминали разверзнутые пасти. Ни души. И сотовый телефон как назло сломался. — Дженнифер!

Этого просто не может быть. Сейчас с криком она выскочит из зарослей. Деревья скрипели и царапали ветвями, секунды превращались в минуты, и Дэйв наконец нарушил молчание и стал звать на помощь.

Первый Человек-паук: Нэн?

Мальчики осторожно вошли в дом; лучи фонариков прорезали тьму. Никакой мебели. И вонь. Даже для ко всему привычных мальчишечьих носов это было слишком.

Второй Человек-паук: Что это?

Первый Человек-паук: Дерьмо. Собачьи какашки.

Джейсон: На ковре?

Кучки были разбросаны по всему дому. Мальчики растерялись. Они приготовились к мертвым телам, вырванным глазам, черепам, крыльям летучих мышей — всему, что связано с ведьмами. Но дом не сильно

отличался от остальных, и женщины использовали его как временное пристанище. Вроде берлоги зверя.

Первый Человек-паук: Нечего тут делать.

Второй Человек-паук: А как начет Нэн?

Джейсон: Посмотрите сюда, парни.

Это была хозяйская спальня — без кровати, без письменного стола, без зеркала. Костер, который разводили прямо в центре комнаты, насквозь прожег берберский ковер. Потолок почернел от копоти.

Первый Человек-паук: Никак кости?

Похоже на маленькие веточки. Черепа размером с клубнику. Мальчики сгруппировались вокруг кострища.

Второй Человек-паук: Белки.

Джейсон: Или мыши.

Первый Человек-паук: Круто!

Второй Человек-паук: А где Нэн?

Первый Человек-паук: Хватит нам мозги пудрить, Нэн.

На полу в кухне они нашли портфель. Среди бумаг обнаружился контракт на покупку дома с «галочками» в местах для подписи.

Первый Человек-паук: Откуда такая вонь?

Джейсон: Из духовки.

Из холодной духовки.

Второй Человек-паук: Не открывай, придурок.

Джейсон: Обана!

Первый Человек-паук: Что это?

Второй Человек-паук: Мясо.

Первый Человек-паук: Мясо?

Джейсон: Старое мясо. Вон какое серое. Фунтов сто, наверное.

Второй Человек-паук: Может, они подстрелили оленя?

Джейсон: Откуда тут олени?

Первый Человек-паук: А это не ноготь?

Джейсон: Быть такого не может.

Второй Человек-паук: Не трогай, тупица. Черт, теперь ты его уронил.

Они уставились на то, что лежало на полу.

Первый Человек-паук: Рука? Чья-то рука?

Духовка скалилась, словно разверзнутая пасть.

Второй Человек-паук: Там человек.

Первый Человек-паук: Я пошел.

Второй Человек-паук: А Нэн?

Первый Человек-паук: Пусть ее копы ищут.

Джейсон: Мы не можем уйти. Они нас арестуют.

*Из двери в подвал донесся шум. Снизу поднимался запах сырой земли.
«Нэн?» Опять какой-то звук.*

Первый Человек-паук: Она внизу.

Второй Человек-паук: Я туда не пойду.

Первый Человек-паук: Мы должны.

Вооружившись острыми осколками костей и досками, оторванными от стен на дрова, мальчики начали спускаться по лестнице. Лучи фонариков выхватывали из темноты холмики грязи. Горы грязи.

Второй Человек-паук: Дикае собаки? В подвале?

Джейсон: Это кладбище, тупица. Старухи — серийные убийцы.

Вот оно, объяснение. Жуткое, но объяснение. Мальчики облегченно вздохнули.

Первый Человек-паук: «Молчание ягнят».

Второй Человек-паук: «Техасская резня бензопилой».

Джейсон: «Изгнанные дьяволом».

Первый Человек-паук: Ух ты!

Джейсон: Что это?

Они собрались у края дыры в дальнем углу. Вот он, источник всей

грязи. Извилистый туннель нырнул вниз, под бетонный фундамент, куда не доставали лучи фонарей.

Второй Человек-паук: Нэн?

Из дыры раздался звук, похожий на зевок.

Первый Человек-паук: Слышали?

Грязь в углу зашевелилась, послышалось слабое шипение.

Джейсон: Пора убираться отсюда.

Лучи фонарей скользнули по стенам. Лестница вдруг показалась такой далекой.

Джейсон: Бежим!

— Сэм? — позвала Ребекка с порога спальни.

Кровать девочки была пуста.

— Что за шутки, Сэм?

У Сэм не было привычки к таким играм. Кроме того, она болеет. В школе эпидемия, поэтому дети рано закончили традиционный для Хеллоуина обход домов. Ребекка опустилась на колени и заглянула под кровать. Игрушки и книга. «Мадлен». В углу светится ночник в виде диснеевской Русалочки. Бесполезная штука.

— Ладно, Сэм, теперь можешь выходить.

Ребекка распахнула дверь шкафа. Второпях она едва не пропустила дыру в углу под одеждой. Паркет был разобран.

— Джейк!

Он прибежал — босиком, с голой грудью, сжимая в руке фонарь «Мэглайт», словно дубинку. Бросив взгляд на дыру, Джейк принялся с остервенением отрывать доски, расширяя отверстие. Это еще больше испугало Ребекку.

— Что ты делаешь?

Джейк не ответил.

— Сэм! — крикнул он в дыру.

— Что это?

— Кажется, я знаю.

Ребекка попятилась, испугавшись его силы, его уверенности.

Джейк, не раздумывая, прыгнул вниз, ногами вперед. Наклонившись над сломанными досками, Ребекка с ужасом смотрела, как муж набросился на стену подвала, разбирая шлакобетонные блоки. Словно он разрушал их мир.

— Джейк?

Он не оглянулся. Не попрощался. Да и с какой стати? Просто прошел сквозь стену, покинул их безопасное убежище и вышел на улицу.

Ребекка резко повернулась и метнулась к окну. Похожий на сумасшедшего или оборотня из фильмов, в одних пижамных брюках, Джейк бежал к залитым лунным светом скалам над рекой. Пористые белые скалы. Испещренные норами.

Ребекка старалась не вдумываться в смысл сказанных им слов. «Кажется, я знаю». Теперь и она догадалась. Но этого просто не может быть. Джейк говорил Сэм, что чудовищ больше нет. Даже в шутку поклялся.

Нет, это невысказано. Ребекка не желала видеть доказательства. Сознательно игнорировала разобранный пол, дыру, которая вела к другой дыре, а затем к туннелям в скалах. Сэм лунатик — вот в чем дело. Она ходит во сне, и Джейк ее найдет. Ему известны все укромные местечки, где может прятаться дочь.

А затем тени на улице ожили. Они словно клубились. Дуб, кусты терновника и навес для инструментов вдруг извергли из себя неясные фигуры, заполонившие двор. Смотревшая из окна Ребекка хотела закричать, предупредить Джейка, но стекло остановило ее — в этом она убедит себя позже. Непроницаемое стекло.

Она поразились, как быстро сдался Джейк. Муж несколько раз ударил бледные, освещенные серебристым светом луны фигуры. Потом пнул ногой. Ребекка услышала его приглушенный крик, а затем он исчез под грудой животной ярости.

Ребекка отвернулась. Отошла от окна. Подняла с пола подушку, вдохнула детский запах. «Сэм, Сэм. Сэм».

Позже она заменит свою трусость чем-то другим. Но не теперь. Не в эту бесконечную ночь.

То, что обнаружили в «доме ужасов» преподобного Роббинса, затмило его примитивные шутки и интерактивные шоу. Тех, кто постарше, просто убили и бросили — за ненадобностью. К чести футболистов, несколько человек попробовали дать отпор. Их было легче всего опознать — по

обрывкам курток с названием команды.

Остальных детей забрали.

Час за часом они приходили и платили деньги, чтобы заглянуть в ад.

И ад пришел за ними.

ДОКУМЕНТЫ

ДОКУМЕНТЫ

ТУСОН, АРИЗОНА — ЕЖЕДНЕВНЫЙ ОТЧЕТ ПОЛИЦИИ —
31 ОКТЯБРЯ

<i>Время</i>	<i>Происшествие</i>	<i>Примечания</i>
16.57	Отлов собак	Дрались 2 собаки
18.32	Нарушение общественного порядка	Сообщение о громкой музыке; контакт установлен, нарушителя убедили
19.15	Общественные услуги	Доставка Молодежной христианской организации упаковки карамели для Хеллоуина
20.05	Нарушение общественного порядка	На месте происшествия лают собаки; помощь не потребовалась; собака уведена в помещение

20.06	Избиение	Сообщения о криках; на место направлен наряд
20.07	Срабатывание сигнализации в доме	Сработала сигнализация в подвале; вызов отменен, ложная тревога
20.08	Срабатывание сигнализации в доме	Движение на заднем дворе и в подвале; полицейского не пустили в дом
20.08	Стрельба	Выстрелы в жилом доме
20.08	<i>Нарушение общественного порядка</i>	<i>Детские крики; пожилой полицейский объясняет Хеллоуином</i>
20.09	Подозрения	Женщина слышала крики о помощи из соседней квартиры, жертвы нет, преступника нет
20.09	Стрельба	25 выстрелов в кондоминиуме, на место отправлен наряд
20.09	Нарушение общественного порядка	Крики о помощи

20.10	Несчастный случай с причинением телесных повреждений	Бездомный выбежал на дорогу, сбит машиной; «скорая помощь» вызвана
20.10	Нарушение общественного порядка	Крики 2 женщин
20.11	Водитель-лихач	Водитель-лихач, наряд преследует
20.11	Укусы животных	Сообщение об укушенном человеке; пострадавший не знает, что это за животное... и т. д.
20.24	Опоздавший	Дети не вернулись вовремя, на поиски отправлен наряд
20.24	<i>Несчастный случай с причинением телесных повреждений</i>	<i>Найдено тело</i>
20.24	Водитель-лихач	Водитель-лихач, преследование не ведется
20.24	Опоздавший	Пропали дети, на поиски отправлены наряды

20.24	Несчастный случай с причинением телесных повреждений	Найдено тело
20.24	Медицинская помощь	Требуется медицинская помощь, травмы получены в драке
20.24	Укусы животных	<i>Сообщение об укусах животного, не собака; пострадавший утверждает, что это хейдл; медицинская помощь</i>
20.24	Стрельба	Выстрелы
20.25	Опоздавший	Пропали дети, на поиски отправлены наряды
20.25	Несчастный случай с причинением телесных повреждений	Найдено 3 тела
20.25	Опоздавший	Пропали 5 детей
20.25	Стрельба	Выстрелы

20.25	Медицинская помощь	Требуется медицинская помощь
20.25	Опоздавший	Пропали 2 детей
20.25	Опоздавший	Пропали дети... и т. д.
20.26	Подозрения	Позвонивший утверждает, что слышит громкий топот на крыше
20.26	«Тревога Амбер» ⁹	Объявлена «Тревога Амбер», пропавший ребенок
20.26	<i>Чрезвычайная ситуация</i>	<i>Вызваны все свободные от службы сотрудники полиции... и т. д.</i>
20.38	«Тревога Амбер»	Вторая «Тревога Амбер», 5 пропавших детей... и т. д.
20.49	«Тревога Амбер»	Шестая «Тревога Амбер», пропавший ребенок
20.49	«Тревога Амбер»	Седьмая «Тревога Амбер», пропавший ребенок
21.03	Сбой системы	Вышла из строя система «Тревога Амбер»

[\[9\]](#)

На следующее утро

Никто из родителей не спал в ту страшную ночь. Те, у кого не было телевизора, узнавали новости от взволнованных родственников или оповещений об опасности, рассылаемых школами. Полицейские машины прочесывали жилые кварталы. В небе висели вертолеты, освещая прожекторами улицы и эстакады. На лужайках появились национальные гвардейцы в форме. В десятках городов взвинченные до предела граждане отстреливали несчастных воров-домушников, вандалов, любителей граффити и разносчиков пиццы.

В два часа утра президент объявил чрезвычайное положение. К рассвету автострады по всей стране опустели. Школы и предприятия закрылись. По непонятной причине — несмотря на то, что опасность исходила из-под земли, — воздушный транспорт тоже не работал. Американцы жадно ловили новости — Национальное общественное радио, телеканал «Фокс», программа «Доброе утро, Америка», Интернет. Подобно аналитикам из разведки, они звонили друг другу, обсуждая каждый новый блог, интервью, факт, теорию или видеоклип.

Основной удар пришелся на Соединенные Штаты. С севера Мексики сообщали об инциденте неподалеку от границы с США, мексиканские средства массовой информации связали его с Хеллоуином. Нападению также подверглись южные районы Канады. Но главной целью явно стала Америка. Похищали именно американских детей. Все, кто их защищал, были убиты.

Цифры похищенных значительно различались. Некоторые сообщали о тысячах жертв. Более осторожные комментаторы говорили о сотнях — или того меньше. Но не число пропавших детей определяло ужас случившегося. Чудовища из прошлого вновь напали на нас — и это произошло на нашей земле, в наших домах, в современном мире.

«Для тех, кто к нам только что присоединился...»

«... цифры продолжают корректироваться. Сообщения приходят со всех концов страны. Официальные данные продолжают расти. Джим. Более двенадцати сотен...»

«Пресс-секретарь Белого дома Артур Юнг пересмотрел — в сторону понижения — оценку числа жертв ночного нападения: семьдесят три

пропавших и сто тринадцать убитых. Он заверил нас, что атаке подверглись всего пять городов, а не десятки, как сообщалось раньше. Эти цифры еще могут измениться. Тем не менее он призывает к спокойствию».

«И самая свежая новость. Из Лос-Анджелеса сообщают о бунтах и грабежах. Губернатор спешно вводит войска».

«Мы продолжим в прямом эфире освещать...»

Никто не знал, как назвать случившееся ночью. Каждый телевизионный ведущий обыгрывал собственное определение или фразу. Полуночный рейд. Вторжение на Хеллоуин. Блицкриг. Повторение Перл-Харбора. Повторение 9/11. Вендетта. Война миров. Избиение младенцев. Что это? Террористический акт? Или война? Никто не знал.

Что касается врага, тут сомнений не оставалось. Каким-то образом орде демонов удалось воскреснуть. После многих веков угнетения, рабства, ночных кошмаров и роли вскармливаемого на солнце скота человечество решило, что избавилось от ада. Теперь же преисподняя разверзлась у подножия лестницы, ведущей в подвал каждого дома.

Куда бы ни заходили люди в этот день, везде их ждали ужасные картины и неотредактированные съемки, которые в иных обстоятельствах не пропустила бы сетевая цензура.

«Пожалуйста, имейте в виду, что эти кадры не предназначены для детей...»

«Если ваши дети смотрят, пожалуйста...»

«То, что вы сейчас увидите, не предназначено для детей...»

Дети. Все дело в детях. Сомнений в этом не было.

Некоторые сюжеты повторяли снова и снова. Они стали известными. Видеонаблюдение в Юджине. Гостиная ведьм. Мужчина с содранной кожей. «Дом ужасов». Ребекка. Снова и снова.

Видеокамера банкомата зафиксировала призраков — белых призраков, двигавшихся очень быстро. При замедленном воспроизведении и увеличении с помощью компьютера белесые тени превратились в человекоподобных существ, бегущих по Мейн-стрит города Юджина. Камера зафиксировала и время — 18.22. Тихоокеанское время. Существа действовали дерзко. В этот час в Орегоне только начинало темнеть.

Дом на окраине одного из районов Атланты окружен желтой полицейской лентой. Рядом толпятся копы попеременно с одетыми в черное спецназовцами и солдатами национальной гвардии в выцветшем

камуфляже. Журналист говорит в камеру. Поступило сообщение, что вчера вечером четверо юных жителей Атланты подошли к дому, чтобы потребовать угощение, как это обычно делают дети на Хеллоуин. На увеличенных снимках и кадрах видеосъемки можно разглядеть маску Человека-паука и фонарик у входной двери.

«По словам соседей, в пустующем доме жили три бездомные женщины. Да, Моника, нам сообщили, что в подвале дома найден туннель».

Вдруг раздаются выстрелы. Всех охватывает паника. Камеры начинают беспорядочно вращаться. Доносятся крики.

— Вали его! Вали этого недоноска! Забери у него пушку!

Камера выхватывает нескольких полицейских, которые удерживают лежащего на тротуаре мужчину. Они не хотят бить его или применять электрошокер под пристальным взглядом телевизионных камер.

Одетый в легкие шорты мужчина вырывается и кричит:

— Билли! Отпустите меня, сволочи! Там мой сын. Я иду за ним. Билли! Я иду за тобой, сынок.

Люди слоняются у полицейского участка. В других обстоятельствах и в другое время их можно было принять за зомби, оставшихся после Хеллоуина. Волосы всклокочены. Глаза красные и припухшие. Они беспорядочно перемещаются, толпятся у доски объявлений с фотографиями и описаниями.

Одна из женщин замечает камеру. Она отделяется от задней части толпы и приближается к оператору, держа перед собой фотографию.

— Вы не видели моего сына? — Женщина называет имя. — Если кто-то его видел, пожалуйста, позвоните. Вчера вечером мы разрешили ему пойти с друзьями. Он просил, и мы разрешили. Мы разрешили.

Камеру замечают другие родители. Все повторяется. К объективу тянутся руки с фотографиями. Фигуры заполняют экран.

Непрофессиональная видеосъемка показывает двух любителей бега трусцой, стоящих в Центральном парке среди деревьев и огромных валунов. На улице холодно. Щеки у мужчин ярко-красные, изо рта вырывается пар.

— Да, мы бегаем тут каждое утро. Знаете, в это время всегда находишь всякую дрянь, оставшуюся с прошлой ночи. Но такое впервые.

В объективе камеры появляется лицо второго бегуна.

— Поначалу мы даже не поняли, что там такое. То есть понятно, что

какое-то существо, животное. Кто бы мог подумать, что это человек.

Камера медленно перемещается, показывая валуны. Рядом на подстилке из опавших листьев лежит оранжевая тыква. Детский велосипед.

Камера покачивается. Слышен шелест листьев. Фокус то пропадает, то восстанавливается.

Лес выглядит неприветливо, валуны блестят, покрытые корочкой льда. Почти как на Рождество. Между деревьями висят длинные розовые веревки. С веток свисают синевато-серые внутренности.

— Господи, теперь я вижу, — говорит оператор. — Он будто взорвался. Ужас. А это почка парня?

Подходят любители бега.

— Такое увидишь только в Нью-Йорке, приятель.

Лицо женщины во весь экран. Ее красота ошеломляет. От лица невозможно оторвать взгляд. Небрежно заплетенные в косы белокурые волосы делают ее похожей на королеву викингов.

— Ваша дочь и муж пропали вчера вечером, миссис Колтрейн?

— Да, дочь пропала.

— А муж?

— Он умер, а не пропал. Я видела. Его найдут ниже по течению реки, я уверена.

Пауза.

— Можете нам рассказать, что вы видели?

Женщина смотрит на нас. Телевизионный экран словно вибрирует от отражающихся на ее лице чувств. На это невозможно смотреть. Вдова и безутешная мать сейчас потеряет самообладание. Заплачет, разразится проклятиями или лишится чувств. Но нет, она просто отвечает.

— Я видела, как человека одолели дикие звери.

По щеке скатывается одинокая слеза. Женщина не вытирает ее. От ее достоинства разрывается сердце. За кажущейся силой духа могут скрываться шок или безумие, но эти зеленые глаза слишком чисты. Ужасная ночь произвела на свет нечто необыкновенное — вы это чувствуете.

— Я понимаю, как вам тяжело, миссис Колтрейн.

— Ребекка, — повторяет она.

— Вы надеетесь когда-нибудь снова увидеть дочь, Ребекка? — набирается смелости журналистка.

Женщина ни секунды не колеблется. Она знает ответ.

— Бог сохранит ее для меня. Я найду ее и приведу назад, на свет.

Журналистка неловко ерзает.

— Бог?

— Конечно. Это испытание. Мы на войне. И победитель будет только один.

— Вы выглядите такой уверенной. — Журналистка пытается скрыть свои чувства, но она также растеряна и напугана, как и все остальные. — Почему?

Лицо Ребекки еще светлеет. Становится одухотворенным, словно озаряется внутренним светом. Наклонившись, она дотрагивается до руки журналистки. Женщина, чья жизнь разрушилась за одну ночь, успокаивает незнакомого человека, который потерял всего лишь мужество.

— Верьте мне, — говорит Ребекка. — Не бойтесь. Мы избранный Богом народ.

— Значит, мы победим?

— Этого я не знаю. Но точно знаю, что дети вернутся к нам. Обязательно.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ КАНАЛ «ФОКС НЬЮС»

Программа Роба О'Райана «Час горячих новостей»

О'Райан: Предполагалось, что все закончилось, генерал Лансинг. Эпидемия очистила подземные туннели. Так мы думали. Нам говорили, что хедди разделили судьбу почтовых голубей. Вымерли. Исчезли. После подземной эпидемии, случившейся десять лет назад, правительство Соединенных Штатов дало нашим гражданам «зеленый свет». В настоящее время более 1,3 миллиона американских первопроходцев осваивают субтерру, от Атлантических впадин до Тихоокеанской чаши. Мы считали недра земли безопасными. Оказалось, что это не так. Теперь стало ясно: хейдлы целы и невредимы. У вас есть объяснения?

Генерал: Возможно, какая-то группа пережила эпидемию в изолированной части системы туннелей. Возможно, кто-то из них в это время находился на поверхности, и теперь они организуются.

О'Райан: Вы имеете в виду «спящие ячейки»? Эти существа давно внедрились в наши города, в наше общество и просто ждали?

Генерал: Мы пока не знаем. Но я скажу вот что. За последние десять

лет американцы стали самодовольными. Эпидемия дала людям ложное чувство безопасности.

О'Райан: То есть мы все время должны быть начеку?

Генерал: Таково солдатское правило, Роберт. Бдительность.

О'Райан: И что дальше, сэр? Погоня по горячим следам? Специальные операции? Введение войск?

Генерал: Всем известно, что три года назад предыдущая администрация подписала международный договор о субтерре. Теперь наконец стали видны последствия этого шага.

О'Райан: Не нужно обвинять меня, генерал. В свое время я называл договор ошибкой. Но люди видят лишь то, что хотят видеть. Нам преподносили этот документ как начало новой утопии. Вечный мир на земле. А дьявол, как всегда, в деталях. Запрет аннексии и милитаризации подземных территорий — это потрясающе и очень благородно. А теперь мы обнаружили, что связаны — по рукам и ногам, мы, американский гигант, — международной организацией, которая всегда была враждебна нашим интересам.

Генерал: У меня связаны руки — больше мне нечего сказать.

О'Райан: Возмутительно. Правда. Это безумие, генерал. Массовые убийства на земле Соединенных Штатов Америки. Тысячи детей похищены из собственных домов. И мы должны сидеть сложа руки и просить разрешения себя защитить?

Генерал: Договор, Роберт.

О'Райан: От этого тошнит, генерал. Хорошо, хватит пока об этом. Позвольте представить еще одного гостя, профессора Александру фон Шаде, эксперта по цивилизации и культуре хейдлов. Она присоединяется к нам из студии в Сан-Франциско, где находится возглавляемый ею Институт изучения человека. Добро пожаловать на борт.

Фон Шаде: Спасибо.

О'Райан: Итак, они живы, доктор фон Шаде. Как ученый, занимающийся вымершей — мы так думали — расой, вы должны быть очень взволнованы.

Фон Шаде: Взволнована? Этой ночью произошла ужасная трагедия.

О'Райан: По вине ваших хейдлов.

Фон Шаде: Они не мои, мистер О'Райан. До вчерашнего вечера мы не предполагали, что кто-то из них выжил.

О'Райан: Не секрет, что вы их защищаете.

Фон Шаде: Я изучаю остатки их цивилизации — лингвистические, археологические и культурные.

О'Райан: Вы известный специалист в данной области. Давно занимаетесь хейдлами. Можете сказать, что ждет похищенных детей?

Фон Шаде: Только предположить. Сначала будет шок. Похищение, долгие странствия по туннелям, внезапное перемещение в вечную ночь, изменение рациона, тоска по дому — все эти и другие факторы вызовут стресс. В первые дни и недели им придется столкнуться с огромными трудностями.

О'Райан: Трудностями? По-вашему, это похоже на путешествие за границу?

Фон Шаде: Похитители сделают все, чтобы дети выжили. Обеспечат лучшей едой и уходом — насколько возможно. Будут оберегать от опасностей, которые могут встретиться на пути. Вы должны знать, что хейдлы ценят наших детей.

О'Райан: Особенно девочек. Для размножения?

Фон Шаде: По какой-то причине у Номо hadalis возникли трудности с воспроизводством себе подобных. Они научились преодолевать межвидовой барьер и создавать гибриды, чтобы выжить. Это случилось так давно, что превратилось в культурный инстинкт.

О'Райан: Культурный инстинкт? Профессор, в ваших устах это вновь звучит легко, безобидно и разумно.

Фон Шаде: Разумно — да. Но не безобидно. И совсем не легко. Для пленников. И их семей.

О'Райан: Что все-таки происходит? Хейдлы пытаются восстановить свою численность?

Фон Шаде: Не знаю. Вполне возможно.

О'Райан: Тогда почему они не похищали людей в других странах? Почему только в Америке?

Фон Шаде: Я тоже теряюсь в догадках. Похоже на политическое заявление. Террористический акт.

О'Райан: Но это человекоподобные существа. Или демоны.

Фон Шаде: Оглядываясь назад, я могу сказать: нам вообще не следовало спускаться под землю. Обнаружив, что ад существует, что он обитает, мы должны были огородить его, отойти подальше и хорошенько подумать, прежде чем идти на контакт. А мы бросились туда сломя голову. Убили обитателей подземного мира. Уничтожили какой-то разновидностью биологического оружия...

О'Райан: Вы упорно придерживаетесь своей конспирологической теории. Нет никаких доказательств искусственных причин эпидемии.

Фон Шаде: Я видела капсулы.

О'Райан: Доказано, что это была имитация.

Фон Шаде: Мы нарушили хрупкое равновесие. До той поры у нас с ними было что-то вроде мирного договора. Чудовища по большей части оставались внизу. Мы — за исключением некоторых литературных героев, таких как Одиссей, Эней или Данте, — на поверхности. А потом оказалось, что племенам хейдлов просто некуда идти. Возможно, они пытаются вернуть прежнее равновесие: они там, мы тут.

О'Райан: Устроив кровавую баню по всей Америке?

Фон Шаде: Мы уничтожили их, в том числе детей. Лишили будущего целый народ. Вот как это выглядит.

О'Райан: Значит, око за око? Вы считаете, что Америке поделом?

Фон Шаде: Конечно нет.

О'Райан: Все равно: как аукнется, так и откликнется?

Фон Шаде: Мы должны предвидеть последствия своих действий.

О'Райан: И все-таки почему Америка? Почему не Китай, Франция или Арабские Эмираты?

Фон Шаде: Возможно, они считают, что Америка ответственна за геноцид, и это их месть. А вообще, как мне кажется, хейдлы хотят, чтобы их оставили в покое.

Экран делится на две части, и мы видим сидящего рядом с О'Райаном генерала Лансинга. Он в ярости. Лицо его подергивается. Генерал с трудом сдерживает себя.

О'Райан: Вы утверждаете, мадам фон Шаде, что хейдлы дали людям цивилизацию. По вашим словам, они познакомили человечество с пирамидами, сельским хозяйством и поэзией. Без них мы до сих пор были бы обезьянами, живущими среди болот.

Фон Шаде: От фактов никуда не денешься. Нас обучали. Мы унаследовали цивилизацию.

О'Райан: Цивилизацию? Речь идет о существах, которые питались нами. Использовали нас как рабов и домашний скот. Они похитили наших детей. А вы упорно продолжаете очеловечивать их.

Фон Шаде: Это они очеловечили нас. Такова моя точка зрения.

О'Райан: А теперь давайте посмотрим репортаж с одного из мест, где минувшей ночью произошли убийства. Попробуем посмотреть, насколько гуманны эти существа. Хочу предупредить родителей: то, что мы покажем, не предназначено для детских глаз...

На экране мелькают кадры с очередного места ночной бойни. На рекламном щите у дороги видна надпись: «Дом ужасов», «Спасение через ужас». На самом деле «дом» представлял собой старый цирк шапито, прилепившийся к склону холма. Задняя часть тента частично обрушилась, открыв вход в шахту с ржавой металлической дверью, раскачивавшейся на одной петле.

О'Райан: Мы получили эти кадры от одного из наших корреспондентов в Колорадо-Спрингс. Это было что-то вроде «дома с привидениями» для старшеклассников. К несчастью, аттракцион располагался рядом с заброшенным золотым рудником.

Камера уводит нас внутрь. Яркое солнце Колорадо, такое мягкое ранним утром, проникает сквозь забрызганные кровью брезентовые стены. На полу разбросаны обломки «страшилок»: Библия, выкрашенная в красный цвет пластмассовая кукла. В воздухе висит, покачиваясь, кузов автомобиля.

О'Райан: За два ужасных часа двадцать три подростка были похищены и уведены в шахту. Но сначала диверсионная группа убила всех взрослых, а также тех, кто оказывал сопротивление.

На экране появляются тела — с бирками, но еще не убранные в мешки. Мертвый мужчина, казалось, сам удивляется своему состоянию. Полностью обнаженный, он лежит навзничь; его тело изувечено. На бедрах одинаковые раны, длинные и глубокие, обнажающие красные мышцы. Камера показывает его лицо. Глаза вырваны, а вместо них камни. Именно они придают трупу удивленный вид.

О'Райан: Тела изувечены. Некоторые люди скальпированы и кастрированы. Пятеро обезглавлены. Мясо срезано.

Большинство убитых — мужчины. Бедра вспороты, вместо глаз галька. Несколько молодых и сильных — вероятно, спортсмены. Именно они обезглавлены и кастрированы. Грудная клетка разорвана, ребра поломаны. Камера скользит дальше. В задней части шапито мы видим женщину. Уже мертвую, ее посадили вертикально. Очень крупная женщина. Ее тучность почему-то выглядит еще более неприличной, чем нагота. Она сидит, изнемогая под грудой собственной плоти. Камера

задерживается на гигантской груди. Каждая грудь украшена алой ленточкой, свернутой спиралью и заканчивающейся у соска.

Они не вспороти ей бедра, а просто раздвинули толстые ноги и положили на землю между ними яблоко в карамели, традиционное угощение на Хеллоуин. Справа и слева от женщины расставлены отрезанные головы, все пять. С галькой вместо глаз, они похожи на злых комнатных собачек. С обеих рук женщины свисают какие-то куски мяса.

О'Райан: Видите, как они издевались над этой женщиной — посадили ее, словно манекен или куклу.

Видеофильм заканчивается. На экране появляется О'Райан, сидящий за столом напротив генерала.

О'Райан: Итак, профессор, вы все еще сравниваете этих существ с людьми?

Фон Шаде: Это факт. Хейдлы — потомки *Homo erectus*. Мы две разные ветви одного родового дерева — или куста. Они гораздо более развиты, чем те, кого мы сегодня называем людьми. Ошибочно считать их обезьянами или демонами. На пике своего развития *Homo erectus* имел больший объем черепа, чем современный *Homo sapiens*. Скорее всего, именно *erectus* приручил огонь, а потом стал создавать империи, за десятки тысяч лет до наших.

О'Райан: Значит, я чего-то не понимаю. В представленных нам кадрах вы видели свидетельства человеческого поведения?

Генерал Лансинг: Дикие звери! Демоны!

Фон Шаде: Они потратили время и пошли на риск, чтобы проделать с телами все, что мы видели. Гораздо проще и безопаснее просто скрыться вместе с пленниками. Они задержались, чтобы отдать дань уважения мертвым.

О'Райан: Искромсать их. Вспороть. Вырвать сердца. Отрезать головы. И это называется данью уважения?

Фон Шаде: Взгляните на раны на бедрах. Это что-то вроде подписи. Знак клана или племени, к которому принадлежит воин. Другой клан оставляет надрез на бицепсе или животе. Они ставят метку на враге, чтобы остальные знали. Но раны служат еще для одной цели. Они раскрывают тело для возрождения.

О'Райан: Возрождения? Звучит немного странно. Может, вы объясните для тех, кто живет не в Сан-Франциско, профессор?

Фон Шаде: Через эти раны душа может выйти, чтобы продолжить свой путь и родиться вновь. Они в это верят. Кроме того, раны позволяют телу начать собственный путь. Обнажая спрятанную плоть, раны впускают в тело насекомых и животных, которые помогают вернуть этих людей в священную землю.

О'Райан: А глаза? Хейдлы вырвали у всех глаза. Как вы это объясните?

Фон Шаде: Глаза заменили камнями, чтобы дать им вечное зрение. Сердца вырвали, чтобы съесть. Сердца берутся у самых храбрых бойцов, чтобы их смелость смогла возродиться.

О'Райан: А бедная женщина?

Фон Шаде: Наверное, ее приняли за местное божество. Богиню плодородия. Скорее всего, они приняли посещение людьми «дома ужасов» за ритуал поклонения. Думаю, хейдлы попытались взять ее с собой. И убили, когда она отказалась.

О'Райан: А потом изувечили.

Фон Шаде: Я не видела на ней ни царапины.

О'Райан: Послушайте, они надругались над ней. Оскорбили ее плоть. И кто знает, что еще?

Фон Шаде: Они испытывали священный трепет перед ее телом. Пойди женщина с ними, хейдлы поклонялись бы ей.

О'Райан: Дайте мне запись.

На экране вновь появляется мертвая женщина.

Это называется поклонением? Они ее оскорбили. Превратили в чучело.

Фон Шаде: Они превратили ее в богиню. Посмотрите на нее: большие груди, большой живот, гигантские бедра и ягодицы. Антропологи называют ее состояние «стеатопигия». Даже в двадцатом веке африканские племена высоко ценили таких женщин. Нам всем знакомы артефакты каменного века. У женщины формы доисторической Венеры. Изобилие, плодovitость и питание — все в одном флаконе. Эта женщина занимала бы среди них высокое положение.

О'Райан: Речь идет об убийстве, похищении детей и изнасиловании.

Фон Шаде: С нашей точки зрения — да.

О'Райан: Значит, теперь у этих существ появилась перспектива?

Фон Шаде: Для них это вопрос выживания. Конкуренция за ресурсы, если хотите. Они не делают различий между нами и ними. На их взгляд, все

мы являемся частью одного великого цикла.

Генерал: Ради всего святого, женщина, на чьей вы стороне?

Фон Шаде: Хейдлы не мыслят в категориях сторон, генерал. Вы должны это понять. Они не демоны, наказывающие нас за грехи. Хотя действительно считают нас ужасными грешниками, нечистыми.

Генерал: Получается, во всем виноваты мы?

Фон Шаде: Я этого не говорила. Просто хочу сказать, что хейдлы ненавидят нас не больше, чем хищник ненавидит свою добычу.

Генерал: Значит, вы признаете, что они животные?

Фон Шаде: Как и все мы.

Генерал: Вы понимаете, что я имею в виду.

Фон Шаде: Они совершили чудовищную жестокость. Но на протяжении многих столетий мы поступали точно так же. Фрагменты исторических записей, которые нам удалось перевести, описывают нас — людей, живущих на поверхности, — как дьяволов, зверей и варваров. По крайней мере, хейдлы не хотели нас уничтожить. Только выбраковывали скот, как назвал нас мистер О'Райан. Они никогда не пытались убить всех людей. Именно мы виновны в геноциде. Так называемая эпидемия — это массовое убийство, дело рук человека. Его спланировал американский агент, или агенты, или американская экспедиция.

Генерал: Вы прекрасно знаете, что это китайская пропаганда. Конгресс провел расследование. Отчет опубликован. Случилась природная катастрофа.

Фон Шаде: А вот это уже американская пропаганда. Американские колонисты были эвакуированы непосредственно перед началом эпидемии. Вирус доставлялся в капсулах с маркировкой армии США. Разумеется, никто не рассчитывал, что капсулы найдут. Однако время от времени на них натыкаются колонисты или шахтеры. У нас хранится несколько штук.

Генерал: Что это с вами, люди?

Фон Шаде: Люди?

Генерал: Нам известно, кто вы.

Фон Шаде: Незаконная прослушка — скользкое дело, генерал, если вы это имеете в виду.

Генерал: Слава богу, вас таких немного. Хотя меня удивляет, почему вы вообще существуете. Только благодаря Первой поправке к Конституции и доброй воле американского народа ваш институт еще не закрыли.

Фон Шаде: Сэр, я не... Просто не знаю, что сказать. Надеюсь, вы не призываете к насилию над теми, кто с вами не согласен. Всем нам нужно проявлять осторожность в выборе слов, особенно в такое время и на

публике. Мы переживаем национальный кризис. Наступили опасные времена.

Генерал: Времена для патриотов, мадам, а не для тех, кто оправдывает врага.

Фон Шаде: Генерал...

О'Райан: Вы же мать, профессор фон Шаде, если я не ошибаюсь?

Фон Шаде: Была.

О'Райан: Была?

Фон Шаде: Она умерла.

О'Райан: Простите.

Фон Шаде: Прошло уже много лет. Вирус, принесенный из-под земли.

О'Райан: Разве это не ранит вас как мать? Что бы вы чувствовали, если бы в вашем доме вчера произошло нечто подобное?

Фон Шаде: Уверена — то же самое, что и вы.

О'Райан: Отчаяние? Неистовство? Готовность умереть?

Фон Шаде: Да.

О'Райан: Тем не менее вы защищаете этих зверей хейдлов.

Фон Шаде: Хейдлы нуждаются в нас — вот что я хотела сказать. И когда-нибудь мы будем нуждаться в них. Они были нашими Адамом и Евой, они вывели нас из дикости и привели к цивилизации. Главный враг теперь — страх. Но мир все же возможен.

О'Райан: А как насчет пропавших детей?

Фон Шаде: Не понимаю.

О'Райан: Это несложный вопрос. Дети. Что вы скажете о них?

Фон Шаде: Я сделаю все возможное, чтобы помочь вернуть их.

О'Райан: Говорите, все возможное?

Фон Шаде: Именно так.

О'Райан и генерал переглянулись. Словно знали какой-то секрет. Потом О'Райан, по-бульдोजьски оскалившись — его фирменная улыбка, — повернулся к камере.

О'Райан: Спасибо, что уделите нам время, доктор фон Шаде. А теперь мой следующий гость...

ДОКУМЕНТЫ

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА К НАЦИИ — 1 НОЯБРЯ

Я знаю, что сегодня многие граждане испытывают страх, и призываю вас к спокойствию и рассудительности, даже перед лицом сохраняющейся угрозы. Я призываю подумать о себе, о своих детях.

Мы вернемся к обычной жизни, к повседневным делам, и это хорошо. Время и достоинство побеждают даже скорбь. Но наша решимость не исчезнет. Каждый из нас будет помнить, что произошло и с кем это произошло. Мы запомним момент, когда пришли ужасные известия, — где мы были и что мы делали в это время.

Некоторые говорят об эпохе страха. Я знаю, что впереди нас ждут трудности и опасности. Тем не менее эта страна будет определять эпоху, а не наоборот. Нам причинен огромный ущерб. Мы пережили громадную потерю. Но в скорби и гневе мы поняли свое предназначение. Идет война между свободой и страхом.

Наша страна, нынешнее поколение, избавит от мрачной угрозы насилия наш народ и наше будущее. Для достижения этой цели мы объединим весь мир — своими усилиями, своим мужеством. Мы не отступим, не будем колебаться — и победим.

Сегодня я призываю вас помолиться о тех, кто скорбит, о детях, чья жизнь была разрушена, обо всех, кто лишился покоя и не чувствует себя в безопасности. И я надеюсь, что их утешит тот, кто сильнее любого из нас, о чем уже много веков говорится в псалме 23: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной».

Благодарю вас. Спокойной ночи. Боже, храни Америку.

*Авиабаза ВМС, остров Уидби, Вашингтон,
пять часов спустя*

Али быстро шла по коридорам, стараясь не отстать от эскорта. Волосы намокли. Вертолет привез ее сюда, пробившись сквозь сильную грозу. Даже здесь, глубоко под землей, Али слышала завывание ветра. Они миновали еще один пост и караул с винтовками. Бесконечное число дверей.

Генерал Лансинг ждал ее — тот самый грубиян в мундире, с которым она спорила в телевизионной передаче.

— Благодарю, что пришли, доктор фон Шаде.

Он протянул широкую лапу.

Али устало ответила на рукопожатие. Генерал уже не напоминал огнедышащего боевого коня, который кидался на нее в программе Роба О'Райана «Час горячих новостей». Фирменной сигары тоже не было. Он выглядел интеллигентным и доброжелательным.

— Должна вам признаться, генерал, что у меня возникли некоторые опасения, когда вы обратились ко мне за помощью.

— Вы имеете в виду этот цирк О'Райана, предназначенный для широкой публики? — спросил генерал. — Надеюсь, никаких обид. Его аудитория любит провокации. Я подумал, что вы поступили очень благородно, согласившись на роль козла отпущения.

— Вы так говорите, словно это игра.

— Скорее, театр кабуки, — возразил генерал. — Много условностей. О'Райан не дурак. Он выжимает из этого все, что только можно — красные против синих, записные патриоты против бесхребетных либералов, — лишь бы оставаться в эфире. Иногда нам требуется его ультранационализм. Точно так же, как теперь нам необходимы ваши знания.

— Значит, я тут не для того, чтобы меня сожгли на костре?

— Нет, конечно. Вы нам нужны. Ради детей.

Догадаться нетрудно. Ее главная сила — лингвистика. Вероятно, у них какой-то артефакт хейдлов, который она должна перевести. Или попытаться. Было бы проще, отправь они свой текст к ней в архив. Ее словарь не назовешь огромным, но Али уже знает кое-какие слова и символы. Когда-нибудь будет найден новый Розеттский камень,^[10] который послужит мостом между текстами, оставшимися после империи хейдлов, и

современными языками. До той поры таким мостиком была она.

— Сделаю все, что смогу, — ответила Али.

Генерал остановился у двери.

— Ради детей, — повторил он и открыл дверь.

В нос ударил резкий запах. Фекалии, моча, лизол. И хейдл! Живой хейдл!

За дверью оказалась затемненная комната со столом, стульями и окном с односторонним зеркалом для наблюдения. Али сразу все поняла. Речь вовсе не о документах и артефактах.

Окно выходило в белую комнату. Там к больничной кровати был привязан монстр. Человек, поправила она себя. Homo hadalis. Но глубинные инстинкты победили: монстр.

На белых простынях хейдл выглядел еще более нелепо.словно дикое животное, случайно забредшее в дом и не находящее выхода. Нет, не животное, вновь поправила себя Али. Он гнил заживо, начиная с ладоней и ступней, словно внешний мир медленно пожирал его.

— Мы поймали его вчера вечером на побережье к югу от Портленда, — сообщил генерал.

За год экспедиции «Гелиоса» Али видела хейдлов самых разных форм и размеров. У одних имелись рудиментарные крылья или жабры. У других — доставшиеся от обезьяньих предков длинные цепкие руки, очень удобные для лазанья по вертикальным туннелям субтерры. Третьи были в два раза меньше людей — вероятно, результат длительной изоляции и скудного рациона. Некоторые гнездились в нишах под сводами пещер.

Биологи и генетики терялись в догадках, пытаясь объяснить подобное разнообразие. Мутации и генетические изменения вписывались в рамки научных теорий. Крылья и жабры — нет. Ревностные христиане радостно объявили, что бестиарий хейдлов свидетельствует о несостоятельности теории эволюции. По их мнению, хейдлы были потомками падших ангелов, а их изуродованные тела — это Божья кара.

Грудная клетка хейдла почти не шевелилась. Он отбрасывал на простыню странную красную тень.

— Зачем ему повязка?

Бинт поперек живота, а от него отходят трубки и провода.

— Пара рыбаков заметила его среди скал. Они подумали, что это морской лев, а в этих животных стрелять нельзя. Но морские львы поедают омаров, попавшихся в их ловушки, и рыбаки открыли пальбу. Ему повезло: они были пьяны и не умели стрелять. Со дна лодки мы собрали пятьдесят латунных гильз, а в него попала только одна пуля.

— Дети с ним были?

— Нет. Но мы пошли по его следам и обнаружили водосток и подходящий к нему снизу туннель. И вот это. — Он показал прозрачный пластиковый пакет с заляпанными грязью штанишками от детской пижамы. На них был изображен медвежонок Пух.

Али купила для Мэгги всю серию сказок про Винни Пуха. Они не успели закончить первую книжку.

Али прекрасно понимала, что будет дальше.

Генерал положил пижаму на стол. Там лежала одна книга. «Боевой устав 34.52.3, исправленное издание. Правила проведения допроса».

— Почему я? — спросила Али. — У вас есть специально обученные люди.

— Десять лет назад были. После эпидемии мы исключили язык хейдлов из программы подготовки. Думали, они все мертвы. Из экспертов остались только вы. Я не знаю, к кому еще можно обратиться. Нам нужны ваши способности.

В обычных обстоятельствах Али просто повернулась бы и ушла. В обычных обстоятельствах они не просили бы ее помочь. Впрочем, обстоятельства никак не назовешь обычными.

Можно, конечно, напустить на себя значительность и заставить генерала хотя бы уважать готовность к сотрудничеству и участие. Но они торопились, а Али прожила на этом свете достаточно долго, чтобы разбираться в движениях своей души. Решение она приняла сразу же.

— Ради детей.

— Нам нужно знать, откуда он пришел, каким образом его группа смогла избежать эпидемии, их количество, организацию, руководство, маршрут, оружие, общую стратегию. Является ли нападение началом большой кампании? Чего они хотят? Куда направляются вместе с детьми?

Инструкция по ведению допросов лежала на столе, словно семейная Библия. Важная и строгая.

— Зачем она здесь?

— Продемонстрировать, что мы цивилизованные люди. Мы знаем границы дозволенного. У нас есть правила. Но сегодня в отношении его они не действуют.

— А если я откажусь?

— Честно говоря, я удивлюсь, если вы согласитесь. Естественно, вам это кажется омерзительным.

— Я могу обратиться к прессе. Раскрою всю операцию.

— Думаете, после вчерашней ночи это хоть кого-то волнует?

Генерал прав. На протяжении столетий эти существа поднимались из глубин земли, утаскивали с собой несчастных и проделывали с ними ужасные вещи. Да, люди одобряют любую жестокость, которую сегодня или завтра совершат военные — тут, на авиабазе, или глубоко под землей. Но это не значит, что она должна участвовать в пытках.

— Меня волнует.

— Именно поэтому вы здесь. Вы знаете их. Изучали их. Жили с ними.

Она окинула взглядом хейдла, ища на его теле синяки или ожоги. Ничего. Только следы болезни, шрамы и бледный узор татуировки на коже. А также провода, отходящие от повязки.

— Что вы с ним делали?

— Обучали. Он должен понять, что не контролирует ситуацию. Это ключ к успеху любого допроса.

— Допроса?

— Мы спрашиваем. Он отвечает.

— Похоже на электрические провода.

— Мониторинг основных показателей его состояния.

— Как вы его обучаете?

— Ему ввели парализующее вещество. Его мышцы отказали. Он перестал дышать. Был в полном сознании, но не мог пошевелиться. Абсолютная неподвижность. Пришлось подключить его к аппарату искусственной вентиляции легких. Через несколько минут мы оживили его тело с помощью противоядия. Известный прием, издавна использующийся «Моссадом». Безвредно, но очень страшно. Человек соглашается на все, лишь бы это не повторилось.

— Они люди, генерал.

— Мне все равно — даже если он мой младший брат. Враг нанес удар в самое сердце нашей страны, похитил наших детей, убил наших соседей. Страна в осаде. — Генерал бросил на стол еще один пластиковый пакет. Внутри была полоска мяса. — Нашли у него. Вяленое мясо. Только это не говядина. Мы проведем анализ ДНК и попытаемся определить, чье оно.

Они ошибались, если думали, что ее так легко шокировать.

— Этим я питалась двадцать дней. Очень высокое содержание белка. У нас — в зависимости от места, откуда срезается мясо, — вкус курицы или свинины.

Генерал кивнул. Он все понял. Ее не назовешь слабой женщиной. Она не обижается и не жеманничает.

— Мне нужен ваш ответ, — сказал он. — Время уходит. Несколько отрядов уже ищут детей, результата пока нет. Хейдлы обрушили за собой

туннели. Мы откапываем их, но недостаточно быстро. Дети спускаются все глубже и глубже. С каждой минутой след становится слабее.

— Кажется, сегодня утром китайский посол выступил с заявлением. Разве он не предостерегал против отправки войск?

— Совершенно верно. «Большая игра» продолжается. Им нужна субтерра. Нам тоже. Ставки высоки, и ситуация политизирована до крайности. Но украли не их детей, а наших. Мы проводим разведывательные операции под землей. Проблема в том, что китайцы знают: мы нарушаем соглашение. На нашем месте они поступили бы точно так же. Так что их парни ищут наших парней, и, если они наткнутся друг на друга, большого скандала не избежать. Чем дольше длятся поиски, чем глубже мы уходим, тем выше риск вооруженного конфликта с Китайской Народной Республикой. Именно поэтому мы должны точно знать, где вести поиск, чтобы обеспечить отход и убраться оттуда, прежде чем начнется стрельба.

Али посмотрела через стекло на пленника. Люди думали, что причиной создания ее института был «стокгольмский синдром», когда жертва начинает отождествлять себя с похитителем. Или чувство вины за то, что участвовала в экспедиции «Гелиоса», которая — хотя она об этом не знала — принесла смерть хейдлам. Или мистические теории — Новый век, Атлантида. На самом деле ее преданность погибшей цивилизации отчасти объяснялась инстинктивным неприятием государственного безумия, армий и войн, — того самого безумия, которое теперь ставило Америку и Китай на грань катастрофы.

В эпоху своего расцвета, девять тысяч лет назад, империя хейдлов представляла собой нечто вроде темного рая. Глифы и вырезанные на камне надписи рассказывали об эпохе всеобщего мира, длившейся более трех тысяч лет. Али смотрела на монстра, привязанного к больничной койке. В каком-то смысле хейдлы стали ее марсианами. Их отсутствие давало свободу воображению. Она могла считать их мирной, хотя и уродливой расой. Даже теперь, несмотря на деградацию, кровавые обычаи и пугающую внешность, жестокость хейдлов бледнела перед тем, что люди изо дня в день делали с себе подобными.

— Вы можете его спасти, — сказал генерал.

— Вы его отпустите?

— Избавим от боли. Он сможет умереть спокойно.

У нее были свои кошмары, связанные с пленом, похожим на плен этого хейдла или детей — разлученных с домом, связанных и увлекаемых все глубже и глубже в подземный лабиринт.

— Хорошо, — сказала Али.

Почти всю жизнь, еще задолго до того, как она спустилась под землю и вернулась на поверхность, Али искала Слово, древний знак, символизировавший рождение человечества. И по иронии судьбы поиски человечности теперь ведут ее в камеру пыток. Она спаслась от пособников дьявола лишь затем, чтобы самой сыграть эту роль.

— Ради детей, — прошептала она.

Ее хотели нарядить в одежду хирурга — белый халат и маску, — но Али отказалась.

— У него проказа, — предупредил генерал. — Ремни и отсутствующие пальцы не должны вас обмануть. Он плюется, кусается. Никому не дает приблизиться к себе.

— Все должны быть в халатах и масках?

— Обязательно. — Затем генерал понял, что она имеет в виду. — Очень хорошо. Как знаете.

— Ручка у вас есть? Лучше небольшой чернильный маркер. И зеркало. А еще немного еды и воды.

Генерал отдал распоряжения по интеркому. Али собрала волосы в пучок на затылке. Через минуту принесли фломастер и зеркало. Она отошла от окна к свету и принялась рисовать узоры на лице.

Али писала виртуальную книгу вокруг рта и глаз, тщательно выбирая символы. Скорее всего, хейдл неграмотен. Уже несколько столетий, как они разучились понимать собственный язык, но вид знакомых глифов может успокоить его.

На лбу она нарисовала два симметричных символа дня и ночи, а над ними извилистую змейку реки. На каждой щеке появилась спираль. Если Али не ошибается, спирали являются принадлежностью шамана или ведьмы. Два вытянутых ромба у крыльев носа означают расстояние или время. Для подбородка Али выбрала дух животного — подземной рыбы. Вспомнив символы в туннеле на острове Святого Матфея, она украсила ладонь буквой «алеф».

Генерал никак не отреагировал, когда Али повернулась к нему. За свою жизнь он видел разный камуфляж. Или просто был готов к чудачествам ученого. А может, адепта Нового века из Сан-Франциско.

— Я пойду одна.

— Ни в коем случае.

— Он и так напуган.

Генерал пристально посмотрел на нее.

— Тогда вот ваш жучок.

Помощник принес крошечный наушник, позволявший слышать генерала. Али чувствовала себя агентом ФБР.

— Проверка, проверка, — произнес генерал.

— Громко и отчетливо, — кивнула она.

— В комнате установлены микрофоны. Мы будем слышать каждое произнесенное вами слово. Говорите с нами. Я буду обращаться к вам. — Генерал направился к маленькому холодильнику в углу. — Неважно, какая еда? — Он достал чей-то ланч: сэндвич с мясом, печенье и маленькую упаковку молока.

— Мясо.

Али выбрала сэндвич и молоко. Потом подумала, вернула сэндвич и взяла пакетик вяленого человеческого мяса. Генерал хотел было возразить, но промолчал. Теперь это ее шоу.

Они вышли из комнаты и приблизились к двери камеры. Раскраска на ее лице, похожая на татуировку маори, вызвала удивленные взгляды двух охранников из военной полиции.

— Я буду наблюдать через окно. Если вам понадобится помощь...

Али сняла туфли и вошла — босиком, одна. Воздух в комнате пропитался знакомым запахом хейдла — так пахнет выделанная оленья кожа, долго лежавшей на сухой земле. Еще сильнее было зловоние заживо гниющей плоти. В Средние века запах проказы сравнивали с запахом козла.

Пленник медленно повернул голову. Мышцы век у него были парализованы, и глаза все время оставались открытыми — вероятно, из-за поражения нервов. Взгляд розовых глаз становился осмысленным; хейдл освобождался от усыпляющего воздействия лекарств или от оцепенения, похожего на то, каким пользовался Айк. Муж научился этому трюку за долгие годы плена, и Али видела, как недолгий отдых и медитация позволяли ему не спать несколько дней, оставаясь бодрым и свежим.

Али остановилась и вежливо опустила взгляд, позволяя хейдлу составить о ней представление. Айк обучил ее основам их поведения и культуры. Взгляд в глаза — без приглашения — может быть опасен. Лучше всего молчать. Али ждала. Наконец хейдл негромко прищелкнул языком, что означало одобрение, по крайней мере временное. Она подняла глаза.

Хейдл был истощен. Над ним хорошо поработали. Рана в животе не оставляла шансов на жизнь. Теперь Али поняла, что красная тень на простыне — след от пота. Он потел кровью.

Однако при виде узоров на лице Али глаза хейдла сверкнули. Внезапно он высунул язык. Словно на приеме у врача. Али ответила на приветствие.

Уродство хейдла по большей части объяснялось болезнями, широко

распространенными на земле в Средние века. Руки и ноги больше похожи на ласты — пальцы съедены проказой. Нос провален. На голове пульсирует сеть голубых вен. Полиомиелит так сильно искривил ноги, что Али удивлялась, как он вообще смог добраться до поверхности.

Череп пленника напоминал уплощенный треугольник: широкие скулы, затем сужение и тупая макушка, что выдавало в нем потомка *Homo erectus*. Характерны также нависающие надбровные дуги, словно к лицу приклеены очки. Однако, как и у *Homo sapiens*, изменившегося по сравнению с далеким предком, у *Homo hadalis* имелись свои особенности, связанные с вечной тьмой и жизнью в каменном лабиринте.

Нетрудно догадаться, почему рыбаки приняли его за морского льва. Его кожа была безволосой и бледной, как у рыбы, а проказа съела ушные раковины, оставив «собачий профиль» с длинной шеей и маленьким подбородком.

Теперь Али заметила обезьяний хвост или все, что от него осталось, — вроде второго пениса. Проказа оставила от него лишь обрубок, но это был настоящий хвост или, если точнее, развитие того рудимента хвоста, с которым рождается каждый человек. Наука утверждала, что приобретенные черты не могут повторять более ранние, утраченные формы. Вот очередное исключение, которое подбросила им субтерра. В данном случае реликтовый хвост развился полностью. Он вилял из стороны в сторону.

Процесс образования рогов, имевший место в некоторых регионах подземного мира планеты, у этого хейдла практически не был замечен. Небольшие наросты на коже лба напоминали волдыри.

Али пыталась рассмотреть то, что скрывалось за разрушительным действием болезни и времени. Тело хейдла покрывали шрамы, свидетельствовавшие о короткой, но нелегкой жизни. Несмотря на старческие мешки под глазами, сгорбленную спину и изъеденную раком безволосую кожу черепа, его возраст, по всей видимости, не превышал двадцати трех лет. Значит, ему было тринадцать, когда эпидемия опустошила подземные туннели.

Хейдл что-то произнес шелестящим шепотом, сопровождавшимся странными щелчками, которые встречаются в языке южноафриканских бушменов племени сан или кунг. Тихий, почти музыкальный звук. Али разобрала одно-единственное слово: «я». Дело сдвинулось.

Она попробовала приветствие, одно из слов ее коллекции праязыков. Назвала свое имя. Несмотря на неподвижную маску проказы — выпученные глаза, львиные складки на переносице, язвы, — он нахмурил лоб. Ее слова явно не нашли понимания.

— Еда, — сказала Али, доставая вяленое мясо из пакетика.

Она помнила, что держать мясо нужно в правой руке, а не в левой, которая считается нечистой.

Разорвав полоску на маленькие кусочки, Али поднесла один ко рту хейдла. Он отказался — недоверие его было вполне обоснованным.

— Я знаю, о чем вы подумали, — раздался в ухе голос генерала. Али почти забыла о нем, целиком сосредоточившись на пленнике. — Не вздумайте.

Хейдл нахмурился. У него острый слух. Он слышал голос, доносившийся из ее уха, из ее головы. Это удивило и испугало его.

— Я теряю его, — сказала Али генералу, задумалась на секунду, затем положила кусочек вяленого человеческого мяса в рот. Демонстративно прожевала. Вкус как у куриной ножки.

На этот раз хейдл взял предложенную еду. Слизнул языком. Он жевал медленно, наслаждаясь вкусом мяса. Его глаза закатились от удовольствия.

Он позволил Али скормить ему остальные кусочки. Закончив есть, пленник разразился длинной фразой, в которой в равной степени присутствовали щелчки и гласные звуки.

Она отрицательно покачала головой. Хейдл повторил, теперь медленнее. Вероятно, в этой неразберихе слов присутствовала благодарность — ей, а также человеку, телу которого принадлежало мясо, и, возможно, Богу. Но речь хейдла оказалась слишком быстрой, а уху Али недоставало практики. Десять лет назад, когда в ее жизни еще был Айк, она составила небольшой словарь языка хейдлов. А теперь не могла ничего вспомнить. В отсутствие практики она практически все забыла.

— Пить, — сказала Али и протянула пленнику молоко. Маленькая красная упаковка напомнила ей о начальной школе, о детях. Это допрос, а не антропологический пикник. Перед ней лежит один из убийц и похитителей детей.

Пленник ожидал найти в картонке все, что угодно, только не молоко. Вкус напитка испугал его. Он поднял глаза на Али.

— Ма-хар, — прошептал хейдл.

Мать.

Али посмотрела на картонную коробку в своей руке. Как будто она дала ему грудь. «Используй это».

— Да, ма-хар. Дети. — Али взмахнула рукой, отмеряя ладонью разную высоту. — Мои. Мои дети. — Она прижала воображаемую Мэгги к груди. — Где?

Хейдл понял — Али это почувствовала. И отвел взгляд.

— Ла. — Слово прозвучало, словно удар бича. Их взгляды встретились. — Дети. Ушли. Куда?

Хейдл прищелкнул языком, словно хотел сказать, что жизнь — это страдание. Что он имеет власть над ней, над ее народом, их детьми и их надеждами. Словно он король, это изувеченное существо.

Она перешла на жесты и смешанный язык.

— Я. Али. Ты?

— Мар-и-йа, — ответил пленник. Гортанная смычка, три разных тона и щелчок — все в трех слогах.

— Что он сказал? — переспросил генерал.

— Мария, — объяснила Али. Потом задала больному проказой еще несколько вопросов. — Да, его зовут Мария. Вероятно, так звали его мать, которая — он убежден — спустилась вниз, в недра планеты, чтобы зачать его. Наверное, пленница вроде меня.

Хейдл запел. Это было горловое пение с долгими, глубокими и вибрирующими звуками, как у тибетских монахов и монгольских пастухов. Али слушала, как он постепенно добавляет к басовым тонам щелчки и придыхания — слова. Серьезный и печальный, пленник поднял взгляд к потолку.

— Что-то вроде молитвы? — спросил генерал.

— Вы не узнали? Он поет песенку Барни. Ну, помните, фиолетовый динозавр. — Любимая песня Мэгги. — Наверное, ее пела ему мать. Слушайте. — Али начала тихонько подпевать. На исковерканном английском. — Я люблю тебя. Ты любишь меня. Мы счастливая семья.

Умиравший пленник с одобрением посмотрел на Али. Она знает его молитву!

Разговор продолжился.

— Я спросила его об эпидемии, — вслух сказала Али, обращаясь к генералу. — Он говорит, что его мать и остальные члены клана в это время были в пещере у самой поверхности. Все пошли в город в поисках пищи. В пещере остался он один. Никто не вернулся.

— Куда направлялся его клан?

Али снова задала несколько вопросов. Хейдл заговорил, указывая на коробку с молоком.

— Им нужны были новые коробки. Нет, сосуды, новые сосуды. И что-то про солнце.

— В этом есть какой-то смысл?

— Пока не знаю.

Пленник вновь заговорил.

— Он утверждает, что поднялся из пещеры к ослепляющему свету. Из глубины к свету и грязи внешнего мира. Чтобы найти своих людей, которые хотят вернуться домой. Он и все остальные посланы именно для этого. Проводить их назад, в недра земли.

— И его народ поднялся сюда после эпидемии? Они прятались все эти годы? Где? И есть ли еще другие?

Опять вопросы. Опять щелчки и шелестящий шепот. Али слушала.

— Он говорит о путешествии душ. То есть о реинкарнации. Хейдлы в это верят. Души мертвых поднимаются на поверхность и ищут новую оболочку. Новое тело. Детей солнца. Солнечных детей. Наших детей.

— В наших детях души их мертвых?

— Все гораздо сложнее. Мы связаны единым циклом. Его мать умерла, и ее душа вознеслась. Теперь его долг — вновь вернуть ее домой. Увести вниз, подальше от зла. От нас.

— То есть наши дети — это их предки.

— Или их предки — это наши дети. Все зависит от точки зрения.

Али посмотрела на пленника. Его глаза светились искренней верой. Как два озера пламени на изувеченном теле.

Генерал молчал.

— Отлично. Хорошо. Как скажет, — наконец произнес он. — Не спорьте с ним. Спросите, куда он хотел отвести мать.

— Говорит, не смог найти мать. Отыскал других, но не мать. Собирался отвести их вниз. Надеется, что кто-то другой спас ее.

— Где они все собираются? В одном месте?

— Так мне показалось.

— А куда направляются?

Она предприняла еще одну попытку.

— Не говорит.

— Отказывается?

— Увиливает.

— Давайте сделаем перерыв.

— Лучше продолжить.

Она только начала устанавливать контакт, а еще столько нужно спросить. Слушая его речь, Али как будто вновь спускалась в подземный лабиринт. За каждым поворотом, в каждом новом туннеле ее ждали резные плиты и статуи, кожаные рукописные книги с древними текстами. Словно ее душа медленно собиралась из осколков.

— Прошло больше часа. Самое главное — оставаться свежими. Быть на шаг впереди него. Сохранять силы. Выходите. Через несколько минут

мы сделаем ему укол.

Генерал встретил ее у двери. Они направились к выходу. Струи дождя хлестали в стекло. Ветер разбрызгивал лужи на асфальте. Они решили не ходить к зданию с манящими вывесками кафе. «Макдоналдс», «Тако-Белл», «Кентакки фрайд чикен». Али вспомнила вяленое мясо.

— Кофе?

— Нет, спасибо.

— Ну и денек.

— Ужас.

Они стояли и смотрели на грозу. Генерал рассказал о сыне, которого обучают игре на фортепиано. «К Элизе» — это вещь. Похвалил тайский ресторан в Беркли. Потом посмотрел на часы. Прошло полчаса.

— Вернемся?

В комнате было чисто и тихо. Ни эха от криков. Ни крови на полу. Али обратила внимание на свежие простыни. Может, просто привели в порядок комнату. Ей очень хотелось так думать.

Потом Али заметила на полу палку. На скотче, которым была обмотана палка, отпечатались следы зубов хейдла. Опять его мучили.

— Послушаем, что он скажет на этот раз, — раздался в ухе голос генерала.

Хейдл спал с открытыми, лишенными век глазами, словно вытащенная из воды рыба. Из рта стекала слюна.

— Мария, — позвала она.

Пленник проснулся. Его глаза остановились на Али.

— Ма-хар, — прошептал пленник.

— Я здесь. — Она приложила руку к сердцу, затем стала качать воображаемого младенца. — Мой ребенок. Где?

На этот раз он ответил на родном языке.

— Дома, мать.

— Где дома? — спросила Али.

Хейдл снова заговорил о круге. Теперь он жестом подзывал ее к себе. Генерал смотрел на них, словно ястреб.

— Не приближайтесь, — предупредил он.

Али наклонилась к монстру. Из розовых глаз сочился гной. Она почти поверила, что хейдл сожалеет о тупике, в котором они оказались. А потом увидела огонь в его глазах, и у нее перехватило дыхание. Ни сожалений, ни угрызений совести — только неистовый голод чужака. Она поспешно отпрянула, но пленник успел левой рукой — тем, что от нее осталось, — провести по щеке Али. словно теплый пластик.

— Охрана! — рявкнул голос генерала у нее в ухе.

— Нет! — запротестовала Али.

Она позволила пленнику вновь дотронуться до ее щеки. На этот раз она вспомнила о нарисованной там спирали. Хейдл указывал в центр линии.

— Что? — спросил генерал.

— Детей ведут в центр спирали.

— Так, уже кое-что.

— Необязательно, — возразила Али. — Это может быть где угодно. В любом месте. Под землей узоры в виде спирали тянутся во многих туннелях, от одного конца до другого. Хейдлы — кочевники. Призраки. Скитаются среди руин, оставленных предками. Все время в движении. Все время в поисках добычи. Дети могут навсегда исчезнуть вместе с ними.

— Попробуйте узнать больше. Он указал в центр спирали. Должно существовать главное место сбора. Они действовали согласованно. Ими руководят. Спросите его о том городе, Хинноме, где вы были десять лет назад.

— Почему туда? — возразила она.

Город ее ночных кошмаров. Какой-то фанат Библии назвал его по имени долины в Иерусалиме, где в древности приносили в жертву детей, а также разводили костры, на которых сжигали мусор и тела бедняков и неизвестных.

— У нас есть основания полагать, что он все еще обитает.

Обитает? Откуда у них такие сведения? А если это правда, почему они не предвидели ночное нападение? Впрочем, теперь не время требовать у генерала ответа.

— Хинном, — сказала Али хейдлу. Никакой реакции. — Цивитас, — предприняла она еще одну попытку. — Кома. — «Цивитас» на латыни означает «город». «Кома» на древнегреческом — это «деревня». А также корень древнего верхнегерманского слова «дом». — Хел.

Она имела в виду не только легендарный ад, но и реальный, геологический. Семантика. Это слово образовано от корня «хелан», что значит «прятаться». Темное, недоступное место.

— Глубокий город, — сформулировала Али. — Хел. Мертвые. Люди. Много, много мертвых. — Она указала на круг в своем блокноте, в самый центр. — Город? Дом? Центр? — Может, это одно и то же?

Али ждала. Изуродованные ладони хейдла судорожно сжимались и разжимались. Его глаза скользили по ней. Хорошо, что у двери караулят солдаты. Она чувствовала жар, исходящий от тела пленника. Его пот имел

неприятный, мускусный запах. Наконец хейдл заговорил, произнес единственное слово:

— Пит-ар.

Али замерла, словно громом пораженная. Потом оглянулась, ища лист бумаги. Ничего не найдя, нарисовала на ладони схематичную фигуру человека — или хейдла — и указала на него.

— Пит-ар?

Пленник пожал плечами и кивнул. Он умирал.

— Питер? — переспросил генерал.

— Пит-ар, — повторила Али. — Один из основных корней ностратического языка, одного из праязыков, давших начало современным. «Патер» на древнегреческом, превратившийся в «фатер» в древнем верхнегерманском. Потом «федер». Отец. Бог. Создатель. Старше-чем-старый. Древний голодный бог.

— Сатана?

— Старше, гораздо старше, по крайней мере лингвистически. — Али старалась говорить тихо и спокойно, обращаясь к установленным в комнате микрофонам. Пленник наблюдал за ней, не понимая ни слова; наверное, думал, что она молится. — Пит-ар и Сатану разделяют многие цивилизации. Это одна из самых первых попыток объяснить загадку жизни и смерти. Когда человечество обрело сознание и язык, мы начали создавать богов и давать им имена, чтобы к ним обращаться и на них влиять.

— Это подтверждает еще одно полученное нами сообщение.

— Какое сообщение?

— Что в вашем городе мертвых есть царь. Что эти существа возглавляет великан в доспехах из нефрита.

Али повернулась к зеркалу на стене, обращаясь к своему отражению, к собственным сомнениям.

— Этого не может быть.

— Почему?

— Потому что я видела его убитым. Перед самым началом эпидемии.

— Он либо не умер, либо вернулся, — сказал генерал. — Внизу все не так, как кажется. Ваши собственные слова.

— Он жив? Кто вам сказал?

— Человек по имени Джошуа Клеменс. Он утверждает, что вы встречались, и вы отказались ему помочь.

Али с трудом вспомнила.

— Который снимает порнографию? Он говорил о документальном фильме, но я приняла его просто за очередного пирата, который охотится за

золотом хейдлов. Больше я о нем не слышала.

— На его съемочную группу напали. Как раз около вашего разрушенного города.

— Клеменс действительно спустился под землю?

— Семь лет назад. Вернулся один — месяц назад. Единственный, кто остался в живых. Вот что он рассказал. В древнем городе полно костей, но город все еще жив. Мы не склонны верить ему на слово, однако ваш друг хейдл только что подтвердил общую картину. Центр спирали. Базовый лагерь этого их Пит-ара. Теперь у нас есть цель.

— Он этого не говорил.

— Таков вывод из его слов.

— Позвольте мне копнуть глубже, — попросила Али. — Он еще многое может рассказать.

— В другой раз, профессор. Можете выходить.

Она наклонилась над кроватью с обреченным пленником. Теперь похожие на плавленые руки потянулись к ее ладони. Хейдл дотронулся до знака «алеф» на тыльной стороне.

— Это? — спросила Али. — Пит-ар?

Он снова коснулся знака.

— Где? Где Отец?

Снова прикосновение.

Похоже на загадку: «Отец» одновременно был местом, богом и вещью. Ответ каким-то образом связан со спиралью с алефом в центре.

ДОКУМЕНТЫ

ХРИСТИАНСКОЕ РАДИО

Пэт Робертсон:^[11] Думаю, мы стали свидетелями лишь преддверия террора. Мы еще не видели, что они могут сделать с остальным населением.

Джерри Фалуэлл:^[12] Вина за это в значительной степени лежит на Американском союзе защиты гражданских свобод.^[13]

Пэт Робертсон: Да, несомненно.

Джерри Фалуэлл: И я знаю, что они на это ответят. Но они изгнали Бога: с помощью федеральной судебной системы они изгнали Бога с площадей и из школ. Вина лежит также и на сторонниках аборт, потому что Бог не терпит насмешек. Уничтожая сорок миллионов невинных младенцев, мы навлекаем на себя гнев Божий. Я глубоко убежден, что виноваты язычники, сторонники аборт, феминисты, геи и лесбиянки, активно проповедующие альтернативный образ жизни, Американский союз защиты гражданских свобод, «Американцы за американский путь»^[14] — все, кто пытался секуляризовать Америку, — и я направляю указующий перст им в лицо и говорю: «Вы помогли этому случиться».

Пэт Робертсон: Согласен целиком и полностью, но проблема в том, что мы должны применить этот подход к высшим эшелонам нашей власти. Как свободное общество, мы несем ответственность за то, что делает правительство. А верховная власть, разумеется, принадлежит судебной системе.

Джерри Фалуэлл: Пэт, вы вчера заметили, что Американский союз защиты гражданских свобод, все эти противники христианства, «Американцы за американский путь», Национальная организация американских женщин и им подобные были полностью проигнорированы и демократами, и республиканцами в обеих палатах Конгресса, когда они вышли на ступени Конгресса, обратились с молитвой к Богу, спели «Боже, храни Америку» и призвали «повесить этих безбожников»? Другими словами, когда нация унижена, единственный нормальный и естественный выход — поступить так, как мы должны поступать всегда. Воззвать к Богу.

Пэт Робертсон: Аминь.

ДИАЛОГИ С АНГЕЛОМ, НОМЕР 2

Ангел и его любимец сидят на гигантских костях, вмурованных в пол. Громадное животное когда-то плавало в водах океана; океан высох, дно его опустилось в земные недра, а над ним образовался свод, который теперь держит на себе другой океан. Тихий океан, с трудом вспоминает ученик. Он уже отдалился от того мира. Тот мир превратился в сон.

Ангел отламывает кусок окаменевшего ребра.

— Ты спрашивал, присутствовал ли я при рождении мира.

Ангел лениво постукивает обломком кости по другому ребру.

Ученик пытается сохранить ясность ума, приличествующую прилежному ученику. Но ритмичные удары камня о камень отвлекают его. Он не в состоянии понять настроение ангела.

— Мне просто интересно, Ринпоче, — осторожно отвечает он.

— Ты не первый, — заверяет его ангел. — И не последний. Что ты имеешь в виду? Что было до меня? Видел ли я лик Божий?

— Да, Повелитель.

Ученик дрожит. Здесь его жизнь каждую секунду подвергается опасности, иногда явно, иногда неявно. Впрочем, так всегда бывает с истинным знанием. Он ждет.

— Суть вот в чем. — Ангел закрывает глаза. — В самом начале была вспышка света. Так, как описывают мифы, о Сотворении мира, как я рассказывал вашим пророкам и провидцам. Назовем эту вспышку света моим рождением. Если не считать, что я не рождался — я всегда был и всегда буду.

— Да благословит тебя Бог, Господин.

— Ты не в состоянии представить этот свет. Его яркость и многоцветье не охватить умом. — Глаза ангела открываются. — В то первое мгновение мироздание проникло в меня. Пропитало насквозь. Я познал все.

— Ты стал Богом, Повелитель?

По лицу ангела пробегает тень гнева. Кулаки сжимаются. Окаменевшая кость превращается в пыль. Затем лицо снова разглаживается. Пыль высыпается из ладони.

— До меня здесь не было Бога, потому что Бог — ничто, — говорит ангел. — До меня ничего не было.

— Прости меня, Учитель.

— Я познал все, — продолжает ангел. — А затем все забыл. Поэтому я узнаю каждое новое мгновение. Даже делая глоток воды, я вспоминаю, что собирался сделать этот глоток воды, вспоминаю его вкус. Вспоминаю, как он утолит мою жажду. Точно так же в то самое мгновение, когда ты пришел, я знал, что ты придешь. Понимаешь? Мой господин — время. Мое проклятие — память.

Сан-Франциско, 8 ноября

Али сидела у себя в кабинете, когда в дверь постучали. Появилась голова Грегорио.

— К тебе какая-то дама. Из Техаса.

Слово «Техас» он произнес будто название волшебной страны.

Али вздохнула.

— А ты не можешь ею заняться?

— С ней ты должна поговорить сама, — ответил Грегорио и закрыл дверь.

Али оторвалась от клавиатуры, потерла виски. Из окна открывался вид на затянутый туманом залив.

Дверь вновь открылась, и в комнату вошел Грегорио в сопровождении высокой белокурой женщины. Щелкнув каблуками, он отвесил легкий поклон. Его европейская учтивость некоторым казалась неуместной, но эта женщина восприняла его вежливость абсолютно естественно, даже с некоторой рисовкой.

«Техас, — подумала Али. — Красавица».

— Доктор фон Шаде? — Она направилась прямо к Али, протягивая руку. — Большое спасибо, что согласились принять меня. Я Ребекка Колтрейн. Можно просто Ребекка.

Высокая, под метр восемьдесят — без каблуков, Али специально посмотрела, — и удивительно, почти неестественно красивая. В ней не было ни капли тщеславия. Джинсы и белая блузка, которой давно не касался уют. Длинные золотистые волосы схвачены на затылке в строгий «хвост». Лицо без косметики — даже губы не тронула помадой. Женщина, выполняющая важную миссию. Она сразу взяла быка за рога.

— Мне нужна ваша помощь.

Али женщина показалась знакомой. Может, они встречались? Или это какая-то знаменитость, чье лицо смотрит с обложки глянцевого журнала в бакалейной лавке.

— Мой ребенок был среди тех, кого похитили на прошлой неделе.

Губы женщины не дрожали. Голос тоже. Никакой патетики. Только факты. Кабинет Али не первый, в котором она побывала.

Теперь Али вспомнила. Это лицо стало олицетворением всех матерей,

у которых пропали дети. Та самая Ребекка. Внезапно Али поняла причину галантности Грегорио.

— Присаживайтесь, — сказала Али.

Ребекка не отреагировала на приглашение.

— Я не отниму у вас много времени. Обещаю.

— Садитесь, — повторила Али. — Выпьем с вами чаю.

— Но вы ведь заняты. Все очень заняты.

Эту женщину жизнь изрядно потрепала. Совершенно очевидно, что ее прогоняли — и не раз.

— Чай, — решительно объявила Али. — Чай с пирожными.

— Я принесу, — вызвался помочь Грегорио и скрылся за дверью.

Чудеса, да и только. Неужели у баскского убийцы драконов есть домашняя жилка?

Ребекка дотронулась до спинки стула и перевела дух. Потом села. Отчаянная женщина, подумала Али. В противном случае она не осмелилась бы явиться сюда, на вражескую территорию. Уже неделю, с той самой ночи, когда похитили детей, газетные обозреватели и ведущие телевизионных шоу представляли институт Али как логово сочувствующих хейдлам, предателей и криптотеррористов. Кирпичные стены здания пестрели оскорбительными надписями. Сотрудникам института резали крыши. Али начинала думать, что полицейские симпатизируют вандалам, потому они были явно не на ее стороне — задерживались на пару минут, когда она их вызывала, ни разу не поставили снаружи дежурную машину.

— Значит, вот вы какие, — произнесла Ребекка.

— Да, это мы — во всем блеске, — ответила Али. — Наша «Студия». До нас здание арендовала танцевальная студия. Как видите, больше похоже на склад. Мы просто хватаем все, что поднимается к нам из глубин, и складываем на полки. Когда-нибудь появятся время и деньги, чтобы все изучить и должным образом заархивировать. А еще музей. И просветительский центр. Передвижные экспозиции. Циклы лекций. Да, у нас свои мечты.

— Я ожидала большей секретности, — сказала Ребекка. — Что-то мрачное. Готическое.

— Вы не одна такая. Люди думают, тут поклоняются дьяволу или что-то в этом роде. Мы все время пытаемся сломать это представление.

Она умолкла, позволив Ребекке без помех оглядеть помещение. Весь кабинет был заставлен артефактами хейдлов, причудливыми, гениальными или отвратительными — изготовленными из человеческой кожи или

костей.

Внимание женщины привлекла фотография на письменном столе Али.

— Вот она какая, — сказала Ребекка. — Я видела вас по телевизору, когда они спросили, есть ли у вас дети. Красавица.

— Моя Мэгги, — кивнула Али.

Это была последняя фотография дочери.

— Милое имя. И глаза у вас одинаковые. — Она говорила так, словно Мэгги не умерла. Али это понравилось. — А подбородок точно отцовский.

Али вздрогнула.

— Отцовский?

Где Ребекка могла видеть Айка?

— Это ведь его фотография на верхней полке?

Али подняла голову — она и забыла, что там, наверху, стоит снимок Айка. Наполовину скрытое в тени — как и сам Аик — угловатое и очень серьезное лицо. Татуировка, нанесенная хейдлами, подчеркивает скулы. Они заявили о своей власти над ним.

— Из прежней жизни. Фотографии десять лет. С тех пор от него нет вестей.

— Он жив?

— Не знаю. Я спрашивала колонистов и исследователей, поднимавшихся на поверхность. Ходят разные слухи. Ничего конкретного. Сомневаюсь, что теперь это имеет хоть какое-то значение.

— Так долго оставаться в неведении.

Ребекка покачала головой.

— Я выжила, — ответила Али. — Потеряла одного, обрела другого.

А потом потеряла и дочь. Врачи винили в смерти Мэгги вирус гриппа, неопасный для других детей. Что-то ослабило девочку, сделало восприимчивой к болезни. Али во всем винила преисподнюю. Именно там она забеременела от Айка — нечаянно. Зачатая во тьме, девочка и на свету никогда не отличалась крепким здоровьем.

— Он бросил вас и дочь, — сказала Ребекка. — Вернулся под землю. Так мне говорили.

— Аик ушел еще до ее рождения, — возразила Али.

Боль еще не прошла. «Десять лет».

— Можно мне спросить? Остановите меня, если что не так. Мне любопытно. Наверное, он был хорошим человеком, раз вы его выбрали. Но как можно бросить ребенка?

Али вздохнула.

— Аик оставался на поверхности столько, сколько смог выдержать. Но

у него оставались вопросы, требовавшие ответа. Он был убежден: там, внизу, что-то есть.

— Хейдлы?

— Нет. Мы не сомневались в их гибели. Другое. Более серьезное. Айк не мог выразить это словами, но чувствовал, еще со времен плена. Думаю, нечто на уровне подсознания, вроде связи между похитителем и жертвой. Как неоконченное дело. Только Айк настаивал, что это реальность. И ее обязательно нужно найти.

— Место? Или вещь?

— Не знаю. И он не знал. Только говорил, что это важно. Что это может изменить все. А потом ушел. В ночь, в туннель.

— А вы когда-нибудь хотели пойти вслед за ним? — спросила Ребекка.

— Мне нужно было заботиться о ребенке.

— Я имела в виду: вместе с ребенком.

Али пристально посмотрела на гостью. Эта женщина понимает. Может, это звучит сентиментально, но любовь означает самопожертвование.

— Постоянно — первое время. Потом все меньше и меньше. Пока у меня была дочь...

Али заставила себя замолчать. Продолжать не имело смысла.

— Я испытываю то же самое по отношению к Джейку, — сказала Ребекка. — Так звали моего мужа. — «Звали», отметила Али. В прошедшем времени. Она его уже списала. Быстро. — У нас была своя жизнь. Хорошая. Теперь осталась только Сэм. Моя дочь.

— У вас есть ее фото? — спросила Али.

А вот это уже несерьезно. Ее ждут дела. Но ведь они с Ребеккой две матери.

Женщина протянула снимок.

— Какая милая, — сказала Али. В настоящем времени. Пусть бедная женщина сохранит надежду. Совсем скоро действительность заставит считаться с собой. — Сколько ей тут?

— Восемь. Да. День рождения у нее... — Ребекка справилась с дрожью в голосе. — Мне сказали, она самая младшая.

— Что еще вам сообщили? — спросила Али деловым тоном, без всякой притворной жалости. Нет никакого смысла сосредоточиваться на горе этой вдовы. — Сколько всего детей пропало?

Истерия, охватившая страну, шла на спад. Количество убитых составляло меньше ста человек — значительно меньше, чем несколько тысяч, о которых сообщали в первые дни. В большинстве своем это были

родители похищенных детей, один или оба, оказавшие сопротивление захватчикам.

— Сорок два, — сказала Ребекка. — Возможно, один или двое просто сбежали из дома или стали жертвой других преступлений. Большинство похищены той ночью.

— Какие-нибудь догадки? Улики? Зацепки?

— Ничего. — Женщина покачала головой. — Но так не бывает. Чтобы не осталось никаких следов.

Нужно предложить женщине поесть, подумала Али. Заполнить хотя бы часть ее пустоты.

В кабинет вернулся Грегорио — как раз вовремя — с импровизированным подносом из крышки картонной коробки. Через руку у него было перекинута полотенце, как у парижского официанта. С серьезным видом он накрыл на стол. Чайные чашки казались крошечными в его больших руках. На пластиковой тарелке с картинкой из «Парка юрского периода» лежала горка аппетитных пирожных. Одно пирожное свалилось, и Грегорио склонился к тарелке, чтобы аккуратно поставить его на место. Пирожное опять упало, и он опять водрузил его на вершину горки. Оно снова соскользнуло. Наблюдая за представлением, Али заметила, что Ребекка сделала нечто такое, чего, наверное, не делала уже неделю, со дня похищения дочери. Она улыбнулась.

— Я возьму это пирожное, — наконец вмешалась Али.

Грегорио с облегчением протянул его ей. Потом налил чай.

— Желаете чего-нибудь еще?

— Вы очень добры, сэр, — сказала Ребекка.

Все ясно. Его галантность достигла цели. Ради этой женщины он спрыгнет с «Пирамиды». ^[15] Вероятно, подумала Али, примерно через год можно выступать в качестве свахи — когда вдова будет готова. Но Грегорио, наверное, никогда на это не согласится, год — слишком долго. Будет чудом, если в течение месяца он не сделает предложение Али.

Грегорио вышел, закрыв за собой дверь. Али приготовилась. Сейчас болтовня закончится. Ребекка вернется к своему горю. Али будет сочувствовать. Слезы, бумажная салфетка, похлопывание по спине: все известно заранее.

Разумеется, она не обязана нянчиться с покрытыми шрамами, а иногда и подверженными мутациям незнакомцами, которые поднимались из глубин субтерры и находили дорогу в ее кабинет. Все они так или иначе страдали, изуродованные многомесячным или многолетним пребыванием в

земных недрах. Утешать их не входило в ее обязанности. Но Али чувствовала в них родственные души. Все они ходили по краю одной и той же пропасти.

— Собираетесь «пойти ко дну», — сказала Али. — Это было одно из популярных выражений. Или «провалиться». Или «нырнуть». «Питаться на дне». «Ширнуться».

Ребекка подняла голову.

— Не сразу. Когда в этом будет смысл. Когда кто-нибудь, обладающий знаниями и опытом, согласится мне помочь.

Такой, как Али.

— К кому вы уже обращались?

Кто еще отказал ей? Ребекка вытащила маленький блокнот.

— Я начала со своего конгрессмена, и его помощники посоветовали обратиться в Государственный департамент. Оттуда меня направили в Министерство внутренних дел, где посоветовали подождать, и поэтому я отправилась в Пентагон; там я стучалась во все двери, прорывалась на совещания и брифинги, и в конце концов ко мне приставили специального психолога, который помогает пережить горе. Женщина из Белого дома говорила о терпении. Оба сенатора от штата выражали сочувствие, обещали протоколы заседаний и сплавляли к своим помощникам. Я перезнакомилась со столькими юридическими консультантами, лоббистами, руководителями неправительственных организаций и журналистами, что можно уже избираться в президенты.

— И что они вам сказали?

— Плакать, волноваться и ждать, — ответила Ребекка. — Все сводится к этому.

— И теперь вы пришли сюда.

Ребекка переплела пальцы.

— Да.

— Не нужно туда спускаться.

Лицо Ребекки осталось бесстрастным.

— Станьте моим проводником.

— Я читала, что трое отцов пропавших детей отправились на поиски, — сказала Али. — И все трое вернулись ни с чем. Субтерра гораздо обширнее, чем вы можете себе представить. Слишком велика для одного человека.

— Они не знали, куда идти.

— А вы знаете?

— Вы знаете, — сказала Ребекка. — В город. Ваш город.

— Он не мой.

— Но вы знаете, где он.

— Я там едва не погибла.

Ребекка умолкла. Али догадывалась, что будет дальше. То, что интересовало всех, что было накрепко связано с ее именем.

— Говорят, там вы встретили дьявола, — наконец произнесла Ребекка.

— Я встретила человека, выдающего себя за дьявола, — возразила Али. — Его звали Томас. Седые волосы и благородные манеры. Скрывался под личиной священника. Когда я поняла, что он обманщик и убийца, было уже поздно.

— Откуда вы знаете, что он не дьявол?

— Потому что я видела, как его убили, а насколько мне известно, дьявол не может умереть.

— Он там. — Ребекка вскинула голову. — Если не он, то другие. У них мой ребенок. Отведите меня в город. Пожалуйста.

— Нет.

— Детей ведут туда. Прямо теперь, пока мы с вами разговариваем, они идут в город.

— Не думаю.

— Мои источники уверены в этом.

— Вот пусть они и ищут. Не ходите туда. Когда вашу дочь найдут, вы будете нужны ей целой и невредимой.

А если не найдут, что более вероятно, в живых останется хотя бы сама Ребекка.

— Я знаю, подземный мир влияет на людей, — сказала Ребекка. — Поверьте, за последнюю неделю я многому научилась. Я видела всякое: шрамы, уродства, затравленные взгляды, легкие недомогания, рак, поломку биологических часов, фантазии, привыкание. Это ужасно. Но я хочу вернуть дочь.

— Субтерра опасна даже пустая, — кивнула Али. — А она населена, теперь мы в этом убедились. Там хейдлы. Может, несколько сотен, а может, гораздо больше. Если они найдут вас или вы найдете их, вам уже не вернуться назад.

— Дочь ждет меня.

— Они не в городе.

— Тогда где же?

— Не знаю. Но могу заверить, что информация генерала Лансинга неверна.

Ребекка удивленно приоткрыла рот. Али явно угадала ее источник, по

крайней мере один из них.

— Я с ним встречалась, Ребекка. У него есть пленный — или был.

— Хейдл?!

— Да. Я помогала его допрашивать. Генерал по-своему интерпретировал то, что рассказал пленный. Он расстроен. На него давят. Ему нужны результаты. Я могу лишь сказать, что Лансинг ошибается. Город — ложный след.

— Если бы забрали вашего ребенка...

А вот это уже к делу не относится. Разумеется, она бы ни перед чем не остановилась. Разумеется, бросилась бы без оглядки навстречу неизвестности. Только вот опасности при этом никуда не исчезнут.

— Пусть генерал делает то, что собирался, — сказала Али.

— В том-то и дело. Они ничего не делают. Генерал ясно дал это понять. Больше боятся китайцев, чем хейдлов.

— Не без оснований. Война внизу может перерасти в войну здесь.

— А моя дочь остается там.

— Генерал говорил вам об отрядах спецназа?

Ребекка подалась вперед. Об этом она слышала впервые.

— Они ищут детей, прямо сейчас, пока мы разговариваем.

— Лансинг мне ничего не сказал.

— Чтобы заработать новые неприятности с китайцами? Если они найдут детей, президент будет героем. Если нет, никто ни о чем не узнает. Особенно китайцы.

— Они прочесывают город?

— Насколько я могу судить, поджидают на путях, ведущих к городу.

У Ребекки был ошеломленный вид.

— Это правда?

Окруженная ложью, отговорками и уловками, она не знала, кому верить. Детей не найдут. Но Али ей этого не скажет. Она твердо решила. Ребекке нужна надежда, чтобы не погубить себя в бездне.

— Да.

В дверь постучали. Али подумала, что Грегорио пришел убрать со стола.

— Еще пирожные? — крикнула она, пытаясь изменить настроение.

— Пирожные? — переспросил глухой голос.

— Входи, — сказала Али.

Дверь открылась. Ребекка оглянулась. Али подняла голову. Это не Грегорио. В комнату вошел монстр — худое, рогатое существо. Ребекка замерла.

Глаза существа закрывали альпинистские очки. На голове между рогов, шишек и наростов виднелся черный пушок. На существе была широкая гавайская рубашка с короткими рукавами, а кожу на обнаженных руках покрывали мелкие волдыри.

Али догадалась, о чем думает Ребекка. Похожие на него существа украли ее ребенка.

— Ребекка, — поспешно проговорила Али, — познакомьтесь с Джоном Ли. Он только что вернулся из двухгодичной экспедиции НАСА. Его специальность — подземная энтомология. Жучки. Он в одиночку обнаружил более семисот новых насекомых. Мировой рекорд.

Ли покраснел. Он был скромным человеком и не привык к похвалам или разговорам о мировых рекордах.

— Жуки, — кивнул он.

Его ноздри трепетали. Ли принялся к посетительнице.

— Это Ребекка Колтрейн, — представила Али гостью. — Мы пили чай.

— Я помешал, — пробормотал Ли.

Ребекка смотрела на него во все глаза.

— Возьми пирожное, — предложила Али. — Смотри, тут целая куча.

— Не хочу пирожных. Мне нужно работать, — ответил он и исчез в коридоре.

— Простите, — сказала Ребекка. — Я вела себя невоспитанно.

— Он привык. Иногда я сама не могу удержаться.

Ребекка побледнела.

— Это происходит и с Сэм?

— Пока нет.

— Мне нужна правда.

— Со мной ведь ничего не случилось. И с большинством колонистов тоже — по крайней мере, не в такой степени.

— Но случается. Например, с мистером Ли.

— Джон исследовал зоны, в которых не ведется наблюдение, спускался гораздо глубже, чем другие, и пробыл под землей гораздо дольше. Мы лишь приблизились к пониманию того, как дрейфуют пояса газа и радиации. Джон явно подвергся их воздействию. Это не значит, что то же самое произойдет с Сэм. И еще одна хорошая новость: после того как он поднялся на поверхность, некоторые признаки начинают исчезать. Сердце восстанавливает нормальный размер. Под землей оно буквально сжалось. Количество красных кровяных телец почти в норме. Видели пузырьки у него на руках? Выяснилось, что они содержат пыльцу.

— Как в цветах?

— Мы пытаемся понять, с какой растительностью контактировал Джон. Интересно, что пыльца вызывает раздражение кожи. Поначалу это были небольшие прыщики. Недавно они стали чесаться. При расчесывании пузырьки лопаются, и пыльца выходит наружу. Другими словами, организм-хозяин может носить пыльцу несколько месяцев и удалиться на сотни и тысячи миль, прежде чем распространить ее в другом месте субтерры.

— А рога?

— Пластический хирург ими занимается. Трудность в том, что рога — это живая ткань с кровеносными сосудами. Их невозможно просто спилить.

— Что еще произойдет с Сэм?

— Может произойти, — поправила Али. — Но не обязательно.

— Я хочу знать, когда эти существа ее изнасилуют.

Это было произнесено шепотом.

Али не стала возражать против терминов «изнасилуют» и «существа».

— Судя по рассказам бывших пленников, с детьми обращаются очень хорошо. Девочек отделяют от мальчиков и держат в изоляции под присмотром специальных нянек. Никаких контактов с мужчинами. В первые годы полового созревания их частная жизнь строго охраняется. Брак разрешается только после тринадцати или четырнадцати лет.

— Зачем? Мне казалось, мы два разных вида.

— Лев и тигр тоже относятся к разным видам. В природе они никогда не спариваются. Но в неволе, в зоопарках, можно получить такие гибриды, как лигр и тиглон.

Ребекка закрыла глаза.

Али задумалась. Она могла рассказать посетительнице о болезнях подземного мира, о примитивных переходных обрядах, о ритуальных увечьях, о клеймах и татуировках, об ошейниках для рабов, о том, как калечат беглецов, о наказаниях и пытках. Но теперь все это лишь предания, а несчастной женщине хватает и своих кошмаров. Али пыталась вспомнить что-то хорошее.

— Как нетрудно догадаться, — сказала Али, — зрение приспособляется к темноте. Я пробыла под землей не так долго, и со мной этого не произошло. Джон говорит, что по прошествии двух лет он мог обонять и осязать цвет. Слышать расстояние. Это можно объяснить присутствием в воде химических соединений. Его мозг изменился.

— Мозг Сэм изменится?

— Лобная доля и лимбическая система включаются. Теменная доля

отключается.

— Вы пугаете меня.

— Из некоторых регионов к нам начали поступать сообщения о том, что у людей появились видения. Джон говорит, с ним тоже такое было. Он слышал голоса. Бестелесные.

— Вы имеете в виду сны или ночные кошмары?

— Похоже на глубокую медитацию. За исключением того, что вам нет нужды медитировать. Вы испытываете восторг. Ваша личность исчезает. Вы ощущаете связь с Вселенной. С Богом. Джон говорит, что с трудом заставил себя вернуться. Один из его товарищей по экспедиции остался внизу. Отказался уходить. Повернул назад и стал спускаться глубже.

Али понимала его. Она пробыла под землей недостаточно долго, чтобы испытать восторг, но до сих пор наяву грезил о красотах подземного мира.

Ребекка поджала губы.

— Религиозные видения.

— Похоже.

— Как у пророков.

— Или поэтов.

— Это произойдет с Сэм?

— Не знаю.

Ребекка на секунду задумалась.

— Я должна ее вернуть.

— Да.

В прошлой жизни, когда она была монахиней, Али предложила бы помолиться. Теперь молитва умерла в ней. Она покинула Церковь и Бога, чтобы найти истину. Если Сатана и демоны — это просто другая, более дикая, разновидность людей, значит, Бог и ангелы тоже. Спасение — истинное — в Слове. Не в Библии, а в языке. Обратный путь в рай заключен в той первой искре пламени, которая каким-то образом формировала в сознании первые слова.

— Отведите меня в город, — сказала Ребекка.

— Это забота военных.

— Я должна все увидеть сама. Мне нужно попасть туда. — Ребекка встала. — Будь это ваша дочь, вы пошли бы вниз.

— Да.

— Почему мне никто не хочет помочь?

Потому что мы боимся.

— Мы хотим.

— Город.

— Мне очень жаль.

Али покачала головой.

Ребекка ушла. В окно Али видела, как она направляется в сторону окутанного туманом залива. Али взяла в руки рамку с фотографией дочери, затем поставила на привычное место на письменном столе, где Мэгги уже никогда не вырастет и где ей больше ничего не угрожает.

ДОКУМЕНТЫ

Налоговое управление США Министерство финансов США

Корпорация «Поймать ночь»

Ребекке Колтрейн

В ответ на запрос о статусе некоммерческой организации 501(c)(3)

Уважаемая миссис Колтрейн!

Рады сообщить Вам, что по личному указанию президента Соединенных Штатов нами в ускоренном порядке рассмотрен Ваш запрос на предоставление статуса некоммерческой организации за отчетный период. На основе представленной Вами информации и в предположении, что Ваша деятельность будет соответствовать условию предоставления льгот, принято решение об освобождении Вас от федерального подоходного налога в соответствии с разделом 501(a) кодекса внутренних доходов как организацию, перечисленную в пункте 501(c)(3). Все пожертвования в пользу Вашей организации не подлежат налогообложению.

С уважением,

Роджер Т. Хэмилтон, директор департамента

P. S. От себя лично хотелось бы выразить сочувствие Вашему горю и поддержку Вашей миссии. Будем надеяться, что вскоре Вы снова соединитесь с дочерью. Вся моя семья и вся страна молятся за Вас. К письму прилагаю чек на \$1000. Да поможет Вам Бог, Ребекка.

Искренне Ваш

Сэм

ДИАЛОГИ С АНГЕЛОМ, НОМЕР 3

Они стоят у подножия огромной каменной стены, уходящей вверх и теряющейся из виду.

— Вот моя граница, — говорит ангел. — Я не могу идти дальше того места, на котором мы стоим.

Ученик смотрит на учителя, подозревая подвох. Ангел неистощим на хитрости. Это явно одна из них.

— Подойди ближе, — говорит ангел. — Прижми ладони к камню.

Ученик повинуется. Делает шаг вперед. Пересекает предполагаемую границу. Касается камня.

— Теплый? — спрашивает ангел.

— Да, Ринпоче.

— Такой же, как живая плоть?

— В точности, Повелитель.

— Так мне говорили. Теперь лезь.

Ученик карабкается, нащупывая опоры для рук и ног. Поднимается на тридцать футов. Смотрит вниз.

— Достаточно, — останавливает его ангел. — Можешь возвращаться. Но если хочешь, продолжай лезть наверх. Беги. Будь свободным.

Упираясь ногами в небольшие выступы, ученик пытается собраться с мыслями. Ангел привел его сюда с какой-то целью. Неужели выпустить из объятий бездны? Или проверить преданность? И если ученик попытается сбежать, учитель поднимется по скале и убьет его?

Ученик спускается на землю. Возвращается к ангелу. Ему не пришлось делать выбор. Он принял решение еще тогда, когда посвятил жизнь поискам этого существа.

— Ты боялся, — говорит ангел. — Думал, что я лгу.

— Да, Господин.

Ангел раскрывает ладонь и пытается прижать ее к стене. Но рука останавливается — или это отодвигается стена. Они не могут встретиться. Ученик потрясен. Мир отвергает это существо.

Ангел убирает руку. Смотрит ввысь.

— Ты действительно думаешь, что я добровольно остаюсь здесь, в этом каменном мешке?

Ученик настолько ошеломлен, что не находит ответа. Неужели его тюремщик сам в тюрьме? Ангел свободы не может освободить самого себя? Но зачем сверхъестественному существу признаваться в своей слабости простому смертному? Это вселяло ужас.

Может, нужно было карабкаться вверх? Теперь уже поздно. Теперь он принадлежит существу, способному пальцами содрать с человека кожу, причем так быстро, что жертва даже не успевает упасть. Ученик был тому свидетелем.

— Почему я здесь погребен? — продолжает ангел. — Что меня удерживает? Тут нет ничего, кроме животных, питающих мое одиночество. Ответом на мои песни служит лишь молчание. Я забыт.

Я могу уйти, думает ученик. Один прыжок к стене, и можно выбраться отсюда. И все же он остается.

— Кто мой тюремщик? — продолжает ангел. — У кого ключ от двери?

— Повелитель.

Ученик слушает.

— Однажды я почувствую лучи солнца на своем лице, — говорит ангел. — Однажды один из вас отперет клетку.

Однажды, один из нас. Теперь ученик понимает. Вот почему ангел принял его — его и всех остальных. Это объясняет терпеливое обучение человечества на протяжении многих веков. У нас есть то, что ему нужно. Мы населяем этот мир. Мы свободны.

Ангел наклоняется, взглядываясь в лицо ученика.

— Не тебе суждено освободить меня. В твоей душе нет свободы. Только плен.

Ученик слышит свой смертный приговор. Ангел держит его при себе вот уже десять лет. Скоро он уничтожит его.

— Как тебе угодно, Повелитель.

— Мне угодно? — с горечью переспрашивает ангел. — Мне угодно? Объясни. Если я арестант, то кто мой тюремщик?

— Я знаю лишь, кем он не может быть, Ринпоче, — отвечает ученик. — Это не Бог.

— Не он? Почему?

— Бог — ничто. Повелитель. Так ты меня учил.

— Тогда кто? Ну же, это просто. Если мой тюремщик не Бог, кто это может быть?

Ученик молча ждет. Он знает, что невежество раздражает ангела. Когда-нибудь оно будет стоить ему жизни.

— Ты, — сам отвечает ангел. — Ты держишь меня здесь.

— Я, Повелитель?

— Тебе подобные. Вы — избранный мной народ. А если нет, если люди не оправдают моих надежд, как не оправдали хейдлы, а до них и многие другие, я буду ждать прихода следующей расы. Ты понимаешь, о чем я? Тот, кто меня освобождает, мужчина или женщина, — мой бывший тюремщик. Тот, кто становится мне другом, — мой враг. Тот, кто извлечет меня из этой пустыни, поместил меня сюда. Спасает меня тот, кто проклял.

Ученик чувствует горечь его слов. И это пугает его. Он видел гнев ангела, воплотившийся в глубоких бороздах на каменных стенах и отпечатках ног на полу.

— Разве такое возможно? — вырывается у него. — Человечество на этой планете еще не вышло из детства, а ты заточен тут с начала времен. Разве может заключенный появиться раньше тюремщика?

— Я узнаю ответ, когда ты его найдешь, — говорит ангел.

Ученику нечего терять. Он знает, что проклят — связан доверенными ему тайнами. Ангел никогда его не отпустит. Да будет так. На самом деле неминуемая смерть дает ему свободу. Он может спрашивать обо всем.

— Если мы твой тюремщик, Повелитель, как ты нас узнаешь? А если нам неизвестно, что ты наш пленник, как мы сможем освободить тебя?

— На этот вопрос я не могу ответить. — Ангел улыбается. — Но кто-нибудь из вас найдет ответ, и в то же мгновение дверь моей тюрьмы распахнется.

— И что ты тогда сделаешь, Повелитель?

— Выйду навстречу солнцу, — отвечает ангел. — А потом восстановлю Сад, в его первозданном виде.

ДОКУМЕНТЫ

ПРАВИЛА ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ (ППС) ДЛЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ ОПЕРАТИВНЫХ ГРУПП ОПЕРАЦИЯ «БЕСШУМНОЕ МИЛОСЕРДИЕ»

Данные правила не ограничивают вашего права предпринимать соответствующие действия для защиты себя и своего подразделения.

Общие правила ведения боевых действий

1. Данные правила имеют преимущественную силу перед всеми другими инструкциями, касающимися применения оружия.

2. Я всегда имею право защищать себя, своих товарищей морских пехотинцев, моряков и солдат, служащих тылового обеспечения, а также колонистов, непосредственно помогающих США.

3. Я осведомлен о наличии неизвестных лиц в районе операции. В подземных зонах присутствуют колонисты из разных стран. Я не буду использовать силу для захвата их собственности с целью выполнения задания.

4. К «нечеловеческим» формам *сила может применяться без провокации* с их стороны. Я буду определять цели самостоятельно.

5. Оружие будет применяться для выполнения задачи.

6. Огонь будет вестись прицельно; оружие будет переводиться в автоматический режим только при необходимости.

7. Будут предприниматься меры, чтобы избежать мер среди гражданского населения.

8. Мои действия должны быть быстрыми, осознанными, точными и *ни в коем случае не определяться жаждой мести*.

9. Я не причиню вреда колонистам подземных зон, не буду их задерживать или вмешиваться в их жизнь.

10. Я осведомлен о присутствии китайских колонистов в подземных зонах.

Зеленая пустыня, 11 ноября

Беквит вел перекрестьем прицела по линии дюн. Его наблюдатель, Миггс, устроился на краю каменной полки. В других углублениях скалы расположились еще восемь снайперских пар, всматривающихся в пески подземной пустыни. Они ждали в засаде уже неделю и были готовы оставаться тут еще месяц. Если к тому времени дети не появятся, группу Беквита без лишнего шума сменит другая.

Теперь Беквит многое узнал об этой невероятной пустыне. С помощью лазера они измерили расстояние до разных ориентиров, чтобы с точностью до ярда вычислить дальность стрельбы. Зона поражения была очевидна. Ждали только появления врага вместе с юными пленниками.

Прочесывая взглядом пески, Беквит следил, не мелькнет ли где птица Каспера. Еще год назад считалось, что здесь нет птиц — точно так же, как нет змей с магнитными сенсорами в черепе или безволосых насекомоядных лемуруров. Собственно говоря, о существовании подземного мира тоже никто не догадывался. Но однажды открытый, он оказался инкубатором невероятных существ.

Единственная птица из новых видов животных — *Erihacus caspera*, за свое бесцветное оперение названная в честь доброго привидения Каспера из мультфильма, — впервые была сфотографирована всего полгода назад. Орнитологический мир переполошился, хотя исследователи и колонисты и раньше слышали писк сонара скрытной птицы и находили ее помет. Некоторые биологи утверждали, что это даже не птица, а какая-то разновидность крылатой рептилии, очередной мутант, порожденный подземным миром. Пока кто-нибудь не увидит еще один экземпляр, споры будут только разгораться.

Внимательно изучая местность из своего «логова», как снайперы называли оборудованные укрытия, Беквит втайне надеялся, что этим человеком станет он. Чтобы выманить неизвестные существа, требуется терпение и хитрость, а этих качеств у него в избытке.

Под каменным сводом на высоте около четверти мили полыхнула зарница. Зеленые дюны сверкнули. Послышались раскаты грома.

Беквит повернулся на своем выступе и поправил очки ночного видения. Члены экипажа — так в морском спецназе любовно называют

товарищей — справа и слева от него выглядели тепловыми пятнами на поверхности скалы.

Подобно отшельникам, приготовившимся сражаться с демонами, они молча лежали на каменных выступах, ограничивая свои потребности в воде и свете, сканируя сектор обстрела, ухаживая за оружием, экономя продукты и тренируя зрение. Ведя жизнь монаха, Беквит никогда еще не чувствовал себя так далеко от Бога.

На глубине тридцати семи тысяч футов под уровнем моря — больше высоты Эвереста — отряд был глух, нем и слеп. Не существовало никаких карт этой территории, находившейся вдали от поселений. Электромагнитные бури делали бесполезными компасы и часы, искажали, путали и перемешивали радиосигналы, исключая связь с поверхностью и не позволяя использовать радиосвязь даже для переговоров друг с другом в пределах прямой видимости.

Спецназовцы из первой группы были полностью изолированы в этих туннелях, проходивших под Марианской впадиной. Рассчитывать на поддержку им не приходилось. Авиация не эвакуирует раненых. Если у них закончатся продукты и боеприпасы, они могут умереть в каменном мешке, и их никогда не найдут. Беквит воспринимал это как вызов.

Восемь дней назад они спустились под землю через секретный военный туннель на острове Паган к северу от Гуама. Им поставили задачу: перехватить врага, отбить детей и вернуться на поверхность. Оставив надувные лодки и дополнительный запас продуктов у реки, они дальше пошли пешком и обнаружили древнюю караванную тропу хейдлов, которой недавно кто-то пользовался. Здесь отряд устроил засаду.

Теперь они ждали — среди развалин, костей и гуано, который накапливался более двухсот лет. Перед каменной стеной утеса расстилались дюны Зеленой пустыни. В приборах ночного видения песок отсвечивал зеленым. И оставался зеленым даже на свету.

Согласно информации, полученной от пленника, враг вместе с детьми отступал в доисторический город под названием Хинном. Люди посещали этот город всего два раза — десять лет назад легендарная экспедиция «Гелиоса», затем семь лет назад невезучая съемочная группа фильма IMAX.

На дальний запад тихоокеанской зоны субтерры отправились и другие отряды спецназа. Группе Беквита достался самый западный район. Расставив небольшие по численности засады на нескольких транспортных путях, о существовании которых в этой зоне было известно, военные стратеги рассчитывали, что враг — вместе с похищенными детьми — идет

прямо в их руки. Это была игра с высокими ставками.

Помимо опасностей, связанных с ведением боя и окружающей средой, группе Беквита приходилось учитывать трудности геополитического характера. Они проникли в глубь территории, которую Китай считал своей; это значит, что за американскими солдатами, которых тут быть не должно, будут следить китайские солдаты, которых тут тоже не должно быть.

Не самое подходящее время для игры в кошки-мышки. Пока Беквит с товарищами пробирались сквозь недра планеты, океан и небо над ними были полны конфликтов и провокаций. Китайские МиГи следили за американскими F-18, и наоборот. Балансирование на грани конфликта стало привычным делом.

Поэтому все действия Беквита и его товарищей подчинялись требованию скрытности. Устроившись в «гнездах» над караванной тропой, спецназовцы укрылись темнотой и тишиной, как пологом из опавшей листвы. Они ждали.

На выступе Беквита остались свидетельства существования исчезнувшей империи. Действуя с осторожностью сапера, он кончиком ножа выковырял из земли небольшие артефакты и разложил вдоль винтовки. Тут были крошечные обрывки папируса с причудливыми символами, осколки цветного стекла, изъеденная временем цинковая ложка и — его любимая находка — фрагмент кольчуги, похожей на те, что носили крестоносцы. Только она на десять тысяч лет старше Христа.

Хедди не всегда были демонами. В разные эпохи на этих скалах побывали ученые, ремесленники и солдаты священных войн. Теперь пришла очередь Беквита внести свой вклад в коллекцию реликвий. Когда-нибудь, в отдаленном будущем, тут найдут латунные гильзы. Интересно, что о них подумают? Может, будут дуть, как в свистульки?

Наверху вновь сверкнула молния. Каменное молчание угнетало.

На десятую ночь Беквит начал слышать голоса.

Поначалу он принял их за всхлипы подземного ветра. Всхлипы превратились в шепот, и Беквит бесшумно изготовился к бою, уверенный, что враг подкрадывается ближе. Но пески оставались пустыми. Шепот не смолкал.

— Миггс, — позвал он. — Это ты?

— Что случилось? — отозвался Миггс.

Его голос отличался от тех звуков. Более четкий и разборчивый. Сильнее связанный с настоящим.

— Ничего, — ответил Беквит.

Шепот становился громче, хотя Миггс ничего не видел и не слышал. В

последующие дни звуки то появлялись, то исчезали. Разные голоса и акценты: мужские и женские, старые и молодые, на английском, немецком, испанском языках. Беквит немного знал арабский, а в африканской командировке познакомился с суахили; часть голосов говорила на какой-то странной смеси этих наречий. Но большинство языков он не знал. Инопланетные — вот самое подходящее определение.

Беквит пытался отвлечься, не обращать внимания на шепот. Мысленно разыгрывал партию в шахматы. Чистил ружье. Вспоминал бывшую подругу. Ничего не помогало. Голоса не исчезали.

На четвертый день раздался шепот Миггса:

— Бекки.

— Что? — спросил Беквит.

— Кто они?

Можно было немного помучить Миггса и сказать, что он ничего не слышит. Чувство облегчения пересилило. Значит, он не сходит с ума.

— Может, эхо, — ответил Беквит. — Геологические шумы.

— Нет, не эхо. И не геология.

— Ты слышал женский плач?

— Вчера.

— А старика, который хотел домой?

— А что насчет него?

— Я думал, — сказал Миггс.

— И что придумал?

— Может, они вроде призраков?

Такая мысль приходила в голову и Беквиту.

— Ты прокручиваешь в голове старые фильмы. Брось.

— Мы ведь в преисподней? — не сдавался Миггс. — Значит, это могут быть души умерших.

Такая мысль Беквиту тоже приходила в голову. Но признаваться не собирался.

— Возьми себя в руки, Миггс. Мы тут делом занимаемся.

Больше Миггс не касался этой темы. Беквиту пришлось сражаться с голосами в одиночку. Насколько он мог судить, неизвестные разговаривали сами с собой. Какая-то невероятная смесь монологов — словно души на кладбище, если допустить, что Миггс прав.

Беквит изо всех сил пытался отвлечься и не терять бдительности. Напевал песни рок-группы «Фиш» — разумеется, мысленно. Выслеживал птицу Каспера. Снова и снова чистил винтовку. Отжимался от земли. Восстановил невысокую кирпичную стену на краю выступа. Все это

напоминало ему одиночное заключение.

На пятнадцатый день он увидел в перекрестье прицела розовых фламинго.

Они стояли на одной ноге посреди озера. Беквит потер глаза и снова глянул в прицел — птицы не исчезли. Попробовал взглянуть другим глазом. То же самое. *Phoenicopterus ruber*. Американский фламинго. Черные отметины на конце розовых крыльев. Розовых.

Беквит не стал записывать птиц в дневник наблюдений на страничках снайперского журнала. И совсем не хотел говорить о них Миггсу. Совершенно очевидно, что это мираж. Час спустя птицы исчезли. Беквит расстроился. Он слишком педантичен для видений. Привык к ситуациям в сто раз тяжелее. Кроме того, он служит в морском спецназе. А морским спецназовцам не мерещатся розовые фламинго.

Беквит заставил себя выполнить десять подходов по пятьдесят отжиманий. Убедился, что спит столько, сколько требуется — не больше и не меньше. Прочел надпись на этикетке мясных консервов: не содержатся ли в них вредные вещества. Фламинго не появлялись.

На девятнадцатый день он почувствовал похлопывание по ноге. Это была оптическая труба Миггса.

— Альфа семьсот сорок шесть, — прошептал наблюдатель.

Беквит взял винтовку и навел в точку, находящуюся на расстоянии семьсот сорок шесть ярдов. В инфракрасном прицеле объекты с разной температурой окрашиваются в разные цвета, от темно-синего до ярко-розового. Над зелеными дюнами вздымались и опадали языки пламени — выбросы горячего газа. Вверху, на высоте нескольких сотен футов, сквозь отверстие в своде проникал луч холодного фиолетового воздуха. Все та же хренотень.

А потом он увидел их.

Колонна приближалась с северо-востока — длинная цепочка вишнево-красных шариков. До них было больше мили, и их форма оставалась расплывчатой. Обычно оптика давала четкое изображение, особенно этот прицел фирмы «Unertl» — последней модели с компьютерным чипом, позволявшим поддерживать фокусировку на разной дистанции. Теперь Беквит мог лишь сказать, что целей много и что они приближаются, причем явно не соблюдают дистанцию. Очевидно, не предполагают, что сейчас обрушится на их головы.

Беквит встрепенулся, как от электрического разряда. Он уже смирился, что отряд вообще никого не встретит или в лучшем случае наткнется на парочку отбившихся от основной группы хейдлов — возможно, со

связанным ребенком. Но похоже, похитители собрали всю свою добычу и теперь ведут детей через селенные пески.

Перспектива освободить детей захватила его. Словно обнаружилась истинная цель всех его тренировок, всей жизни. Беквит никогда не отличался религиозностью, а теперь вдруг почувствовал потребность в молитве. «Боже, направь мою руку. Не дай ей дрогнуть. Помоги поразить цель».

Колонна змейкой вилась между дюнами. Чем ближе они подходили, тем сильнее Беквит проклинал свой прицел. Что с ним стряслось? Он давал искаженное изображение. Будто смотришь на куски расплавленной красной пластмассы, ползущие по зеленым волнам. Время от времени удавалось разглядеть отдельные детали: оскаленные зубы, нетвердую походку, даже украденную бейсболку. Из фрагментов Беквит составил портрет обезьяноподобного существа. Идентифицировал врага.

А дети? Они там были. Беквит не мог разглядеть их лиц, но маленькие фигуры шли в окружении более высоких. Их гнали, словно стадо скота.

Загрохотал гром. Из песка вырвались струи газа, похожие на султан из перьев. Колонна приближалась. Прежде чем укрыться в выступах скалы, спецназ спланировал засаду. Это было несложно. Каждой паре досталась своя часть колонны. Дети упадут на землю. Похитители, спасаясь бегством, окажутся на минном поле. Беквиту была поставлена задача: начать с головы колонны и двигаться к хвосту. Его выстрел послужит сигналом остальным. Он начнет убивать.

Заплакал ребенок.

Беквит забыл о собственной безопасности.

Внезапно расплывчатые контуры стали резкими. Беквит увидел перед собой ожившие ночные кошмары. Монстры с землистой кожей и узловатыми рогами возвышались над невинными младенцами. Там были дети. И волки.

Беквит прицелился в лицо дьявола.

Нажал на спусковой крючок.

Натренированное движение пальца было настолько плавным, что выстрел прозвучал неожиданно. Винтовка — 50-го калибра, способная пробить броню танка, — сильно ударила в плечо. Вокруг головы хейдла появился характерный розовый туман.

Новая цель. Беквит спустил курок. Принял на себя отдачу винтовки. Следующий. Вдоль цепочки.

Другие снайперы справа и слева от него тоже открыли огонь. В прежние времена, когда использовалось оружие с затвором, скорость

снайперской стрельбы была чрезвычайно низка. Новые полуавтоматические винтовки стоимостью 14 000 долларов каждая сеяли смерть так быстро, как только снайпер находил новую цель. Беквит расстрелял первый магазин еще до того, как приближающаяся колонна поняла, что их убивают.

Миггс включил запись.

— Ложитесь, ребята! — рывкнули динамики. — Мы из США. Не бежать, мальчики и девочки. США. Падайте на землю. США. Ложитесь, ребята...

Беквит навел прицел на одного из детей, девочку. Она кричала. Может, динамики слишком далеко. Ребенок стоял.

Нужно лишь отделить хищников от добычи, и дело в шляпе. Но хейдлы не побежали, а дети не легли на землю. Все сбились в одну кучу.

«Посей хаос, — мрачно подумал Беквит. — Убей еще».

По обе стороны от колонны взорвались дистанционно управляемые светозумовые гранаты, засверкавшие в воздухе, словно звезды. Наконец колонна распалась, только не так, как рассчитывали спецназовцы. Все — и хейдлы, и дети — бросились на минные поля.

— Что они делают? — воскликнул Миггс.

Песок вспучился. Вверх полетели фигурки, большие и маленькие. Раненые и мертвые падали на другие мины и опять влетали, подброшенные новыми взрывами.

Беквиту оставалось лишь смотреть, как подготовленная ими смертельная ловушка делает свое дело.

Каменный свод над головой прорезала извилистая молния.

— Ракеты! — крикнул кто-то.

Они осветили поле боя, словно оперную сцену. Ракеты металась из стороны в сторону, сталкиваясь с каменными шпильками высоко над головой, или неподвижно висели под маленькими воздушными шарами.

Пещера с зеленой пустыней была огромной. Беквиту впервые представилась возможность рассмотреть ее. Она оказалась настолько высокой и широкой, что ракеты не могли осветить ее всю. По краям дрожали и раскачивались тени ложного горизонта.

Пустыня чадила. Над зоной поражения висела пелена дыма. Из мрачной полутьмы доносились крики.

Никакого движения. Динамики вновь ожили:

— Не бегите, мальчики и девочки! США. Падайте на землю, ребята.

Дети лежали на земле. На взорванном минном поле.

Беквит встал и сбросил веревку для спуска. Справа и слева от него в

воздухе мелькнули еще веревки. Отряд начал спуск со скалы.

Беквит был в шоке. Предполагалось, что дети лягут на землю. Они совершили ужасную ошибку, организуя засаду.

Спецназовцы спустились к дюнам, в пыль и дым.

— Еще ракеты, больше света!

Пещеру вновь залил свет. Беквит оглянулся на скалу, которая на протяжении недели была его домом, и с удивлением увидел на ее поверхности гигантские глифы. Отряд прибыл сюда в темноте, и у них впервые появилась возможность взглянуть на скалы, служившие им укрытием. Пещеры и выступы в них являлись частью надписи. Все эти дни спецназовцы жили внутри какого-то слова.

— Там, — слышался чей-то голос.

Запах крови Беквит почувствовал раньше, чем увидел тело. Из одежды на нем были только удлинненные шорты. Пули и осколки изуродовали его.

— Вот, значит, как выглядит хедди. — Один из молодых парней приставил дуло винтовки к глазу, и глаз моргнул. Раздался выстрел. — Так я и думал.

Они нырнули в завесу дыма, держа оружие на изготовку.

— Еще ракеты! — сказал Беквит. Ему не хватало света. Дневного света. Здесь слишком темно.

Он подошел к Мигтсу, склонившемуся над телом. Хейдл лежал ничком, раскинув в стороны руки и ноги, словно загорал на пляже. Ноги, руки, туловище и тонкая шея были безволосыми и гладкими. Ни чешуи, ни рогов. Ни татуировки.

— Они похожи на нас, — сказал Мигтс. — Очень.

Беквиту это не нравилось. У него возникло чувство, что все еще хуже, чем он думал. Предполагалось, что придется иметь дело с исчадиями ада, жестокими и бесстрашными, вплоть до готовности пойти на смерть. Но хейдлы слишком быстро сдались. Или это хитрость? Может, вслед за ними идут другие?

— Смотри в оба, — предупредил кто-то из спецназовцев. — Держи фланги.

— Я нашел ребенка!

Беквит подошел. То, что осталось от тела, напоминало грудку тряпья. Ног не было. Ужас, который испытывал Беквит, усиливался.

Они шли, растянувшись цепью, среди убитых и раненых. Из дыма доносились стоны и крики.

— Пленных не брать, — напомнил командир. — Прикончите их. Нам нужны только дети.

Среди дыма раздавались выстрелы. Количество раненых постепенно уменьшалось. Беквит наткнулся на одну из женщин. Она все еще была жива. Лицо залито кровью, вытекавшей из раны на голове. Женщина оскалила красные зубы и разразилась проклятиями.

Беквит поднял винтовку, затем остановился. Он никогда не слышал язык хейдлов. Ему казалось, что их язык не может походить ни на один земной. Однако, прислушиваясь к словам, слетавшим с губ женщины, Беквит уловил знакомые интонации.

Он знал, что не должен становиться на колени рядом с ней. Женщины хейдлов — настоящие фурии. Вампиры. Но эта была искромсана и умирала, и он не мог упустить шанс послушать чужой язык. Это как встреча с инопланетянином. Не убирая пальца со спускового крючка, Беквит опустил на одно колено.

Если вытереть кровь, подумал он, ее не отличишь от человека.

Где же нависший лоб и клыки? И разве хейдлы не белые, как личинки? Их часто называли личинками, подчеркивая, что они не просто другая раса, а другая биологическая форма.

Женщина судорожно вдохнула и снова разразилась потоком брани. Беквит внимательно слушал, точно исповедник. Сквозь звучащий в ее тоне вызов проступали нотки скорби. Она любила жизнь, даже такую простую и жестокую. Беквит спустил курок.

Дальше. Дети. Найди их.

Он встал.

— Что-то здесь не так, — произнес кто-то из спецназовцев, скрытый пеленой дыма.

— Да уж, — сказал другой.

Беквит увидел трех солдат, разбирающих груды дешевых чемоданов, пластиковых пакетов, рюкзаков и картонных коробок. Внутри у него все похолодело. На всех вещах китайские иероглифы. Тут были фотографии китайских семей. Паспорта китайских граждан. Китайские газеты. Китайские деньги. Все китайское.

— Колонисты?.. — прошептал Беквит. — Китайские колонисты?

Вот почему они так похожи на людей. Они и есть люди.

ДОКУМЕНТЫ

ДЕЗЕРТИР/ОТСУТСТВУЮЩИЙ, РАЗЫСКИВАЕТСЯ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

Форма DD 553

ИМЯ: Иен Линкольн Беквит
ГРУППА /ЗВАНИЕ/КЛАСС: Е-5, унтер-офицер, второй класс
ПОЛ: М
МЕСТО РОЖДЕНИЯ: Бартлсвилл, Оклахома
ДАТА РОЖДЕНИЯ: 1995/03/06
РОСТ: 5 футов 9 дюймов
ВЕС: 164
РАСА: Белая
ЦВЕТ ГЛАЗ: Карие
ЦВЕТ ВОЛОС: Каштановые
РОД ВОЙСК: ВМФ
ГРАЖДАНСТВО: США
СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: Холост
ВОЕННАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: Морской спецназ
БЕЖАВШИЙ ИЗ-ПОД СТРАЖИ ИЛИ ПРИГОВОРЕННЫЙ К
НАКАЗАНИЮ ПРЕСТУПНИК: Нет

ПРИМЕЧАНИЯ: Иен Беквит, военнослужащий армии США, проходивший службу во втором взводе специальной группы морского спецназа, пропал через три дня после завершения операции «Бесшумное милосердие». Он принимал участие в инциденте с китайскими колонистами, произошедшем в Зеленой пустыне, сектор 3, Марианская зона. Его отсутствие было замечено во время отхода подразделения, и считается, что он может прятаться в районе инцидента. В соответствии с уставом любой пропавший военнослужащий специального подразделения армии США считается дезертиром, а не находящимся в самовольной отлучке. Следует учитывать, что Беквит может страдать психическим расстройством или раздвоением личности, поскольку он и его товарищи сообщали о видениях и голосах, посещавших их в Зеленой пустыне и по

времени совпадавших с инцидентом. Беквит взял с собой оружие и другое снаряжение. Он неуравновешен, опасен и представляет угрозу национальным интересам.

ДИАЛОГИ С АНГЕЛОМ, НОМЕР 4

— Пока ко мне не проникла первая бактерия, моей семьей была расплавленная порода и огненные газы юной земли. Затем появились эти крошечные живые существа. Радость переполняла меня. Ты удивишься. Моя жажда общения была так велика, что я действительно считал себя одним из этих существ, считал их своими братьями и сестрами. Я лежал среди этих ошметок микробного бульона, слушал, как они толкутся, суеются, питаются, и был убежден, что они беседуют со мной.

Знаю — смешно. Но полезно. В их примитивном шуме я слышал все симфонии жизни. В их соперничестве я слышал эпические поэмы, пропел их им, и мое рычание превратилось в слова, слова — в мысли. Понимаешь? Язык предшествует мысли. Заговорив, я начал думать. Мое воображение разыгралось.

Следующим гостем был паук. Прошел миллиард лет, прежде чем у живого существа появилось восемь ног и оно приползло вниз. Вашему миру потребовалось бесчисленное количество поколений, чтобы послать единственное существо в мою темницу. Ты читал поэму Байрона «Шильонский узник»? (Ее я нашептал ему во сне.) Она о пленнике, для которого паук стал воплощением свободы.

Когда мой приятель паук умер, я плакал, и слезы мои были горькими. Я думал, у меня разорвется сердце. Впервые я понял, что значит быть смертным.

Так продолжалось миллионы лет. То одно, то другое крошечное существо проникало в мои владения. Я радовался этим случайным насекомым, рептилиям и рыбам. Я считал их подарками камня, случайными событиями — подобно пузырькам воды, — которые возникали, чтобы развлечь меня, а затем умереть. Я рассматривал их чешую, клешни и усики с любопытством ребенка — в сущности, я им и был, невинным младенцем. Я обращался с ними как с игрушками. Разбирал на части. Потом снова собирал. Да, я творил. Живые существа.

— Ты обладаешь этой способностью, Повелитель? — спрашивает ученик. — Ты можешь сотворить жизнь?

— Ну не то чтобы сотворить, — отвечает ангел. — Создавать.

Манипулировать. Улучшать. Да.

— Не понимаю, Учитель.

— Ты знаешь, что сегменты ДНК в Y-хромосоме человека представляют собой совершенные палиндромы? — спрашивает ангел. — Другими словами, генетический код одинаково читается в ту и другую сторону. Как ты думаешь, кто его написал? Обезьяны на пишущих машинках?

— Ты, Господин.

— Мне захотелось поиграть. Назовем это разумным замыслом. Или капризом. Возьми, к примеру, пчел. Каждая пчела строит соты одинаковой шестиугольной формы. Случайность? Дам тебе подсказку. Они не всегда были такими аккуратными и организованными.

Или змеи, — продолжает ангел. — Они раскрашены, одинаково, набором повторяющихся узоров. Думаешь, змеи раскрасили себя сами? Петунии, морские звезды, морские ежи и даже медузы, эти бесформенные пузыри, — все они подчиняются законам радиальной симметрии. Случайная селекция? Вспомни крылья бабочки. Узор на левом крыле представляет собой зеркальное, отображение узора на правом. Как ты думаешь, откуда это взялось?

— Ты., Повелитель.

— Я слышу сомнение в твоем голосе.

— Просто потому, что ты здесь, Учитель, а цветы и бабочки так далеко.

— Расстояние — это всего лишь время, а время у меня есть, — говорит ангел. — Много. Так что в один прекрасный день я решил немного навести порядок в природе. Кое-что исправить. И я использовал собственное семя. Результаты не всегда меня удовлетворяли. Я работал с доступным природным материалом, древнейшими видами, и, честно говоря, часть моих экспериментов вышла из-под контроля. Как и все родители, я надеялся получить свое подобие — хотя бы наполовину. Я все еще учился понимать, с какой тщательностью нужно подбирать вторую половину. Могу дать совет: избегай ящериц, мурен и угрей, велоцирапторов, львов, орлов и всех змей.

Получился довольно буйный выводок. Они все время рвали друг друга на части, нападали на меня, загадили все вокруг. В конце концов я отправил свое потомство в дальние уголки земли, где некоторые живут до сих пор — так мне говорили. Их имена тебе, наверное, известны. Мбембе, Хапай Кан, Минотавр, Вритра, гарпии, левиафан... список можно продолжить.

Разочаровавшись в них, я тем не менее не собирался признавать поражение. Я продолжал работу. Мне требовался кто-то, похожий на меня, который помог бы мне скоротать время, понять мироздание и сделать возможным мое освобождение. Мой материал постепенно улучшался. Я сосредоточился на обезьянах, но результаты получались разные. А однажды все получилось. Вуаля. На сцене появились вы. — Беспечный тон ангела вдруг меняется и становится мрачным. — Вы и все ваши предательские орды.

— Предательские, Учитель?

— А как еще это назвать? Я вытащил вас из грязи, а теперь вы убежали и бросили меня во тьме. Я подарил вам рай. Вы оставили меня в гробнице.

Ученик замирает, боясь пошевелиться. Гнев ангела ощущается как жар и даже имеет свой запах — отчасти минеральный, отчасти звериный. Ученик не сомневается, что пришел его смертный час. Ангел уничтожит его в наказание за непредсказуемость людей. Но гнев погас так же быстро, как и возник.

— Вот я и сижу здесь. — Голос ангела веселеет. — Хотя уже осталось недолго.

— Объясни, Повелитель.

— Дело сдвинулось. — Ангел наклоняется над неподвижной лужей. Осторожно опускает камень в самый центр. По воде расходятся круги. — Мое освобождение началось.

Сан-Франциско, 15 декабря

Толпа перед «Студией» начала собираться почти сразу после наступления сумерек.

Али была на верхнем этаже здания вместе с Грегорио и Джоном Ли, когда увидела скапливающуюся на улице толпу. Сегодня это мужчины. Иногда они использовали женщин. Дважды на автобусах привозили школьников.

Она посмотрела на часы. Обычно протестующие приходили к полудню, чтобы попасть в сводку шестичасовых новостей. Сегодня они припозднились. Кроме того, нигде не видно фургонов с телевизионной аппаратурой и операторов. Али пожала плечами. Развлекайтесь, джентльмены.

Грегорио подошел к ней и стал у окна.

— Еще одна шайка?

— У нас свободная страна, — сказала Али.

— Кто они на этот раз?

— Тебе не все равно?

— Надоели. Все эти крики, размахивание флагами. Угрозы по телефону. Вчера поцарапали мою машину. Сегодня утром очередная проколота шина.

Али попыталась обратить все в шутку.

— Речь идет о том ржавом ведре с лысыми покрышками? И с облупленной краской?

Грегорио нахмурился.

— А еще они преследуют наших женщин.

Под «женщинами» имелась в виду она. Из пяти женщин, работавших в институте, только Али стала мишенью для телефонных звонков и газетных передовиц. Грегорио это выводило из себя. Он не знал, как защитить ее.

— Люди напуганы, — объясняла Али. — И рассержены. Теперь, когда из субтерры отозваны войска, люди считают, что их предали. Они не знают, что делать дальше. Детей не могут найти уже около четырех недель.

Грегорио постучал костяшками пальцев по стеклу.

— Разве мы похитили детей? — произнес он. — Мы поклоняемся Сатане? У нас тут убежище для врагов? Нет. Мы ученые.

Али тронула его за руку.

— Тогда вернемся к нашей науке.

Она повернулась к рабочему столу. Ли ждал их под ультрафиолетовой лампой. В ее свете остатки рогов на его голове поблескивали вкраплениями радиоактивного йода, попавшего в организм с водой и пищей во время путешествия под землю. Розовые глаза отсвечивали фиолетовым.

Для института Ли стал неожиданной находкой. Два месяца назад после увольнения из НАСА (для такого нелюдима, как он, эта организация всегда была временным пристанищем, а не домом) Ли появился у порога «Студии» с коробкой хейдловских артефактов. Помимо этого сундучка с сокровищами он подарил институту глубокое знание подземного мира и неизменную преданность науке.

Сегодня в центре внимания были именно принесенные им предметы. На рабочем столе лежали артефакты, собранные Ли во время экспедиции НАСА. Вскрытые раковины наутилуса, ножи, керамика, стеклянные бусы, лезвие топора, вырезанные из кости фигурки и два отполированных черепа. Внимание Грегорио привлекла флейта, изготовленная из минеральной соломы. Эти сокровища были найдены в неисследованных регионах южнее Алеутской гряды. На всех предметах присутствовали спираль и загадочный алеф.

— Возможно, нам следует признать, что мы в тупике, — сказала Али. — Мы просто теряем время. Эти древности не дадут ответа на важные вопросы.

— Мы близки к разгадке, — возразил Грегорио. — Нельзя останавливаться...

— Это как болезнь, — сказал Ли. — То же самое я чувствовал внизу — близость разгадки. Я понимал, что не нужно подниматься вверх. Я должен остаться. Спуститься еще глубже.

— Двое против одного.

Грегорио повернулся к Али.

— Тогда нужно заказать пиццу, — ответила она.

— Ты гредишь. Разносчики пиццы давно перестали сюда ходить. — Грегорио ткнул пальцем в окно. — Из-за них.

— Свидетельства, говорите? — задумчиво произнесла Али. — Загадка. Наш друг алеф. Почему именно этот, а не какой-то другой символ? И почему он сосредоточен именно в тех регионах, где вы побывали, Джон?

Али склонилась над картой НАСА, расстеленной на рабочем столе. Маршрут ее экспедиции через тихоокеанскую зону субтерры был отмечен красным. Путь Ли — дальше на север — представлял собой неровную

окружность синего цвета. Между двумя маршрутами оставалась неисследованная зона, вызывавшая интерес. Грегорио предположил, что должна существовать соединявшая их система туннелей.

— Мы знаем, какое значение символ «алеф» приобрел для западной цивилизации, — сказала Али. — Но какой смысл вкладывали в него хейдлы? Почему они рисовали его на стенах и разнообразных предметах? И почему вытатуировали на Айке, простом рабе?

— Это просто еще одно имя Бога — мы же все согласились, — сказал Грегорио. — Возможно, большего и не требуется знать. Алеф воплощает в себе идею.

— Нет, — возразил Ли. — Он означает нечто реальное. Живое. Говорю вам, в самом конце экспедиции я ощущал чье-то присутствие. Слышал зовущий меня голос.

— Голос?

Али пристально посмотрела на него.

Ли задумался.

— Я никому еще не рассказывал, — наконец произнес Джон.

И не только это. Почти все он держал в себе. Как выразился Грегорио, потребуются годы, чтобы скачать информацию из Ли.

— Ты слышал голос, — повторила Али.

— Он звучал в моей голове, очень отчетливо. Но голос был и снаружи — клянусь. Хотя, насколько я знаю, больше никто его не слышал. Разве что Билл. Мой друг, который остался. Мы никогда с ним не касались этой темы. Я не хотел, чтобы кто-то усомнился в моем психическом здоровье. У нас и так хватало забот.

— Что говорил тот голос? — спросила Али.

— В основном она просто звала меня.

— Кто?

Али вспомнила голос Мэгги в тумане и ощущение, что ее тянут — сначала к детским костям, потом к холму с туннелем и каменным зверем.

— Моя жена. — Ли посмотрел на них фиолетовыми глазами. — Но она умерла.

Густые брови Грегорио поползли вверх.

— Тебя звал дух?

— Я не верю в духов, — покачал головой Ли. — Я ученый.

— Ты спрашивал голос об алефе?

— Нет-нет. Все было не так. Он звал меня в глубину, вот и все. Со мной говорило мое собственное желание.

— Алефом дело не ограничивается, — напомнила Али. — Есть еще

спирали. На раковинах наutilus, на рукоятках ножей, внутри чашек. Пленный хейдл указывал на спираль, которую я нарисовала у себя на лице. Как их объяснить?

— Спирали, — произнес Грегорио. — Я думал о них. Возможно, нашел объяснение.

Он выдвинул ящик стола и достал коробку с пластилином. Затем выложил пластилин на стол и начал лепить. Под его руками возникала пирамида — остrokонечная, с крутыми гранями. При помощи ложки Грегорио выдавил дорогу, спиралью поднимающуюся вверх. Наконец Али поняла. Он вылепил холм или башню. Вавилонскую башню.

— Подойдите ближе, — пригласил Грегорио. — Взгляните сверху.

Али склонилась над моделью. Теперь ей была отчетливо видна трехмерная спираль, охватывающая пирамиду и поднимающаяся к центру, к вершине. Так просто. Достаточно взглянуть под нужным углом.

— Отлично, Грегорио, — похвалила Али.

Она посторонилась, уступая место Ли, и тот удивленно хмыкнул.

— Дорога к вершине башни?

— Или горы, — прибавила Али. — Некая универсальная гора. А почему бы и нет? В Тибете паломники обходят гору Кайлаш по часовой стрелке — наши спирали закручены в том же направлении. Точно так же расположены ступени на зиккуратах Месопотамии. В Мекке богомольцы обходят Каабу по часовой стрелке. И станции крестного пути Христа в церкви. В том же направлении шел Данте в «Божественной комедии».

— Да, я предположил, что все эти вещи связаны, — сказал Грегорио. — Но мне также казалось, что это еще и некая карта.

— Карта?

Грегорио провел пальцами по пластилиновой спирали, похожей на застывший вихрь.

— Возможно, символический подъем на поверхность земли. Из тьмы на свет. Не знаю.

— В рай, — кивнула Али. — Путь на небо, как топографическая карта альпиниста. Дорога к Богу. Вот и объяснение алефу.

— Или дорога для Бога, которая приведет его на поверхность, — сказал Грегорио. — Вроде божественного маршрута эвакуации.

— Бог-альпинист?

— Иисус спустился в ад и вернулся. Гильгамеш посещал страну мертвых. А еще Орфей, Геракл и Эней. Список можно продолжить.

— Зачем вырезать символ внутри флейты? В мисках? — спросил Ли. Он поочередно взял в руки флейту и другие артефакты. — Для чего нужно

прятать спираль внутри предметов и инструментов?

— Невидимые подсказки для невидимого Бога? — предположила Али. — Какого бога? Нашего Бога или их — падшего бога?

Грегорио перевел взгляд на свое сооружение из пластилина.

— А что, если это не символическая карта? Что, если спираль изображает реальный путь вверх по реальной горе? Горе, на вершине которой находится нечто священное, данное им Богом?

— Или сам Бог. — Али позволила себе погрузиться в процесс «мозгового штурма». — Или окаменелость Бога. Его останки. Возможно, фрагменты его мудрости, вырезанные в скалах. Вроде десяти заповедей преисподней. Или просто отпечатки ног на камне. А может, его священное дерьмо, превратившееся в минералы?

— Или идол, — сказал Грегорио. — Изображение бога.

— Идол. — Али дотронулась до центра спирали на вершине пластилиновой горы. — Ты можешь себе представить силу, подчинившую разум хейдла? На это способен только Бог. Для них он Бог. Найдя эту силу, мы используем ее против них. Такого заложника уже можно обменять на тех, что удерживают они.

— И основа ваших рассуждений — всего лишь несколько спиралей? — тихо спросил Джон Ли.

— Ты прав. — Али вздохнула. — Полет фантазии. Я просто пыталась выбраться из тупика.

— А что, если пока мы тут фантазируем, — начал Грегорио (Али с Джоном посмотрели на него), — детей ведут на эту гору?

— Продолжай.

— Мы уже видели нечто подобное. Это случилось двадцать тысяч лет назад на острове Святого Матфея. Дети эпохи каменного века были принесены в жертву алефу, который находился внутри рукотворной горы. Алеф обладал подобной силой. А спираль связывает нас с путешествием наверх. — Он посмотрел на Али. — Мы должны спуститься туда.

— Очень впечатляюще, — сказала Али. — И абсолютно нелогично. Ты хочешь, чтобы мы проделали путь в обратном направлении? Тогда мы не приблизимся к священному центру, а расходящимися кругами будем спускаться в обычный мир.

— Все равно это связано с горой — разве вы не видите?

Грегорио разволновался.

— Гору я вижу, — сказала Али. — Но гор тысячи. Которая из них: Эверест, рукотворная гора на острове Святого Матфея, подземная гора? Откуда ты собираешься спускаться, чтобы подняться вверх? Где та

вершина, которая служит центром?

— Нас поведет алеф! — прорычал он. — Это все, что я знаю.

— Алеф — всего лишь ориентир. Ты утверждаешь, что символы указывают путь наверх, и в то же время хочешь, чтобы мы шли вниз? Извини, Грегорио. — Али испытывала облегчение и стыдилась этого. Несколько минут назад ей казалось, что они действительно могут спасти детей. Слава богу, существуют границы...

— Согласен с вами. — Ли повернулся к ней. — Тем не менее Грегорио прав. — Али удивленно посмотрела на Джона. — Мы должны идти.

— Ты шутишь.

— Мы должны идти, — повторил он.

— Горы не существует, — возразила Али. — Мы ее придумали. Это образ, фантазия.

— Гора — да, — сказал Ли. — Не спираль. — Он поднял пластилиновую гору Грегорио и бесцеремонно перевернул. Потом пальцем проделал отверстие в центре, наподобие сужающегося кратера. — Путь не ведет вверх, но все равно поднимается. Спускается к вершине, если хотите. Мы должны забраться внутрь перевернутой горы. — Он начертил спираль на внутренней поверхности в направлении дна воронки. — Здесь источник, дом их Бога, — сказал Ли. — Теперь я вижу, как близко я к нему подошел. Если бы знать, что означает алеф. Билл догадывался. Эта догадка заставила его спуститься глубже. Он хотел найти место, в которое ведут символы.

— И любопытство, скорее всего, стоило ему жизни, — возразила Али.

— Не раньше, чем он нашел то, за чем охотился. Я надеюсь.

— Джон, твой друг сошел с ума. Разве ты не понимаешь?

— Возможно.

— Почему ты нападаешь на нас, Александра? — спросил Грегорио.

— Я не нападаю. Просто пытаюсь вернуть на землю. Мы так увлеклись... куском пластилина.

— Есть еще кое-что, о чем вам нужно знать, — сказал Ли. — Мы не первые, кто охотится за этими символами. Кто-то нас опередил. Еще один пилигрим.

Али уперлась пальцами в крышку стола.

— Какой пилигрим?

— Мы с Биллом видели только инициалы. Пять раз эти буквы попадались на нашем пути. И мы поняли, что они означают.

— Чьи инициалы?

Али уже догадалась.

Ли разгладил пластилин и написал две буквы: «АК». Али опустила

голову.

— Что? — спросил Грегорио.

— Почему ты мне не сказал?

Она повернулась к Ли.

— Потому что вы никогда не согласитесь снова спуститься под землю.

— Он жив?

— Не знаю.

— Кто? — настаивал Грегорио.

— Айк, — ответила Али. — Айк Крокетт.

Теперь уже Грегорио оперся на стол. Опять Аик. По крайней мере, подумала Али, разговоры о спуске теперь прекратятся. Грегорио откажется от своей идеи хотя бы из уважения к ней.

— Я знаю, как поступить. — Она показала на раздавленную пирамиду из пластилина. — Расскажем о нашей догадке военным. Я знакома с генералом. Пусть они займутся.

— Военным? Американским военным? — взорвался Грегорио. — Они не посмеют снова отправить туда солдат — после бойни в Зеленой пустыне. Весь мир теперь пристально следит за ними.

— Он прав, — кивнул Ли. — Сила не поможет. Тут требуется деликатность. Нужны мы.

— Три человека? — усмехнулась Али. — Теперь мы супергерои?

— Можешь называть нас послами по особым поручениям. Мы — по крайней мере, вы — знакомы с языком хейдлов. Знаете их обычаи, хотя бы некоторые. Мне известна дорога — часть ее.

Грегорио взял каменную флейту.

— А я смогу сыграть Моцарта.

Али несколько не удивилась.

— Вы не представляете, какие они. Даже если мы сможем отыскать хейдлов, они просто убьют нас и съедят. Это если повезет.

— Они могут согласиться на сделку.

— Что, черт возьми, мы им предложим?

Грегорио вздернул подбородок, который стал выглядеть еще более массивным.

— Мир.

— Что?

— После тысячелетий страха и взаимной ненависти кто-то должен сделать первый шаг, — сказал он. — Мы соглашаемся оставить их в покое. Хейдлы соглашаются не трогать нас. Живи и дай жить другим.

— Так просто? Мы спускаемся и объявляем о мире. Они отдадут нам

детей.

— Да.

Грегорио и Ли переглянулись. Товарищи по безумию.

— Вам бы романы писать, — сказала Али.

— Это наш долг. — В устах Грегорио эти слова звучали девизом конкистадора. — Как мы можем не пойти, зная то, что знаем?

— Легко, — ответила она. — Не пойдем, и все. Хейдлы обезумели. Колонистов эвакуируют. В субтерре царит анархия.

— Лошадь дикая, — сказал Грегорио. — Ей нужен опытный наездник.

— Я не объезжаю лошадей.

— Но мы можем спасти детей...

За их спинами со звоном разбилось окно.

Они смотрели, как камень катится по полу и останавливается у их ног. С почти научным интересом, словно на только что упавший с неба метеорит. Затем через дыру в стекле до них донеслись гневные выкрики.

— Гм, — промычал Ли, поднимая булыжник.

Али забрала у него камень.

— Сукины дети! — выругалась она.

— Видишь? — сказал Грегорио. — Что я тебе говорил? Собаки думают, что мы слабые. И сами становятся смелее.

Он выхватил у Али камень, намереваясь швырнуть его в протестующих.

— Отойди от окна, Грегорио.

Али услышала звон разбитого стекла и удары камней о стену. Словно фронт надвигающейся бури.

— Я позвоню в полицию, — сказал Ли.

— Сколько раз мы вызывали полицию? — возразил Грегорио. — Они всегда приезжают слишком поздно, если вообще приезжают. Плевать им на нас.

— Звони.

Али направилась к двери.

— Ты куда? — повернулся к ней Грегорио.

— Хочу с ними поговорить.

— Собираешься выйти? — Он решительно преградил дорогу. — Ни в коем случае.

— Толпа разойдется. Не впервой.

— Раньше это были школьники и домохозяйки, — сказал Грегорио. — Сегодня все иначе. Они бросают камни.

— Перестанут.

— Послушай меня, Александра. Они тебя ненавидят.

— Тут и моя страна, — ответила Али.

Это прозвучало наивно.

Грегорио вошел в роль мачо.

— Ты остаешься здесь. Я выйду.

Он даже ударил себя кулаком в грудь.

— Грегорио, — сказала Али, — позволь мне самой все уладить. А ты, Ли, звони в полицию.

Ступеньки лестницы скрипели под ее ногами. Али откинула волосы назад. Заправила блузку с ярким узором из подсолнухов, сделала глубокий вдох и открыла дверь.

И сразу же поняла, что перед ней не демонстрация протеста, как раньше. Это толпа. Не хватало только вил, факелов и веревки. Пять минут назад их было несколько десятков. Теперь толпа заполняла всю улицу.

Град камней стих.

— Вот она.

Искаженные гневом лица слились в одно.

Али едва не захлопнула дверь перед ними. Потом все же заставила себя выйти. Крики стихли.

Интересно, где зачинщики? Это очень важно. Может, нужно пригласить их войти? Или лучше бросить вызов всей толпе? Спорить с ними? Стыдить? Али попыталась вспомнить, как ведут себя герои фильмов.

— Что вы тут делаете?

«Ага, — подумала она, — как монахиня».

— А вы?

Голос доносился из середины толпы.

— Изучаем карты, — ответила Али. — Исследуем реликвии, ищем зацепки. Зацепки, — поспешно добавила она, — чтобы понять, куда ведут детей.

— Мы знаем куда, — ответил тот же голос. — В город. Ваш город. В город, который вы защищаете!

Человек явно пребывал на грани истерики.

Али пыталась определить собеседника, но видела перед собой лишь море мрачных лиц.

— Город мертв. Мы убили его десять лет назад. Я была там перед самым концом.

— Я тоже там был, — произнес тот же голос. — И он не мертв.

Толпа расступилась, и вперед пробился мужчина, босой и без рубашки. Нищий, подумала Али. Какой-то бездомный чудака, кривляющийся, чтобы привлечь к себе внимание. Затем мужчина вышел на свет.

Бывший пленник, как и она сама. Али сразу это поняла. Хотя они никогда не встречались.

Освобожденные пленники образовали некое странное, промежуточное сообщество. Разрываясь между двумя мирами, на поверхности и в недрах земли, несчастные не находили себе места ни там, ни там. Али чаще обычных людей встречалась с ними, поскольку многие искали ее. Приходили в поисках ответов, приносили артефакты или просто хотели убедиться, что они не одни такие.

Но ей никогда не приходилось видеть бывшего пленника, изуродованного до такой степени. Хейдлы превратили мочки его ушей в бахрому, вырезали веки и нос. Он сутулился из-за травмы позвоночника, а тело сплошь покрывали метки и клейма. На ногах пальцы отсутствовали, а на руках были скрюченными.

— Ты меня не узнаешь, сестра?

— Нет, — ответила Али.

Такого не забудешь.

Шрамы обвивали его, словно змеиные кольца. Эти непрерывные арабески были почти красивы. Узоры превратили этого человека в живую картину — на коже вытатуированы символы, схематические и изображения животных и геометрические узоры. Али поймала себя на том, что ищет среди узоров алеф.

— Семь лет назад, — сказал мужчина, — я приходил сюда. Именно сюда. В это здание. В ваш кабинет, там, наверху.

— Клеменс? — вырвалось у Али. Неужели это жуткое существо — режиссер?

— Ага, помните. Я просил у вас помощи. Вы отказали. Забудьте про город, говорили вы тогда. Но я нашел его. Без вас. А потом они нашли меня.

Вопрос напрашивался сам собой. Почему его пощадили?

Клеменс словно прочел ее мысли.

— Они долго держали меня в плену. Мне казалось, вечно. Потом отправили наверх с посланием.

— Каким посланием?

— Я и есть послание, — сказал он и повернулся к мужчинам.

Надвинутые на глаза кепи, косынки на шеях, поднятые воротники. Застывшие лица — белые, коричневые, черные — горели яростью. Сколько

ненависти, подумала Али. Откуда? Оставалось надеяться, что Джон сумел дозвониться до полиции.

— Я — это дети. — Клеменс обращался к толпе. — Вот что, — он развел руки, чтобы все видели его изуродованное тело, — ждет детей, тех, кто дойдет. Посмотрите на меня. Вот что делают хейдлы. В темноте невозможно понять, что тебя ждет. Ножи. Иглы. Точно насекомые. Как только заживает одно, они начинают следующее. Они скормили мне собственное яйцо. В темноте и не разберешь — просто еда. А я был голоден.

Толпа молчала. Потрясенная. И восторженная. Али это заметила. Почти как верующие. Потому что им нужен Клеменс, его горечь и злоба, чтобы сделать следующий шаг. Грегорио прав. Это не школьники.

— А еще насилие. — Клеменс ткнул пальцем в Али. — Насилуют, точно дикие звери. Жестоко. Даже когда я выздоравливал. Все время. — Он повернулся к толпе. — То, что сделали со мной, сделают с вашими сыновьями и дочерьми.

Клеменс продолжал описывать всевозможные ужасы. Жуткие подробности вызвали ропот толпы, возвращаясь к оратору в виде ярости. Бывший пленник все время указывал на Али, словно это она отвечала за все зло мира и за те страдания, которые ему пришлось пережить. Ей стало страшно.

Прижатая к двери, Али ощущала «Студию» у себя за спиной, и никогда еще институт не казался ей таким хрупким. Драгоценные архивы, артефакты, воспоминания пленников, рассказы колонистов, фотографии и карты — всему этому грозила опасность. Всему, что ей удалось собрать, чтобы человечество узнало о своих корнях.

— Я вам сочувствую, — прервала она речь Клеменса. — Вы страдали. И теперь страдаете.

— Вы предлагаете мне жалость, сестра? — спросил Клеменс. — Суп и несколько крошек хлеба для заблудших душ?

Али посмотрела на толпу за его спиной. Потом показала на фасад «Студии». Вся стена, до высоты поднятой руки, заклеена фотографиями пропавших детей. Фонарный столб обвивали желтые ленты. Вдоль тротуара разложены цветы и плюшевые медведи. Ее сотрудники устроили вторую Стену Плача.

— Вот эти дети, — сказала Али. — Все хотят, чтобы они вернулись домой целыми и невредимыми. Поиски занимают больше времени, чем нам хочется. Нам нужно время и терпение.

— Время и терпение! — выкрикнул Клеменс. — С каждой минутой

дети уходят все глубже. А вы охраняете город, точно это ваш ребенок.

— О чем вы толкуете?

— Вы отказались дать мне карту этого проклятого места. Теперь вы прячете дьяволов в своих шкафах и ящиках. Храните свои секреты.

— Какие секреты? — удивилась она. — Вы сказали, что знаете, где находится город. Идите туда. Ведите свою армию. Начинайте войну.

Только уведите эту толпу отсюда.

— Сначала нам нужно получить ваше благословение, сестра.

Под козырьками бейсболок и нахмуренными бровями сверкнули улыбки.

— Мистер Клеменс, — Али выпрямилась; сострадание тут не поможет, — буду откровенна. Я не хотела быть жестокой. Но совершенно очевидно, что случившееся с вами повредило не только тело.

Казалось, она победила. Стена лиц повернулась от нее к нему, и люди увидели то, что ясно видела она, — помутившийся рассудок. Али услышала глухой ропот.

Затем раздался чей-то крик.

— Что это?

Поднятые руки. Указующие персты.

Али повернулась. На третьем этаже в окно выглядывал Джон Ли. Неестественный ультрафиолетовый свет подчеркивал рога и деформированный череп. А еще восточный разрез глаз. Китайцы были «чужими» — почти как хедди.

— Боже, там у нее живет один!

Вновь полетели камни. Осколки стекла посыпались на тротуар. Али бросилась к двери.

Ее паника стала последней каплей. Дальше все произошло невероятно быстро. В мгновение ока толпа поглотила ее. Руки. Глаза. Проклятия.

Вечер был теплым. Их подмышки — мокрыми, лбы — влажными. Кто-то ударил ее. Али перестала сопротивляться.

Ученый-антрополог в ее мозгу не переставал удивляться, насколько быстро сформировалась толпа. Аморфная, безмозглая масса, просто большой пузырь. Она не могла пошевелиться. Толпа стискивала ее.

Али не могла сказать, откуда взялся огонь. Просто в окнах вдруг показались языки пламени.

Возможно, ее не собирались бить и увечить, но это уже не имело значения. Локти врезались в голову. Она оглохла. Кто-то выбросил вперед кулак, и Али согнулась пополам, едва не потеряв сознание. Ее подхватили и понесли.

Сквозь застилавший глаза туман она видела каменную стену с приклеенными фотографиями детей. Некоторые горели. Сквозь мелькающие руки Али увидела, что Джона уже нет в окне.

Она была их монстром. А это ее логово.

Пламя вырывалось из двери и окон нижнего этажа. Камни отскакивали от стен, дождем падая из пелены дыма. Десять лет работы, с горечью подумала Али. Оказалось, что она собирала дрова для костра. В отдалении завывали сирены.

«Студия» отделилась. Яркое пламя поблекло. Толпа перемещалась, протискиваясь по темной улице, унося Али с собой. Ее ноги не касались земли. Точно так же ее захватили хейдлы, завязав глаза и увлекая во тьму.

— Что вы делаете? — повторяла она.

Их пот капал ей на щеки, смачивал губы. Что-то тяжелое опустилось на голову. Удар отозвался в шейных позвонках.

— Сука!

Мелькнули безумные глаза. Потом россыпь звезд. Как в мультфильме. Потом темнота.

Али очнулась под морозящим дождем.

Воздух был вкусным и чистым. Жива. Пытаясь разлепить веки, Али на минуту перенеслась в прошлое, в джунгли на уединенном острове, где они с Айком вышли на поверхность. Он обнимал ее.

— Айк, — прошептала Али.

Она открыла глаза. Ее окружала ночь, и Грегорио держал ее на руках. Асфальт был твердым и мокрым. В ушах звенело. Али вытерла кровь, заливавшую глаза.

— Александра, — прошептал Грегорио.

У него из носа текла кровь. Он крепко обнимал ее. Они были зажаты между колонн. Ноги, поняла она. Толпа.

Али попыталась сесть. Теперь она слышала крики и свист. Почти как на бейсбольном матче.

— «Студия», — прошептала Али.

— Ее нет.

Голос Грегорио звучал у самого уха. В нем уже не было ярости.

— Не переживай, — сказала она. Просто нужно начать все сначала. Потом вспомнила о Ли. — Где Джон?

— Лежи тихо, Александра.

Его покорность испугала ее.

— Что они делают?

— Все почти закончилось, — ответил Грегорио.

Сверху в нее уперся обломок медной трубы.

— Эй вы, заткнитесь!

Шум толпы перекрыл пронзительный вопль. Кричал мужчина. Достигнув наивысшей точки, крик превратился в протяжный вой.

— Ты только посмотри, — раздался мужской голос.

— Жуть.

Вода, журча, потекла в водосток возле руки Али. Она инстинктивно отдернула руку от темного отверстия.

Послышался смех.

— Я чувствую твою боль, парень! — крикнул кто-то.

— Это Джон? — прошептала Али. — Что они с ним делают?

Грегорио не ответил. Только качал ее, словно ребенка.

В толпу ворвался луч света. Он прорезал небо и окрасил серебристым цветом капли дождя. Неразличимые лица обрели краски. Прищурились. Руки взметнулись вверх, прикрывая глаза. Свет перемещался вперед и назад. Им это не нравилось.

— Кто там, черт возьми?

Все повернулись, вглядываясь. Может, полиция? Или национальная гвардия? Али попыталась встать. Кто-то снова повалил ее на асфальт. Толпа загудела. Ноги пришли в движение, спотыкались об Али.

Луч света разрезал тьму.

Послышался щелчок, потом скрежет — это ожили громкоговорители. Завораживающий, чуть хрипловатый женский голос поплыл в пропитанном влагой воздухе.

— Граждане! Патриоты! Воины Господа! — Толпа притихла. — Меня зовут Ребекка Колтрейн.

Просто невероятно — похоже на сон. Али пыталась осмыслить происходящее. Патриоты? Воины Господа? Что, черт возьми, тут нужно Ребекке?

Али встала. На сей раз никто не стал сбивать ее с ног. Она вытянула шею, пытаясь что-нибудь рассмотреть поверх голов и спин. Луч света — от прожектора, установленного на крыше пикапа, — все время покачивался из стороны в сторону. Не останавливаясь. Развеивал темные инстинкты.

Пикап остановился неподалеку. Кабина украшена американским флагом. В кузове стояла Ребекка. Али с трудом узнала ее.

От растерянной матери, которая пила чай в кабинете Али четыре недели назад, не осталось и следа. В голосе появился металл. Женщина была похожа на ангела из камня и стали. Некогда длинные волосы коротко

обрезаны. Они отливали золотом. Кожа на лице белая, словно алебастр. Мокрая белая блузка облепила грудь. В другое время и в другом месте это выглядело бы эротично. В эту ночь она была неприкасаема.

— Я пришла сюда... — начала Ребекка, и Али почувствовала, как мужчины в буквальном смысле выпрямились. — Я пришла сюда, чтобы увидеть вашу силу. Пришла увидеть вашу страсть. Почувствовать вашу ярость.

Что здесь делает Ребекка? Почему она разговаривает с этими преступниками?

— Приведите мне его.

Ребекка указала на телефонный столб.

Теперь Али увидела привязанное к столбу тело. Сначала она не узнала его. Они выжгли на нем длинные полосы. Ожоги глубокие, до кости. Паяльная лампа, поняла Али.

— Джон? — окликнула она.

Мужчины посмотрели на нее. Ближайшие посторонились. Человек с медной трубой выронил свое оружие.

Али рванулась к пикапу, но Грегорио поймал ее за руку.

— Тихо, — прошептал он.

Через минуту несколько рук подняли безжизненное тело в кузов пикапа. Ребекка приняла тело. Ли не подавал признаков жизни. Все молчали. Что она теперь будет делать: уедет, обрушится на толпу с бранью или вернет им Джона? И почему они ее слушаются?

Ребекка вновь встала. Ли остался лежать у ее ног.

— Вы — спасение детей, — сказала она в микрофон.

Это крестовый поход Ребекки. Все ясно. Али слышала о доморощенной милиции, но считала ее безвредным парадом.

— Вы нужны мне, — говорила Ребекка. — Вы нужны детям. Все остальные отказались от них. Завтра мы отправляемся на Гуам. Вместе мы спустимся в преисподнюю, выследим дьявола и освободим детей. Господь всемогущий, — она подняла голову, подставив лицо под капли дождя, — избавь нас от дьявола.

— Аминь, — прошептали мужчины.

— Все начнется завтра, — продолжала Ребекка. — А сегодня вы должны отдохнуть. Не отвлекайтесь. Не растрачивайте силы. Это делает вас слабее. Наша миссия внизу. Завтра наш день. Теперь возвращайтесь в свои дома. Отдохните, поешьте. Позвоните близким. Завтра все начинается.

Люди стали расходиться. Али видела проблески мигалок пожарных машин, оранжевые языки пламени, дым. «Студия» рухнула, сложившись

внутри.

В каком-то смысле Али почувствовала себя свободной. Теперь ее ничто не связывает. Можно начинать сначала.

Когда толпа рассеялась, Али подошла к пикапу. Машина была новенькой, с номерами от дилера — взята напрокат. Ребекка стояла на коленях рядом с обнаженным телом Ли. Джон был без сознания. На теле глубокие ожоги. Кто-то бил камнем по остаткам рогов на его голове.

— Джон? — позвала Али.

Его глаза закатились.

— Нужно отвезти его в больницу.

— Забирайте его, — сказала Ребекка. Потом протянула Грегорио сотовый телефон. — Возьмите. Вызовите «скорую».

— Вы уезжаете?

— Я должна последовать за ними.

— Это ваши люди?

На мгновение королева-воительница исчезла, и вместо нее появилась усталая, беспомощная женщина, которая сидела в кабинете Али.

— Поверьте, — тихо, почти шепотом произнесла Ребекка, — я и представить себе не могла, во что это выльется.

Она не извинялась. В ее голосе слышался шок. И благоговейный трепет.

— Ребекка, что вы делаете? Остановитесь, пока не поздно.

В испуганных зеленых глазах снова появился стальной блеск. Али буквально видела, как женщина опять надевает доспехи.

— Да, пока не поздно, — сказала Ребекка. — Я все время это повторяю, но никто не слушает. Любой ценой, с вашей помощью или без, даже если это будет мое последнее дело на земле, — я верну дочь. Я намерена найти своего ребенка и вырвать из преисподней.

ДОКУМЕНТЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В случае нападения из субтерры:

1. *Немедленно покиньте помещение.* Поднимитесь как можно выше.
2. *Не спускайтесь в подвал.* Избегайте подземных помещений, таких как шахты лифта, лестницы, метро, шахты, пещеры.
3. Включите все источники света, в том числе внутреннее и внешнее освещение дома, автомобильные фары, карманные фонари, а также зажгите газовые камины, мангалы, бенгальские огни и т. п.
4. Вместе с соседями соберитесь на открытой площадке, чтобы объединить источники света. Не выходите за пределы ярко освещенного круга. Эффективным отпугивающим средством служат осветительные ракеты, галогеновые лампы и стробоскопы. Заранее выясните, нет ли у кого-нибудь специализированного оборудования, например электрогенератора. [Обеспечьте питание источникам света. Они должны быть включены, пока полностью не рассветет.]
5. При распределении лекарственных препаратов и вакцин слушайте информацию о признаках и симптомах заболеваний, а также о том, куда обращаться за медицинской помощью в случае болезни. *Если вы заболели, немедленно обращайтесь за медицинской помощью.*

ДИАЛОГИ С АНГЕЛОМ, НОМЕР 5

— Я плавал в море, которого больше не существует, — говорит ангел, — когда появилась большая рыба. Это был целакант — древнее и свирепое существо, должен тебе сказать. К счастью, рыба напала на меня. Иначе я никогда бы не догадался разорвать ее и не нашел то, что пряталось внутри. В желудке лежала вторая рыба, внутри которой я увидел останки детеныша обезьяны.

Я был потрясен. Никогда не видел ничего подобного. Четыре конечности, ладони и ступни. Два уха, два глаза, нос. В точности как у меня! Понимаешь? Ваш род становился похожим на меня.

После этого открытия я стал искать других подобных существ. Но в те времена на земле было мало обезьян. Прошли еще миллионы лет. Наконец ваша миграция направилась в мою сторону. В желудке мертвого крокодила я нашел наполовину переваренную голову древнего человека. Теперь вы называете его австралопитеком.

Эта разложившаяся голова могла быть моей. Но я не думал, что дело продвинется дальше. Затем — еще несколько миллионов лет спустя — я получил тело женщины, которая была еще прекраснее и еще больше похожа на меня. Только мертвая. А мне требовалась живая. Я ждал — возделел и ждал.

Наконец это произошло. Заблудившись, охотник спустился под землю. Я забрал его. Вот он.

Ангел берет в руки череп, потемневший от времени и отполированный бесчисленными прикосновениями. У него тяжелая челюсть и низкий лоб. Таких существ можно увидеть в зоопарках.

— Он был моим первым учеником. От него я узнал о красках восхода и фазах Луны, о газелях и кроликах, о саблезубых тиграх. Я пробовал поделиться знаниями о Вселенной. К несчастью для него, он попытался размозжить мне голову камнем, пока я спал. У меня очень прочный череп. Примерно год он питался кусочками мяса, которые я вырезал из его плеч и бедер. Он умолял меня остановиться и умолял продолжать кормить. Он боялся меня. И любил меня. Понимаешь? Вместе мы познавали цену свободы и воздаяние жертвы.

Ученик продолжает сидеть у ног учителя. Он закрывает глаза. Ему не дают покоя два вопроса. Чью свободу имеет в виду ангел? И чью жертву?

ДОКУМЕНТЫ

«ELLE»

«Глубокое проникновение»

Минеральная косметика, новейшее увлечение

Последние достижения косметики пришли из глубин матушки-земли. Благодаря моде на бледную кожу и все доисторическое, в последние два года продажи минеральной косметики растут космическими темпами.

Одни компании предлагают необычные тона, светящиеся в темноте, другие сосредоточиваются на преимуществах натуральных ингредиентов, третьи делают ставку на манящую экзотику подземного мира. Компания «Элайв» позиционирует минеральную линию как абсолютно чистую и подходящую для детской кожи. «Дип бьюти косметике» утверждает, что ее минеральные продукты не только украшают, но и лечат. («Лечитесь, завоевывая его сердце».) «Хомо эректус, инк» хвастает, что ни один мужчина не останется равнодушен к флуоресцентной губной помаде. Как бы ни называли минеральную косметику — афродизиак, препарат местного действия или косметическое средство, — она отвоевывает свою долю рынка.

Минеральная косметика основана на минералах, добываемых глубоко под землей; одни вещества встречаются и на поверхности земли, другие (более дорогие) — нет. В состав продуктов входят мел, окись цинка, ультрамарин из лазурита, двуокись титана и даже небольшое количество радия, обеспечивающее свечение в темноте. Огромную популярность завоевал порошок охры, которым пользовались еще неандертальцы.

Дерматологи предупреждают о том, что солнцезащитные свойства минеральной косметики в большинстве случаев преувеличены. Они также предупреждают, что некоторые средства, например светящиеся тени для век «Королева ночи», могут обладать канцерогенным эффектом.

Остров Гуам, 17 декабря

Ребекка отвернулась от зеркала и положила расческу. Затем выглянула из окна своей комнаты в казарме.

Белое солнце висело над горизонтом, словно парализованная звезда. Военные самолеты прочерчивали небо. Круизный лайнер «Принцесса» — зафрахтованный компьютерным магнатом как вклад в общее дело — пересекал бухту, проплывая мимо громадного авианосца. Лайнер привез почти пятьсот человек — новые, но, скорее всего, не последние добровольцы.

Окруженная армией — «моей армией», — Ребекка никогда еще не чувствовала себя такой незащищенной и одинокой. Кто все эти люди? Что им от нее нужно? Она лишь знала, что ей нужно от них.

Вместе с пассажирами «Принцессы» их набралось уже больше двенадцати сотен. Кто-то вышел на улицу, под палящее солнце — одни сгоняли «пивное брюшко» с помощью яростных схваток на баскетбольной площадке, бега трусцой между пальм или приемов карате, другие ждали, пока к ним подойдет какой-нибудь корреспондент с камерой. Среди них бродили страховые агенты и торговцы недвижимостью, назойливые как мухи; они торопились соблазнить клиентов за два оставшиеся до спуска дня. Проститутки из России и Бангкока. Бродячие торговцы предлагали футболки и шапочки с поспешно напечатанными цитатами из Священного Писания или надписями «В ад и обратно» и «Спасти детей».

Рейнджеры Ребекки, как окрестили их средства массовой информации. Ее «Ангелы ада». Воины солнца. Они были разными: пламенные патриоты, заурядные преступники или фанатики, помешанные на убийстве демонов. Много резервистов, стремившихся привнести некоторую остроту в свою жизнь. «Железные Гансы» Нового века, офисный планктон, куклуксклановцы и американские нацисты, одержимые идеей расовой чистоты, собраты из Техасского университета, завсегдатаи тренажерных залов, бунтари, байкеры, охотники на оленей, борцы за свободу, безработные плотники, уставшие от жизни юристы и одинокие сердца. Эксцентричная смесь разного рода искателей приключений, мечтателей и неудачников.

Имелись среди них и наемники — двадцать один человек. Они считали

себя контрактниками и были наняты частной охранной фирмой «Зона высадки инкорпорейтед». Их начальник Хантер (фамилия как в дешевых романах, которые люди читают в аэропорту) называл себя полевым командиром. Он и все его люди служили в армии США, а затем в поисках лучшего заработка перешли в частные структуры. Охранники не общались с остальными. У них были отдельные комнаты, отдельная столовая, свой распорядок дня. Все имели опыт пребывания под землей. Так, например, никто не выходил на яркое солнце, чтобы глаза не потеряли способность видеть в темноте.

Подобно многим другим аспектам ее ширящегося «крестового похода», «Зона высадки» появилась в поле зрения Ребекки абсолютно случайно. Однажды раздался звонок в дверь, и на пороге появился Хантер, в слаксах «Докерс» и с лэптопом, содержащим фотографии его «агентов безопасности». Он объяснил, что «Зона высадки» выиграла сорокадневный контракт на помощь в поиске детей, опередив такие фирмы, как «Блэкуотер», «Динкорп», «Трипл канапи» и другие частные охранные агентства, о которых Ребекка не только не слышала, но даже не подозревала об их существовании.

Хантер не спрашивал, нужны ли им его услуги. Просто объявил о своем участии. Она не представляла, кто их нанял и кто ими руководит. Текущие расходы, жалованье, оружие — поговаривали о сумме в 5,2 миллиона долларов — оплачивались не из ее фонда, пополнявшегося за счет пожертвований частных лиц и организаций, доходов от фильмов и книг. Средства были дарованы консорциумом американских и канадских девелоперов и горнодобывающих компаний. Ребекка сомневалась в существовании консорциума — впрочем, как и в личности «Хантера», — но предпочитала не задавать слишком много вопросов. Чем меньше она будет знать, тем лучше.

В прежней жизни Ребекка никогда не сталкивалась со всеми этими людьми. Но той жизни больше нет. В данный момент они все нужны ей — с их напускной храбростью, бахвальством, склонностью к насилию, отклонениями и странностями, — потому что в конце концов кто-то действительно понадобится. Неизвестно, как, когда и в каком количестве. Это была одна из загадок, с которой приходилось мириться.

Ни разу в жизни она не стреляла, даже из винтовки 22-го калибра. А теперь командует армией. Некоторые журналы сравнивали ее с Жанной д'Арк. Другие называли ее Стихийным Бедствием^[16] или миссис Стрейнджлав,^[17] матерью Третьей мировой войны.

Ребекка снова посмотрела на себя в зеркало. Скоро ланч. Время ежедневного шоу.

Пока от нее требовалось лишь улыбаться, болтать о пустяках, изображать из себя мать, сестру, жену или школьную подружку — все, что угодно, лишь бы привязать к себе армию на достаточно долгое время. Ребекка взяла помаду и накрасила губы.

Шлюха, общедоступная женщина — вот как она себя чувствовала. Люди пришли к ней со своими желаниями и потребностями, с рыцарскими чувствами и откровенной похотью, с неугасающей верностью, с жадностью, одиночеством, страхами, высокими или земными фантазиями. Ее жизнь зависела от того, сможет ли она удовлетворить их. Потому что без них Сэм обречена. А без Сэм обречена сама Ребекка.

Громкий стук в дверь заставил ее вздрогнуть. На пороге стоял Клеменс. Ее личный монстр.

— Ребекка.

Он растянул губы в улыбке каннибала: сохранившиеся во рту зубы подпилены. Отверстия на месте носа блестели от вазелина.

Клеменс терпеливо ждал. Шрамы и раны на его теле были выставлены напоказ. Он их специально не прятал. Ребекка пришла к выводу, что Клеменс прекрасно понимает, какое впечатление производит на людей. Не жалость, а отвращение — вот его оружие. Достаточно одного взгляда на него, и к горлу уже подступает тошнота, а душа пребывает в растерянности — смотреть невежливо и отводить взгляд тоже невежливо. А пока человек борется сам с собой, Клеменс незаметно проникает сквозь защитный барьер. Добивается сочувствия. Улыбается.

Ребекка не пригласила его в комнату. Она научилась фокусировать взгляд на солнечных очках, балансировавших на обрубке носовой кости. Хотя все время помнила, что у него нет век.

«Дева Мария, защити мою дочь».

— Слушаю вас, мистер Клеменс.

Подобно Хантеру, Клеменс таинственным незнакомцем возник на ее пороге, утверждая, что ей без него не обойтись. Довольно быстро Ребекка убедилась в его правоте. Из всех людей, побывавших в городе, куда вели ее дочь, выжили только двое. Одна из них — Али фон Шаде, отвергнувшая просьбу Ребекки о помощи. Второй — это ходячее и говорящее олицетворение жестокости.

— Я хочу поговорить об оружии.

От него пахло лекарствами и гнилым мясом. Ребекка заставила себя вдыхать этот запах, делая вид, что все нормально. На самом деле ни о какой

норме не могло быть и речи. Пока Сэм не вернется в ее объятия, ей предстоит противостоять буре — каждую минуту. Придется иметь дело с этим чужим для нее миром.

— Что там с оружием?

— У нас проблема, — сообщил Клеменс.

До этой проблемы возникали другие: с потерявшимися коробками мясных консервов, с дополнительными палатками и лекарствами, а также с карманными ножами с надписью «Крестовый поход детей», пожертвованными сетью спортивных магазинов. Нужно было ежесекундно помнить о тысяче вещей. Таких, о существовании которых Ребекка даже не подозревала. Вещей для войны. «Война». Ребекка никак не могла смириться с этим. С тем, что она принесет с собой войну, смерть, убийство.

— Люди жалуются, — сказал Клеменс. — Хотят получить оружие. Как они научатся им владеть без тренировок? Откуда мы знаем, что оно вообще исправно?

— Оружие в порядке, мистер Клеменс.

— Это излишки со склада. Бывшее в употреблении. Оставшееся после нескольких войн. Оружие может оказаться бесполезным. Если вообще существует.

Они обсуждали это не в первый раз. Даритель — никто не сомневался, что тут не обошлось без ЦРУ, — пожертвовал экспедиции целый арсенал. С одним условием: оружие будет роздано только после того, как люди спустятся под землю.

Никому не нужна шайка ковбоев или кадры телевизионных репортажей с вооруженной толпой, устремляющейся в субтерру. Обстановка и так напряженная — китайцы внимательно следят за каждым их шагом. Нельзя сказать, чтобы Ребекку особенно беспокоил Китай. Но если власти собираются негласно помочь ей, предоставляя возможность воспользоваться бывшей военной базой в дальнем уголке Тихого океана, снабжая оружием и амуницией, то они должны хотя бы иметь возможность отрицать свое участие. Значит, никаких доказательств. Спустившись в туннели, люди могут открыто носить огнестрельное оружие и ножи, пока не сделают свое дело. До того времени их следует держать на коротком поводке. Нейтрализовать.

— Оружие существует, мистер Клеменс.

— Да, я не сомневаюсь. Вы его видели?

Ребекка почувствовала укол страха. Моргнула. Может быть, это и есть вызов?

Ни днем ни ночью ее не оставляли опасения, что кто-то поднимет

мятеж и уведет от нее армию. У нее не было ни малейшего опыта боевых действий. Когда Джейк включал «Гладиатора», «Падение „Черного ястреба“» или другие «крутые киношки», она уходила в дальние комнаты, пока не смолк грохот выстрелов или звуки скрипок. В конечном итоге верное воинство раскусит ее.

«Сэм». Ребекка призвала на помощь имя дочери. Представила, как девочка бросается в ее объятия.

— Да, — сказала она Клеменсу. — Я видела оружие.

Это не имело значения. Ребекка не могла отличить штурмовой винтовки от дробовика. Кроме того, нищим не приходится выбирать. Она взяла то, что предложили парни в строгих костюмах, и не задавала вопросов.

— Люди начинают ворчать, — сообщил Клеменс.

— Неужели?

У нее пересохло в горле.

— Я слышал такие разговоры — повсюду.

Борясь с внезапной слабостью, Ребекка попыталась представить металлические пластины, поддерживающие спину и ноги.

— И они выбрали вас своим представителем?

Клеменс склонил голову, изображая смирение. На черепе почти не было волос — сплошные раны и швы. Ребекка старалась не думать о другом его уродстве, о том, что он наполовину кастрат. Но только наполовину. Что все это значит? Клеменс продолжал улыбаться.

— Я пришел как друг.

А вот с этим справиться легче. У нее нет друзей. Есть только Сэм.

— Спасибо за заботу, — ответила Ребекка.

— Я уверен, мы сможем быстро положить конец тому, что назревает.

— Бунт, — сказала она. — Вы это имеете в виду?

— Какое некрасивое слово. Звучит так старомодно — вам не кажется? Вы меня неправильно поняли. Люди преданы вам. — Клеменс сделал паузу. — Только они пришли сражаться, а не играть в софтбол. Понимаете?

— Битва грядет.

— Знаю. Но они безоружны. Вот в чем проблема. Это люди действия — по крайней мере, они так думают. Им нужно оружие.

— Уже скоро, мистер Клеменс, — сказала Ребекка. — Так им и передайте.

И тут же пожалела о своих словах. Он не гонец, не помощник, не заместитель, не соратник — или на что там он еще претендует. У нее самой есть язык. Это ведь ее армия.

— Люди Хантера вооружены, — не унимался Клеменс. — Понимаете? Прецедент.

Еще один вызов. От этого изувеченного человека. Она думала, что Клеменс хочет всего лишь снова обрести себя, восстановить хотя бы часть того, что он потерял в своей последней экспедиции. Разумеется, уже не вернешь к жизни съёмочную группу. И не приклеишь отрезанные хейдлами куски плоти. Но он мог хотя бы залечить душевные раны. Ребекка надеялась, что именно так и случится.

— Мы это уже обсуждали, — ответила она. — У них собственное оружие. Тут у меня нет права голоса.

— Вы хотите сказать, мэм, что Хантер вам не подчиняется? — спросил Клеменс.

Невинным тоном. Просто из любопытства.

— Вовсе нет.

— Хантер — плохой человек, Ребекка. Вы уверены, что он с нами?

Почему все так примитивно? Людям не обязательно становиться друзьями. Но разве не могут они — вместе — быть врагами ее врага? Объединиться ради общей цели?

— Я в курсе, что мистер Хантер вас беспокоит.

На самом деле Хантер был его навязчивой идеей. Клеменс хотел избавиться от него. Хантер, в свою очередь, считал Клеменса чокнутым и просто обузой. Каждый пытался настроить Ребекку против другого.

— Для него все сводится только к деньгам, — продолжил Клеменс. — Он и его наемники служат компаниям, которые торгуют недрами. Или они тайные агенты правительства.

— Да, вы мне это уже говорили.

— Кто бы они ни были, «Зона высадки» находится здесь по одной причине — опередить конкурентов и заявить права на более глубокие недра. Независимо от того, кто за ними стоит, частная компания или Соединенные Штаты Америки, это самый крупный захват земель за всю историю.

Что до нее, то пускай они захватывают столько земли, сколько смогут. С другой стороны, все не так просто. Тут у нее двенадцать сотен планов, по одному на каждого человека, и все ждут, что в ближайшие дни эти планы начнут осуществляться. Но как только люди получают желаемое — землю, золото, приключения, право хвастаться, — ее великий поход растает в воздухе.

— А вы? — спросила Ребекка, пытаясь отвлечь его от Хантера. — Какой у вас интерес?

Глупый вопрос. Она заметила, с каким вожделием Клеменс смотрит на нее. Его взгляд вывел ее из равновесия, но не потому, что она должна быть «божьим даром», а потому что это было так странно, так неправильно. Его желание не имело отношения к сексу, к обладанию или любви. Эти чувства от нее не укрылись бы. Ему же требовалась маска, вторая кожа. Он хотел окружить себя ее красотой.

— Я здесь для того, чтобы помочь вам.

— Разумеется, — ответила Ребекка. Это уже превратилось в мантру. — Дети.

— Дети? — Клеменс покачал головой и шепотом добавил, словно раскрывал какой-то неприличный секрет: — Сэм.

Он знал. На самом деле важен был только один ребенок. Сэм.

— Не беспокойтесь, — сказал Клеменс. — Мы найдем ее.

— Всех, — поправила Ребекка. — Мы найдем всех.

— Безусловно.

Похоже на зыбучие пески. Хватит.

— Позвольте вас заверить, — сказала она, — что мистер Хантер не менее предан нашему делу, чем вы.

— Он вас использует, — настаивал Клеменс.

«А я его, — подумала Ребекка, но промолчала. — И тебя. Всех вас».

— Моего мужа убили меньше двух месяцев назад. Ребенка похитили. У меня нет ни денег, ни власти. Что тут использовать?

Они могли посоревноваться друг с другом в искусстве вызывать жалость: он — изуродованным лицом, она — рассказом о своих несчастьях. Как ни старалась Ребекка почувствовать, что Джейк рядом, становилось все труднее — вихрь событий заслонил память о муже. Закрывая глаза, она видит одно и то же — лицо Сэм. Живые вытесняют мертвых.

Клеменс ухмылялся. Эту песню он слышал не раз. Отлично смотрится по телевизору, действует на спонсоров и прихожан. Но у него иммунитет.

— Верить Хантеру — ошибка. Это все, что я хочу сказать.

— Значит, я должна верить вам?

— Вовсе нет, — ответил Клеменс. — Сомневайтесь и во мне. Сомневайтесь во всех, черт возьми.

— Не могу. Я и так слишком одинока.

— Это другой вид одиночества, Ребекка. Вы поднялись на вершину горы. Вот почему мы все пришли сюда. Чтобы отобрать вас у богов.

Вычурность его слов — абсурдная, старомодная, рыцарская — испугала ее. Ребекка попыталась придумать достойный ответ.

— Я надеюсь на вас, — просто сказала она.

— А я на вас, Ребекка.

— Чем еще я могу быть полезна, мистер Клеменс?

Он дотронулся до безобразного рубца, заменявшего ему губы. «Лягушачьи губы». Такое впечатление, что хейдлы, поработившие Клеменса, пытались превратить человека в животное. Ребекка в очередной раз задумалась, зачем они потратили столько времени на пытки. Или даже не так. Зачем его оставили в живых?

Клеменс утверждал, что бежал из города под названием Хинном, цели ее экспедиции. Однако, поговорив с другими людьми о трудностях и опасностях подземного мира, Ребекка перестала доверять рассказу «героя». Хозяевами тьмы были хейдлы. Казалось невероятным — абсолютная фантастика! — что покалеченный, истекающий кровью, полуслепой пленник смог убежать от этих существ. Значит, они его отпустили. Зачем? Для чего он им нужен?

— Да? — спросила Ребекка.

— Размазалось.

— Что?

Он дотронулся до уголка ее рта и быстро убрал руку. На искалеченном пальце блестел кусочек помады.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес Клеменс, отступая в сторону. Словно она его творение. — Думаю, теперь вы готовы для остальных мужчин.

Остров Гуам, на глубине одной мили

Ребекка спускалась под землю во главе своей армии, захватив с собой «глок» Джейка и Библию матери. Совсем недавно она считала обе эти вещи источником зла и делала все возможное, чтобы убрать их из дома. А теперь не знала, в какой из них находит большее утешение.

Система лифтов от поселка Агана на острове Гуам до подземного города Тревис была самой современной и самой длинной. Когда Ребекка училась в старших классах школы, детям рассказывали, что самое глубокое место на земле — Марианская впадина. Теперь кабина лифта везла ее в город, расположенный на восьмьсот футов ниже.

Как только кабина нырнула в землю, Ребекка со страхом стала прислушиваться к каждому столкновению воздуха с металлом. «Семь миль в глубину». Казалось, стены сжимаются. Океан раздавит их.

Клеменс прервал ее мрачные мысли.

— Нам везет, — сказал он.

— Что?

От него пахло жвачкой с ароматом корицы. Он где-то добыл маленькие золотые сережки для своих изуродованных ушей.

— Семь лет назад мне и моей съемочной группе потребовалось восемь месяцев, чтобы спуститься туда, где мы будем сегодня после обеда. Восемь месяцев мы спускались на веревках по туннелям и сплавлялись по рекам. Восемь месяцев клаустрофобии и постоянного страха. Четыре тысячи миль пешком, на плотках и по веревкам — без возможности вернуться назад. А теперь достаточно откинуться на спинку кресла, немного вздремнуть — и ты там. А если станет страшно, можно взять обратный билет и вернуться на поверхность через... — Клеменс посмотрел в буклет. — Три часа и двадцать две минуты.

Ребекка пыталась отвлечься от головной боли. Она не спала уже несколько дней. Что ему нужно? И как ему удастся сохранять спокойствие?

— Но удобства — это ненадолго. Пещеры довольно быстро пустят нам кровь.

Клеменс явно пребывал в хорошем настроении.

«Чудовище возвращается домой, — подумала Ребекка. — Неужели он осмелится вернуться после того, что с ним сотворили хейдлы? Что их всех

ждет? Где мы найдем детей? И что от них останется?»

Она закрыла глаза и представила Сэм. Все закончится как в доброй сказке. Держась за руки, они поднимутся в кабине лифта к солнцу и цветам и будут жить долго и счастливо. Зароют кошмар в ту самую землю, откуда он вышел.

Казалось, это проклятое место терзает ее уже целую вечность. Ребекке было шестнадцать, когда открыли неизвестный мир в глубинах земли. Человечество утратило невинность одновременно с ней — так формулировала сама Ребекка. «Ад существует», — мрачно объявил по телевизору президент Соединенных Штатов. Ребекка отчетливо помнила, что в тот момент она грызла морковку и что дом словно съежился вокруг нее, а ночь придвинулась к окнам.

Власти на месяц отменили занятия в школах, объявили комендантский час и, несмотря на протесты местных защитников летучих мышей, взорвали входы в пещеры Бартон-Спрингс. По ночам жилые кварталы патрулировала национальная гвардия. Однажды отец зачем-то принес в дом штурмовую винтовку.

Прошло три года, прежде чем эпидемия уничтожила врага в его логове. Но к тому времени дьявол уже успел разрушить ее мир. Отец умер от инсульта, брат записался в армию, спустился под землю и не вернулся, а мать утратила остатки разума на курсах по изучению Библии. Затем пришел Джейк, женился на ней, родилась Сэм, и Ребекка поверила, что несчастья остались в прошлом.

Кабина лифта остановилась.

Они прибыли на обратную сторону Луны. Ребекка представляла себе субтерру как недоступное место на расстоянии миллионов миль. Отстегивая ремень безопасности, она ожидала, что ее встретит темнота и глубокая тишина.

Когда дверь открылась, на Ребекку обрушился поток света: лампы, фотовспышки, имитирующие солнечный свет прожектора. И рев голосов. Корреспонденты. Весь этот цирк, казалось бы оставшийся наверху, ждал ее здесь, под землей.

Ребекка вздернула подбородок. Скоро здесь будет просто тьма.

Приветствуя прессу уже привычным жестом, она чувствовала необычность этого места. Сила тяжести тут сильнее, тьма гуще, воздух... что-то странное? Сделав глубокий вдох, она ощутила запах машинного масла, пота, электричества — как на старинной фабрике. Ничего похожего на серу.

Стена камер и прожекторов раздвинулась. Вперед вышла маленькая

девочка. У Ребекки перехватило дыхание. Золотистые волосы ребенка заплетены в косы, отсвечивавшие, словно нимб.

«Сэм?» — мелькнуло в голове.

Конечно, это не Сэм. Сходство было поразительным, до мельчайших деталей, и Ребекка поняла, что появление девочки не случайность. Кто-то хотел вызвать у нее шок прямо перед телекамерами, использовать ее слезы. Но кто мог опуститься до такого грязного трюка, кому выгодны ее слезы?

— Добро пожаловать, — поприветствовала ее девочка и протянула стерлицию, или райский цветок.

Ребекка опустилась на одно колено, обняла и поцеловала ребенка, не переставая высматривать в толпе того, кто все это устроил. Долго искать не пришлось.

— Ребекка, — послышался мужской голос. — Ребекка Колтрейн!

Сквозь толпу пробирався крупный мужчина.

Никогда прежде она не встречалась с бывшим членом Конгресса США, но белозубую улыбку и тяжелый подбородок Томми Хардина узнать было несложно. Ребекка сразу же поняла, что именно этот негодяй устроил представление с копией Сэм. О его политических спектаклях ходили легенды. Лишившись кресла конгрессмена из-за нарушения этических норм, Хардин обратил поражение в победу, послав своих неверных избирателей к черту и заявив, что отправляется... в преисподнюю. Он переселился в субтерру и довольно быстро добился избрания на губернаторский пост.

Томми хотел обнять безутешную вдову, глаза которой оставались сухими, но Ребекка уклонилась, ограничившись рукопожатием. У него отвратительно пахло изо рта. Как ни странно, это подбодрило ее. Настоящий скунс — снаружи и изнутри. Не отпуская ее руки, Хардин повернулся к камерам.

— Добро пожаловать под землю, мэм! Вас приветствует земляк из Техаса! — проревел он. — У нас тут не растет голубой люпин,^[18] а до Остина неблизко. Но я убежден, что вы оцените наше гостеприимство. И соус к сегодняшнему барбекю.

Его глаза блестели. Как он этого добивается?

— От имени своих соратников, — ответила Ребекка, — я благодарю за прием, поддержку и помощь.

— Если жители Тревиса могут еще чем-то вам помочь...

Он скромно склонил голову. На самом деле он мог многое. Официально его должность называлась «губернатор», в реальности Хардин был настоящим диктатором. Его силы безопасности — некоторые называли

их эскадронами смерти — прекрасно вооружены, хорошо оплачивались и не знали жалости. И не годились для поиска детей.

— Ребекка! — крикнул кто-то из журналистов. — Еще до инцидента в Сан-Франциско, когда человека избили до полусмерти и чуть не сожгли, критики называли ваших сторонников толпой линчевателей. Вы не боитесь того, что ваша армия может здесь натворить?

Микрофоны рванулись к ней, словно намереваясь изнасиловать. Ребекка почувствовала, как ее пальцы кто-то сжал, и посмотрела на маленькую белокурую копию Сэм. Толпа испугала девочку. Ребекка могла бы отправить ребенка к отцу или матери, ждавшим где-то внизу, однако после секундного размышления наклонилась и взяла девочку на руки.

— Ну, так лучше? — шепнула она малышке, и та молча кивнула. — Тогда давай поговорим с людьми.

Отвратительно, подумала Ребекка. Но политический спектакль входил в распорядок дня. Вооружившись белокурым эльфом, она повернулась к журналистам.

— Прежде всего, я доверяю этим людям свою жизнь, — медленно произнесла она. Подобно губной помаде и армейским ботинкам, цветистая речь превратилась в неперенный атрибут ее появления на публике. — Боюсь ли я того, что может натворить моя армия? Вопрос не ко мне. Задайте его нашему врагу. Он проверит это на себе.

Конец реплики. Ребекка ухитрилась не коснуться склонности толпы к насилию, которая удивляла и беспокоила ее. Посыпались новые вопросы.

— Сколько вас тут, Ребекка?

Пытаясь вести подсчет, она каждый раз получала новую цифру. Добровольцы продолжали прибывать, хотя и в меньшем количестве, чем те, кто начинал скучать по дому и уезжал. Хантер называл таких дезертирами, а Ребекка смотрела на них как на парней с добрым сердцем, но лишенных мужества. Просто действительность оказалась сильнее тестостерона. Кроме того, начинались игры за Суперкубок.

— Сколько? — переспросила она. — Больше, чем хотели бы хедди.

— Вы представляете, куда идете?

— В логово врага. Мы преследуем их по горячим следам.

— Кстати, о горячих следах... — Вперед выступила женщина с твердым взглядом. — Вчера в передовице «Ю-Эс-Эй тудэй» ваша добровольческая армия была названа опасным прецедентом. Теперь любое государство может оправдать захватническую войну, отправив так называемых добровольцев в так называемую погоню за теми, кому приклеят ярлык врага.

— Прямо в точку, — вмешался Хардин. — Это вопрос, или вы работаете на «Ю-Эс-Эй тудэй»?

Послышался натянутый смех.

— Я бы хотела получить ответ, — настаивала женщина, — от самого генерала.

Медовый месяц закончился, подумала Ребекка. Удивляться не стоит. Пресса слишком долго щадила ее. Она прочла передовицу «Ю-Эс-Эй тудэй» и была готова подписаться под каждым словом. Но не могла позволить себе признаться в этом.

— Хорошо, я объясню, — сказала Ребекка. — Мы пришли, чтобы сражаться с врагом. Наш враг не Китай, не другое государство людей. Мы выступили против тех, кто похитил наших детей, принес смерть в наш дом. Если уж на то пошло, трагедия должна сплотить народы земли, а не разъединить.

— Скажите, пожалуйста, какую часть ваших добровольцев составляют военнослужащие армии США?

— Среди нас нет солдат регулярных войск.

— Ни одного?

Эта женщина явно что-то знает о Хантере и «Зоне высадки», а возможно, еще о многих вещах, о которых догадывалась Ребекка.

— Ни одного.

— Вы имели контакты с офисом вице-президента? — спросила женщина.

Ребекка не стала ни подтверждать, ни отрицать это.

— Государственные учреждения всех уровней обращались со мной как с чокнутой тетушкой.

— То есть?

— Старались держать меня на чердаке, чтобы не увидели соседи. Но я спустилась сюда — в подвал.

На лицах расплылись улыбки. Им все нейметя. Ребекка устала. Устала от их кровожадности. Устала от собственного лица на экране телевизора и обложках журналов. Устала жить в шкуре другой женщины, в которую она превратилась. Ей хотелось покоя — но сначала война.

Следующим был известный военный корреспондент с обвисшими щеками.

— Прежде чем сесть на борт судна в Сан-Франциско, некоторые из ваших сторонников сожгли Институт человека. Однако месяцем раньше вы встречались с директором института, Александрой фон Шаде, и просили ее о помощи. Значит ли это, что она вам отказала?

У Ребекки снова разболелась голова.

— Мы с Али пили чай и ели пирожные. Несколько лет назад она сама потеряла ребенка и поэтому понимает наши чувства. Кроме того, фон Шаде знает, как тут опасно. Али отказалась пойти со мной. Вот и все. Пожелала мне удачи. Хочется думать, мы расстались друзьями.

— Она не сообщила вам никакой информации?

— Просто сказала, что мы ищем не там, где следует.

— Намеркала, что знает, где нужно искать?

Ребекка внимательно слушала. Он старается выудить нечто большее, чем просто причину беспорядков.

— Намеркала, чтобы я возвращалась домой.

— И не сказала, куда направляется?

— Куда направляется?

— В экспедицию.

— Простите. О какой экспедиции вы говорите?

— Они спустились под землю три дня назад.

Сердце Ребекки замерло.

— Где они спустились, каков их пункт назначения, сколько их... — Репортер пожал плечами. — Она ничего не говорила?

Ребекка вдруг поняла, что может забыть о желтых лентах, наклейках на бампер, Белом доме и его тайных каналах, о денежных мешках из горнорудных, железнодорожных и нефтяных компаний, о фракциях в ее армии и обо всем остальном. Али на ее стороне. Она не одна в этом жестоком мужском мире.

— Ни слова.

— Леди и джентльмены, — прервал интервью Хардин, — нам пора закругляться, а гостям нужно отдохнуть перед началом похода.

Вечером Ребекка пошла на барбекю, которое устроил в своем особняке губернатор. Дом был построен из дерева и известняка в деревенском стиле. Расположенный на утесе, нависающем над городом, он был украшен ржавым флюгером и флагом штата Техас.

Хардин устроил Ребекке экскурсию. С тарелкой свиных ребрышек, капустным салатом и бутылкой пива «Черный бриллиант» производства местной пивоварни она бродила по участку искусственного грунта площадью четверть акра. Исторгавшийся из стены водопад давал начало ручью, кишевшему форелью, которая ловилась на наживку. При помощи фильтров и прожектора садовник создал золотистый «горизонт».

— Какой милый закат, — похвалила Ребекка.

— Вообще-то предполагался рассвет, — сказал Хардин. — Здесь начинается новый день, Ребекка. Шанс для тех, кто хочет им воспользоваться. Вы не думали о том, чтобы вернуться сюда, когда все закончится?

— Сюда?

— Вместе с дочерью. Вам следует подумать об этом.

Он тут же поведал о своем недавнем разводе и планах построения империи наподобие первой Республики Техас.

— Куда бы вы здесь ни отправились, везде ждет неизведанная земля, — разглагольствовал губернатор. — Человеку достаточно написать свое имя на любой вещи или любом месте, чтобы получить в собственность.

Завтра утром начинался поход, который уведет их за самые дальние кордоны, в дикие пещеры, а затем в Хинном. Больше всего на свете Ребекке хотелось избавиться от этого надутого клона Сэма Хьюстона^[19] и лечь спать. К счастью, она не успела придумать подходящий предлог, чтобы уйти.

Губернатор рассуждал о достоинствах и недостатках самоуправления и аннексии Соединенными Штатами, а также о планах когда-нибудь стать президентом субтерры, когда к ним подошел дворецкий.

— Джентльмен хочет видеть миссис Колтрейн, — сообщил он.

— Черт возьми, Роберт, — недовольно поморщился Хардин. — Я же сказал, что этим вечером леди нужен отдых.

— Это важно, — сказал дворецкий.

— Разумеется, он так думает.

— Это важно, — повторил дворецкий и протянул коробку из-под обуви. Ребекке, а не хозяину.

Внутри была кукла. Она выглядела так, словно ее достали из мусорного ящика: грязная Барби без рук и без платья. Длинные волосы почти полностью расплавлены. Ребекка недоуменно взяла куклу.

На пластмассовой спине кто-то нацарапал: «ПОМОГИТЕ».

Коробка выскользнула из ее руки.

— Ради всего святого, что это такое? — спросил Хардин и с опаской взял куклу.

В его руках — если вспомнить склонность губернатора к мистификациям — она выглядела почти как розыгрыш. Нет, не розыгрыш. Это было бы слишком жестоко.

— Он утверждает, что нашел ее на тропе, — сообщил Роберт.

— Да, а мой отец далай-лама.

— Я с ним поговорю, — сказала Ребекка.

Хардин прищелкнул языком.

— Ладно, приведи парня сюда. Нужно выяснить, в чем дело.

Дворецкий вернулся с опрятным мужчиной, одетым по-спартански скромно, в джинсы «Ливайс» и белую футболку. Он был ниже Ребекки. Чистый. На джинсах пришитая вручную заплатка. Мужчина следил за собой. Но взгляд затравленный.

— Имя! — рявкнул Хардин голосом бывалого адвоката и политика.

— Беквит.

Хардин взмахнул куклой Барби.

— Что это должно значить?

Беквит посмотрел на Ребекку.

— По-моему, достаточно ясно.

— «Ясно» — не то слово, которое я имел в виду, — сказал губернатор. — Похоже на гнусную шутку.

— Я искал их. — Игнорируя Хардина, Беквит обращался только к Ребекке. — Ее сунули в трещину.

— Мои люди целую неделю лазили по туннелям, пытаюсь найти следы детей, — сказал Хардин. — Я использовал все средства: собаки, биодатчики, объявления, обещание награды. В общей сложности они исследовали больше тысячи миль туннелей. Там ничего нет, мистер Беквит.

Ребекка взяла куклу у Хардина. Кукла Барби — не молоток председателя.

— Где вы это нашли?

— Чуть дальше Зеленой пустыни.

Она умолкла. Зеленая пустыня стала символом массовой резни. Именем нарицательным, как вьетнамская деревня Сонгми и ручей Вундед-Ни в Южной Дакоте. Если бы не кровопролитие в Зеленой пустыне, Ребекки тут вообще не было бы. Поисками занимался бы спецназ. Возможно, детей бы уже нашли.

Хардин снова взял бразды правления в свои руки.

— Что вы делали в Зеленой пустыне?

«Я был там. — Вот что читалось в его глазах. — Я убивал людей. Стрелял в детей».

— Кто вы? — спросил губернатор. — А-а... дезертир. Разыскиваемый преступник.

Беквит повернулся к Ребекке. Ждал приговора.

Она ни на секунду не сомневалась в его вине. Все сходилось: плоский живот, самообладание, потребность в раскаянии. Ребекка не верила в

предзнаменования. Но его появление в самом начале похода она восприняла — мгновенно и без колебаний — как знак свыше.

Вот недостающее звено. Али ошибалась. Детей ведут в Хинном.

— Вы были в городе? — спросила она.

— Собирался, — ответил Беквит. — А потом нашел куклу.

— Почему вы вернулись?

«Без моей дочери».

— Я был один. Вернулся за помощью, услышал о вас и о вашем походе — и пришел.

Кукла Барби, полученная из рук этого человека, была исполнена большего смысла, чем если бы Ребекка нашла ее сама. Парень страдал. И предлагал себя. И она использует его.

— Мы выступаем рано утром.

— Этот человек разыскивается ФБР, — возразил Хардин. — Он военный преступник.

— Этот человек со мной, — сказала Ребекка. — Он рисковал всем, приходя сюда, и он нужен для моего дела. Если вы вмешаетесь, губернатор, клянусь, я вас убью.

Хардин фыркнул, прижав подбородок к груди. Однако возражать не стал.

Беквит в знак благодарности просто закрыл глаза.

ДИАЛОГИ С АНГЕЛОМ, НОМЕР 6

— Я экспериментировал с твоими предками с тех самых пор, как вы спустились с деревьев, — говорит ангел.

Они останавливаются у гротескного существа — наполовину человека, наполовину зверя, с толстым коротким хвостом. Он подвешен на стене, нанизанный на каменный шпиль.

— С этим я обращался как с королем, уверенный, что он выведет меня отсюда. Но оказалось, что у него мозги из глины. Он и его соплеменники были очередной тупиковой ветвью. Мне ничего не оставалось, как бросить их и ждать чего-то получше.

Они идут сквозь ряды тел.

— Каждый из них становился для меня новой надеждой. Одних приводили — в цепях — охотники, которых я обучил. Другие шли на мой шепот. Некоторые, подобно тебе, осмелились сами искать встречи со мной. Все меня разочаровали.

Коллекции, как называл ее ангел, мог позавидовать любой медицинский институт или антропологический музей. Необычайное разнообразие. Хотя нужно признать, что экспонаты собирались на протяжении многих тысяч веков.

Всевозможные мутанты рядом с совершенными богами и богинями, руки и ноги которых соответствовали пропорции золотого сечения, а любая деталь выглядела безупречной. Скелеты и черепа с любыми деформациями, которые только возможны в подземном мире. Многие тела высушены над естественными вентиляционными ходами, пропитаны солью или превращены в мумии вроде египетских. Некоторые сохранены в прозрачных отложениях углекислого кальция всевозможных оттенков. Казалось, тут представлены все родственные человеку виды и расы, в том числе такие, о существовании которых ученик даже не подозревал.

— Монстры, — говорит ангел.

Он останавливается, чтобы погладить красивый обнаженный торс высокой китаянки, аккуратно насаженной на сталагмит. При жизни она, наверное, была принцессой или балериной. Ее кожа бела и прозрачна, как фарфор. Ладони ангела ложатся на высушенную грудь женщины.

Очевидно, они были любовниками.

— Знаешь, что я имел в виду под словом «монстры»? — спрашивает ангел.

— Что мы отвратительны и подлежим уничтожению, Повелитель.

— Отвратительны? Нисколько. Ты и все твои предки, включая самых уродливых, сотворены по моему образу и подобию.

— Повелитель, — осмеливается заговорить ученик, — называя нас монстрами, ты в то же время говоришь, что мы сотворены по твоему образу и подобию. Значит, ты тоже монстр?

Ученик осмелел, примирившись с тем, что скоро пополнит эту коллекцию трофеев.

— Хорошо. — Белесые глаза ангела внимательно рассматривают его. — Ты видишь противоречие. Но лишь потому, что не понимаешь. Слово «монстр» происходит от латинского «monstrum», корнем которого является «monere», что значит «показывать, открывать». Или «предупреждать». Однажды я объяснял это испанскому монаху по имени Исидор. В те времена я испытывал симпатию к подобным людям, поскольку я сам первый монах, то есть одиночка. Исидор правильно понял лишь часть моих объяснений. Он написал, что безобразие раскрывает первичное происхождение. А потом все напутал, принявшись рассуждать о воле Божьей, христианском замысле и всякой чепухе по поводу дьявола. — Ангел вздыхает. — Понимаешь, совершенствуясь на протяжении эпох, я нуждался не только в теле человека, но и в его разуме.

Они идут дальше, останавливаясь то у одного, то у другого бывшего любимца. Кости разложены кучками, как в катакомбах. Тела подвешены, словно коровьи туши, или стоят у стены, или лежат там, куда их опрокинуло время.

— Если я ваш демон, — говорит ангел, — то вы мой создатель. У меня нет имени, пока вы меня не узнаете. Если вы видите во мне зло, то только потому, что хотите избавиться от собственного зла. И в этом случае мое избавление придет тогда, когда вы простите свои выдумки и легенды. С другой стороны, если я ваш создатель, то вы мой демон. Потому что вы восстали против меня. Тогда ваше избавление придет вместе с моим прощением.

Ангел толкает ряд подвешенных тел, и они начинают качаться, как мячики на шнурках. Причина. Следствие. Причина. Следствие.

— Скажи, — спрашивает ангел, — кто из нас настоящий монстр, а кто сего создатель, ты или я?

— Наверное, мы оба, Повелитель.

— Остроумно. Но неверно. Либо писатель пишет книгу, либо книга писателя. Так кто же?

— Я понятия не имею, Учитель.

— Знаю.

Ангел задерживается у тела женщины — из племени неандертальцев — с узором из шрамов и татуировок. Вместо глаз у нее шары из нефрита. Голубые.

— Каспарина.

Ангел словно зовет ее.

Еще одна его любовница. Он словно приглашает ее к разговору. Ученик слышит лишь шепот ветра.

— Нет ничего опаснее, чем собственное творение, — говорит ангел. — Монстр, которого выдавливаешь из себя, может убить.

Это замечание кажется невинным. А затем ученик видит растерзанное лоно женщины. Как будто ее рвала стая собак. Собаки, здесь?

Он замечает, что из вспоротой матки торчит пуповина.

Теперь ученику все ясно. Вот она, цель посещения Коллекции. Сегодняшний урок. Ангел совокуплялся с ней. Совокуплялся с человечеством. А потом передумал. Вырвал собственное дитя из чрева матери. Или дитя само освободилось и убежало от отца, который уничтожил бы его.

ДОКУМЕНТЫ

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Вопросы для Ребекки Колтрейн

Королева-воительница

Ваш отец отказался от прохождения военной службы по идейным соображениям, а мать считалась «зеленой» в городском совете Остина. Откуда у вас решимость начать войну и возглавить армию?

Если у вас есть ребенок, загляните в его глаза. Вы увидите в них Бога. Вот откуда моя решимость. Моя дочь Сэм.

Откуда в Ребекке Колтрейн взялся полководец? Или она всегда была Королевой-воительницей?

Мои родители были пацифистами. Муж занимался получением водорода из мусора. Мы с Сэм ежедневно ездили на велосипедах в супермаркет «НЕВ» за свежими продуктами. Я слушала Национальное общественное радио, пила «Лактейд», ^[20] занималась йогой, работала в Христианской ассоциации молодых женщин, сотрудничала с «Международной амнистией». О том мире я теперь и не вспоминаю.

Ваш новый мир — жестокость, оружие и армейские ботинки, пара которых у вас на ногах. Ходят слухи, что вас опекает республиканская партия. Разве это не оскорбляет «дитя цветов» в вашей душе?

Единственное, что меня оскорбляет, — неудача. Однажды я уже не смогла защитить свою дочь — в ночь похищения. Больше такого не повторится.

Вы не расскажете о той ночи?

(Долгая пауза.) Это было ужасно.

А как насчет дней? Опишите свой обычный день.

Вчера я подписала договоры с «Найк» и «Пауэрбар», выступала в

Конгрессе и встречалась с литературным агентом. Потом позавтракала. И так далее.

Это жизнь влиятельной знаменитости, как указывают ваши критики. Вы не задумывались о том, что используете личную трагедию для саморекламы?

Глупый вопрос.

Выдвигается и более серьезное обвинение — что «крестовый поход Колтрейн» — всего лишь небрежно замаскированная замена военной операции. Китай назвал ваше предприятие нарушением договора и провокацией. Некоторые родители пропавших детей утверждают, что больше шансов на спасение дала бы совместная операция сил ООН. Что вы на это ответите?

Я с радостью побеседую с ними, когда вернусь — когда найду свою дочь и их детей.

Рождество

Фон Шаде бежала вдоль берега черного как сажа озера.

К ежедневным пробежкам она приучила себя вскоре после смерти Мэгги как к средству пережить горе. Позже фон Шаде бегала, сражаясь с полнеющими бедрами. В это утро ей просто хотелось двигаться.

Она привыкла вставать рано утром. Лучом фонаря рассеивать тьму. Но здесь тьма была не такой, как на поверхности.

Фонарь ритмично покачивался, выхватывая отдельные картины: песок, затем вода, затем темнота. От непрерывного мелькания начинала кружиться голова.

«Куда ты собралась? Что ты делаешь?»

Темнота и тишина словно наступали на нее. Это было похоже на падение. Али падала с той самой ночи, когда толпа сожгла институт. Всего за неделю они с Грегорио собрали все необходимое, прилетели на Аляску и спустились под землю на острове Кыска, входящем в состав Алеутской гряды.

Сегодня их третий день внизу. Сюда их — вместе с багажом — привезли на маленьких электромобилях, похожих на те, что перевозят игроков в гольф, и использовавшихся для доставки почты. «Автострада» представляла собой двухсотмильную ленту асфальта, упиравшуюся в Императорское озеро. Дальше дороги не было.

Али повернула к поселку.

Еще не поздно вернуться домой. Никто не заметит. Всем плевать. За исключением нескольких ее сотрудников никто не знал, что они здесь. Институт сгорел, и Али чувствовала себя свободной. В спуске под землю была своя логика.

Из поселка с населением сорок два человека под гордым названием Порт-Дилан несло смрадом гниющей плоти. Али перешла на шаг. Перед ней было скопище ярко-красных и желтых «ракушек» из пластика, использовавшихся в качестве жилищ. Дешевые и долговечные, они выглядели неестественно веселыми. Повсюду вялилась камбала, угорь и кальмары. Похоже, вчера был день стирки белья — на веревках сушились белые простыни.

Императорское озеро считалось самым большим резервуаром пресной

воды на планете — на поверхности и под землей — и служило источником «стеклянных», или «призрачных», омаров. В данный момент они пользовались огромным спросом в роскошных ресторанах — самый модный из деликатесов подземного мира. Японские гурманы употребляли омаров сырыми. Остальные варили. Омары оставались практически прозрачными, пока не попадали в кастрюлю, где их панцирь приобретал легкий бирюзовый оттенок. Рано или поздно любители вкусно поесть переключатся на новое увлечение, и тогда в Порт-Дилане наступят трудные времена.

Али отыскала свою хижину. Грегорио сидел на полу и смотрел маленький телевизор с таким тусклым экраном, что изображения на нем казались тенями. В этих краях мало света. Здесь правят бал приборы ночного видения.

— Хорошо, что ты вернулась, Александра. Лодочник нас уже ждет. Но сначала взгляни.

Это были новости телеканала «Фокс». Последний из «крестоносцев» Ребекки размахивал винтовкой. Послав воздушный поцелуй солнцу, он вошел в подземный комплекс острова Гуам. Из огромных динамиков лилась песня Брюса Спрингстина «Рожденный в США». К пальмам были привязаны желтые ленты. По словам корреспондента, в экспедиции принимали участие более тринадцати сотен человек.

Али вспомнила туннели, по которым предстоит пройти Ребекке до города Хинном. Там встречались узкие горловины и шахты, где можно протиснуться только по одному, а также река и готовые в любую секунду рухнуть древние мосты. Армия Ребекки растянется на много миль — и дней, — и хвост этой гигантской змеи, скорее всего, никогда не встретится с головой. Впрочем, даже без учета трудностей географического характера Али не представляла, как Ребекка собирается кормить столько народу три раза в день.

Закончив с упаковкой снаряжения, они погрузили его на большой черный плот «Зодиак», стоявший у кромки воды. На капитане были плавки и резиновые шлепанцы. Лицо бородатое, на шее ожерелье из раковин и монет. Рядом с мотором ружье.

— Доброе утро, — поздоровалась Али.

— Давайте быстрее, — ответил он. В Порт-Дилане никто не улыбался. — Чтобы не потревожить озеро.

Атмосфера была буквально пропитана меланхолией. Али полагала, что виной тому изолированность и темнота, и ей не терпелось покинуть это мрачное место.

Они погрузили вещи, и Али забралась на плот. Раскрыла на коленях записную книжку. Вздохнула.

Записи и карта Джона Ли превратились в пепел во время пожара в «Студии». Когда они с Грегорио уезжали, Джон еще не вышел из комы. Документы НАСА об экспедиции вокруг Императорского озера были засекречены, поэтому многое приходилось додумывать. Другими словами, рассчитывать можно лишь на собственные воспоминания о чужих описаниях и картах. В лучшем случае они могли вспомнить, что наиболее интересной оказалась дальняя часть озера. Там Ли нашел многочисленные символы «алеф», а также инициалы Айка. Али довольно быстро поняла, что озеро представляет собой практически непреодолимое препятствие. Огромное и неизведанное. Экспедиции НАСА потребовалось два года, чтобы в первый — и последний — раз обогнуть его, короткими «перебежками» передвигаясь на лодках вдоль берега. Потерявшиеся дети, если они шли сюда, не располагали таким временем.

Али снова попробовала подступить к капитану.

— Вчера вечером я сделала кое-какие подсчеты, — сказала она, переворачивая лист записной книжки. — Если мы возьмем дополнительный запас горючего и поплывем прямо через озеро, то сэкономим несколько месяцев.

— Во-первых, — возразил капитан, — что значит «прямо»? Вы понятия не имеете, куда вам надо. Во-вторых, только дураки выходят на открытую воду. В-третьих, они никогда не возвращаются. Так что мой ответ будет таким же, как вчера. Мыс Миссионеров, не дальше.

— От нас может зависеть жизнь детей. Мы должны пересечь озеро.

— Обогните его, как ваши друзья.

— Мы вам заплатим.

Капитан повернулся к ней.

— В озере кто-то живет.

— Морской змей, — сказал Грегорио.

— Серьезно.

Если он не перевезет их через озеро, придется плыть самим.

— Мы купим вашу лодку, — предложила Али. — Сколько?

— Это моя лодка.

Капитан покачал головой.

— Она старая, — сказал Грегорио. — Посмотрите на эти заплатки. Берите наши деньги. И покупайте новую.

— Мистер! — прошипел капитан.

— Мыс Миссионеров, — поспешила вмешаться Али. — Согласны.

Капитан завел мотор. Направив «Зодиак» вдоль рифа из перекрученных соляных фигур, похожих на тающие статуи Лотовой жены, он добавил газу. Огни Порт-Дилана поблекли.

— Вы перевозили экспедицию НАСА вдоль побережья? — спросила Али.

— Я и все остальные. Они наняли все лодки в городе. Сорили деньгами. Такие важные. — Капитан кивнул. — В те времена моя жена тоже управляла лодкой.

Ага. У него есть жена.

— А чем она теперь занимается? — спросила Али.

Интересно, что за жизнь у жены колониста в этих пещерах, на берегу безмолвного озера, никогда не видевшего зари? Что ждало бы Али, вернись она под землю вместе с Айком?

Лодочник сплюнул — осторожно, стараясь не наклоняться к воде. Али заметила это и убрала ладонь с резинового борта.

— Воспитывает детей, — сказал он. — Там, на мысу.

Значит, у него есть дети, но капитан не поможет искать тех, других. Али решила не касаться этой темы. Наверное, у него есть свои причины. Может, его жена забрала детей и сбежала с другим мужчиной. Или просто сбежала от этого просоленного капитана в плавках «Спидо».

Али провела пальцем по короткому списку названий с карты НАСА, которые им с Грегорио удалось вспомнить.

— Вы слышали об этих местах? — спросила она и прочла названия.

— Кладбища, — сказал капитан.

— Что вы имеете в виду?

— Никого не осталось.

— Наш знакомый, принимавший участие в экспедиции НАСА, говорит...

— Эти парни из НАСА, они пришли до того, как это случилось, до вторжения.

Грегорио и Али переглянулись.

— Хейдлы шли этим путем? — спросила Али.

Капитан покачал головой.

— Мигранты. Проклятые мигранты. Каждый месяц. Непрерывный поток. Подходят все ближе. Как зыбучие пески. Сегодня на мысе Миссионеров. Завтра или через год в Порт-Дилане. Их не остановишь.

— Вы имеете в виду колонистов из Азии?

— Не только. Отовсюду. Мы думали, они вернутся к себе. А они остаются.

Фанатичный приверженец принципа равных возможностей.

— Здесь, внизу, мы все мигранты? — спросила Али.

— Леди, — капитан прищурился, — ни хрена вы не понимаете.

Грегорио напрягся — ее паладин с черными глазами и швами после нападения толпы. Али положила руку на его колено. Недовольно буркнув, Грегорио уставился в темноту. Вода скользила вдоль борта. Луч прожектора обшаривал черную гладь озера. От поселка их отделяло уже несколько миль.

— Экспедицию НАСА вы перевозили тем же путем? — спросила Али.

— То же озеро. Тот же берег. Та же лодка.

— А вы не встречали человека по имени Джон Ли? Или одного из его товарищей, Билла Макнаба? Похоже, Макнаб выбирался отсюда в одиночку.

— Зачем нам их имена? Мы считали их мертвецами.

— Тем не менее они вернулись, — возразила Али. — Обошли вокруг озера.

— Только половина, — поправил капитан. — Как я слышал, вернулась только половина. Кроме того, одно дело — тогда, другое — теперь.

— Что вы хотите сказать?

— Им приходилось иметь дело только с невезением или несчастными случаями. Теперь все поменялось. Появились зыбучие пески.

Опять эти его мигранты.

— Может быть, кто-то из них видел детей, — сказала Али.

— А может, кто-то из них и есть дети, — сказал капитан.

— Что вы имеете в виду?

— Вы тут зря теряете время, — сказал лодочник.

— Нет — если мы их найдем.

— Не волнуйтесь, они вас сами найдут. Оставьте их в покое — вот вам мой совет. Держитесь подальше.

— Дети нуждаются в нашей помощи. Вы должны понимать. Вы же отец.

— Больше нет.

— В душе, я имела в виду.

— Остерегайтесь их, — сказал капитан, — или они съедят ваше сердце.

Али не стала развивать эту тему. Говорят, колонисты — странные люди. «Чем глубже, тем страннее», как утверждала поговорка. Если до спуска под землю с головой у вас было все в порядке, то здесь это быстро проходило. Странности капитана вполне объяснимы — жизнь среди

морских змей, бледных и безрадостных соседей и стеклянных омаров.

Следующие несколько часов прошли в молчании. Затем вдалеке заплясали огоньки.

— Мыс Миссионеров, — объявил капитан.

Али принялась разглядывать пляж под скалой. Бухта напоминала кладбище лодок. Лишь несколько суденышек были вытащены из воды. Они проплыли мимо носа каяка, перевернутого и наполовину затонувшего. Остальные плоты и лодки покачивались на волнах, пока капитан лавировал между ними. Их корпуса тихо поскрипывали и с глухим стуком ударялись друг о друга.

Плот уткнулся в песок, и капитан заглушил мотор. Затем выскочил на берег и стал разгружать их вещи. Таким энергичным Али его еще не видела.

Сойдя на берег, она направила луч фонаря на скалу. Вверх поднималась тропа.

— С кем можно поговорить о покупке лодки? — спросила она капитана.

— Берите любую. Не стесняйтесь. Вон та хорошая.

— Украсть?

— Они и не заметят. Можете взять две, черт побери — каждому отдельную. Джек и Джилл.

Выгрузив последнюю сумку, капитан вновь столкнул плот на воду. У Али появилась идея.

— Вы сказали, тут ваша жена.

— Если она еще жива.

У этого человека каменное сердце.

— Как ее зовут?

По крайней мере, хоть какая-то зацепка.

— Сюзанна.

Капитан запрыгнул на плот и дернул за шнур стартера. Не попрощался, не пожелал удачи — просто оставлял на берегу. Для него они были мертвы, как и жена.

— И тебе того же, пендехо!^[21] — прорычал Грегорио.

— Пойдем покупать лодку, — сказала Али.

Они оставили свои вещи на пляже и поднялись по извилистой тропе. Наверху Али ожидала увидеть освещенную огнями деревню. Вместо нее они обнаружили тридцать или сорок человек, собравшихся на плоской вершине скалы. Люди жили все вместе, прямо на открытом воздухе. На Али с Грегорио никто не обратил внимания.

Скала выдавалась в сторону озера, подобно носу огромного корабля. Тут не было ни домов, ни палаток, ни даже простыней или матрасов — множество людей просто стояли, сидели или стояли на коленях. Они протяжно пели, каждый свою песню, или бормотали вполголоса, вглядываясь в темноту. Словно ждали.

— Нехорошо тут как-то, — сказал Грегорио.

— Нехорошо?

— Странно.

Али посмотрела на его альпинистское трико в белую и фиолетовую полоску, белую футболку с надписью «Переизбери Педро», вспомнила о телефоне с сигналом, имитирующим брачный крик лягушки. Странно?

— Мы на пару минут.

— Пойдем отсюда.

Он явно злился.

— Нам нужна лодка.

— Украдем ее, как советовал капитан.

— Так не пойдет.

Али ступила на площадку. Пахло нечистотами, тухлой рыбой и чем-то сладким. Люди здесь напоминали беженцев, спасшихся после наводнения. Те, у кого были фонари, покачивали ими, направив во тьму — то ли указывали путь, то ли предупреждали. Али не могла понять. Одни улыбались, другие напевали гимны, третьи держали фотографии. Несколько человек подняли над головой осветительные патроны с маленькими язычками оранжевого пламени, мерцавшими в ночи. Все смотрели в сторону озера.

— Прошу прощения, — обратилась Али к женщине с четками. Платье у той на плече начало расползаться по шву.

Женщина с четками потянулась к ее лицу, словно слепая. Но как только ее пальцы коснулись Али, женщина отпрянула.

— Не та, — произнесла она и снова повернулась к озеру.

Нахмурившись, Али двинулась дальше. Она переступила через мужчину, спавшего лежа на боку. Потом увидела, что тот мертв. Рот открыт, глаза остекленели — труп лежал ничем не прикрытый, прямо среди живых.

Али в испуге отпрянула и наткнулась на мужчину, сидевшего на краю площадки, свесив ноги над обрывом. Али попятилась, отступая от края.

— Вы чуть не заблудились. — Выговор выдавал в нем англичанина. — Садитесь.

Худой, с длинными сальными волосами, мужчина, казалось, пребывал в радостном возбуждении. Он не переставал посылать длинные и короткие

световые сигналы в сторону воды, словно семафорил. Англичанин не мог не знать о трупе — мертвец лежал в нескольких футах от него, и запах от него был невыносимым.

— Вы тут новенькая, — сказал англичанин.

Глаза его блестели, взгляд был рассеянным. На наркотиках они тут все, что ли?

— Мы из Порт-Дилана.

— Тогда для вас есть хорошие новости, — сообщил мужчина. — Вы вовремя. Они прибудут с минуты на минуту.

— Кто?

— А вы за кем пришли? — спросил англичанин.

— За детьми.

— Вот и ладно. — Он подмигнул. — Тогда ваши дети уже идут. Садитесь.

Али бросила взгляд на воду — иссиня-черная ночь, которую не могли рассеять слабые лучи фонарей. Никой флотилии плотов и лодок, вынырывающей из темноты. Никаких детей. Ничего.

— Сколько вы уже тут?

Теперь Али увидела другие распростертые на земле тела.

— Мы победили время, — ответил англичанин.

— Там, позади вас, мертвый человек.

— Смерть мы тоже победили.

— Разве вы не голодны?

Она нигде не видела еды.

— Это говорит ваш желудок. — Мужчина небрежно махнул рукой. — Когда они придут, все опять будет хорошо. Вот увидите.

Его безмятежность казалось сверхъестественной, царственной и одновременно ужасной. Эти люди умирали от голода среди собственных нечистот. Лодки в бухте уже никогда не пригодятся. Али снова посмотрела на озеро.

— Кого вы ждете?

— Я? Жену. У остальных другие надежды.

Али оглянулась на исхудавшие лица. Почти ни у кого не осталось подкожного жира. Похоже на коллективное помешательство. Может, они съели какую-то отраву или что-то содержится в воде? А может, их свели с ума духи умерших? Или сюда отправляют сумасшедших?

— Кто о вас заботится?

— Не бойтесь. — Англичанин улыбался. — Присаживайтесь.

— Нам нужна лодка, — сказала Али.

Мужчина ее уже не замечал. Он медленно водил фонарем, луч которого упирался в пустоту. Али вспомнила о жене капитана.

— Сюзанна? — окликнула она, обращаясь к толпе.

Никто не ответил. Али побрела между людьми. Ей пришлось переступить еще через три трупа. Если им нет дела до мертвых, то до лодок — тем более. Однако Али все же чувствовала себя обязанной дать кому-нибудь денег, чтобы все выглядело официально.

— Сюзанна? — повторила она.

К ней повернулось женское лицо. Али подошла.

— Вы Сюзанна?

Женщина улыбалась странной улыбкой. Выше пояса она была голая.

— Я вас не знаю.

— Меня зовут Али. Нас привез сюда ваш муж.

— Джейсон? Дети спрашивают про него. Он здесь?

— Ему пришлось уплыть, — ответила Али. — Он говорил, что у вас есть дети.

— Джейкоб, ему семь, и две девочки. Им три годика.

— Я их не вижу, Сюзанна.

— Они пошли искать папочку, — призналась Сюзанна. — Я рассказала им, где его найти. Они так по нему скучают. Не могла слушать их вой и плач. Сказала, идите и найдите его.

Запах смерти, немытых тел и человеческих испражнений тревожил Али.

— Я ищу детей, — сказала она. — Их похитили прямо из дома.

— Ждите здесь, — ответила Сюзанна. — Просто ждите.

Совет лотофага.^[22] То же самое говорил англичанин.

— Это срочно, — сказала Али.

— Нужно верить, — ответила женщина.

— Им нужна наша помощь.

— Больше нет. Это так чудесно. Поверьте мне. Теперь они в безопасности.

— Сюзанна, — Али сжала голое костлявое плечо женщины и легонько встряхнула, — нам нужно найти детей.

— Вы не найдете. Они сами вас найдут.

— Детей украли хейдлы, — настаивала Али.

Сюзанна лишь улыбнулась в ответ.

— А мои уплыли.

Али захотелось поскорее уйти.

— Нам нужна лодка, Сюзанна. У вас есть лодка? Я ее куплю.

— Ее взяли дети.

На мгновение она утратила безмятежность. Взгляд стал почти осмысленным.

— Они взяли лодку? — Семилетний мальчик и две младшие сестренки? «Искать папочку». — Они уплыли по озеру?

— Не знаю, что им взбрело в голову, — сказала Сюзанна. — Два года назад. Мы искали. Наконец они приплыли домой. По одному. Я сама вытаскивала их из воды.

Влажный ветер вдруг показался пронизывающим.

— Что с ними случилось, Сюзанна?

— Должно быть, лодка перевернулась. Или затонула. Озеро забрало их. Съело их лица и глаза. Но я знала, что это они. Один, два, три.

Ужасные воспоминания исказили ее лицо.

У Али перехватило дыхание.

— Вы потеряли детей?

Женщина вскрикнула, словно от боли. Затем безумие вернулось.

— Теперь мы снова вместе. Они нашли меня. Господи, помилуй их маленькие души.

Али внимательно посмотрела на женщину, потом обвела взглядом остальных, подававших сигналы мертвым. Зыбучие пески. «Мигранты». Воспоминания. «Остерегайтесь их».

Послышался чей-то крик. Толпа зашевелилась. Люди подались вперед.

— Они идут?

Али посмотрела на черную пустоту озера и почувствовала, что дрожит. Потом отступила от края площадки. Появился Грегорио. Али не переставала дрожать, и он обнял ее одной рукой.

— Тебе продали лодку?

— Капитан был прав, — ответила она. — Мы должны сами о себе позаботиться.

Они выбрали хороший, прочный «Зодиак». Грегорио проверил мотор. Пока Али грузила вещи, он переходил от одной лодки к другой, сливая топливо в канистры.

Когда плот отплыл от берега, Али посмотрела на мерцающие огни на краю утеса. На мгновение ей показалось, что она слышит голоса, далеко разносящиеся над водой. Нужно побыстрее убираться от этих несчастных безумцев на мысе Миссионеров. Али устроилась рядом с мотором, и вскоре его ровное гудение успокоило ее.

ДОКУМЕНТЫ

«ЛОС-АНДЖЕЛЕС ТАЙМС»

Китайская субмарина выброшена на побережье Калифорнии

26 декабря, Санта-Круз. Вчера на пляже Санта-Круз, штат Калифорния, на берег выбросилась китайская субмарина с ядерным оружием на борту. Экипаж арестован, а сама субмарина находится под контролем США.

Президент Барр призвал американцев не поддаваться панике.

«Все ракеты на своих местах, — заявил он. — Опасности взрыва субмарины нет».

По всей вероятности, субмарина врезалась в берег на полном ходу, разбросав серфингистов. По словам очевидцев, китайские моряки вышли на берег потрясенными, дезориентированными и напуганными. Некоторые были вооружены, но не стали стрелять, увидев парк развлечений. Как сообщают, капитан помещен в психиатрическое отделение госпиталя и находится под круглосуточным наблюдением, дабы исключить возможность суицида.

В настоящее время подводная лодка стоит на якоре в заливе Монтерей, и ее могут издали видеть все желающие. Военные специалисты тщательно изучают судно, дизельную ударную субмарину класса «Юань».

— Это настоящая катастрофа для Китая, — говорит Дэвид Т. Шейминг, эксперт по Китаю корпорации РЭНД.^[23] — Их самая современная подводная лодка, которую удалось сфотографировать всего один раз, да и то из космоса, попала в руки американцев в самый неподходящий момент. В то время как Китай угрожает ответить на массовое убийство в Зеленой пустыне, его новейшая и лучшая субмарина выброшена на берег, вооруженная и готовая к ядерной войне.

На глубине девятисот футов под дном Берингова моря

Али и Грегорио плыли вдоль безмолвного берега озера, перемещаясь от одного брошенного поселка к другому. Время от времени они проплывали мимо истощенных мужчин или женщин, стоящих у воды и с надеждой вглядывающихся в даль, ждущих кого-то с безграничным, безумным терпением.

Возле песчаной косы над водой показалась голова человека. Подплыв ближе, они поняли, что мужчина стоит в воде, достигающей ему до шеи. Когда луч фонаря уперся в его лицо, человек вдруг моргнул, и Грегорио от неожиданности чуть не свалился за борт. Мужчина был еще жив. Али окликнула его, и он зашевелил губами так же бессмысленно, как люди на мысе Миссионеров. Они оставили его по шее в воде, пищу для рыб.

Опасаясь, что слабоумие вызывается вирусом, они тщательно очищали воду и питались только своими продуктами, не употребляя в пищу рыбу. К берегу причаливали только затем, чтобы слить горячее с брошенных лодок.

У них установился определенный распорядок — один управляет лодкой, другой спит. Так можно было двигаться почти без остановок.

Грегорио разбудил дремавшую Али.

— Приближаемся к очередной деревне, — сообщил он, направил лодку в небольшую бухту и осветил пляж и террасы с хижинами, проверяя, нет ли где опасности.

— Опять кости, — сказала Али.

Грегорио повернул прожектор влево. У самой воды из песка торчали человеческие ребра. Запустение и кости уже не пугали, а только раздражали. Али смотрела, как блестят глаза Грегорио, вглядывавшегося в берег.

Атмосфера на борту «Зодиака» становилась все более наэлектризованной. Когда Али спускала бретельки или расстегивала пуговицы, чтобы вымыться, Грегорио старался себя чем-нибудь занять, и его волнение выглядело почти комичным. Когда он спал, а Али должна была править лодкой, ее глаза помимо воли внимательно разглядывали его. Но над ними витала тень Айка.

Грегорио остановился на безопасном расстоянии от берега и взял в

руку пистолет. На пляже поблескивал продолговатый холмик из раковин. Четыре лодки застыли у причала, словно лошади у коновязи. Низкие и длинные каменные строения, построенные несколько тысяч лет назад, на короткое время были заняты скваттерами, но их власть оказалась непрочной.

Наконец Грегорио решился.

— Пустые. Тут безопасно, — сказал он и направил лодку к берегу.

Али выбралась из лодки, стараясь не наступать на кости.

— Пойду взгляну.

— Возьми пистолет.

— Тут никого нет, Грегорио. Оставь пистолет себе.

Они уже обсуждали это. Их только двое, и оба ничего не смыслят в военном деле. Никакое оружие не защитит от хейдлов. Так что лучше рассчитывать на то, в чем они сильны: ее знание языков и его флейту. Они пришли договариваться о мире или по меньшей мере освободить детей, а не затевать драку.

Али широко шагала, разминая затекшие мышцы. Потом подняла несколько раковин. На одной из разновидностей были цветные полосы — словно радуга, от фиолетового до красного. Как необычно, подумала она. Во-первых, странно, что у существа, живущего в темноте, вообще есть окраска, а во-вторых, удивляет точность, с которой имитируется спектр белого цвета. Али направила на раковину луч фонаря.

И вдруг вспомнила другую радугу, прочертившую небо после грозы. Мэгги тогда было два года. Они лежали на одеяле, расстеленном на склоне холма, и восхищались яркими цветами радуги. И сразу же в памяти всплыла другая картина: она читает сказку «Рыбка-радуга» лежащей в постели дочери. Картина снова меняется. На этот раз они с Мэгги пьют горячий шоколад, слушают «Ковбой Джанкис». И рисуют радугу.

Али выронила ракушки. Отшвырнула от себя радугу. Воспоминания потускнели.

На Императорском озере подобные ассоциации участились. Это тревожило Али. Мэгги возникала буквально из ниоткуда и была такой реальной, что до нее, казалось, можно дотронуться. Иногда воспоминания цеплялись за реальность, как в случае с радужными раковинами. А иногда Мэгги словно звала ее откуда-то издалека — просто голос, не трехлетней девочки, но все равно голос дочери.

После похорон Али едва не удалилась в монастырь, надеясь, что сможет вновь обрести Бога. А вместо этого основала институт и с головой погрузилась в изучение дьявола и его темной цивилизации. Если ей удастся

найти в этой жестокости хотя бы луч света, тогда... что тогда? Тогда, быть может, она увидит милость Божию в его необыкновенной жестокости по отношению к ним? Опасность же заключалась в том, что она так хорошо узнает хейдлов, что научится любить их. Теперь обнаружилась новая напасть — возможно, ей не удалось справиться с воспоминаниями.

Али была уверена, что похоронила их. Но тьма порождала желания.

«Спи, малышка, — мысленно произнесла Али. — Я люблю тебя. Больше я ничего не могу для тебя сделать».

Ее догнал Грегорио.

— Александра, почему ты так беспечна? Держись рядом со мной. Или позволь мне сопровождать тебя.

— Ты сказал, что здесь пусто.

— А если я ошибся? Может, тут кто-то есть.

— Я пойму.

— Как?

Почувствую запах. Услышу. И это правда. Ее чувства обострялись с каждым днем. Преисподняя снова поглощала ее. Али ничего не говорила Грегорио, потому что сама боялась — даров подземного мира и его соблазнов. Бездна способна проглотить тебя в мгновение ока. Доказательством тому служил Айк.

Они прошли деревню насквозь, вода по сторонам лучами фонарей. Там, где рухнула крыша, Али заглядывала внутрь поверх стен. Вещи колонистов свидетельствовали о медленном распаде. Разбросанная одежда истлела. Фотографии, газеты, книги, диски — все это словно было в ярости подброшено в воздух и так и осталось лежать. Озадаченная, она пробиралась между покинутыми жилищами.

Пятнадцать лет назад, после открытия субтерры, первопроходцы обосновались в немногочисленных укрепленных «центрах», построенных по образцу предполагаемых лунных или марсианских колоний. Тут опять не обошлось без НАСА. Но в те времена хейдлы были еще активны, что сдерживало экспансию. Колонисты старались не удаляться от укрепленных центров дальше чем на день пути. И действительно, вплоть до экспедиции «Гелиоса», подарившей ей Айку, «глубинная разведка» ограничивалась краткосрочными рейдами шахтеров, ученых и военных патрулей. Затем случилась эпидемия — вирус выпустил кто-то из членов экспедиции, — и жителей субтерры эвакуировали. Отказавшиеся уезжать колонисты умерли вместе с хейдлами. Так закончилась первая волна колонизации.

Вторая волна началась два года спустя. Приободренные «вымиранием» субтерры (Али бесил этот стерильный термин, потому что случившееся

было откровенным геноцидом), люди устремились под землю. Привлеченные возможностью разбогатеть, начать жизнь сначала или попасть под амнистию, а также просто сосланные властями своих стран, колонисты новой волны, словно сорняки, распространялись во все стороны от старых центров. Однако бум довольно быстро закончился.

Под океанами и континентами, и особенно в этом удаленном регионе под дном Тихого океана, население новых территорий стремительно сокращалось. Эксперты называли разнообразные причины «коррекции»: усталость первопроходцев, страх перед раковыми заболеваниями, обезображивание и вызванную вечной тьмой депрессию. Все больше колонистов жаловались на бессонницу, ночные кошмары и социальную самоизоляцию — вполне прогнозируемые следствия сбоя биологических часов в отсутствие солнца.

Али начинала подозревать, что причина тут другая, более глубокая. В последние десятилетия двадцатого века человек проложил дорогу в глубины джунглей и столкнулся с неизвестными вирусами: ВИЧ, Эбола, Марбург и прочими. Совершенно очевидно, что у субтерры тоже имелись естественные средства защиты. Не этим ли объясняется безлюдье и вымирание, которое она тут наблюдает? Может, подземный мир так реагирует на вторжение человека?

Осветив каменную стену, Али увидела десятки маленьких трубочек белой бумаги, торчавших в щелях кладки. В первой деревне она удивилась. С тех пор им встретилось множество таких «стен плача». Али вытащила одну записку и развернула, заранее зная, что внутри. Голоса. Всегда голоса.

«Вчера приходила Трина, — прочла Али. — И папа! Мы разговаривали. Они называли себя и напомнили мне о разных вещах. У Трины была привычка все время причесывать волосы. Словно пересчитывала деньги. Она хотела, чтобы я вспомнила. Думаю, именно для этого я им нужна. Я для них как остров. Они могут отдохнуть со мной, прежде чем вернуться в воду».

Али разжала пальцы, и листок упал на землю. Грегорио проявлял больше уважения — он снова скручивал каждый клочок бумаги и засовывал в стену.

— Есть что-нибудь? — спросила Али.

— Слова и каракули, — ответил Грегорио. — Записки с того света. Один слышал голоса. Другой видел призраки. Одно и то же. Безумие. Александра, мне кажется, мы гоняемся за тенью.

— Продолжай. Там есть упоминания о детях или хейдл ах? Может кто-нибудь видел следы? Кража еды, исчезновение людей или животных,

предположение о том, что тут проходили хейдлы?

Грегорио перевернул металлическую пластинку.

— Ага, вот. «Добро пожаловать в Шевроле». Теперь мы знаем, что кто-то любил эту марку машин.

— Уже кое-что, — сказала Али и достала блокнот.

Они разделились. Нырнув в боковую комнату, Али обнаружила разбросанные бумаги, кучки засохших фекалий и скелет в углу. На челюсти видны остатки бороды. Рядом нож. Кости запястья лежат на песке, порыжевшем от крови. Еще одно безымянное самоубийство.

Появившийся в двери Грегорио увидел кости. Сейчас перекрестится, подумала Али. Он так и сделал. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Али улыбнулась.

— Нужно возвращаться к лодке, — сказал он. — Я нашел еще топливо и ящик с продуктами. Больше здесь делать нечего.

Как и во всех предыдущих деревнях на их пути, тут не обнаружилось ничего, что могло бы пригодиться им в поисках. У некоторых поселений имелись названия, и Али записывала их в блокнот. Это будет Шевроле, деревня Бородатого Скелета.

— Александра?

— Да?

— Я тут кое о чем подумал.

Али ждала.

— Если это болезнь, то мы уже могли заразиться.

— Время покажет.

— Да, но если так и если я уйду первым, пообещай, что похоронишь меня.

— Хорошо.

— Я не хочу, чтобы мои кости вот так валялись.

Подобные инструкции она слышала от Грегорио уже как минимум раза четыре, в других деревнях.

— И еще произнесу небольшую надгробную речь.

— Превосходно. Я сделаю для тебя то же самое.

— А что ты обо мне скажешь? — шутливо спросила она.

Больше Али не могла этого выносить. А костям все равно, печалится она или веселится.

— Ну... — Грегорио прижал подбородок к груди. Тяжело вздохнул и задумчиво посмотрел на бородатый скелет. — Я бы сказал, что тут лежит женщина...

— С бородой, — подсказала Али. Грегорио недоуменно посмотрел на

нее. — У него борода. — Она показала на скелет. — Продолжай.

— Тут лежит женщина... — Он замолк. — Женщина, которую я знал. Женщина...

Грегорио снова умолк, переполненный чувствами.

— Просто положи мне на сердце шоколадку «Пьюрити», — сказала Али. — Черный, пожалуйста. Мой любимый.

— Александра! — Он махнул рукой в сторону костей. — Мы же говорим о твоей смерти.

— Ты прав, Грегорио.

Али сделала серьезное лицо.

— Madre de Dios, — вздохнул он.

Слова, которые Грегорио собирался сказать, так и не прозвучали. Впрочем, догадаться было нетрудно.

«Я тебя тоже люблю», — подумала Али.

— Пойду дальше, — сказал Грегорио и нагнул голову, чтобы не удариться о притолоку. — Madre...

Али порылась в куче бумажек в углу. Обрывки слов, каракули, произвольные рисунки — похоже на содержимое корзины для бумаг после совещания. Недолгое веселье сменилось отчаянием. Все без толку. Блуждая по лабиринту заливов и безымянных деревень с костями безумцев, они практически не продвигались вперед. Нужен прорыв, скачок — но куда? Али буквально слышала, как тьма съедает их благородную цель, грызет, словно мышь. Спасители превратились в падальщиков.

— Александра! — окликнул Грегорио.

Али нашла его за соседней дверью, рядом с очередным скелетом. И этот мертвец отличался от остальных. Он принес им дар. Внутри грудной клетки лежал двухфутовый пластмассовый цилиндр. Словно второй позвоночник. Похоже, туда его положили специально. Сбоку цилиндра они увидели надпись: «НАСА».

— Так все и было, — сказал Грегорио. — Я ничего не трогал.

— Открой его. Посмотри, что там. Быстрее.

Он извлек цилиндр из грудной клетки скелета и снял крышку. Потом заглянул внутрь, и глаза его удивленно раскрылись.

— Я не верю в чудеса. Но иначе как чудом это не назовешь.

— То, что я думаю?

Грегорио кивнул.

Они вытащили карту экспедиции, развернули и прижали углы камнями. В центре большой серой амебы было написано: «Императорское озеро». Неровные отростки испещрены мелкими названиями и цифрами.

— Ответ на наши молитвы, — сказала Али.

— Такая же, как та, что сгорела.

— Не совсем, — возразил а Али, быстро ведя пальцами по бумаге. — Надписи другие, видишь? И тут больше информации, гораздо больше. Взгляни на все эти названия. А еще бесконечные исправления и куча заметок на полях.

— Неужели ребята из НАСА дали карту жителям деревни? Или она украдена?

— Не знаю. В любом случае зачем местным жителям оставлять ее так, внутри скелета?

Грегорио пожал плечами.

— Вся деревня сошла с ума.

— Карту положили внутрь, а не сверху. Значит, тело уже лежало тут несколько недель или месяцев. То есть к тому времени деревня уже вымерла. Тот, кто оставил карту, хотел, чтобы ее нашли.

Али принялась внимательно разглядывать поля карты. Там были даты, примечания, вопросы, любопытные факты, описания флоры и фауны. Внизу она увидела значок.

— Вот он.

Грегорио наклонился.

— Похоже на соединенные вместе зигзаги молнии.

— WM, — догадалась Али. — Уильям Макнаб. Пропавший друг Ли.

— Значит, вот где закончился его путь. В деревне безумцев.

— Не обязательно. — Али продолжала изучать карту. — К тому времени как он сюда добрался, тут остались одни кости. Макнаб хорошо знал местность и собирался спуститься глубже. Доказательств у меня нет, но мне кажется, что он продолжил путь.

— Без карты? Один? Здесь?

— У нас не было карты, — напомнила она.

— Это не аргумент. Будь у нас карта, мы не оставили бы ее с мертвецом.

— Если бы мы знали, куда идем, а карта уже не могла нам помочь, то мы могли бы ее оставить, — возразила Али. — Возможно, ее следовало оставить. Пока прошлое определяет будущее, ты просто ходишь кругами.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы вот тут, в деревне Шевроле. А хотим попасть сюда.

Она указала на треугольник из значков «алеф» в дальнем конце озера. Затем, используя промежуток между большим пальцем и мизинцем в качестве линейки, измерила расстояние напрямую между двумя точками. Путь вдоль берега оказался в восемнадцать раз длиннее.

— Превосходно, — кивнул Грегорио. — Ты доказала, что по прямой короче.

— А теперь, — продолжила она, — смотри внимательно. Деревня Шевроле выдается в озеро. Отсюда до пункта назначения ближе, чем из любого другого места. Стоит сместиться вдоль берега в ту или другую сторону, и расстояние резко увеличивается.

— Да, только без карты мы бы этого не знали.

— Согласна. Но посмотри на другой берег. Видишь какие-нибудь ориентиры?

— Ничего, кроме алефа. На сотню миль вправо и влево карта пуста.

— Итак, вот наша цель. Именно туда мы хотим попасть. Вот почему Макнаб оставил карту. Потому что она ему больше не нужна — как и нам. А еще чтобы не поддаваться искушению и не выбрать безопасный путь вдоль берега.

— Думаешь, он поплыл на лодке через озеро?

— Да.

— Все-таки я не понимаю, Александра. Эта карта — его детище, его любовь. Смотри, с какой тщательностью ее составляли. Почему бы не взять ее с собой и не продолжить работу?

— По двум причинам, — ответила Али. — Во-первых, карта — это послание или приглашение тому, кто повторяет его путь. «Идущие за мной, оплывайте отсюда».

— Почему он тогда не написал свое послание огромными буквами на скале или не нарисовал стрелку на карте?

— Потому что приглашал за собой не всех, а только тех, кто ищет то же, что и он, — алеф. — Али простила ладони над картой. Никак не выделенный, незаметный значок терялся среди остальных надписей.

— А вторая причина, по которой он оставил карту?

— Тут все просто, — сказала Али. — Макнаб решил, что уже не вернется. Это его завещание.

Грегорио направил луч фонаря в дверной проем. Свет отразился от иссиня-черной поверхности воды.

— У человека достало веры, чтобы пойти и не вернуться? Как же надо верить?

Внезапно Али почувствовала себя слабой и неуверенной. Ее храбрости

не хватит на двоих. Если Грегорио решит повернуть назад, она вернется с ним на поверхность земли, к себе домой. Если захочет спуститься глубже, Али будет стараться изо всех сил вести его за собой. Сложив руки на коленях, она ждала.

— Ты знаешь, какая это вера, — сказала она.

Дело не в мужском самолюбии. Ей хотелось, чтобы Грегорио это понял. Он может уйти, не потеряв лица.

Грегорио медленно свернул карту в трубку, сунул в футляр и встал.

— Значит, теперь мы должны идти по следам Макнаба, который шел за Айком, которого вели надписи на стенах?

Точнее не скажешь.

— Да, — кивнула Али.

— Абсурд.

— Да, — согласилась она.

Грегорио стоял, похлопывая футляром по ладони. Наконец он заговорил:

— Если мы пойдем дальше, это может нас убить, а может и нет. Но путь назад — точно конец.

Али подняла голову. Грегорио протягивал ей руку.

— Присоединимся к параду глупцов, — сказал он.

ДОКУМЕНТЫ

«САН-ФРАНЦИСКО КРОНИКЛ»

Призраки в машинном отделении: загадка китайской субмарины

29 декабря, Вашингтон. Посол Китая в США был приглашен в Государственный департамент для объяснения странного инцидента, но отказался явиться и, по слухам, был отозван в Пекин. Китай заявил протест в связи с конфискацией субмарины. После того как в Пекине демонстранты закидали камнями американское посольство и сожгли американский флаг, началась эвакуация из посольства вспомогательного персонала.

Китай потребовал вернуть субмарину и экипаж, а у американских территориальных вод всплыла вторая субмарина. В связи с инцидентом высказываются предположения, что китайские моряки могли искать политического убежища в США.

Однако очевидцы кораблекрушения утверждают, что китайский капитан говорил о призраках и о тени своей умершей жены, пока власти не увезли его. Другие члены экипажа тоже бродили по берегу, явно потрясенные, и разговаривали сами с собой. Медики говорят, что на субмарине могла выйти из строя система рециркуляции воздуха, что привело к накоплению двуокиси углерода и других газов, ставших причиной галлюцинаций.

«Мысль о том, что безумец командует субмариной с ядерным оружием на борту, внушает настоящий страх, — заявил аналитик Центра культурного наследия. — Неспособность китайского флота выявлять психические заболевания среди своих офицеров ужасна и преступна».

ДИАЛОГИ С АНГЕЛОМ, НОМЕР 7

Ангел ведет ученика к развалинам монастыря — таким древним, что они почти скрылись за наросшими кристаллами пирита. Ученик знает, что пирит еще называют золотом дураков.

Ложь питается правдой.

Они подходят к краю холма, испещренного отверстиями. Это древние кельи, вырытые служителями хейдлов. В одной из пещер лежит человек — живой, бородатый, погруженный в сон.

— Он пришел недавно. Паломник вроде тебя, — говорит ангел. — Мы с ним поболтали немного. Я решил, пусть побудет тут. Присылал ему жуков, чтобы он не умер от голода. Сохранял его для тебя.

Ученик настораживается.

— Для меня?

— Пришло время тебе пообщаться с человеком. Поиграть, — говорит ангел. — Покажи свои ногти.

Ученик вытягивает пальцы. За долгие годы его тело почти слилось с землей. Теперь он способен переваривать некоторые мягкие минералы. Ногти стали острыми и твердыми, как обсидиан.

— Твой путь лежит через этого человека, — объявляет ангел.

Ученик притворяется удивленным.

— Не понимаю, Ринпоче.

На самом деле он догадывается, к чему все идет, и это страшит его.

Ангел грозит ему пальцем.

— Понимаешь. Я знаю.

— Твои слова направляют меня, Повелитель, — говорит ученик. — Он непригоден для обучения.

— Даже самая убогая дверь может привести во дворец мудрости, — возражает ангел. — Будь сильным. Помни, что смерть — это свобода.

— Ринпоче, ты учил меня не отнимать жизнь.

— Я учил тебя не тратить попусту время, пытаюсь отнять мою, — возражает ангел. — Теперь ты — судьба этого человека. Он был рожден, прожил жизнь и совершил путешествие сюда, чтобы послужить тебе уроком.

— Повелитель, я отверг любое насилие. Дал клятву.

— *Делай то, что запрещено.*

— Только не это, Ринпоче, — шепчет ученик.

— Ты сам назвал его ничтожеством. Все равно он умрет — так или иначе. Но ты можешь избавить его от страданий еще до того, как они начнутся. Настоящих мучений. Долгих. В данный момент я думаю о пытках ирокезов, ножом и огнем. Если хочешь, я покажу ему кости его ног — без кожи и мяса. А может, мы сыграем с ним в одну разновидность восточных прятков. Ты никогда не видел, как человек роется в собственных кишках, убежденный, что туда заползла змея? Ты удивишься, как сильно люди поддаются внушению.

Незнакомец в пещере продолжает спать, не слыша перечня пыток.

— *Пощади его, Повелитель,* — просит ученик.

— Ты орудие моей милости, — отвечает ангел — Именно ты должен пощадить его.

Ученик оглядывается. Уклониться невозможно. Ослушаться равносильно смерти, причем мучительной. Хуже того, это значит пожертвовать секретами, которые он узнал. Ученик собирается с духом, готовясь к тому, что предстоит сделать. Охота завела его слишком далеко, и он уже слишком глубоко проник в тайну, чтобы так просто погубить свою жизнь. Еще есть шанс, хоть и крошечный, что он сможет принести добытые с таким трудом знания на поверхность, поделиться ими с людьми. И победить ангела.

— В своих странствиях наверху ты никогда не добирался до Монголии? — спрашивает ангел. — Они исповедуют буддизм, эти мирные потомки свирепых воинов. Для них любая жизнь драгоценна. Когда приходится убивать овцу, они делают это особым способом.

Ученик внутренне собирается.

— Сядь ему на бедра.

Ученик протискивается в пещеру. Мужчина истощен до крайности — бородатое пугало. От него пахнет немывтым телом и рыбой. Пол устлан крыльями насекомых. Ученик садится ему на живот.

— Теперь возьми его за горло, — командует ангел. — Одновременно ногтями сделай надрез под грудиной. Быстро, но точно. Вспарываешь кожу, не трогая брюшину. Разбросанные кишки нам тут не нужны.

Ученик следует инструкциям. Его ладонь обхватывает горло пленника, ногти одним точным движением вспарывают верхнюю часть живота.

Пилигрим просыпается. Его глаза вылезают из орбит. Он хочет

закричать, но не может.

— А теперь, — говорит ангел, — просунь руку внутрь. Решительно. Легкие набросятся на тебя, будто пара собак.

И точно: легкие то сжимают, то отпускают руку ученика. Пленник хватается его за руку. Взгляд бедняги скользит вниз. Он видит весь ужас того, что с ним делают, — открытую рану, руку внутри своего тела.

— Можешь нащупать его сердце?

На лбу и шее пленника вздуваются вены. Рука ученика медленно продвигается вперед, костяшки пальцев скользят по ребрам. Ужасно. И в то же время восхитительно. Жизнь человека в его руке!

— Обхвати сердце. Осторожно — не порви ничего. Это очень важно. Продень пальцы между сосудами. Нащупал его?

— Да.

— Теперь сдавливай. Медленно. Не проткни стенки и не раздави камеры. Кровь должна остаться в нем.

Сердце отчаянно бьется, словно дикий зверь, скользкое, похожее на какое-то земноводное. Незнакомец в ужасе трясет головой. Он не понимает этого немыслимого насилия. Он чувствует все, что происходит внутри грудной клетки.

Ученику хочется, чтобы все скорее закончилось. Сжать этот живой мотор, вырвать его, раздавить горло. Но голос ангела настаивает, чтобы он был точен, спокоен и осторожен.

Ученик старается крепко держать сердце. Наконец оно сдается. Мышца ослабевает под его рукой. Пальцы, незнакомца разжимаются.

— Смотри ему в глаза, — говорит ангел.

Веки несчастного трепещут, губы шевелятся. Ученик отпускает заросшее бородой горло. Наклоняется, чтобы, услышать последние слова жертвы.

— Айк... — шепчет мужчина.

Ученик замирает.

Сердце бьется все медленнее. Останавливается. Ученик вдруг испытывает острое желание вновь оживить его.

Затем понимает, что за его спиной растет грудa камней, закрывая вход из пещеры. Ангел замуровывает его.

— Я хочу, чтобы в последующие дни ты слушал его, — говорит ангел. — Узнал его имя. Запомнил его голос, собрал его истории. Я хочу знать все о его путешествиях.

— Но он мертв, Повелитель.

— Ты должен научиться слушать. Истинный слух подобен истинному

зрению. Для этого требуется время. Прояви терпение. Постись. Медитируй. Слушай.

Вход уже полностью завален камнями; осталось лишь небольшое отверстие.

— Теперь это твоя гробница, — объявляет ангел. — Для мира ты мертв. Когда я уберу камни, ты воскреснешь.

— Ты оставляешь меня здесь?

— С этого момента смерть — твой учитель. Голос пилигрима поведет тебя по реке чувственного восприятия. Его тело расскажет тебе о скоротечности. Его разложение — подарок тебе. Проникни взглядом через иллюзию плоти.

— Не покидай меня.

— Я буду тебя навещать. А теперь дай мне сердце, — говорит ангел. — Оно мне нужно.

Ученик вырывает сердце из паутины сосудов и достает из груди. Оно кажется удивительно легким — для такого неустомимого работника. Он передает сердце через отверстие между камней. Взамен получает несколько пакетов с водой.

— Расходуй экономно, — советует ангел.

Мгновение спустя отверстие закрывается.

Из груди ученика вырывается крик.

— Терпение, — повторяет ангел. — Ты побеждаешь смерть.

— Повелитель, прошу тебя...

Ученик пытается сдвинуть камни, но они весят не одну тонну. Теперь он уподобился ангелу, замурованный в камне и не способный освободить себя. Вот он, урок — или по крайней мере один из них.

— И не забывай, что ты постишься, — доносится до него голос ангела. — Никакой еды. Ты должен оставаться чистым. Питайся мудростью — и только ею.

ДОКУМЕНТЫ

УГРОЗА ЭПИДЕМИИ САМОУБИЙСТВ

Американская ассоциация «горячих линий»

Наибольшему риску подвержены выжившие после похищения

Всем специалистам и правоохранительным органам: будьте готовы к случаям тяжелой депрессии среди переживших похищение во время Хеллоуина. Нам поступило сообщение о семнадцатом случае самоубийства среди этой категории лиц за девять недель.

Эпидемией считается превышение числа самоубийств порога в 20 случаев в год на 100 тысяч населения. Число переживших трагедию — сами жертвы похищения, родственники и друзья — составляет 1000 человек, и это значит, что уровень самоубийств среди них более чем в 100 раз выше.

На склонность к самоубийству может влиять ряд демографических факторов. Наиболее очевидным является горе, однако пережившие похищение испытывают такую же по силе депрессию, как и другие люди после смерти близких. Уровень самоубийств в западных штатах США традиционно более высок, а большинство похищений имело место на западе. Однако даже по сравнению с остальным населением западных штатов уровень самоубийств среди данной группы необъяснимо высок. Эту эпидемию самоубийств могут объяснить также такие факторы, как сезонная депрессия, прием лекарств, подражание.

Также сообщается о необычно высокой частоте бреда и галлюцинаций среди жертв похищения. На данный момент удовлетворительного объяснения данному явлению не найдено.

Канун Нового года

Ребекка смотрела сквозь толстое стекло вагона, отъезжавшего от станции Тревис. Погружение в пограничную зону напоминало удаление от цивилизации. Огни поселков тускнели. Окрестности пустели. Пейзаж стремительно — со скоростью сорока пяти миль в час — становился все более убогим.

Железная дорога забиралась все дальше, и города, мимо которых они проезжали, превращались в трущобы, пещеры или палаточные лагеря на двух или трех человек. Ребекка попросила инженера остановить поезд на следующей станции, чтобы люди немного размялись, но он отказался.

— Только по железной дороге, туда и обратно, — объяснил он. — Никому не нужна ваша банда разбойников и головорезов. Не обижайтесь.

— Мы же кавалерия, — попыталась возразить Ребекка. — Парни в белых шляпах.

— Нет — если вы дышите их воздухом, гадите в их воду, крадете еду с их стола.

Так приятно поговорить с человеком, которому ничего от тебя не нужно. Она пришла в головной вагон не только попросить об остановке, но и для того, чтобы на время скрыться от Клеменса и Хантера, от рока и кантри, от запаха пота и ружейного масла, дыма сигар и марихуаны, писка игровых приставок, собраний сектантов, споров, сквернословия, хвастовства и тому подобного. Инженер обрадовался ее обществу.

— Признаю, что мы дышим воздухом и загрязняем воду, — сказала она, — но мы не украли ни одной вещи. Каждый наш шаг щедро оплачивается — американскими долларами.

— В том-то и беда, что они слишком любят ваши деньги, — ответил инженер. — Эти парни готовы продать вам все, вплоть до последнего зернышка риса, и они сами это знают. А потом останутся с полными карманами денег и пустым брюхом. Как они могут доверять вам, если не доверяют самим себе?

— У нас собственные запасы продовольствия. И я распоряжусь, чтобы люди соблюдали местные правила санитарии.

— Это только начало. Вы несете с собой болезни. Вы на волоске от Третьей мировой войны с Китаем, который в десять раз ближе к нам, чем к

Америке. А теперь вы собираетесь растревожить осиное гнездо с аборигенами.

«Аборигены», — отметила Ребекка.

Не черви, не демоны, не подземный народ, не мишень для стрельбы. Аборигены. Словно они неотъемлемая часть местной жизни.

— Мы тут для того, чтобы спасти детей.

— У этих людей тоже дети, — сказал инженер. — И они не хотят отдавать их чужакам. Их сыновья пойдут с вами. Их дочери будут искушать вас. Вы пытаетесь спасти своих детей. А они — своих. От вас.

— Когда все закончится, мы уйдем.

— А вот это хуже всего. Вы можете уйти. А большинство из них не могут. Так или иначе, тут их дом.

— Как же нам навести мосты?

— А вы уверены, что хотите? — спросил инженер.

— Почему бы и нет?

— У тьмы свои законы.

— Что вы хотите сказать?

— Люди меняются. Обязательно.

Через двадцать семь часов поезд остановился рядом с трущобами, беспорядочно разбросанными на скалистых уступах. Табличка с громким названием гласила: «Город Электричества». Ребекка заметила лишь несколько керосиновых ламп. Потом ей удалось разглядеть нечто вроде Эйфелевой башни, возвышавшейся над поселком. Буровая установка.

— Конец пути? — спросила она.

— Для меня, — ответил инженер.

Пытаясь понять, каковы у них шансы, Ребекка прибегла к браваде.

— Держитесь поблизости, — сказала она. — Оглянуться не успеете, как нужно будет ехать домой.

Инженер поднял на нее глаза. Хотел ответить и вдруг засуетился, занявшись приборами и ручками управления. Значит, до такой степени скверно, подумала Ребекка.

Снаружи слонялись вооруженные головорезы с всклокоченными волосами. Они почесывались от укусов вшей, крались среди вагонов, размахивали винтовками. Затем она узнала лица. Это были ее люди.

Пока армия выгружала гору продовольствия и амуниции из поезда, Ребекка поднялась к хижинам и пещерам, чтобы представиться местным жителям. Тут обосновались «дикие» разведчики недр. Они бурили землю в поисках сухой нагретой породы, «матери всех руд», как выразился один человек.

— Мы намерены спасти человечество от самого себя, — сказал он.

Идея заключалась в том, чтобы найти пласт сухого тепла, закачать туда воду и при помощи выходящего обратно перегретого пара вырабатывать электричество. По уверению одного джентльмена, совсем скоро Город Электричества даст свет не только тихоокеанской зоне субтерры, но и всему миру. Нефть, уголь, ядерная энергия — все это окажется ненужным. «Вы видите перед собой людей, которые будут самыми богатыми в мире», — сказал ей другой разведчик недр.

Однако они еще не нашли сухую нагретую породу и принадлежали к одним из самых бедных. За три года изнурительного труда бурильщики не заработали ни цента. Исполненные решимости не влезать в долги — перед железной дорогой, поставщиками горного оборудования, банками или кем-либо еще, — они в буквальном смысле затянули пояса и теперь были похожи на военнопленных.

Ребекка тут же решила пригласить все население Города Электричества — всего их было двадцать три мужчины, три женщины и пятеро детей — на ужин. Это казалось разумным. Никто не знал, с чем ей и ее армии предстоит столкнуться внизу. Небольшая благотворительность поможет подготовить почву для безопасного возвращения.

Ребекка вернулась к железной дороге как раз к моменту отбытия поезда. Он медленно отошел от перрона, и окна вагонов осветились вспышками. Ребекка с изумлением увидела в поезде людей — они фотографировали. Это были ее люди. Заметив ее, дезертиры отводили взгляд. Потом отстранялись от окна или ныряли куда-то вниз.

В первое мгновение она пыталась заставить себя поверить, что во всем виноват инженер. Люди просто не успели выйти. Однако скоро все поняла.

— Радуйтесь, — произнес у нее за спиной чей-то голос.

Ребекка повернулась. Сзади стоял снайпер Беквит.

— Там, наверное, половина, — сказала она.

— Больше половины.

Неужели он не понимает?

— Это же наши солдаты.

— Просто туристы, мэм. Через несколько дней люди проснутся в своих постелях, и все это превратится для них в сон. Разве что останутся фотографии, доказывающие, что они и вправду были здесь.

— Но мы едва начали!

— В подземной войне численность не имеет значения, миссис Колтрейн. Вот увидите.

Он не понимал.

— Я им доверяла.

— О чем вы говорите, мэм. Нельзя потерять то, чего не имел. Эти люди просто не существовали.

Огни поезда, извиваясь, уползли во тьму. Все заглушил звон стальной трубы и рев буровой установки. На путях завязалась драка. Ребекка попыталась взглянуть на стычку с философской точки зрения. По крайней мере, бойцы любят драться.

За неимением лучшего места они разбили первый лагерь прямо на железнодорожной насыпи. Новички ставили палатки. Хантер и его товарищи из «Зоны высадки» даже не достали спальные мешки. Как всегда, отделившись от остальных, они расстелили на земле матрасы и принялись чистить оружие.

Местные жители явились на обед принаряженными. Их белые рубашки и чисто выбритые лица контрастировали с разбойничьим видом — нарочитым — многих рейнджеров Ребекки. Несмотря на бедность, гости пришли не с пустыми руками. Одни принесли красивые окаменелости, найденные при бурении, другие — угощение.

— Разве я что-то говорила о складчине? — упрекнула Ребекка одного из колонистов, сынишка которого протянул ей тарелку.

На ней ровными рядами лежали кусочки разного мяса. Мальчик походил на херувима, только худого и без розовых щек. На двух пальцах у него были импровизированные шины из карандаша и скотча.

Ребекка с улыбкой взьерошила ему волосы. Втайне она искала наросты, рога или другие симптомы жизни под землей. Череп ребенка оказался гладким, и Ребекка испытала облегчение. Если мальчик цел и невредим, то ее дочь, возможно, тоже.

— Что нужно сказать леди, Нейл? — напомнил отец.

— Спасибо, миссис, за приглашение на ужин, — поблагодарил Нейл.

— А что у нас тут? — поинтересовалась Ребекка, опуская тарелку.

— Дичь, — ответил Нейл.

— Несколько местных видов, — пояснил отец. — Богатые протеином. Плюс обостряет ночное зрение. Влияние здешней воды. Или воздуха. Никто не знает. Мы просто пользуемся тем что есть.

— Что мне попробовать, Нейл? — спросила Ребекка, собираясь с духом. В чужой монастырь...

— Это речной рак, — сказал мальчик. — А это красная тапиока. А вон то — рыба.

Ребекка попробовала все, даже существ с усиками и щупальцами. Потом из вежливости спросила рецепт тапиоки, которая оказалась

перебродившими головастиками.

— Где вы все это берете?

— Пещеры дают, — ответил отец, словно дары природы сыпались из рога изобилия — только подставляй руки.

Ребекка посмотрела на впалые щеки Нейла, на синие прожилки на его лбу и подумала, что в ней, наверное, не течет кровь первопроходца. Она никогда бы не подвергла Сэм подобным лишениям.

— Вы живете только на подножном корму?

— Теперь да. Тут нужно трудиться как вол — иначе пропадешь. Прямо сейчас продовольственный отряд прочесывает верхние туннели. После смены на буровой все занимаются охотой и собирательством.

— Вы много работаете.

— Мы несем свет в мир.

Какая убежденность. Ребекка поняла, что тарелка с едой была декларацией независимости.

— Это твоя мама готовила, Нейл? — спросила она.

— Ее тут нет, — ответил мальчик.

— Ты ее приведешь ко мне, когда она вернется? Я бы хотела с ней познакомиться.

— Мама сбежала, — мрачно сообщил Нейл. — Струсил.

Улыбка застыла на губах Ребекки. Она не знала, что сказать. Женщина сбежала? Куда? Почему? И какое гадкое слово «струсила» — ребенок не должен так говорить о матери, никогда.

— Уверена, мама тебя любит, Нейл, — нерешительно произнесла она.

— Больше нет.

Мальчик покачал головой. Отец похлопал его по плечу покрытой шрамами рукой — жест истощившейся непреклонности.

Ребекка почувствовала — здесь что-то не так. О чем-то они умалчивают.

— Каждая мать любит своего ребенка, Нейл. И никогда не перестает. Вот почему я здесь — я пришла за дочерью, чтобы найти ее.

— Знаю, папа мне говорил, — кивнул мальчик. — Она тоже убежала. Как мама.

Ребекка посмотрела поверх головы мальчика на его отца. Лицо мужчины не выглядело виноватым.

— Ты ошибаешься, Нейл. Моего ребенка украли. Как и многих других детей. Хейдлы пришли и забрали их прямо из дома.

— А почему они не украли меня? Я же тут, а не за тысячу миль отсюда.

— Не знаю, — ответила Ребекка. — Может, ты мне расскажешь.

Она много раз задавала себе этот вопрос. Почему беда обошла колонистов?

Здесь, внизу, что-то происходило. Колонисты знали о хейдлах, причем задолго до похищения. Но доказательств у нее не было. Похоже, они мирно сосуществовали. Пока никто не изъявлял желания говорить на эту тему. Но если это правда, если колонисты и хейдлы по молчаливому согласию избегают или игнорируют друг друга, если они и дальше собираются жить бок о бок, значит, эти люди оборвали связи с поверхностью. Тем не менее Ребекка не хотела никого обвинять. Ей и ее армии еще может понадобится помощь колонистов.

Она предпочла сменить тему.

— Как ты сломал пальцы, Нейл?

— Охотился.

В Техасе все дети ходят на охоту. А здесь, в темноте, среди притаившихся хейдлов?

— Ты охотишься?

— У ребяташек настоящий талант, — сказал отец. — Они видят и слышат то, что недоступно взрослым.

— Значит, вы их сопровождаете?

— Без нас у них лучше получается. Мы им все только портим.

— Это, наверное, опасно.

Ребекка всполошилась, словно насадка. Старая привычка.

— Они знают, что делают. Преследуют только хромых и отставших.

— Ты не боишься? — спросила она Нейла.

За сына ответил отец:

— Каждый вносит свой вклад. — Мужчина махнул рукой в сторону буровой вышки. — Я грызу землю. Когда-нибудь земля будет принадлежать им.

Ребекка посмотрела на шины из карандаша и скотча.

— Это врач сделал?

— Мы сами себе врачи.

Поиск сухой нагретой породы превратился для этих людей в религию. Буровая стала их идолом.

— Он же ребенок, — сказала Ребекка.

— Срастется.

— А если срастется криво?

Отец Нейла понял, что имеет в виду Ребекка.

— Вы так уверены в своей правоте, — сказал он. — Держитесь за

вашу веру. Держитесь крепко. Потому что здесь, внизу, без нее вы просто животное. Теряете веру — и вы пропали.

По спине Ребекки пробежал холодок. Фрагменты головоломки сложились. Мать Ребекки не сбежала, оставив сына. Ее выдворили.

Ребекка ничего не сказала. Невозможно все время сражаться. Зло повсюду. Самое разумное, что она может сделать, — это отгораживаться от зла достаточно долго, чтобы вырвать Сэм из его лап и вернуться на солнечный свет.

— Ты давно не пробовал яблочный коблер? — Она повернулась к Нейлу. — Видишь тот стол? Скажешь им, что я попросила налить тебе двойную порцию. — Ребекка вернула мальчику тарелку с деликатесами. — И обязательно захвати с собой отца.

После этого разговора Ребекка сторонилась местных жителей. Вечеринка продолжалась. Появилось спиртное, и вскоре мужчины уже затянули песни и начали задирать друг друга. Никто не заметит ее отсутствия. Она тайком покинула свой званый вечер.

Не включая фонарь, чтобы никто не увязался за ней, Ребекка пошла вдоль железнодорожных путей. Беквит научил ее трюку, помогавшему лучше видеть в темноте. Нужно направлять взгляд не на предмет, а мимо него, используя периферийное зрение. Правда, навык требовал практики — в чем она и убедилась, несколько раз споткнувшись.

Вдоль железной дороги тянулись хибары, в которых мерцали свечи и керосиновые лампы. В Городе Электричества не было электричества. Звуки пирушки и неумолчный грохот буровой вышки затихли вдали.

Дальше вдоль путей шла тропинка. Ребекка переключила фонарь на неяркий красный свет и пошла по тропе, погружаясь в свои мысли и наслаждаясь одиночеством. Где бы ни находилась сейчас Али, она поступает именно так, подумала Ребекка. Отбрасывает все лишнее и следует инстинктам.

Тропинка карабкалась вверх и ныряла вниз, вилась между скал. Ребекка ускорила шаг. Груз, которым были для нее все эти мужчины, спал с плеч. Легкие расправились.

Сверху послышался стук камня о камень. Ребекка остановилась и направила в темноту луч фонаря; среди камней никого не было. Просто сила тяжести сдвигает предметы — и ничего больше.

Она подумала, что нужно возвращаться. Это земля хейдлов — по крайней мере, была, — и животный мир быстро восстанавливается. Ей вспомнилась тарелка с мясом. Кто знает, какие существа шныряют вокруг. Ребекка продолжила путь, но уже осторожнее, водя фонариком из стороны

в сторону.

Потом она наткнулась на первые палки. Разбросанные на каменной осыпи, они напоминали выбеленные морем обломки кораблекрушения. Интересный вопрос: для палок нужно дерево, правильно? Но палки есть. Озадаченная, Ребекка поднялась чуть выше.

Луч фонарика уперся в позвоночный столб. Ребекка остановилась. Изогнувшись, позвоночник лежал на тропинке, словно толстая белая змея, переползающая дорогу.

Позвонки были скреплены друг с другом сухожилиями. Конечно, она не специалист, но очень похоже на человеческий — как пластмассовая модель в кабинете хиропрактика. И не очень большой. Луч ее фонаря задрожал. Такой позвоночник у человека маленького роста.

«Дети!»

Это была ее первая мысль. Ребекке стало дурно. Она застыла на месте.

Способность рассуждать вернулась не сразу. Позвоночник маленький, но слишком массивный для ребенка. Ребекка начала сомневаться, человеческий ли он.

Сердце забило ровнее. Рука с фонариком перестала дрожать. Кости принадлежали какому-то животному. Разве отец Нейла не говорил об отрядах, добывающих пищу?

Слава богу, она удержалась от крика. С тех пор как появился Беквит с куклой Барби, на которой была нацарапана просьба о помощи, страхи не оставляли ее. Шнурок в грязи, царапины на стене, мелькнувший в окне блик — все вызывало самые мрачные мысли, но объяснения всегда оказывались вполне прозаичными. Она должна вести за собой армию, а не паниковать, поднимая тревогу по любому поводу.

Оглядевшись, Ребекка все поняла. Это не палки, а кости. Вероятно, животные притащили их с какой-то свалки. Логика придала сил. Ребекка пошла дальше, твердо решив не поддаваться страху и дурным предчувствиям. Храбрости можно научиться — по меньшей мере она на это надеялась.

Поднявшись на вершину холма, она увидела углубление в том месте, где друг на друга опирались две большие каменные плиты. Из трещины между ними поднималась струя сухого и горячего воздуха. Со скалы свисала веревка. Кто-то оставил здесь ножовку.

Теперь все ясно. Это лагерь охотников. Сюда они приносят добычу — дичь, как выразился Нейл, — подвешивают и разделяют. В расщелину удобно сбрасывать потроха, а над горячим воздухом вялить полоски мяса. Животные растаскивают оставшиеся кости. Вот и вся загадка.

Ребекка гордилась собой. Она преодолела отвращение и нашла рациональный ответ. Шаг за шагом, обуздывая нервы и собственную глупость, сумела справиться со страхом. Теперь предстоящая ночь уже не пугала ее.

От тепла, поднимавшегося из расщелины, стало жарко. Ребекка вытерла пот, заливавший глаза.

И увидела руку.

Ладонь застряла в расщелине. На этот раз никакая логика не поможет. Ее отпилили чуть выше запястья и выбросили. Человеческую руку.

Совершенно верно, это охотничий лагерь. Тут разделяют добычу, только добыча — не звери.

«Мы... Они...»

Мысли путались. «Хейдлы». Ребекка обернулась, и луч фонарика вспорол ночь. Может, они рядом? Или это старый лагерь? Насколько старый? Она прижалась спиной к каменной плите.

И увидела череп, прибитый к камню. У него были выступающие передние зубы и скошенный лоб. Ее первый хейдл.

Ножовку использовали для того, чтобы сделать большой надпил на макушке.

«Дичь!»

Разве такое возможно? Колонисты из Города Электричества питаются хейдлами? И она ела. Ее угостили. Местные деликатесы. «Пещеры дают».

Ребекка замерла, не отрывая взгляда от изуродованного черепа. От жары кружилась голова. К горлу подступила тошнота.

Перед глазами стояла тарелка с мясом. Строго говоря, это не каннибализм — ведь они не питаются себе подобными? Значит, колонисты охотятся за ее врагами и убивают их. Так? Оправдания. Они лишь скрывают правду, какой бы она ни была. Ребекка не имела ни малейшего представления, что происходит в этом мире теней.

Вдруг все показалось таким шатким. Потому что если люди не лучше хейдлов, а точнее, если хейдлы не хуже людей, то все равнозначно. Похищение Сэм теряет свою силу. Девочка превращается в кусочек пищи в древнем, как мир, цикле. Мы питаемся ими, они — нами, и из-за этого нет смысла развязывать войну.

Капли пота падали на камень. Мысли Ребекки прервал какой-то шум. Она направила луч фонаря во тьму.

Перед ней стояла девочка. Лохмотья и свалывшиеся волосы делали ее похожей на сироту из стран третьего мира. Ребекка почувствовала, как замирает ее сердце.

Похищенный ребенок? Сбежала или ее отпустили? И где Сэм?

— Привет, милая, кто ты?

Ребекка запомнила имена и лица всех украденных детей, готовясь именно к такой встрече. Это лицо не вызывало никаких ассоциаций. Наверное, Сэм тоже будет выглядеть как одичавшая собачонка, пока ее не вымоешь.

Девочка не отвечала.

Ребекке хотелось позвать Сэм и собрать остальных, вывести из укрытия, в котором они прячутся. Но психологи советовали сохранять спокойствие. Вероятно, дети травмированы. Первый контакт может их напугать.

— Милая? Ты мне скажешь, где остальные?

Девочка разглядывала ее.

— Меня послала твоя мама, — сказала Ребекка. На самом деле многие матери погибли, защищая своих детей. — Скажи, как зовут твою маму?

«По возможности разговорите их. Будьте готовы к молчанию и враждебности. Некоторые могут напасть на вас».

Девочка просто стояла.

Ребекка приблизилась к ней и опустилась на одно колено. Земля была теплой. Ребекка обливалась потом.

— Иди сюда, дай мне тебя обнять.

Девочка размахнулась и бросила камень — со всей силы. Камень попал Ребекке в голову, и она выронила фонарь.

— Чужим сюда нельзя, — послышался чей-то голос.

Ребекка вздрогнула. Потом подняла фонарь. На более высокой плите на корточках сидели два мальчика. Одного она узнала.

— Нейл?

Она вспомнила, что слышала шум, когда шла по тропе. Дети преследовали ее от самого города. Сердце ее упало. Сэм тут нет.

Ребекка продолжала светить на мальчика.

— Что ты делаешь, Нейл?

Она рассердилась.

Нейл не ответил. Его глаза сверкнули. Это было веселье. Он смеется над ней.

— Уходи отсюда.

За спиной негромко стукнули камни. Ребекка направила туда луч фонаря — еще четверо детей.

— Что вы тут делаете?

Все молчали. Снова раздался звук шагов. Они окружали ее.

— Идите домой, — приказала Ребекка.

Только это и есть их дом.

Луч фонаря снова осветил верхушку камня. Ей известно, кто отец Нейла. Она расскажет. Однако мальчика там уже не было. Ребекка обвела лучом фонаря вокруг себя, считая детей. Нейл появился прямо перед ней. Всего их девять.

Ребекка увидела ножи, молотки и отвертки. У каждого ребенка было любимое оружие. Инструменты выглядели гигантскими в маленьких руках. Инструменты словно жили собственной жизнью — это они управляли детьми, а не наоборот. Ребекка попыталась отступить, но дети сжимали кольцо.

Охотники. Теперь она поняла. Это у них не впервые. Дети теснили ее к провалу. «Преследуют только хромых и отставших». Интересно, череп хейдла тоже дело их рук?

Ее прижали к самому краю.

— Прыгай.

— Нет.

Мимо головы просвистел молоток. Кто-то бросился на нее сзади и толкнул, слабо, по-детски. Ребекка стояла уже на самом краю. Ей удалось сохранить равновесие, и она направила луч на детей, рассчитывая ослепить их. Бесполезно. Тогда она перехватила фонарь, как дубинку, и принялась размахивать. Осторожно, потому что не хотела никого поранить. Они всего лишь дети.

Внезапно дети отступили. Потом, не произнеся ни слова, растворились в полутьме. Ребекка оглянулась. Даже узнав вынырнувшего из темноты Клеменса, она не смогла удержаться и испуганно вскрикнула. В луче фонаря его лицо еще больше напоминало лицо призрака.

Он увел ее от края выступа.

— Присядьте.

— Что они делают? — Ее все еще била дрожь.

Клеменс все время прикасался к ней. Пригладил волосы.

Поправил блузку. Привел в порядок, и она снова стала красивой. Его пальцы летали над ней, словно мухи.

Закончив, Клеменс сел перед ней на корточки.

— Пистолет, — сказал он. — Почему вы им не воспользовались?

Только теперь Ребекка вспомнила о пристегнутой к бедру кобуре. Пистолет Джейка.

— Он не заряжен.

— Тогда зачем он вам?

— Я все равно не стала бы стрелять.
— Дети собирались вас убить, — сказал Клеменс.
— Нет.
— Да.
— Что с ними? — прошептала Ребекка.
— Вы стали для них угрозой.
— Я пошла прогуляться.

Он смотрел на нее немигающим взглядом амфибии.

— Почему сюда?
— Тропинка привела. Мне хотелось побыть в одиночестве.
— Вы не искали одного из своих солдат?
— Что вы имеете в виду?

Он мог бы просто сказать. Но пришла пора преподать урок. Клеменс подошел к краю выступа.

— Идите сюда.
Ребекке пришлось опереться на его руку.
— Да?
— Фонарь. Посветите вниз.

На дне, куда пытались столкнуть ее, лежал мужчина.

Одна нога у него отсутствовала. Догадаться было нетрудно — с учетом того, что уже она знала и предполагала самое худшее. Дети заманили его сюда и столкнули. А Ребекка спугнула их, когда они разделявали добычу.

— Вы не знали, что он тут?
— Я даже понятия не имела, что он пропал.
— Вот об этом я вам все время твержу, Ребекка. Мы не в Канзасе. Под землей все иначе.

Ребекка отвернулась.

— Теперь главный вопрос: что со всем этим делать? — сказал Клеменс. — Убийство. Каннибализм. И нападение на вас, командующего армией. Совершенно очевидно, что виноват весь город. Они должны быть наказаны. Другого эти люди не поймут. Дети должны ответить за преступление, и их родители тоже.

— Наказаны?
Голова у нее кружилась. Ребекке хотелось лечь.
— Неприятно, но я знаю, как это сделать.
— Детей?

— Не жалейте их, Ребекка. Посмотрите, что сделали эти ангелочки. И до вас чуть не добрались. Вы в шоке. Оставьте это дело мне.

Так просто переложить ответственность на Клеменса. А что потом?

Она собрала армию под знаменем пролитой крови мужа и похищенного ребенка, и если эта армия хоть на мгновение выскользнет из ее рук, все пойдет прахом — Ребекка это чувствовала.

Ее единственная надежда — и надежда Сэм — состоит в том, что власть останется у нее.

Ребекка отбросила его руку.

— Наказания не будет.

— Это ошибка, Ребекка.

— Мы не станем ничего делать.

— В наказании нуждается не только город. Если мы спустим дело на тормозах, любой шакал, отсюда до Тревиса, будет считать нас своей добычей. Мы должны отправить послание, которое услышат везде. Посмей тронуть нас, и тебе не поздоровится. Мы будем в безопасности, только когда все начнут разбегаться при нашем приближении.

Ребекку это не беспокоило. Единственное, что важно, — Сэм.

— Мы не станем ничего делать, — повторила она. — И люди не должны знать. Иначе они отомстят местным. Бессмысленно. Колонисты нам не враги.

— Враги, Ребекка.

— Утром мы уйдем отсюда.

— А он? — Клеменс указал вниз, на тело. — Что произойдет утром, когда станет известно о его пропаже?

— В такой неразберихе? — усмехнулась Ребекка. — Люди снуют туда-сюда, как муравьи. Никто не знает, где другие и не ушли ли они.

— Значит, просто забудем про него? Человек умер ради вашего дела.

— Вы знаете, как его зовут?

— Нет.

— Значит, забывать нечего?

Она самой себе удивлялась.

На лице Клеменса появилось что-то вроде улыбки. Он одобрительно кивнул.

— Я спускаюсь, — сказала Ребекка.

Пока она шла по тропинке, Клеменс следил за осыпью, чтобы удостовериться, что дети ушли. В городе пирушка затянулась на всю ночь.

Несмотря на усталость, Ребекка не могла оставаться наедине со своими мыслями и поэтому присела на груды камней и стала смотреть, как мужчины танцуют, кричат и поют. Час за часом они подходили к ней с подарками: матрасами, чтобы ей удобнее было сидеть, одеялами, чтобы согреть ее, едой, напитками, фотографиями детей, автомобилями или

мотоциклов, клятвами в вечной верности. Один пьяный даже встал на колени.

Городских детей нигде не было видно. Вскоре ушли и взрослые, перешептываясь и бросая испуганные взгляды на Ребекку. Буровая установка умолкла.

Утром Ребекка увела армию из опустевшего города.

И только через несколько дней она задалась вопросом, что делал Клеменс на холме, когда спас ее.

ДОКУМЕНТЫ

СПРАВОЧНИК «СОЛДАТА НОЧИ»

Второй батальон, пятая бригада морской пехоты

Действия в темноте, часть четвертая

11. ДЕФЕКАЦИЯ

Процедура

Выберите низкое место с мягким грунтом и плотным напочвенным покровом. Положите туалетную бумагу в карман куртки. Держите оружие и амуницию на расстоянии вытянутой руки. Выкопайте ямку. Станьте над ямкой и присядьте на корточки, спустив брюки. Бросьте использованную туалетную бумагу в ямку. Засыпьте ямку землей. Верните на место напочвенный покров с целью маскировки. Вымойте руки.

Методы

— Экскременты являются отражением рациона. Экскременты американцев пахнут не так, как экскременты врага. Минимизируйте запах, немедленно закапывая экскременты.

— Используйте противодиарейные средства, чтобы избежать дефекации. Этот метод НЕ рекомендуется врачами, но может использоваться при проведении некоторых операций.

— Выносите экскременты из зоны боевых действий в пластиковых пакетах. Некоторые операции могут потребовать этого метода для обеспечения скрытности.

Первая неделя января

Направив лодку перпендикулярно берегу, Али обернулась и подняла фонарь. Она надеялась увидеть исчезающий вдали берег, но там не было даже намека на землю. От этой всеохватывающей тьмы перехватило дыхание.

Грегорио соорудил караван из трех плотов, соединив их цепочкой. Два последних были нагружены топливом и продуктами. Обход деревень в поисках необходимого отнимал время — но в то же время дарил. Теперь они могли сами продержаться несколько месяцев, накормить детей — если посчастливится их найти — и переправить через озеро в Порт-Дилан.

Час за часом нос лодки разрезал черную воду. Али погрузилась в свои мысли. Несмотря на карту НАСА и легенды о громадности Императорского озера, никто не знал его истинных размеров. До противоположного берега может быть день пути, а может и несколько недель. Конечно, лучше двигаться вдоль берега. Но нельзя же собственную безопасность ставить выше спасения детей. Поэтому они выбрали кратчайший путь, или диретиссима, как выражался Грегорио.

Разумеется, Грегорио не признавался, что боится. Страх проявлялся в его постоянной бдительности. Не успев отложить ночной бинокль, он снова брал прибор и вглядывался в темноту. Его красивые глаза помрачнели. Будь плот побольше, Грегорио мерил бы его шагами. А так просто водил пальцами по резиновому корпусу. Получался звук, похожий на писк мыши, — миля за милей.

Чем дальше они отплывали от берега, тем сильнее напоминал о себе давний страх перед морем. Али старалась держаться в самом центре «Зодиака», подальше от воды. И без рассказов капитана о морском змее ее воображение рисовало разнообразных существ, кишущих в глубинах озера.

И еще звуки. Такое впечатление, что вода шепчет ей. Как будто там Мэгги.

«Мама», — слышала Али.

Они очищали воду для питья, которую набирали в озере. Али не любила наклоняться за борт с бутылкой. Когда-то ей довелось заглянуть в безжизненные глаза дочери — они были такими же бездонными, как озеро.

Грегорио измерял пройденное расстояние галлонами топлива.

Али — минутами.

Ей казалось, что она не может вдохнуть полной грудью. Темнота давила на нее. Али пыталась не поддаваться мрачному настроению.

На второй день она увидела горб какого-то ужасного чудовища, скользившего под поверхностью воды. Грегорио утверждал, что это игра воображения.

— Александра. — Ее имя так красиво звучало в его устах. — Тут ничего нет, кроме волн.

Чуть позже Али осветила еще одну черную шелковистую выпуклость.

— А это ты как назовешь?

— А! — Он наклонился и погладил воду. — Моя малышка Несси.

Али удивленно уставилась на него.

— Ты начиталась триллеров, — сказал Грегорио.

Шутка. Легким чтивом для нее была «Лингвистика».

— В таком изолированном месте просто не может существовать что-то большое. Забудь сказки колонистов. Они противоречат законам эволюции. Животные, изолированные в озерах и на островах, превращаются в карликов. Все дело в недостатке пищи. Вспомни о хоббитах с острова Флорес в Индонезии. Карликовые люди охотились на карликовых слонов.

— Карлики, говоришь, — покачала головой Али. — Вроде комодских драконов на Яве.

— Исключения всегда бывают.

— Как тут.

Она повела лучом фонаря влево, осветив очередную выпуклость, на мгновение поднявшуюся над водой.

Сдав вахту по управлению караваном плотов, Али спала. Сны были яркими. И цветными.

Однажды она проснулась, словно от толчка. Потом увидела в руке Грегорио пистолет. А еще он заглушил мотор.

— Что? — спросила Али.

— Тихо.

Секунду спустя что-то скользнуло поперек дна лодки. Сквозь резину Али ощущала огромный вес и силу этого существа. Она оказалась права, но чувство удовлетворения заглушил внезапный позыв в туалет.

Они покачивались на волнах. Али молчала. Тишина оставалась их единственным убежищем.

Грегорио протянул ей фонарь. Возможно, разумнее сидеть в темноте. Но они должны видеть.

Шли минуты. Озеро будто вздохнуло.

Али провела лучом по черному зеркалу воды. Там, куда почти не доставал свет, поверхность озера приподнялась на несколько дюймов. Появилось нечто похожее на обтекатель самолета. Послышалось слабое шипение.

У самой щеки Али появился пистолет.

«Не надо, — подумала она. — Не зли его».

Оно слишком велико и слишком далеко. Если Грегорио попадет в цель или даже убьет монстра, столкновения не избежать.

Спорить времени не было.

Гребень волны стремительно приближался.

Грегорио оперся на ее плечо, и Али почувствовала, как напряглись его мышцы. Выстрел оглушит ее.

Внезапно поверхность озера вновь стала гладкой.

Выпуклость погрузилась под воду. Существо проплыло под ними, задев дно лодки. Али почувствовала его ногами. Тело чудовища с шипящим звуком скользило по резине.

Али посмотрела на Грегорио.

— Слава богу, что ты не выстрелил, — шепнула она.

— Я пытался. — Он раздраженно вертел пистолет в руке. — Не вышло. Как заставить его выстрелить?

— Ты не умеешь стрелять?

— Конечно умею. — Он прицелился в воду, чтобы доказать это. На предплечье выступили жилы — впечатляющее зрелище. Ничего не произошло.

Али забыла об озере. Детали. Дьявол — или их спасение — в деталях.

— С предохранителя снял?

— Да, предохранитель, — пробормотал Грегорио, ощупывая рукоятку и ствол.

Али смотрела на него с растущим изумлением. Все эти дни ее защитник так уверенно орудовал пистолетом. А теперь, когда они столкнулись с настоящим морским чудовищем, каким-нибудь потомком динозавров, когда им действительно понадобилось оружие, Али поняла, насколько важным было присутствие оружия.

— Может, заело?

— Заело?

Грегорио был беспомощен. Им угрожает смертельная опасность, а пистолет неисправен. Это привело ее в ужас. Внезапно она увидела их как бы издалека: двое ничтожных людишек плывут по морю в утлой скорлупке, хвастаясь недействующим оружием и делая вид, что они хозяева своей

судьбы. Али рассмеялась. Потом умолкла.

— Пистолет заряжен, Грегорио?

Он молча смотрел на нее.

У Али начался приступ икоты.

— Смеешься?

— Не над тобой.

— Нет? Тогда расскажи.

— Просто... не важно... твой пистолет...

— Я слушаю, Александра.

Его обиженное лицо, его сдержанность, его благородство... Она никак не могла справиться с икотой.

— Сотрудницы института называли тебя Эль Сидом. [\[24\]](#)

— Продолжай, Александра.

— Понимаешь, я просто подумала...

— Да?

— Ну, пистолет, который не стреляет. Сражение с ветряными мельницами.

Он вытянул шею.

— Я?

— Перестань, а то описаюсь.

— Это, — он указал на воду, — не ветряная мельница.

— Грегорио, пожалуйста...

Атака была неожиданной.

Нос лодки поднялся над водой.

Грегорио споткнулся и налетел на Али. Фонарь выпал из ее рук. Их маленький мир погрузился во тьму.

Корпус лодки с громким шлепком опустился на воду.

Удары сердца громом отдавались в ушах. Тишина — ночь — озеро. Али чувствовала себя проглоченной заживо.

— Фонарь, — прошептал Грегорио. — Где фонарь?

Они принялись шарить руками по дну. Столкнулись головами. Лодка слегка покачивалась.

— Нашла.

— Быстрее!

Она лихорадочно дергала выключатель. Ничего. Потрясла фонарь. Ничего. Отвинтила крышку в торце, вытряхнула в ладонь батарейки, вытерла о рубашку и вставила назад. Фонарь заработал.

Бледный Грегорио сидел среди разбросанных сумок и веревочных колец. Вокруг плясали тени — черные и белые. На дне плескалась вода.

Пистолет исчез. Али направила луч на воду. Позади покачивались два плота.

— Посвети, — сказал Грегорио.

Шептать бессмысленно. Все равно на поверхности озера не спрячешься. Чудовище вернется за ними.

Али направила луч на руки Грегорио, не понимая, чем он занят. Ночь навалилась ей на плечи. Голодная ночь. Грегорио продолжал рыться в вещах.

— Что ты ищешь?

— Вот это.

Из сумки вынырнула его рука, сжимавшая в кулаке носок.

— Носок?

Зажав предмет коленями, Грегорио осторожно снял носок. Под ним оказался металлический оранжевый шар, похожий на апельсин. Маленький, как Клементин.

— Ручная граната.

Страх снова отступил. Али переводила взгляд с гранаты на довольное лицо Грегорио. Сначала пистолет, который не стреляет, теперь граната. Уже лучше. Грегорио раскрыл армейский нож.

— Держи. — Грегорио протянул ей гранату. Она весила не больше, чем клементин.

Что это за звук: неужели опять шипение воды?

«Не смотри».

— Грегорио?

Он перерезал веревки. Одна из лодок начала удаляться, а за ней и другая.

— Выключи свет.

Мир погрузился во тьму.

Али услышала, как вода мягко расступается. Затем что-то лопнуло. Канистры с громким стуком ударились друг о друга. Потом все стихло.

— Свет! — скомандовал Грегорио.

Второй плот исчез. На поверхности воды плавало несколько узлов и канистр. Грегорио взял у Али фонарь и бросил в третий плот. Отвлекает, поняла она. Фонарь отскочил от корпуса и упал в воду.

Их снова окружила тьма.

Послышался плеск воды — на некотором расстоянии. Али принялась нащупывать болтавшиеся на шее очки ночного видения. Вообще-то она их не любила. Теперь — другое дело. Мир стал зеленым.

На них двигалась стена воды. Али посмотрела на Грегорио.

Он стоял на коленях на дне лодки — невидящие глаза распахнуты, рот приоткрыт. Голова поворачивается из стороны в сторону в попытке уловить звук. В кулаке зажата граната.

С громким хлопком лопнул третий надувной плот. Повернувшись, Али успела увидеть соскальзывающие в воду канистры и продукты. Сдувшийся плот дергался, словно смертельно раненный зверь. Вода вспучилась, и показавшаяся над поверхностью озера спина изогнулась. Теперь их очередь.

Грегорио подвинулся. Али смотрела на него, ожидая, что он размахнется и швырнет гранату как можно дальше. Но движение оказалось слабым и робким — так бросают монетку в фонтан.

— Ничего себе! — выдохнула она.

Гребень черно-зеленой волны приближался. Али представляла, как граната уходит все глубже и глубже. Грегорио лишил их последнего шанса.

Там, на солнечном свету, где можно измерить свою тень и видеть порядок вещей, Али всегда думала, что встретит смерть с улыбкой. Она всегда жила полной жизнью — не обязательно счастливой, но наполненной чувствами. Спустилась в земные недра и выбралась наверх, на зеленую землю, потом родила ребенка. Ее сердце вмещало столько любви, сколько она могла выдержать. И Али была благодарна судьбе.

Но своим возвращением в преисподнюю она умудрилась испортить финал.

«Зачем?»

Там, наверху, достаточно открыть глаза, чтобы понять, где ты. Здесь каждую секунду ты чувствуешь себя потерянным, пытаешься рассеять тьму узким лучом света, сражаясь с ночными кошмарами, подвергаясь насилию.

Интересно, ее затащат под воду целиком или разорвут на куски? Зубами или щупальцами? Что-то схватило ее за руку. Грегорио. Она стиснула его ладонь.

Граната взорвалась.

Не было ни фонтана воды, ни гигантской ряби, ни звуковой волны. Озеро тихо вздохнуло, словно от удивления. Лодка вздрогнула.

Вздутие черной воды исчезло.

Из глубины поднялись несколько пузырей, и черно-зеленая поверхность озера снова застыла. От воды шел резкий рыбный запах.

— Ты его убил? — спросила Али.

— Не знаю.

Он высоко поднял голову, ничего не видя.

Али нашла в сумке фонарь и зажгла. Грегорио заморгал. Она сдернула

очки. Оба вглядывались в воду.

Прошла минута, потом пять.

Али повела лучом из стороны в сторону. Из глубины поднималось что-то белое, похожее на желе или воск. Бесформенная масса всплывала бесшумно, словно призрак.

Чем ближе к поверхности, тем больше она становилась. Грегорио попытался завести мотор, но тот был залит водой. Тогда он стал грести. Им удалось отплыть в сторону, чтобы избежать столкновения с желеобразной массой.

— Это желудок или легкие. — Грегорио провел ребром ладони по горлу. — Монстр отправился к праотцам.

Затем озеро начало извергать из себя других мертвых тварей, больших и маленьких, убитых взрывной волной гранаты. Они блестели, словно разбитые бутылки, — зеленые, белые, розовые, но в большинстве своем бесцветные. Среди них попадались рыбы с прозрачной чешуей и угри размером с питона. И все вооружены — ядовитым шипом, клешнями или рядами острых зубов.

Плавающая на глубине десяти футов белая желеобразная масса, казалось, была готова поглотить весь «обед», включая Али и Грегорио. Но до поры до времени призрачная субстанция держалась на расстоянии, и этот мертвый зверинец был неотразим — по крайней мере для Грегорио.

— Какое великолепие!

С детской радостью он стал вылавливать ближайшие к плоту тела и вытаскивать из воды.

— Только посмотри на это. — Грегорио поднял покрытое слизью змеевидное тело. — Миксина. Очень примитивная. У нее нет челюстной кости. Видишь ее зубы? Боже, а это трилобит.

Он вытащил из воды животное размером с ладонь. Пластинчатый панцирь отливал малиновым цветом.

— В выходные отец часто брал меня с собой на охоту за окаменелостями. Его страстью были трилобиты. Мы находили их в угольных бассейнах в таких странах, как Босния и Польша.

Грегорио перевернул трилобита и понюхал желтоватое брюхо. Взрыв лишь оглушил животное. Усики и десяток ног зашевелились. Опустив трилобита на дно, Грегорио похлопал по панцирю.

Он веселился. Им удалось выжить.

Али отодвинула ноги от трилобита.

— Обед, — сказал Грегорио. — Отец, — он перекрестился, — всегда интересовался, какие они на вкус. Сегодня я это выясню.

— Никакой пищи из озера, — напомнила Али.

— Думаю, Александра, табу больше не действуют. — Грегорио махнул рукой в сторону мусора, оставшегося от уничтоженных плотов. — Большая часть наших припасов теперь на дне. Капитан был прав. Озеро нас накормит.

— Поворачиваем назад, — сказала Али.

Это ее вина. Настояв на кратчайшем маршруте, она чуть не убила их.

— Но почему?

— Неизвестно, далеко ли до берега. Мы проплыли сколько могли. И нам повезет, если мы вернемся туда, откуда начали.

— Вера, — сказал он. — Кажется, ты произносила это слово. Послушай, ведь мы убили дракона — не ветряную мельницу — и нашли еду для моего умершего отца. А еще достигли берега.

Али оглянулась.

— Какого берега, Грегорио?

Рассмеявшись, он перегнулся через борт и достал из воды мертвую лягушку.

— Вот наш лоцман. Кермит^[25] — земноводное.

Грегорио ждал, пока до нее дойдет. Земноводное. Обитатель земли и воды. «Земля».

— Далеко еще? — спросила она.

— Спроси братьев и сестер Кермита.

И тут как по заказу где-то вдали ожил лягушачий хор. Грегорио даже не стал заводить мотор. Просто взял весло и начал грести. Через десять минут они достигли берега, где их ждал алеф.

ДОКУМЕНТЫ

«Ю-ЭС-ЭЙ ТУДЭЙ»

Столкновение китайских и американских военных кораблей

8 января. Гонконг. Два китайских военных корабля столкнулись с двумя американскими судами в водах, которые Китайская Народная Республика считает своими. Инцидент еще больше усиливает напряженность между двумя державами, и «китайская олимпийская весна» дружеских отношений, похоже, закончилась.

Столкновение судов произошло в Японском море, вблизи Корейского полуострова. Американский эсминец «Кэрон» и крейсер «Йорктаун» выполняли задачи за пределами двадцатипятимильной зоны, установленное Народной Республикой Корея. Преградившие им путь китайский фрегат и эсминец потребовали покинуть данный район. По свидетельству пресс-секретаря флота, китайские суда затем «оттеснили» американские корабли, допустив легкие столкновения. Огонь с обеих сторон не открывался, но китайские военные корабли направили орудия и ракеты на американцев, а также осветили мостик «Йорктауна». Американские корабли в конечном итоге покинули данный район.

«Это грубое нарушение международных соглашений, — заявил министр обороны Мэтью Ли — Китай затеял очень опасную игру, и мы призываем его руководство воздержаться от эскалации агрессивных действий».

Это последний из целой череды инцидентов, последовавших за бойней в Зеленой пустыне и выбросом китайской субмарины на побережье Калифорнии.

«Риторика приближается к точке кипения, — прокомментировал Джеффри Блокуит из Брукингского института. — Похоже, две державы близки к войне».

ДИАЛОГИ С АНГЕЛОМ, НОМЕР 8

Верный своему слову, ангел навещает заживо погребенного ученика. Он сидит рядом с аккуратной грудой камней и отправляет в рот, словно виноград, бесцветную саранчу, рассуждая на разные темы.

Внутри гробницы, превращенной в келью для медитации, единственной мерой времени ученику служит лежащий рядом труп. Личинки оживляют его, приводя в движение руки, ноги, лицо и живот. Мертвец все время дергается, поворачивается, строит гримасы.

— Бушменам племени сан из пустыни Калахари в среднем требуется четыре дня, чтобы убить жирафа, — рассказывает ангел ученику. — Стрелами им служат обычные ветки. Луки просто смехотворны. А жираф — могучий гигант. В чем же тут секрет? Яд. Бушмены издавна используют биологическое оружие. У них целый арсенал ядов.

Вот рецепт яда для жирафа. В определенные месяцы определенных лет собираются личинки жуков диамфидий, живущие в песке среди корней кустов определенного вида. Личинки требуют крайне осторожного обращения. Яд содержится в грудном отделе личинки, которая измельчается и смешивается с древесным соком. Смесь наносят на стрелу около наконечника. Сам наконечник никогда не покрывают ядом, потому что если охотник поцарапает сам себя, то умрет в течение сорока восьми часов. Как ты думаешь, — говорит ангел, — люди сами научились этому сложному искусству?

— Нет, Повелитель, — шепчет ученик.

Он цепляется за голос наставника, как за спасательный трос.

— Миллионы лет, — продолжает ангел, — шелковичный червь оборачивал себя нитью длиной в полмили. И вот в один прекрасный день китайский крестьянин догадался размотать эту нить с помощью процесса еще более сложного, чем изготовление яда бушменами. Скажи мне, каким образом неотесанному мужлану в голову пришла мысль взять нить, такую тонкую, что ее может унести ветер, и соткать из нее платок для императора? Тебе не кажется, что такое могло произойти только во сне? Именно так, как я планировал, во сне китайского крестьянина.

Ученик задыхается от выделяемых трупом газов.

Ангел продолжает рассуждать.

— Герр Моцарт, мой безумный менестрель, за месяц писал столько музыки, что хватило бы на целую жизнь, — и так все время. К концу жизни он буквально сочинял во сне, а его рука заполняла страницу за страницей с такой скоростью, с какой только человек может писать. Это были божественные страницы, не нуждавшиеся в правке — на них нет ни единой пометки. Совершенная музыка. Скажи мне, мог ли он совершить все это один? (И как ты думаешь, кто заказал ему «Реквием»?)

— Повелитель.

Борода трупа дрожит под весом червей. Словно мертвец смеется. Ученик изо всех сил борется с безумием.

— А как насчет Бетховена и всех этих гигантских симфоний, которые вышли из-под его пера, когда он оглох? Представляешь, глухой? Я дам тебе подсказку. Как ты думаешь, кто был его «возлюбленным»?

Губы ученика потрескались от жажды. Желудок пуст. Кусочек мяса помог бы ему. Мяса, наполовину съеденного червями. Но нужно поститься.

— А Ван Гог? — не унимается ангел. — Его называют сумасшедшим. Нет. Он прислушивался ко мне или, по крайней мере, к моим вестникам. Ты слышал о Джонасе Солке, создателе вакцины против полиомиелита? Озарение пришло к нему во сне. Гомер был слепым и больным гемофилией. Никогда не покидал родительский дом, не говоря уже о военных походах. Я наполнил его поэзией. Моисей. Авраам. Иисус. Мохаммед. Все слышали голоса. Мои голоса. Бхагавадгита. «Ад». Книга Псалмов. Число «пи». Теория относительности.

— «Майн кампф», — бормочет ученик. — Красная книга. Сталин. Пол Пот. — Он шепчет имена этих и других злодеев.

— Нет, — отвечает ангел. У него острый слух. — Эти принадлежат вам. Мой завет основан на красоте.

Рот трупа внезапно открывается, и из него сыплются черви. Красота?

— Теллер. Менгеле. Макнамара, — говорит ученик. Исчадия ада.

— Кстати, о Вьетнаме. Знаешь, где я провел ту войну? — спрашивает ангел.

Ученик умолкает.

— В одном из ночных клубов Нью-Йорка. Правда. «Половинная нота». Это было весной тысяча девятьсот шестьдесят пятого. Джон Колтрейн выжимал все, что только мог, из своего джаз-квартета. Ты не мог их не слышать — самая страстная музыка, которую только знал человек.

Колтрейн играл как одержимый. Он и был одержим. Мной.

— Невозможно.

— Почему?

— Потому что ты здесь. Заперт. Как и я.

— Разумеется, лично я там не присутствовал. Назовем меня соглядатаем, но с одной разницей: я двигал цивилизацию. Когда она получала толчок, я был там. Именно я дал вам барабаны, чтобы отмечать время. Я соединил звезды в созвездия, чтобы вы могли найти путь. Я дал вам собак, которые стали вашими слугами. Я избавил от страха перед огнем и позволил победить ночь. У меня тысячи имен. Одно из них — Прометей. Я отец всех ваших чудес.

Ученик вдруг начинает царапать камни. Ему нет дела до джаза или барабанов. Ему нет дела до Гомера, шелка или бушменов.

— Освободи меня! — кричит он.

В ответ тишина.

Наконец раздается голос ангела.

— Я, — повторяет он.

Ученик прислушивается, надеясь уловить звук убираемых от его склепа камней. Но слышит удаляющиеся шаги.

ДОКУМЕНТЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРИБУНАЛ ПО ВОЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Военные преступления Соединенных Штатов против Китая

Обвиняются:

Члены предыдущей администрации США и генералы; военнослужащие морского спецназа США, участвовавшие в инциденте...

В следующем:

Преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности и другие преступные действия, а также государственные преступления в нарушение Международного договора о субтерре и законов, принятых в его исполнение.

Данные обвинения были подготовлены по требованию Китайской Народной Республики после убийства семидесяти девяти китайских граждан военнослужащими США в тихоокеанском секторе субтерры, в так называемой Зеленой пустыне...

Содержание обвинений.

1. Соединенные Штаты сознательно и намеренно нарушили Международный договор о субтерре, запрещающий всем государствам военное присутствие и военные действия в субтерре.

2. Президент приказал армии США вторгнуться в субтерру силами небольших отрядов специального назначения, что привело к гибели семидесяти девяти китайских граждан в Зеленой пустыне.

7. Соединенные Штаты применили запрещенные виды оружия, что привело к смерти и неоправданным страданиям как военных, так и гражданских лиц.

10. Президент препятствовал отправлению правосудия и противодействовал ООН с целью захвата власти и совершения преступлений против мира и военных преступлений.

11. Президент узурпировал конституционное право Конгресса с целью захвата власти и совершения преступлений против мира, военных и других

тяжких преступлений.

Двадцать третий день под землей

Армия Ребекки подошла к примитивному пешеходному мосту. Изготовленный из неэластичной перлоновой веревки, которой пользуются спелеологи, он протянулся над расщелиной шириной около тридцати футов. Табличка перед мостом гласила:

ПЛАТНЫЙ МОСТ БИФРОСТ^[26]
\$10 °С ЧЕЛОВЕКА
В НАРУШИТЕЛЕЙ СТРЕЛЯЕМ БЕЗ ШУТОК

Хантер приказал остановиться. Ребекка вышла вперед. Клеменс последовал за ней.

На противоположной стороне она увидела странные трущобы. Алюминиевые лестницы вели к отверстиям, усеивавшим стену пещеры, словно соты. Каждое отверстие закрывалось дверью. Между собой жилища соединялись веревочными лестницами. На горизонтальном шнуре висели бесформенные флаги, похожие на выстиранное белье. С противоположной стороны расщелины поселок выглядел безлюдным.

— Эти парни делают деньги, — сказал Хантер Ребекке, разглядывая деревню в бинокль. — Я насчитал пять винтовок, торчащих их укрытий. Значит, их там как минимум в два раза больше. Они полностью контролируют переправу. Спасибо нашей так называемой разведке.

Клеменс — их «так называемая разведка» — стоял слева от Ребекки.

— Это сюрприз, — пробормотал он.

— Не уверен, что мы переживем еще какие-нибудь сюрпризы, — буркнул Хантер. — Вчера пришлось иметь дело с соляными колоннами, о которых вы не помните. Позавчера был водопад, который вы никогда не видели. Я начинаю сомневаться, что вы вообще проходили этой дорогой.

Уродство Клеменса и странные манеры превратили его в козла отпущения для большинства участников экспедиции. Ребекка уже слышала несколько прозвищ: Головастик, Король Прокаженных, Одно Яйцо — и другие, более грубые. Он не реагировал. С улыбкой, больше похожей на шрам, Клеменс как будто радовался оскорблениям.

— Все меняется, — ответил он.

— Послушайте, Клеменс, я знаю, что вы хотите вернуться.

— То есть?

— Приспособиться. Ассимилироваться. Воссоединиться с человеческой расой.

— На что-то намекаете? — спросил Клеменс.

— Да. Это спасательная операция, а не сеанс психотерапии. Погружение в ваши кошмары нам не поможет. И я не понимаю, чем это поможет вам.

Клеменс посмотрел на Ребекку.

— Я уволен?

Один раз он уже спас ей жизнь, и Ребекка была ему благодарна. Но ситуация тревожила ее. Они доверились жестоко покалеченной жертве. Его воспоминания служили им компасом. И если этот компас сломан, они должны знать.

— Как переправлялась ваша съемочная группа? — спросила Ребекка, решив пока проигнорировать его вопрос.

Меньше всего ей нужны дополнительные сложности.

После Города Электричества, где кончалась железная дорога, они пошли пешком. Вероятно, половина армии ожидала, что война сама придет к ним. Всего за четыре дня почти пятьсот человек повернули назад и отправились домой. Расщелина и мост увеличат число дезертиров. Даже теперь люди выстроились вдоль края пропасти, бросали камни в непроглядную тьму внизу, освещали фонариками жалкое подобие моста и качали головой. Чем дольше они топтались на месте, тем слабее становились.

— В десяти часах пути в ту сторону, — махнул рукой Клеменс, — есть цепь, оставшаяся с давних пор. Я отправил к ней одного из скалолазов с веревкой, и мы организовали траверс. Переправа заняла два дня. Мы потеряли одного человека. А потом еще два дня возвращались вдоль противоположного края к тому месту, где теперь пристроилась эта милая деревушка.

— У нас нет лишней недели, — сказала Ребекка. — Переправляемся здесь. Сегодня.

— Мы у них в руках, — возразил Хантер. — Даже если у нас хватит денег заплатить, то мы лишь разожжем аппетиты других разбойников на этой дороге.

— Немного пострелять, — предложил Клеменс. — Напомнить им о страхе Божьем. Да и люди попрактикуются.

До сих пор они еще не сделали ни единого выстрела. За исключением

нескольких случаев «помрачения», когда люди разнесли на куски какие-то камни, открыв пальбу, оружие оставалось в основном атрибутом настоящего мужчины. Никто даже не прострелил себе ногу.

— Мы можем их нейтрализовать, — сказал Хантер. — Возможно, всех. Огневой мощи у нас хватит. Но я даю руку на отсечение, что нам приготовили ловушку. Если веревку перережут и мост рухнет вниз, все равно придется идти к той цепи. Если она существует.

Ребекка направилась к мосту.

— Куда вы собрались?

Хантер бросился вдогонку.

— Вести переговоры, — ответила она. — Их веревка и труд кое-чего стоят. Наше время тоже. Мы сторгуемся о справедливой цене.

— Послушайте...

Она не остановилась. Хантер схватил ее за руку.

— Ребекка...

Таким тоном он с ней никогда не говорил.

Боже, подумала Ребекка. Влюбился.

— Оставайтесь с людьми. И уберите руки, мистер Хантер.

Он разжал пальцы, и Ребекка ступила на мост.

Первые несколько шагов она любовалась собой. Потом мост стал плавно раскачиваться. Тот факт, что ее армия направила лучи фонарей на мост, ничуть не помог. Зажатая между пляшущими лучами и своей тенью, метавшейся на скале на другом краю расщелины, она с трудом справилась с тошнотой.

Мост просел под ее весом, и Ребекка опустилась в расщелину. Вскинув голову, она продолжала свой жалкий спектакль. Хотя вряд ли это вдохновит людей. Наверное, уже начался массовый исход.

На середине пути, когда Ребекка уже начала подниматься, откуда-то из глубины донесся леденящий душу вой.

Что это, черт возьми? Звук испугал ее. Какой-то потусторонний. Тут, под землей, свои правила, к которым относились хейдлы, летучие мыши и насекомые. А также ледники, древние моря и даже дети-каннибалы. Но этот вой?

Мост закачался, и Ребекка схватилась за веревки. Вой смолк.

В ту же секунду она услышала металлические щелчки выстрелов. Оглянувшись, она увидела, что солдаты ее армии лежат на животе на краю расщелины и целятся в пропасть. Вниз полетели осветительные ракеты — море огня напоминало поток лавы. Ракеты падали и падали, но ни одна не достигала дна.

Странный звук повторился. Крепко ухватившись за веревки, Ребекка посмотрела вниз, вправо и влево от своих ног. То, что жило в темном провале ночи, рвалось наружу.

— Ребекка! — крикнул кто-то. — Возвращайтесь.

Назад, а не вперед. Этого она страшилась больше, чем неведомого монстра, который, похоже, все равно не мог до нее достать.

Снизу снова донесся вой, теперь жалобный. Недовольный. Голодный.

Их путь мог закончиться именно тут. Ребекка это отчетливо понимала. Путь Сэм.

Она заставила себя поднять ногу и сделать следующий шаг. Мост раскачивался и подпрыгивал. Еще один шаг, потом еще. Деревня приближалась.

Ребекка сосредоточилась на паутине тропинок и алюминиевых лестниц, на паучьих норах с дверями. И винтовках. Теперь она их ясно видела. Из ниш торчало не меньше десятка стволов. Бандиты, которых можно урезонить. Бандиты, встречи с которыми она ждала. Потому что внизу — воплощение животного голода.

— Не стреляйте! — крикнула Ребекка, с трудом преодолевая последние несколько шагов по мосту.

Сступив на твердую землю, она едва не бросилась бежать, чтобы оказаться как можно дальше от пропасти. Затем обуздаля трясущиеся колени и направилась прямо в деревню.

— Эй! Не стреляйте! Эй!

Ей никто не ответил. Никакого движения, если не считать развевавшихся над головой флагов.

— Пусть кто-нибудь выйдет. Нам нужно поговорить.

Тишина. Ребекка подошла ближе.

Что-то — быстрое и тяжелое — ударило ее в поясницу. Она оказалась прижатой лицом к скале. Потом почувствовала горячее дыхание на шее, услышала тихое позвякивание амуниции. Нападавший бедрами прижал ее ягодицы, и она оказалась распластанной на каменной стене.

Сбоку мелькнули какие-то тени. Красный луч лазерного прицела заплесал у самого носа, затем отодвинулся. Звук шагов по камню. Треск открывающихся дверей.

— Чисто, — слышался чей-то голос.

— Пусто, — отозвался другой.

— Тут ничего.

Горячее дыхание и твердые бедра отодвинулись. Нападавший отпустил ее. Это был Хантер. Его люди хлынули на веревочные дорожки, словно

темная вода.

Ребекка оттолкнула его.

— Я же приказала остаться.

— У вас храбрость льва, но это глупое упрямство, — сказал Хантер. — Не вздумайте повторить что-то подобное.

— Я знала, что делаю. — Ярость и облегчение переполняли ее. По щекам текли слезы, черт бы их побрал. — Переправьте людей. Нам нужно двигаться дальше.

— Не раньше, чем мы тут все проверим. И выясним, что там такое внизу.

Парни из «Зоны высадки» принялись прочесывать деревню.

— Вам понравится.

Подошедший к ним солдат протягивал кусок пластмассовой трубы. Ее конец был покрашен в черный цвет.

— Водопроводная труба? — Хантер взял обрезок в руку. — Это и есть снайперы?

— Так точно, сэр.

— Они остановили целую армию при помощи кусков пластика?

— Ничего личного. Думаю, они отпугивали колонистов.

— Где эти чертовы шутники? — прорычал Хантер.

— Никого нет дома, сэр. Вероятно, ушли в горы.

На противоположной стороне расщелины поблескивали фонари. Ребекка пошла вслед за Хантером по узкой тропе. Наверху солдаты карабкались по веревочным переходам.

— Обыщите это место, — приказал Хантер. — Переверните все вверх дном.

Ботинки застучали по ступеням лестниц.

— Что мы ищем, сэр?

— Если бы я знал. Плюшевых медведей, зубные скобки, плееры, костюмы для Хеллоуина — все, что могло быть у детей в ночь похищения. Тщательнее.

— Вряд ли вы тут что-то найдете, — сказала Ребекка.

— Почему?

— Потому что мистер Беквит нашел куклу Барби в другом туннеле.

Неуловимый Беквит, подумала она. В этом мире резких теней или полного их отсутствия он то появлялся, то пропадал, хотя чаще пропадал. После той вечеринки у губернатора Ребекка видела снайпера всего два раза.

— Тогда почему мы не спускаемся по тому туннелю?

Хантер явно терял терпение.

— Потому что, по утверждению мистера Клеменса, этот путь короче.
На висках Хантера вздулись вены.

— И вы со мной не посоветовались?

— Я руководствовалась интуицией.

— Послушайте, — сказал Хантер, — вы доверились не тем людям. Беквит ни на что не годен. Преисподняя его сломала. Он ничем не лучше Клеменса — еще один призрак оперы. Если бы я захотел, то получил бы солидное вознаграждение за его голову. Он в розыске. Только это не входит в мои обязанности.

— Беквит принес нам куклу, — напомнила Ребекка. — Единственное свидетельство, что дети живы.

— Именно этим я сейчас и занимаюсь. Свидетельствами. Если мы идем не той дорогой, нужно вернуться и найти нужный туннель.

— Мы не можем повернуть.

— Почему?

Она не осмеливалась признаться, но построенный ею карточный домик уже начал рушиться.

— Просто переправьте их сюда.

— Я не собираюсь этого делать, Ребекка. — Хантер понизил голос. — Эти люди здесь чужие. Да и в любом случае они не заслужили неверных догадок и нелогичных рассуждений. Если следов детей не найдется, мы прикрываем аттракцион.

— Я сама их поведу.

Хантер преградил ей путь.

— Нет, Ребекка. При всем уважении, вы перестанете убивать себя и их, вернетесь назад, в свой мир, и попытаетесь справиться с потерей.

Вот он. Мятеж. Конец.

— Прочь с дороги!

— Миссис Колтрейн, я здесь в качестве наблюдателя и советчика, и моя задача — минимизировать ваше влияние и защитить жизни американских граждан. У меня есть полномочия при необходимости ввести военное положение и насильственно эвакуировать...

Ей хотелось зажать уши, зажмуриться, заставить его исчезнуть. Хантер олицетворял Соединенные Штаты Америки. Но не только. Реальный мир, разбивающий мир грез.

— Сэр! — окликнул один из солдат. — Поднимитесь сюда.

Они собрались у бельевой веревки со странными флагами.

— Вы должны на это взглянуть, сэр.

Хантер не пригласил ее, но Ребекка увязалась за ним. Они карабкались

по лестницам мимо дверей, которые вели в маленькие пещеры и узкие норы.

— Что тут у нас? — спросил Хантер.

— Думаю, мы нашли мальчиков.

Ребекка оглянулась.

А девочек?

Солдат указывал на бельевую веревку с флагами. Ребекка нахмурилась. Потом увидела лобковые волосы. Человеческая кожа, шелестящая на ветру.

— Это может быть кто угодно, — сказал Хантер.

— Нет, сэр, точно они, — возразил солдат.

Он держал в руке небольшую брошюру с именами, фотографиями и подробной информацией о каждом из пропавших детей.

Родимое пятно, шрам от операции на колене, татуировка с названием коньков и именем подружки — все свидетельствовало, что это останки мальчиков. Ребекка изо всех сил старалась не выдать облегчения. Судьба девочек пока не ясна. У Сэм еще оставалась надежда.

На каждой коже хейдлы оставили отметины — своеобразная почесть, если верить Клеменсу.

— Это молитвы, — объяснил он. — Всякий раз, когда флаги хлопают, молитвы улетают к небесам.

Ребекка предложила выделить почетный караул, чтобы доставить останки (свернутые, словно ковры) на поверхность. Вызвались больше ста человек. Они все равно ушли бы, а похоронная команда позволила сохранить лицо.

Получив доказательства, Хантер присмирел и удалился к своим товарищам из «Зоны высадки». Клеменс оказался прав. Похитители шли этим путем.

От жителей деревни, бравших плату за проход по мосту, не осталось и следа. Нетрудно догадаться, куда отправили их хейдлы. Пока армия переправлялась по веревочному мосту, доисторическое существо в расщелине продолжало завывать. Ребекке казалось, что оно требует добавки.

ДОКУМЕНТЫ

ПРЕСС-РЕЛИЗ

Препараты интенсивной терапии для субтерры

Компания «Бербаериан медс» выпустила в обращение и продолжает совершенствовать линейку продуктов для неотложной медицинской помощи в условиях субтерры, в частности при отравлении, передозировке (лекарственных препаратов), онкологических заболеваниях, болезнях дыхательных путей, пещерном сепсисе и угрожающих жизни инфекциях. Как правило, эти препараты, позволяющие спасти жизнь пациента, имеют высокую цену и предназначены для специалистов такой быстро развивающейся области, как интенсивная терапия состояний, вызванных воздействием субтерры.

К числу этих препаратов относится Трогфаб™ [Троглобионтный поливалентный иммунный фактор (овечий)].

Трогфаб™ является средством против легкой и средней интоксикации, вызванной троглобионтными видами, обитающими в северной тихоокеанской зоне субтерры, в том числе ямкоголовой змеей, белой змеей, некоторыми видами подземных ракообразных (трилобиты, стеклянные омары и т. д. — см. список), осьминогом Элберта, некоторыми видами земноводных (верблюжьих лягушки, ночные дартеры и т. д. — см. список), ромбовыми скатами, усоногими раками-паразитами, сухопутными медузами (не водными), некоторыми видами пауков (прямоходящий вдовец, корейский тарантул и т. д. — см. список), синими скорпионами и некоторыми видами насекомых (вулканические муравьи, стрекозы Ху, ломкие стрекозы и т. д. — см. список). Трогфаб™ был первым предназначенным для субтерры продуктом на рынке антисывороток к змеиному яду и быстро стал лидером рынка.

По статистике, в субтерре ежегодно регистрируется около 733 000 укусов ядовитых животных, и с ростом населения эта цифра будет тоже расти, что позволяет оценить потенциал рынка в 3,8 миллиарда долларов в год при средней стоимости лечения одного пациента 5000 долларов. Число смертей колеблется от 250 до 900 в год, и этот факт подчеркивает важность своевременного и правильного лечения.

«Берберин медс» была первой компанией, получившей ответ на вопрос, почему у многих видов подземных животных появился один и тот же токсин, или ТТХ (троглодотоксин), который в малых дозах вызывает паралич различной продолжительности (большие дозы приводят к смерти). Обнаружив вырабатывающую ТТХ бактерию в слюнных железах и стрекательных клетках, компания вышла в лидеры рынка антисывороток для субтерры. К препаратам, находящимся в стадии разработки, относятся...

Каждая упаковка препарата Трогфаб™ содержит до 1 грамма общего белка и служащего буфером фосфата натрия. В качестве консерванта при производстве препарата используется желатин. В процессе разбавления концентрата добавляются адипиновая кислота, фумаровая кислота и ароматизаторы. Содержит менее 2 процентов аспартама и красного пищевого красителя. Разведите в 100 мл кипящей воды и добавьте 100 мл холодной воды.

«Мама?»

Али подхватывает Мэгги на руки.

Кружит ее.

Волосы Мэгги щекочут ей щеку.

Мэгги кладет свою маленькую ладошку на руку Али.

Я скучаю по тебе, мама.

Али просыпается.

На ее руке ладонь Грегорио. Над ним висит ночь.

— Я кое-что нашел, — говорит он.

Застонав, Али с трудом поднимается с земли. Она словно пьяная. Недостаток сна и одновременно избыток сновидений. Таких ярких.

С тех пор как они шли по суше — выбрав этот туннель, который спиралью спускался под дно озера, — ее преследовали сновидения. Чаще всего Али видела Мэгги. Но появлялись также родители, ее учитель Дженьюри и другие. Все, кого она любила. Умершие.

Али не рассказывала о своих снах Грегорио. Прежде всего она не любила толкование снов, ставя его в один ряд с гаданием на кофейной гуще и астрологией. Али всегда сомневалась, что Бог говорит загадками. Кроме того, это было давно, когда в ней еще жила вера в Бога.

Али не хотела верить, что заразилась озерной болезнью. Она способна управлять собой. Это самое главное.

В ночи черные волосы Грегорио казались струйками жидкости.

— Сюда!

Он схватил рюкзак Али и повел за собой по разбитой тропе. Минут через десять опустился на колени и приставил фонарь к янтарно-желтому полу.

— Видишь их?

Десяток мертвых хейдлов в натеке калыцита под ее ногами, казалось, готовы встать и вырваться на свободу. Даже женщины выглядели свирепыми — обвисшие груди, растрепанные волосы, глаза альбиносов. У всех женщин отсутствовало несколько пальцев на руках. Али помнила этот обычай еще со времен плена. Умершему всегда отрезали несколько пальцев.

— Вот еще, — сказал Грегорио, и луч фонаря скользнул по гладкой поверхности камня. — Не меньше пятидесяти. И рабы. Люди.

Они пошли вдоль застывших фигур. Это были современные хейдлы — деградировавшие и жалкие. На некоторых сохранились остатки человеческой одежды — Али заметила «галочку» фирмы «Найк». Рабов держали голыми, в металлических ошейниках и кандалах.

— Эпидемия, — сказала Али. Ей еще никогда не приходилось воочию наблюдать за последствиями болезни. — Она распространялась очень быстро.

Они шли вдоль натеков кальцита, время от времени разглядывая жертв эпидемии через каменную линзу.

— Они убегали. От нас, от человеческого вторжения.

Почувствовав струи теплого воздуха, скользящие вдоль гладкой поверхности, Али подняла голову. И вдруг на нее обрушился шепот сотен голосов. Прислушавшись, можно было различить мягкие звуки и щелчки языка хейдлов. Затем ветер стих. Голоса умолкли.

Она посмотрела на Грегорио. Опустив голову, ее спутник внимательно разглядывал тела под ногами и явно не слышал шепот. Али испугалась.

«Неужели только я?»

Ей пришло в голову очередное объяснение. Возможно, у нее просто более тонкий слух. А голоса — это просто ветер, завывающий в далеком лесу из сталактитов и сталагмитов.

Вскоре застывшие в кальците беженцы остались позади. Тропа, извиваясь, шла вниз. Местами она была каменистой, со скользкими натеками кальцита. Древний мост был почти разрушен, и они с трудом прошли по самому его краю.

— Мы правильно идем? — спросил Грегорио.

— Наверное, — ответила Али. Три дня назад они привязали лодку к валуну и спустились в единственный туннель, отмеченный значком «алеф» и скрепленный подписями «АК» и «УМ». — Центр спирали находится там, я уверена.

Грегорио не стал возражать, но это не принесло облегчения. Потому что теперь направление им задавали такие далекие от реальности вещи, как сновидения и голоса, которые она приписывала свисту ветра. «Али в Стране чудес», — подумала Али.

— Еще день, и мы поворачиваем назад.

— Еще три дня, Александра, — поправил он, гордясь своей преданностью. — У нас хватит еды.

Грегорио взвалил на плечи большой рюкзак. В безмолвных туннелях Али слышала, как хрустят его травмированные колени футболиста. С каждым шагом хромота усиливалась, однако Грегорио ни разу не

пожаловался. Шаг за шагом, подумала она, старуха загоняет своего жеребца.

Али хотела, чтобы это все закончилось. Забыть Айка, забыть Мэгги и отдать себя в руки этого мужчины. Еще не поздно начать новую жизнь. Она перешагнула сорокалетний рубеж, но вдруг у нее получится перехитрить судьбу и там, наверху, при свете солнца создать новую семью и стать другим человеком.

Нет, сначала нужно пройти этот путь до конца. Еще три дня. Потом она повернет назад и больше не будет оглядываться.

Тропа сузилась. Мосты становились все более шаткими и опасными. На стенах появились каменные утолщения, напоминающие наросты.

Они устроили привал под длинной, неровной завесой из мха. По прикидкам Грегорио, они спустились примерно на милю ниже озера. Он называл их маршрут квадратной бороздой. Час спустя Али проснулась от судорог в ногах.

— Александра? — Грегорио включил фонарь.

— Мои бедра, — простонала она.

— Молочная кислота, — заключил Грегорио. — Это все от спуска. Ложись на спину. Я тебя помассирую. — Он сделал строгое лицо. — Или умрешь.

Грегорио принялся разминать ей бедра. Спазмы ослабли.

— Можешь остановиться, — сказала Али.

— Еще немного. — Его ладони скользнули выше. — Ты еще напряжена.

Возможно, но боль прошла. Наоборот.

— Грегорио...

У нее не было сил сопротивляться ему.

— Не проблема. Чуть-чуть экзорцизма, и все. Я отгоняю злых духов.

— Прекрати, — сказала Али.

Он остановился. И ногу тут же свело судорогой. Грегорио возобновил массаж.

Ему невдомек, как сильно ее тело желало его. Она почувствовала исходящий от него мускусный запах.

— Подожди!

Не то чтобы ей нужны вино и розы или даже горячая ванна. Десять лет назад они с Айком довольствовались темнотой. Али забеременела в вечной ночи этих туннелей.

— Скажи, чего ты хочешь? — произнес Грегорио.

Главный вопрос. Чего она хочет? Любви, разумеется. И еще ребенка,

если это возможно. От него. Только зачатого не в преисподней.

Достаточно было промолчать. Весь путь обратно они могли бы познавать тела друг друга. Одержать победу над тьмой.

Али села.

— Скоро, — сказала она. Не когда-нибудь. Скоро. — Я обещаю.

На пятое утро, после того как они покинули берег озера, узкая тропка исчезла. Туннель разветвлялся, а правый и левый проходы снова раздваивались. Никаких знаков не обнаружилось, и Али поймала себя на том, что пытается уловить легкий ветерок. Слава богу, что Грегорио царапал стены, словно арестант, отмечая каждый поворот, чтобы не заблудиться на обратном пути.

Раньше Али чувствовала слабые порывы ветра, почти неуловимые. Теперь снизу поднималась теплая струя, откидывавшая волосы назад и приносившая с собой сладковатый аромат. В ней было еще кое-что — тысячи голосов, говоривших на тысяче языков. Дойдя до развилки, Али ловила этот ветер и поворачивала ему навстречу.

На обед у них терияки «Слим джимс», белковые батончики и карамель «Джоли ранчер» — последние продукты надземного мира. Еда и горючее, которое они собирали в пустых деревнях, погибли вместе с плотами. Если не считать эксперимента Грегорио с трилобитом (его мясо оказалось жестким и безвкусным), им пока удавалось не включать в свой рацион обитателей подземного мира. Но рано или поздно придется перейти на подножный корм — с риском заработать галлюцинации. Грегорио все время посматривал на подземные озера со слепой, неповоротливой рыбой. Али сопротивлялась. До того как заразиться, она должна выяснить, что это за шепот.

Чем ниже они спускались, тем настойчивее становились голоса. Как ни странно, теперь Али научилась не обращать на них внимания. Так происходит с машинами за окном — они тебя раздражают, пока не становятся частью обстановки. Разноязыкий гомон словно стих. Голод, усталость и волдыри на ногах помогали отвлечься.

На шестое утро Али увидела очередной сон с Мэгги. Они шли по траве, смотрели на облака и придумывали им названия. «Вон там замок, башня, а там ждет принцесса».

— Пора, Александра.

Сегодня последний день спуска. Если они не найдут никакого ориентира, то вечером начнут подъем на поверхность.

Они спускались по туннелю. На своде собирались капельки воды и падали вниз. Проход сузился. Пол превратился в россыпь камней. Все

указывало на то, что впереди тупик, — все, за исключением ветра, приносящего шепот.

Весь день Грегорио не противоречил ей. Не докучал разговорами о повороте назад. Не смотрел на часы. Он хотел, чтобы у нее не осталось сомнений при расставании с прошлой жизнью.

А затем из тьмы вылетела бабочка. Ее оранжевые с черным крылья мелькали в свете фонарей, словно кадры киноплёнки. Грегорио застыл на месте.

— Невероятно.

— Змеи и трилобиты тут есть, — сказала Али. — А почему не бабочки?

Он взглянул на альтиметр.

— На сорока пяти тысячах футов ниже уровня моря?

Бабочка опустилась на руку Али и сидела, подрагивая крыльями. Через несколько секунд снова взлетела и поднялась выше, подхваченная теплой струей. Али посмотрела в широко раскрытые глаза Грегорио.

Нельзя сказать, чтобы в субтерре исчезла жизнь. Вовсе нет. За исключением некоторых паразитов, питавшихся человеческой кровью, внезапное исчезновение людей и человекоподобных существ осталось практически незамеченным подземным миром. Мох и водные растения, мыши и угри — все жили и развивались.

Бабочка никак не подходила этому миру.

— Монарх? — удивился Грегорио. — Откуда она взялась? Нужно выяснить.

Али никогда не приходило в голову, что бабочка может быть смертельно опасным искушением.

— Чешуекрылая! — крикнул он, не оглядываясь.

Ветер в туннеле усилился.

— Мотыльки — понятно. Они ночные насекомые, — продолжал Грегорио. — Но бабочки? Это дети солнца. А монархи путешествуют стайками. Возможно, она потерялась. И все-таки, залететь так далеко? На восемь миль ниже уровня моря? Нет, тут наверняка есть и другие. Как такое возможно?

— Не знаю, Грегорио.

— Здесь где-то должен быть инкубатор.

Мысли все больше путались. Голоса становились громче. Скоро ей придется признаться Грегорио в своей болезни. Но сначала себе самой. Осталось еще немало аргументов, позволявших отсрочить окончательный вердикт. Если галлюцинации вызывают потерю аппетита, почему так

хочется есть? Если безумие заразно, почему не заболел Грегорио? В конце концов, это он ел обитателей озера. Или он, подобно ей, скрывает свое безумие? А может, Грегорио признавался, а она забыла?

Спуск становился все круче. Несколько раз им приходилось снимать рюкзаки и передавать друг другу. Затем они подошли к провалу. Остановились на краю и направили лучи фонарей вниз, ища дно или уступ.

— Ничего не вижу, — сказала Али. — Нужно поворачивать назад, Грегорио.

Однако его уже было не остановить. Бабочка заставляла его идти вперед.

— Дай мне попробовать одну вещь.

Он привязал налобный фонарь к концу их единственной веревки. Это была старая веревка, но в безупречном состоянии — одна из тех, которые Айк сложил в сундук в ее кладовке. Грегорио осторожно опускал фонарь вдоль каменной стены.

Пусть там будет тьма, думала Али. Пусть все это закончится.

Фонарь опустился на твердое дно. Грегорио торжествовал.

— Вперед! — воскликнул он. — Путь открыт.

Али вздохнула. Под землей закон Ньютона действовал наоборот. Все, что спускалось, должно подниматься. Она разглядывала провал. Али ненавидела спуск по веревке, но еще больше не любила подниматься на жумарах^[27] вверх. Тем не менее все это время Грегорио послушно шел за ней. И теперь она должна подчиниться — хотя бы ради справедливости.

Она стала спускаться первой, оставив его в темноте без налобного фонаря. Спускаясь по веревке в расширяющееся отверстие, Али искала признаки того, что тут проходили Айк или Макнаб. Но не увидела ни старых веревок, ни нацарапанных на камне надписей, ни отметин, которые оставляют скалолазы.

На полпути она услышала голос Грегорио и остановилась. Там, наверху, он разговаривал сам с собой. Оживленная беседа, причем даже не на испанском, а на баскском. Потом Грегорио засмеялся.

— Все в порядке? — крикнула она.

В ответ — тишина. Наконец послышался его неуверенный голос:

— Александра, это была ты?

А кто же еще?

— Ты мне что-то говорил?

— Нет-нет, — поспешно возразил он.

Слишком поспешно.

Голоса, догадалась Али. Грегорио тоже слышит голоса. Им нужно это

обсудить.

На дне она отстегнулась от веревки и огляделась, водя лучом фонаря из стороны в сторону. Туннель шел дальше.

— Я внизу, — сообщила Али. Веревка, извиваясь, поползла вверх, затем лампа зацепилась за выступ. — Тебе свет нужен?

— Обойдусь.

Али сняла налобный фонарь и положила на обломке скалы. Затем выключила фонарь, который держала в руке, — батарейки следовало беречь.

Грегорио потянул веревку. Снова слышался его голос, затем смех. Ему там явно не скучно.

Али заметила капельку крови на руке, но когда вытерла кровь, на месте капли тут же появилась другая. Али вспомнила бабочку. Она сидела на этом самом месте.

На веревке, задевая за стены, спустились рюкзаки. Али отвязала груз.

— Через минуту спущусь, — сообщил Грегорио.

— Ты уверен, что тебе не нужен фонарь?

— Я смогу это сделать даже во сне.

Али наклонилась, чтобы оттащить в сторону тяжелый рюкзак. Сверху лился поток слов. Опять смех. Затем вскрик:

— Черт!

Она подняла голову.

Свет заслонил черный ангел.

Али видела его периферийным зрением.

Вниз спикировала жуткая тень — мелькание рук и ног, развевающиеся крылья. Слышался леденящий душу звук ломающихся палок и лопающейся дыни. Какая-то жидкость хлестнула по глазам. Али повалилась на спину.

Свет налобного фонаря Грегорио потух.

Али лежала в темноте, потрясенная, не в силах пошевелиться. Не включала фонарь. Она понимала, что произошло, и не хотела этого видеть. Но так не могло длиться вечно.

— Грегорио?..

Тишина.

Она включила фонарь, прорезав брешь в непроглядной тьме.

Грегорио распластался на спине, на обломке камня. Полы рубашки пропитались кровью. Длинные волосы свесились вниз, открыв лицо.

«Боже, ослепи меня».

— Грегорио?

«Лиши разума. — Она медленно встала. — Забери меня».

Спутанная веревка лежала поверх его тела. Али не решалась подойти.

Дважды она пыталась преодолеть пугающее расстояние между собой и... этим. Это не Грегорио. Он не мог так поступить с ней. Разбить ее сердце? Нет, он просто сбросил вниз свою куклу, чтобы напугать ее.

«Как ты мог?»

Али принялась разглядывать веревку. Целая — ни истершейся оболочки, ни оборванных волокон. Вережка выдержала. Не выдержал Грегорио. Единственное, что пришло в голову: он отвязал веревку, а потом откинулся назад. Али помнила его смех.

— Грегорио.

Она уже не спрашивала. Просто произносила его имя. Оpozнание трупа.

Он воскрес. По крайней мере, ей так показалось. Грудная клетка шевельнулась. Или просто дрогнула ее рука с фонарем? Это ветер или Грегорио вздохнул?

«Боже, помоги мне».

Неужели он жив?

Али пыталась рассуждать. Сначала нужно его согреть. И дать воду — ему нужна вода. Зашить раны. Наложить шины на сломанные кости. И устроить так, чтобы он перенес долгое ожидание. Возможно, натаскать груды камней, чтобы защитить от ветра. А потом она поспешит за помощью. «Я вернусь за тобой». Как в кино.

Али посветила в отверстие над головой. Дороги назад нет. Наверное, Айк смог бы подняться по голой скале, но для нее этот путь закрыт.

— Грегорио?

«Помоги мне».

Она застыла, словно пригвожденная к месту взглядом его глаз — прекрасных черных глаз, неестественно закатившихся. Их заливала кровь, вытекавшая из ноздрей, но Грегорио не моргал. У него сломана шея. Он мертв.

Потом он заговорил.

Отчетливо, с серьезностью ребенка, которого надолго оставили одного. Голос выходил изо рта Грегорио. Но принадлежал не ему.

— Мама.

Али опустилась на колени, словно придавленная гигантским грузом.

— Мэгги, — прошептала она, глядя в эти безжизненные глаза.

Губы Грегорио не шевелились. Голос просто шел изнутри.

— Мама, помоги мне.

ДОКУМЕНТЫ

ПИСЬМО ДОМОЙ

Дорогая Марсия!

Я повернул назад (вместе с большей частью армии) и собирался вернуться домой. Но потом мне показалось неразумным упускать все те возможности, которые ждали меня внизу. Почему бы не извлечь пользу из неудачи? В конце концов, это так по-американски.

Так что теперь я в Городе Электричества. Местные предложили остаться, сказали: «Тут самое место для таких крепких парней, как ты». Так приятно снова чувствовать себя нужным, после стольких месяцев безработицы. Они сказали, что, даже несмотря на отсутствие у меня опыта, я могу им пригодиться. Это шанс, и я думаю, что ты согласишься — это то, что надо.

Дело не в деньгах. (У них денег нет.) Но у меня будет доля в большом проекте. Они тут собираются бурить скалы и вырабатывать электричество. И тогда мы разбогатеем. По-настоящему разбогатеем! Мы изменим мир, крошка. Больше не будет никаких ископаемых источников энергии, никакого смога и нефтяных войн. Только тихое гудение электричества. А все начнется здесь. Рокфеллер, и Билл Гейтс, и мистер Дональд Трамп — все отдыхают.

Так что я собираюсь тут немного задержаться. Ты должна понимать, что все это ради тебя. Здешние парни немного странные, но они в одном шаге от величайшего богатства — энергии земли, которой хватит на всю планету. Как только мы наткнемся на основную жилу, мы с тобой будем прямо купаться в деньгах, милая. Выплатим все кредиты всем банкам. Ты еще хочешь тот девяностодвухдюймовый телевизор? А во всех комнатах?

Пожалуйста, собери месячный запас шоколадных батончиков, обезвоженной пищи и чего-нибудь вкусненького (ты знаешь, что я люблю) и отправь в Город Электричества. Люди здесь питаются мясом каких-то подземных животных, но мне оно не очень нравится. С едой тут неважно. Ты бы посмотрела на меня, крошка. Исчез живот и бока. Один из шахтеров сказал мне: «Не разочаровывай нас, Джон. Оставь на себе немного мяса».

Я люблю тебя, Марсия, и надеюсь скоро увидеться — и привезти денег, которые тут заработаю.

Твой Джон

ДИАЛОГИ С АНГЕЛОМ, НОМЕР 9

— Задолго до того, как первый мужчина или первая женщина нашли дорогу ко мне, — говорит ангел, — я у же знал, что под солнцем происходит нечто необычное.

Замурованный в пещере ученик слушает рассказы, бредя знаниями, утерянными и вновь обретенными.

— Не могу точно сказать, когда я впервые узнал о душах. И не уверен, когда именно они узнали обо мне. Это было новое для меня явление. Что-то вроде раскатов далекого землетрясения или шепота невидимых газов. Я слышал эти души, но не мог видеть их, дотронуться до них или понять, что они такое. Откровенно говоря, довольно долго они меня пугали.

Я уже объяснял, что когда-то знал все, что должно случиться во Вселенной, но забыл, и теперь вспоминаю по мере того, как оно происходит. Память о каждом явлении приходит одновременно с ним. Я вспоминаю каждую каплю воды, отрывающуюся от свода, в момент ее падения. Точно так же я сразу узнал голоса как нечто отличное от звуков паропровода планеты или криков животных, которые все больше и больше наполняют мое здешнее царство.

Эти голоса не были похожи на то, что я уже пережил. Ты никогда не слышал, как растут кристаллы? Похоже на бесконечно повторяющуюся ноту. А писк мыши, умоляющей кота пощадить ее? Думаешь, мышь может просить? Мышь не знает, что такое жизнь. Она просто живет. Прижатая к земле когтями, она верещит — и всего лишь. Мышь боится. Просто боится.

Ребра ученика поднимались и опадали, касаясь ребер лежащего рядом трупа. Он больше не боится смерти. Больше не будет верещать. Теперь он знает, что происходит по ту сторону. Ученик слушал душу человека, которого убил голыми руками. Его уши научились слышать. Он знает имя этого человека. Душа шепчет свое имя снова и снова. Уильям Макнаб. Никто.

— В то самое мгновение, когда голоса нашли меня, все изменилось, — говорит ангел. — Я услышал душевную боль и скорбь и тут же узнал об их противоположностях, радости и смехе. Я услышал отчаяние и по нему

узнал о желании и счастье. Я услышал утрату, а через нее сострадание и любовь. Я услышал одиночество, и в ту же секунду миллионы лет изоляции тяжелым грузом навалились мне на плечи. Ты понимаешь? Я услышал собственную песню.

Кроме того, что в них жили удивительные эмоции, издаваемые ими звуки отличались от воя и рева животных. Не пойми меня неправильно. Я прекрасно разбираюсь в звуках, которые издают все живые существа, и прекрасно общаюсь на их уровне. Мы могли рычать и выть друг на друга до скончания дней. Но я начал чувствовать нечто более ценное.

Эти затерянные души принадлежали существам иного рода. Я понятия не имел, что эти существа могут быть похожими на меня. Поначалу я знал только то, что они живут под солнцем, а после смерти покидают свои тела. Это давало мне надежду. Может, мне удастся сбегать — как им. Но сначала я должен был научить их, как научить меня. Именно тогда я стал организовывать издаваемые ими звуки в слова...

— Души? — перебивает его ученик. — Души умерших?

— Ты сомневаешься в собственных мифах? — спрашивает ангел. — Назови их как угодно: эхом, плавником. Остатками. Душами.

— Все души? И хорошие, и плохие?

— Все.

— Почему?

— Потому что они потерянные, а я здесь. Со временем ко мне спускалось все больше голосов. Они разговаривали. Я научил их предков. Именно тогда я понял, что голоса могут по моему желанию путешествовать между моим миром и поверхностью, стать моими глазами, видящими то, что я не могу видеть, моими пальцами, касающимися того, чего я не могу коснуться, моими вестниками, определяющими судьбу людей, а через них и мою судьбу.

Души мертвых поведали мне о мире наверху. О свободе. Только тогда я понял всю тяжесть своего заточения. Они рассказывали и обо мне, своем ужасе. Зулусы называли меня Ункулулкулу, или «очень, очень старый». Для кхоса я был Унвелинганге — «тот, кто существовал раньше». Пигмеи банту, а до них и другие племена называли меня Нзаме. Вавилоняне знали меня как Тиамат, предшественницу богов. Августин называл меня Техом, или «бездной». Майя звали меня Чи Кон Гуи-Яо, «повелитель пещер, тот, кто знает, что лежит под камнем».

Меня можно было не любить. Мой рассказ начинал жить отдельной жизнью. Вы сочиняли меня точно так же, как я сочинял вас. Я мог бы

уничтожить вас. Но я решил: не можешь победить — присоединяйся. Я начал подпитывать мифы и использовал их в качестве подготовки к загробному миру. Теперь мне даже не требовалось посылать старые души, чтобы они приводили сюда новых. Вы автоматически приходили ко мне. Это запрограммировано в вашем подсознании.

Так, подобно заботливому пастуху, я умножал свое стадо душ. Принимал каждую овцу, которая спускалась ко мне, запоминал ее имя, имена родителей и детей, живых и мертвых. Я соединяю всю вашу историю. Я знаю все, что было до вас. А с небольшой подсказкой начинаю вспоминать, что будет после вас. Между вашим прошлым и будущим — я. Вот мое состояние. Я заперт в вашей истории. В то же время я рассказчик. Понимаешь?

— Нет, Повелитель.

— Ах, — вздыхает ангел. — Я тоже.

ДОКУМЕНТЫ

ИЗ ПОЛОЖЕНИЙ КУРСА ПОДГОТОВКИ СНАЙПЕРОВ МОРСКОГО СПЕЦНАЗА

Освобождение заложников

2. а. Снайперы... должны понимать, что даже хороший, прицельный выстрел необязательно приводит к мгновенной смерти террориста. Даже смертельный выстрел не предотвратит смерть заложника, если мышечные судороги в теле террориста приведут к срабатыванию оружия. Поэтому снайпер, как правило, используется в тех случаях, когда исчерпаны все остальные способы разрешения ситуации.

2. Б. Следует учитывать также размер цели. Врачи едины во мнении, что голова — это единственное место, при попадании в которое пуля вызывает мгновенную смерть. (При попадании в сердце смерть обычно наступает через 8–10 секунд.) Голова человека представляет собой довольно крупную мишень, диаметром приблизительно семь дюймов. Однако, для того чтобы повысить шансы и быть уверенным в мгновенной смерти, размер цели существенно уменьшают. Отдел мозга, контролирующий все двигательные-рефлекторные функции, расположен прямо позади глаз и проходит от одной мочки уха до другой; его ширина составляет около двух дюймов, а не семь, как у всей головы.

Они гонялись за призраками.

За исключением Клеменса и Ребекки, ни один человек из ее армии не видел живого хейдла. Хантер и его ребята из охранного агентства не были новичками в подземном мире, но они не участвовали в войнах десятилетней давности. Даже Беквит, наблюдавший хейдлов в оптический прицел, только воображал, что видел их. Двенадцатого января все изменилось.

Ребекка плыла на плоту по широкой реке, протекавшей по дну каньона; с ней были Хантер и пятеро охранников. Впереди на первом плоту разместился головной дозор с передатчиком. Остальная армия — теперь их осталось меньше трехсот человек — растянулась длинной цепочкой, отстав часов на десять.

После недельного перехода у плотов был жалкий вид, но пешком армия продвигалась со скоростью четырех миль в день. Река несла их в десять раз быстрее, причем безо всяких усилий с их стороны — лишь изредка требовалось опускать весла в воду.

Клеменс предпочитал идти параллельным курсом по берегу или плыл на собственном плоту, как всегда в одиночестве. Объяснял он свое поведение тем, что ищет следы или обходные пути. Хантер утверждал, что все это ерунда, а Клеменс просто испытывает отвращение к людям, которые питают антипатию к нему самому.

«Посмотрите, — говорил он Ребекке, — парень — псих. На нем печать Каина. Эти бывшие пленники остаток жизни странствуют по задворкам и питаются отбросами».

На плоту почти не разговаривали. После того как на платном мосту они нашли кожу мальчиков, Ребекка не знала покоя; она не щадила ни себя, ни других. И если ее бойцы устали, то она устала вдвойне.

Медленное течение влекло за собой плот. Расслабившись, Ребекка уснула. Ее разбудил передатчик. «Неопознанная цель справа по борту».

Фонари мгновенно погасли. Река погрузилась во тьму. Ни слова не говоря, подчиненные Хантера надели ночную оптику.

— Что у вас? — тихим, ровным голосом спросил Хантер.

— Семь объектов в двухстах метрах ниже старицы. Мы уже их прошли. Они нас не видят.

Хантер расхаживал взад-вперед.

— Пристаньте к берегу ниже по течению. Займите позицию на фланге. Мы ударим по ним с реки.

— А Клеменс? — спросила Ребекка.

— Что Клеменс?

— Он может попасть под перекрестный огонь. Или кто-то по ошибке примет его за врага.

— Ему прекрасно известно, что мы в «стране индейцев», — ответил Хантер, но все равно попробовал вызвать его по радио. — Клеменс, ты слышишь? Поосторожнее, впереди плохие парни.

Если Клеменс и слышал, то ничего не ответил. Ребекка обвела глазами берег. Нет даже теплового пятна. У него было еще одно прозвище. Человек-невидимка.

— Вот старица.

Они дослали патроны в патронники иплыли по течению с оружием на изготовку. Вода тихо плескалась о резиновые борта. Распростершись на дне, Ребекка почувствовала, что плот поворачивает по широкой дуге — они вошли в излучину реки.

Прошло десять лет с тех пор, как якобы погиб последний хейдл. Это означает множество слухов и утрату навыков. Некоторым из ее бойцов в то время было всего восемь лет. Немногочисленные «старики», возможно, мудрее неопытных новичков, но явно медленнее. Хантер говорил, что именно в этом недостаток редких войн.

Хедди превратился в существо десяти футов ростом, с зубами вампира и сверхъестественной жестокостью. Никто не вспоминал, насколько быстро могут двигаться хейдлы, какое острое у них зрение и слух, как они сражаются — зубами, ногтями — и каким оружием. Ребекка не знала, считать ли шуткой совет оставить последнюю пулю для себя.

Поэтому копошившиеся у кромки воды существа, которых они увидели ниже старицы, показались ей почти жалкими. Ребекка покрутила колесико бинокля, приближая изображение. И увидела.

Враги пировали. Их жертвы были разбросаны по берегу. Женщина лежала почти у самой воды. Чуть дальше хейдл мыл сустав чьей-то руки.

В инфракрасном бинокле деревня выглядела ярко-зеленой. Даже до нападения хейдлов строения имели убогий вид. Несколько каменных навесов, накрытых дырявым брезентом. Они походили на порванные барабаны.

Первым побуждением Ребекки было придумать историю для каждого из тел, вернуть им жизнь. Бледные чудовища все время отвлекали ее. Один хейдл сгорбился, словно собака, над маленькой неподвижной фигуркой.

Другой рылся в клубке угрей, лежащем рядом с человеком, — только это были не угри.

Взгляд Ребекки скользил по берегу. И везде ее ждали ужасные картины. Она никогда не видела, как с человека снимают кожу. Легко, словно колготки.

«Оставь в покое жертв, — приказала она себе. — Изучай стервятников».

Они были безволосыми и татуированными — уличная банда, история которой насчитывает двадцать тысяч лет. С наростами в виде рогов, с выпирающими ребрами, не испытывающие уважения к мертвым. Один забавлялся с лицом жертвы, словно с резиновой маской. Другой вырвал из тела кусок скользкого мяса.

Ребекка не отрывала бинокль от глаз. Стеклянные линзы хотя бы создавали иллюзию отстраненности от этих ужасов. Щелчком переключателя она могла окрасить изображение в другой цвет. Или выбрать другую зону экрана, чтобы не видеть жуткой картины. Могла делать вид, что она хозяйка положения.

Во всей сцене чувствовалась неспешность пира. Хейдлы не торопились. Никто из них не ждал опасности со стороны реки.

Течение несло лодку к берегу. Ребекка скорее почувствовала, чем увидела, как парни Хантера обмениваются жестами, распределяя мишени и договариваясь еще о чем-то. Она доверяла им.

Ребекка ожидала оглушительной пальбы, криков, суматохи — как в голливудских фильмах. Они прыгнут в воду и бросятся к берегу, прячась за камнями и платя кровью за каждый отвоеванный дюйм.

Она сжалась в комок и, парализованная страхом, сидела тихо как мышь. Не ее это дело — быть в первых рядах, лицом к лицу с врагом, проливать первую кровь. Слишком быстро, слишком внезапно, без какой-либо подготовки. Разве такие вещи не планируются с картой в руке, стеклографом и книгами по истории? До этого момента Ребекка не понимала, насколько не подготовлена к ею же развязанной войне. А если с ней что-то случится? Сэм нужна мать. Сэм. Сэм.

У нее не было времени отвести взгляд.

Хантер не рывкнул: «Огонь!» или «Давай!» Опытные бойцы одновременно спустили курки, и несколько выстрелов слились в один. В комиксах такого не опишешь. Никакого «бух!», «бабах!» или «трах!». Ни треска, ни рева. Звук был похож на тихий хлопок. Негромкое «пуфф», и все закончилось.

Никто из хейдлов не взвился, повернувшись вокруг своей оси. Никто

не опрокинулся на спину. Никакого танца укрощенной силы. Они просто медленно опустились на землю, словно уставшие старики. Один будто споткнулся. Другой потерял равновесие, как пьяный. Еще один хейдл, явно не знавший, что такое пуля, шлепнул себя ладонью по груди, словно отгоняя пчелу, и еще секунд тридцать продолжал заниматься своим делом. Затем сел на землю и умер.

Пока остальные охранники сеяли смерть, двое гребли к берегу. Ребекка не вмешивалась. Она тут пассажир. Резиновое дно лодки у нее под ногами уперлось в камни.

— Оставайтесь здесь, — сказал ей Хантер.

Ребекка с благодарностью кивнула.

Экипаж высадился на берег, с оружием и ночной оптикой; в темноте они проверили сначала мертвых хейдлов, затем мертвых людей. Хантер зажег осветительный патрон.

— Осмотрите хижины, — приказал он и вместе с четырьмя подчиненными скрылся из виду.

Ребекка осталась одна на плоту. Она сидела на дне плота, выпрямив спину и не отрывая взгляда от мертвых тел. Наконец поднялась и присела на бортик, готовясь вступить в войну. Берег под ее ногами был твердым. Реальным.

Ребекка чувствовала, что обязана пройти через этот этап. Начала проливаться кровь. Резня будет только усиливаться, и Ребекка не может позволить себе выглядеть слабой или растерянной в глазах мужчин. Пора привыкать к трупам.

Она подошла к первому мертвецу. Мужчина лежал ничком и, казалось, спал. Ребекка заставила себя наклониться и прижать ладонь к его спине. Тело оказалось еще теплым, как у ребенка, и слегка влажным.

Второй мертвец оказался не таким «безобидным». Через выходное отверстие раны виднелся позвоночник и какое-то месиво. Ребекка заставила себя прикоснуться и к нему.

Она подошла к третьему телу, с раной на животе. От него разило, как от уличного сортира. Отвращению тут не место. Нужно взять себя в руки. Теперь ей придется рисковать — каждый день и каждый час.

Ребекка протянула руку. Возможно, это один из ее людей.

Это был не человек.

Он схватил ее за горло.

Ребекка отпрянула, но хейдл оказался проворнее. Быстрый, словно змея, — несмотря на вывалившиеся скользкие внутренности, — он обхватил ее сзади, зажал нос и рот, повалил на себя.

Она сопротивлялась. В женском клубе Ребекке показывали приемы противодействия насильникам. «Не сдаваться. Использовать все средства. Лгаться. Кусаться. Кричать». Но она не могла дышать. При каждом движении ее сдавливали еще сильнее.

Ребекка лежала на спине в сплетении рук, ног и кишок хейдла. Над головой сияла осветительная ракета. Тело врага было теплым. Запах пота и мозоли на руках.

Где же Хантер?

Ракета опустилась. Тени стали длиннее. Из поселка вылетела еще одна. Показались клубы дыма.

Вдруг перед глазами возник еще один монстр. Ребекка не знала, откуда он появился. Она почти ничего не видела.

Хейдлы заговорили.

Их речь напоминала пение сверчков.

Хантер не успеет. Эти двое утащат ее в неведомые глубины. Так не должно было случиться. Ей следовало оставаться на плоту. «Я всего лишь домохозяйка». Затем ее осенило: там, куда ее поведут, может найтись Сэм.

В зоопарке Сэм больше всего любила выдр, которые лежали на спине и пытались раскрыть створки моллюсков.

Прижимая Ребекку к животу, хейдл вдруг сел. Рука на ее лице слегка ослабла, и она смогла дышать носом. Ногти хейдла пахли мертвечиной. Ребекку вырвало прямо в зажимавшую рот ладонь. В носу защипало от желудочного едкого сока. Глаза наполнились слезами.

— Перестаньте сопротивляться, — сказал второй монстр на чистом английском языке.

Ребекка вытянула шею, пытаясь его разглядеть.

Это был Клеменс.

— Он не собирается вас убивать. Вы ему нужны. Расслабьтесь. Просто не сопротивляйтесь.

Клеменс сидел на корточках чуть сбоку, наблюдая. Непринужденно, словно в семейной обстановке. Винтовка лежала на камнях — не капитуляция, но мир. Ребекка ничего не понимала.

Неужели Клеменс не испытывает к ним ненависти? Хейдлы изуродовали его лицо, расписали тело, сломали жизнь. Даже если Клеменс не любил и не желал ее, он боготворил ее красоту. В этом его слабость и ее власть над ним. Так она думала.

Факты свидетельствовали совсем о другом. Клеменс — предатель. Он повернул оружие против своих. Присоединился к врагам. Ребекка перестала сопротивляться. Ее тело обмякло.

Клеменс продолжал обмениваться чирикающими звуками с обезьяноподобным существом — не лучшие друзья, но и не смертельные враги. Речь казалась и резкой, и одновременно мелодичной.

Стальная хватка хейдла ослабла. Ладонь оставила рот и легла ей на грудь. Для него грудь — ее нежная прелесть — была всего лишь местом, за которое удобно держаться. Если Ребекка попытается вырваться или закричит, он разорвет ее.

Ребекка перевела дух.

— Они вас знают?

— Я их произведение, Ребекка.

Клеменс вытащил нож.

— Не двигайтесь, — сказал он. — Ему нужно ваше тело. Никогда не слышали о таком, Ребекка?

— Что вы делаете?

Она смотрела на него во все глаза.

— Он умирает, — объяснил Клеменс. — И знает об этом. Попросил, чтобы я выпустил у вас кровь. Не всю — столько, сколько ему нужно.

Ребекка снова попыталась вырваться.

— Вы собираетесь резать меня?

— Его душа готова уйти. Отправиться в путешествие. Хейдлы в это верят.

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась она. — Джошуа.

— Другого способа нет, Ребекка. Он рассказывает мне то, что нам нужно знать.

«Нам?»

— Что вы имеете в виду?

Она перестала вырываться.

— Вы хотите жить?

— Конечно!

— Хотите увидеть дочь?

— Да.

— Вы когда-нибудь играли в покер?

— О чем это вы?

— Попытаемся заставить его раскрыть карты. Но сначала нужно войти в игру.

Не вставая с корточек, Клеменс придвинулся. Хейдл крепче стиснул Ребекку — либо защищался от Клеменса, либо подставлял под нож. А может, и то и другое. Он еще не верил Клеменсу.

— Будет немножко больно, — сказал Клеменс, опуская нож.

Он проткнул вену на внутренней стороне бицепса. Хлынула кровь. Ребекку охватил страх.

— Что с Сэм?

— Дети в трех днях пути впереди нас.

Три дня. Так близко.

Клеменс отстранился. Они с хейдлом опять зачирикали, словно насекомые. Рука болела. Ребекка подставила ладонь под струйку крови.

Хейдл был сильным, как обезьяна, сильнее Джейка. Тем не менее его сила убывала, и Ребекка чувствовала это. Жизнь уходила из него — и из нее тоже. Не пояись тут Клеменс, она могла бы просто подождать, пока хейдл умрет.

— С вами все в порядке? — спросил Клеменс.

— Сэм, — прошептала Ребекка. — Как она?

— Никого из девочек не убили, — ответил Клеменс.

— Как она?

— Жива.

Мир... померк. Ребекка откинула голову назад. Ее щека прижалась к щеке хейдла. Они умирали вместе, словно любовники. Зажглась новая ракета. Божественный свет.

Клеменс снова заговорил на странном языке. Тон хейдла смягчился.

— Они идут не в город, — сообщил Клеменс.

— Вы же говорили... — прошептала Ребекка.

— Я ошибался. В другое место.

— Куда?

— Попробую выяснить.

— Он скажет?

— Я вскрыл вам вену. Он думает, я на его стороне.

— А на самом деле?

— Не отключайтесь, — ответил Клеменс. — Уже скоро.

Она вглядывалась в его изуродованное лицо.

— Найдите мою дочь.

— Стараюсь. Сможете продержаться еще чуть-чуть?

— Мне холодно.

— Не засыпайте, Ребекка. Мне нужно знать, когда у вас закончатся силы.

Хейдл вдруг напрягся. Ребекка слышала шаги. Из темноты вынырнул Хантер вместе со своими людьми.

— Не подходите, — предупредил их Клеменс.

Хантер шагнул вперед — не скрываясь, без оружия.

— Клеменс, — сказал он, — давай поговорим.
— Все под контролем. Отведи людей.
— Ты можешь уйти. Ты и твой друг. Только пусть отпустит Ребекку.

Хантер придвинулся еще на шаг.

— Я заставил его говорить, — сказал Клеменс.

— Она истечет кровью.

— Ничего с ней не случится. Я знаю, что делаю.

На лице Клеменса мерцали точки лазерных прицелов. У Ребекки стучали зубы.

— Отпусти ее, Клеменс.

— Ты не понимаешь. Отойди.

Хантер приблизился еще на шаг.

Клеменс что-то сказал хейдлу. Ребекка почувствовала, как ногти впиваются ей в грудь. Вторая рука хейдла заскребла по животу. Он пытается выпустить ей кишки. Ребекка вскрикнула.

Хантер замер.

— Скажите ему.

— Уходите. — Ребекка обращалась к Хантеру.

— Только вместе с вами.

— Мы выясняем.

— Выясняете?

— Он знает, где они. Дети.

Хантер прищурился. Он все понял. Затем подал сигнал бойцам. Стволы винтовок поднялись вверх. Красные точки исчезли с лица Клеменса. Отряд отступил.

— Дальше! — скомандовал Клеменс. — Еще. Садитесь в лодку. Оттолкнитесь от берега.

Солдаты подчинились. Хватка хейдла ослабла. Клеменс вновь заговорил, и в его тоне сквозь щелчки и щебет проступали успокаивающие нотки. Хейдл что-то забормотал в ухо Ребекке. Время тянулось бесконечно. Перед глазами у нее все плыло. Она то погружалась в беспамятство, то вновь приходила в себя.

— Где? — прошептала она.

Клеменс придвинулся. Снова задал вопрос. Хейдл еще больше ослабил хватку. Резко дернувшись, Ребекка могла бы освободиться. Но силы ее убывали. Она прижалась к телу хейдла. Ей холодно. Он теплый. Это существо — ее союзник. Вместе они найдут Сэм.

Хейдл поднял голову и заговорил. Ребекка отстранилась, чтобы не мешать ему. Клеменс нагнулся, прислушиваясь.

И в это мгновение голова хейдла взорвалась. Разлетелась на кусочки. Руки его обмякли. Тайна — место, где находится Сэм, — внезапно умерла.

Люди Хантера посмотрели друг на друга, пытаясь понять, чья винтовка стреляла. Потом пожали плечами. Смерть хейдла произошла словно по волшебству.

Через несколько секунд из тьмы до них донесся звук далеких выстрелов.

Клеменс встал.

— Боюсь, — он развел руками, — кто-то только что убил вашу девочку.

Хантер и его люди выпрыгнули на берег. В небо взвились осветительные ракеты, по земле заметались тени; Ребекке перевязали рану, уложили в спальный мешок и поставили капельницу. Лекарство согрело ее. Согрело и наполнило яростью.

— Где моя дочь?

— Не знаю, — ответил Клеменс.

— Он сказал вам.

— Не до конца. Хантер помешал.

Хантер клялся, что ни он сам, ни один из его людей не нажимал на спусковой крючок. Ярость Ребекки лишь усилилась. Они лгали.

Через час появился снайпер.

— Вы живы, — сказал Беквит.

Он явно гордился собой.

— Так это вы?

Она едва не истекла кровью ради информации. И все испортил одинокий рейнджер.

— Мэм? — растерянно спросил Беквит.

— Ты понимаешь, что наделал? — набросился на него Хантер.

Ему очень хотелось вернуть расположение Ребекки.

— Нужно было стрелять раньше. — В голосе Беквита слышались виноватые нотки. — Но я находился на расстоянии девятисот ярдов. Не хотел ошибиться.

— Чокнутый сукин сын, — сказал Хантер. — Большого вреда своей винтовкой ты принести не мог.

Беквит растерянно вглядывался в лица окружавших его людей.

— Не понимаю.

Ребекка отвернулась, поддерживая раненую руку. Немыслимые качели судьбы. Он не виноват. Он виновен. Он спас ее. Он убил ее. Все зависит от Сэм.

— Ради всего святого, — сказал Хантер снайперу, — избавь нас от своего нытья. Просто проглоти следующую пулю.

ДОКУМЕНТЫ

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ РЕКЛАМА

Грузовик «форд»

Эпизод с Ребеккой Колтрейн. 30-секундный сюжет. Придержать для розыгрыша Суперкубка.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПЛАВНО ПРОЯВЛЯЕТСЯ:

НАТУРА. КРУТОЙ СКЛОН ГОРНОЙ ГРЯДЫ. Бездорожье в Скалистых горах. «Форд-150» поднимается по неровным склонам. Череду кадров: летящие камни, проскальзывающие и цепляющиеся за грунт покрышки, раскачивающееся шасси.

СМЕНА КАДРА:

НАТУРА. ЛОЖБИНА В ГОРАХ. Путь преграждает упавшее дерево. Грузовик переезжает через него.

Диктор (комментарий к изображению): Ничто не остановит Ребекку Колтрейн...

СМЕНА КАДРА:

ИНТЕРЬЕР. ВНУТРИ КАБИНЫ ГРУЗОВИКА. Ребекка ведет машину. Зубы стиснуты. Она крепко держит руль. Она победитель.

СМЕНА КАДРА:

НАТУРА. ВЕРШИНА ГОРНОЙ ГРЯДЫ. Грузовик взбирается на кромку горной гряды.

Диктор (комментарий к изображению): Ничто не остановит грузовик «форд»...

СМЕНА КАДРА:

НАТУРА. ЗАБРОШЕННЫЙ РУДНИК НА ВЕРШИНЕ ГОРНОЙ ГРЯДЫ. Грузовик приближается ко входу в старый рудник. Останавливается у темного отверстия.

СМЕНА КАДРА:
ИНТЕРЬЕР. ВНУТРИ КАБИНЫ ГРУЗОВИКА. Ребекка прищуривается. Выбирает цель. Включает фары и нажимает на педаль газа.

СМЕНА КАДРА:
НАТУРА. ВХОД В РУДНИК. Грузовик въезжает внутрь.

СМЕНА КАДРА:
НАТУРА. СКЛОН ГОРЫ (СЪЕМКИ С ВОЗДУХА). Взгляд скользит от рудника по склону горы. Мы видим панораму глазами...

СМЕНА КАДРА:
НАТУРА. СИНЕЕ НЕБО. В вышине парит белоголовый орлан, окидывая взглядом горы.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПЛАВНО ИСЧЕЗАЕТ.

Под дном Императорского озера, 14 января

Али покинула могилу Грегорио под карстовой воронкой, убившей его. Остановившись на безопасном расстоянии, оглянулась, чтобы попрощаться. Груда камней выглядела маленькой и одинокой. Сердце Али разрывалось.

«Останься».

Она явственно слышала его голос.

Али бежала от смерти Грегорио — по крайней мере, пыталась. Но Грегорио нашел ее.

И не только он.

«Мама? — Ветер принес голос Мэгги. — Помоги мне, мама».

Али вскинула на плечи рюкзак. Она решила не поддаваться безумию. Туннель вел вниз. Сила тяжести на ее стороне. Но дувший в лицо ветер и голоса, звучавшие у нее в мозгу, превращали спуск в бесконечный подъем.

Капли с потолка пещеры и клочки тумана словно лизали ее. Все здесь имело температуру человеческого тела, даже тьма. Словно Али пыталась влезть в собственную кожу.

Найти выход можно только впереди, в неизвестности. Прежде чем упасть, Грегорио отвязал веревку. Али ни за что не подняться по отвесной стене. Пути назад нет.

В то же время она не могла сказать, что продвигается вперед. Прошлое наступало со всех сторон — спереди и сзади.

«Александра, — умолял Грегорио, — останься со мной».

«Мама, мне плохо, — плакала Мэгги. — Найди меня».

Подгоняемая и одновременно удерживаемая мертвыми, Али погружалась в каменные джунгли. Она не стала придумывать способы измерения глубины. Просто шла.

Незадолго до того, как сели батарейки фонарика, она наткнулась на след. Под каменным выступом скалились выцарапанные на камне инициалы, заросшие красным и желтым мхом.

— Макнаб, — произнесла Али, ведя пальцем по буквам. Она искала другие следы, но не нашла ни алефа, ни подписи Айка, ни каких-либо предметов. Тем не менее Макнаб прошел этим путем. По какой-то причине он спускался именно здесь. Али испытывала к нему бесконечную благодарность.

Налобный фонарь погас внезапно. Луч не терял силу постепенно, а просто исчез.

Она должна была это предусмотреть. И думала, что предусмотрела. Спелеологи всегда берут с собой запасной источник света, а иногда два или три. Грегорио упал прямо на ее рюкзак и разбил карбидную лампу. А запасной фонарь она не могла найти.

Тьма обступила ее со всех сторон. Забиралась под одежду. Вместе с воздухом проникала в легкие. Рюкзак вдруг показался невероятно тяжелым, словно весил не меньше тонны.

Али знала медицинский термин для охватившей ее паники: диссоциированная истерия. «Блэклок», как выражались колонисты, пещерное помешательство. Люди сходили с ума. Им казалось, что кто-то ползет у них по коже. Некоторые бросались в пропасть или в реку.

Али заставила себя успокоиться. Не можешь стоять — сядь. Сбросила рюкзак. Села. Колени перестали дрожать. Потом стала вслух считать пульс. Это помогало связать чувства с внешним миром, заняться чем-то осмысленным.

«Двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть...»

Вокруг нее словно материализовался кокон. Слова сдерживали тьму.

Поставив рюкзак между колен, Али принялась на ощупь перебирать его содержимое.

— Носки, — громко произносила она. — Ложка. Зубная щетка.

Каждый произносимый звук был кирпичиком в стене. В боковом кармашке рюкзака Али нащупала полиэтиленовый пакет с запасными батарейками. Удивительно, но ни одна не подошла к налобной лампе. Торопясь уйти как можно дальше от Грегорио, она оставила там фонарь.

Вглядываясь во тьму, Али уговаривала себя.

«Терпи. Ты должна выдержать. Выжить».

Она снова сложила вещи в рюкзак, вспоминая, где лежала каждая. Права на ошибку у нее не было. Потом встала, надела рюкзак. Вытянула руки вперед, сделала осторожный шаг, еще один. Наткнулась на стену туннеля.

«Победа».

Касаясь пальцами стены и нащупывая путь, Али двинулась вперед.

Айк часто повторял, что видеть можно не только на свету. Главное тут — время. Чтобы привыкнуть к подземному миру, человеческому глазу требуется время — или новейшие лекарственные средства. Современные колонисты отдавали предпочтение препаратам, повышавшим концентрацию светочувствительного вещества родопсина, или зрительного пурпура, в глазу. Другие делали себе уколы витамина А или пользовались глазными каплями, увеличивающими количество палочек в сетчатке. За неимением лекарств Али могла надеяться только на время.

Придерживаясь за стену, она шла навстречу ветру. Сидеть и ждать в темноте — не для нее. Тем более что голоса становились громче. Если это следствие сенсорной депривации, значит, она становится все более беззащитной.

Грегорио взывал к ней из могилы. Мэгги умоляла.

«Привет, малыш, — говорил отец. Знакомый голос любителя сигарет „Лаки страйк“. — Боже, как я по тебе скучал. Я жду тебя внизу».

«Я помню, как вынашивала тебя», — шептала мать.

Если голоса — всего лишь обрывки воспоминаний, почему они такие несчастные? Причем несчастье не объединило их. Каждый требовал ее внимания. Это пугало Али. Они казались голодными.

«Помнишь, как ты сломала руку? — говорил отец. — Я возился с тобой».

«Я полюбила тебя еще раньше, чем придумала тебе имя. — Убаюкивающее воркование матери. — Ты была моей исполнившейся мечтой. И остаешься ею. Найди меня».

«Мама, помоги».

«Александра».

По спине пробежал холодок. Неужели они борются между собой за нее?

— Семьсот семьдесят девять, — вслух произнесла Али, считая шаги.

Спускаясь все ниже, она мысленно разгадывала кроссворды. Пела песни. Что угодно, лишь бы заглушить их мольбы.

Она устроила привал в темноте, нащупав ровную площадку. Среди камней шуршали какие-то животные. Этот звук прибавился к голосам. Али нанесла ответный удар, начав называть состав шоколадного батончика.

— Коричневый сахар, — объявила она. — Овсянка. Арахис.

Голоса не исчезали, преследовали ее даже во сне. Сон был таким приятным, что просыпаться не хотелось.

Она ехала на лошади вместе с матерью. Вдыхала аромат отцовского одеколona «Брут». Строила с Мэгги замки из песка. Целовала Грегорио.

Сны были совершенными, словно сотворенными специально для нее.

А затем стали появляться провалы. Они разрывали ткань сна, как пустые кадры фильма. Только не совсем пустые. Али пыталась убежать от них. Там что-то было. Неприятное. Дурное. Али совершила ошибку. Заглянула в провал.

И почувствовала, что падает.

До нее дошло.

Она падает.

«О боже!»

Падает в черную пустоту и одиночество. Ей никогда не было так плохо. Так одиноко. Какое мучительное одиночество.

Вскрикнув, Али проснулась и сразу же потянулась к лампе, потом вспомнила, что та мертва. Смерть. Вот что она пережила во сне.

Лицо было мокрым от пота и слез. На губах вкус пота. И желчи. Ее вырвало. Горло саднило. Она плакала — нет, выла от горя.

Внезапно исчез страх перед озерной болезнью. А что, если голоса реальны? Что, если эти истощенные люди, которых они с Грегорио видели на берегах озера, на самом деле разговаривают с мертвыми? Что, если затерянные души действительно существуют и подземная «преисподняя» и есть настоящий ад?

Что, если души нуждаются в ней, чтобы обрести свободу?

«Мэгги!»

Али вскочила. Ветер ударил в лицо. Вихрем закружились голоса.

Теперь их стало больше. Слух Али обострился. Тьма наполнилась голосами. Она слышала обрывки шепота. Звуки древних языков. Щелчки, трели, утробное уханье. В этой какофонии присутствовали и наречия хейдлов, знакомые ей по плену. Латынь. Язык майя. Что-то вроде китайского — тональный, но более грубый предшественник пекинского диалекта.

Души умерших? Запертые в чреве планеты? Проклятые?

Нет, она не могла в это поверить.

Немыслимо.

Мэгги? Проклята? Ребенок? Приговоренный вечно скитаться в этой пустыне?

А вдруг правда?

Может, удастся спасти хоть одну душу?

— Мэгги? — позвала она.

Голоса обрушились на нее океанской волной, все сразу. Шепот, жалобы, безутешное горе. Без конца. Они рассказывали ей о вечности.

— Прекратите! — приказала Али.

Голоса смолкли.

Окруженная непроглядной тьмой, она ждала; страх переполнял ее. Голоса вернутся. Они словно волки, окружающие оленя. Но грозит ли ей опасность? Обладают ли души мертвых какой-либо силой в реальном мире?

Что-то коснулось лица Али.

Она отмахнулась. Потом почувствовала прикосновение к волосам. Отдернула голову.

Тишина наполнилась звуками животного мира. Шелест. Топот маленьких лап. Хруст гальки.

Али была не в силах оставаться тут даже минуту. Нащупав стену, она снова стала спускаться навстречу ласковому ветерку.

Невидимые прикосновения и поцелуи возобновились. Али отряхивала лицо, волосы, тыльную сторону ладоней.

В какой-то момент до нее дошло, что это бабочки, за которыми гнался Грегорио. Их легкие крылья гладили ее щеки. В памяти всплыл черный с оранжевым узор.

Али выставила палец, и в темноте на него села бабочка. Еще несколько опустились на руку и волосы. Лишь только она останавливалась, бабочки слетались к ней. Как и предполагал Грегорио, тут где-то их инкубатор. Теперь уже совсем близко.

Али уперлась руками в колени. Голова кружилась. Подземный мир, несмотря на все свои чудеса, убивал ее. Затерянные души и ночные бабочки. Скорбь и голод. Наручные часы остановились. Их светящиеся стрелки застыли.

Смерть побеждает.

Али пробиралась вдоль стены. Казалось, прошло много дней.

Наконец глаза начали приспособливаться в темноте.

Сначала замелькали неясные тени. Она подумала, что это происходит внутри глазного яблока. Потом проступили контуры. Появились цвета.

Следующим утором Али уже могла видеть зачатками того, что колонисты называли сенсорным зрением. Картина получалась странная, скорее размытая, чем резкая, не дневная, а ночная. Совсем не похоже на обычное зрение на поверхности земли. Тем не менее она видела!

Али пошла быстрее.

К ней прилетали бабочки и садились на волосы, плечи и руки — тихо хлопали крыльями, словно благодарные зрители. Неяркий черно-белый узор теперь казался почти белым. Али старалась не помять их. Потом

почувствовала легкие уколы и увидела стекающую по рукам кровь. Бабочки питались ею. Здесь всем правит голод.

«Да будет воля Твоя».

Али пробивалась сквозь шквал бабочек и голосов. Боролась с ними при помощи кроссвордов, арифметики и песен. Размахивала руками, отгоняя назойливых насекомых. В какой-то момент у нее закончилась еда. Она почти не заметила.

Поднимающийся снизу поток воздуха приносил ароматы кедра, апельсиновых цветов, лаванды и сырой земли. В хор терзающих ее голосов вплелось воркование голубки.

Наконец Али увидела свет в конце туннеля.

«Бедняжка, — подумала она. — Ты сходишь с ума».

Признаки жизни — бабочки, запахи, птичье пение, а теперь светящаяся дыра впереди — пугали ее. Она больше не владела собой. Тьма победила.

Миновав очередной поворот туннеля, Али вскрикнула и опустилась на колени.

Перед ней простиралась огромная пещера, такая светлая и прекрасная, что Али почувствовала себя раздавленной. Оказалось, у бездонной ямы есть дно. Вот он, источник, мелькнуло у нее в голове.

На протяжении тысячелетий человечество прятало все свои страхи в самом глубоком погребке. Но перед ней предстал не ад на земле, а величественный рай. Прямо в центре пещеры сиял прекрасный оазис.

Она почти поверила в оазис с кедровым лесом и зарослями бамбука. Природа полна случайностей и противоречий. Вполне возможно — хотя и маловероятно, — что несколько семян и побегов попали сюда с поверхности земли, каким-то образом укоренились и размножились в лишенном солнца месте.

Но над верхушками деревьев возвышалась башня — дворец, крепость, — и это уже не поддавалось разумному объяснению. Построенная из белого камня и наполовину разрушенная, башня сначала показалась ей близнецом Тадж-Махала. Потом Али увидела широкую лестницу и вспомнила о дворце Потала в Тибете — только увенчанном куполом. Заметив спиралевидную конструкцию, она подумала о Вавилонской башне. А может быть, Тадж-Махал, дворец Потала и Вавилонская башня были построены в подражание этому сооружению? Или все это галлюцинация? Потому что каждый раз, когда Али отводила взгляд, а потом снова смотрела на башню, та несколько меняла форму, словно подстраиваясь под идеал.

Али больше не могла сражаться с фактами. Ее путешествие закончилось. Разум оставил ее. Она погрузилась в безумные грезы.

В отчаянии Али легла на землю, свернулась калачиком, словно животное, и заснула.

ДОКУМЕНТЫ

ЕЖЕДНЕВНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД, КОРПОРАЦИЯ «ERRI»

18 января

Главное событие дня

Американский самолет-разведчик приземляется в Китае

Самолет электронной разведки EP-3 Военно-морского флота США получил повреждение при столкновении в воздухе с китайским истребителем и совершил вынужденную посадку на военном аэродроме Линшуй на китайском острове Хайнань. Все двадцать четыре члена экипажа содержатся под стражей без права переписываться и общаться с родственниками и адвокатами. Китайский самолет упал в море; пилот считается пропавшим без вести — вероятнее всего, он погиб.

Неизвестно, было ли столкновение случайным или китайский самолет намеренно протаранил американцев. Китай заявил официальный протест, а американские дипломаты пытаются выяснить статус захваченного самолета и экипажа.

Министерство иностранных дел Китая возложило вину за столкновение на американский самолет. Эксперт по международной политике из университета Синьхуа в Пекине говорит: «Самолеты американского ВМФ регулярно вторгаются в воздушное пространство Китая. Китайцы поднимают в воздух истребители и отгоняют непрошенных гостей». Официальные лица США настаивают, что разведывательный самолет находился над нейтральными водами и не вторгнулся в воздушное пространство Китая, пока не послал сигнал бедствия и не совершил вынужденную посадку.

Американский посол в Пекине заявил решительный протест. По его словам, которые цитирует агентство «Рейтер», этот инцидент — спланированная и опасная попытка отомстить за инцидент с китайской

подводной лодкой.

ДИАЛОГИ С АНГЕЛОМ, НОМЕР 10

— Я хочу, чтобы ты кое-что представил, — говорит ангел. — Вообрази, что ты маленькая девочка, спящая у себя дома.

Едва живой ученик лежит на спине, глядя в потолок своей спальни, питаясь лишь глотками воздуха.

— Ты спишь в своей постели, — продолжает ангел, — и мир добр к тебе. Тебя любят. В твоём желудке еда. Тебе снятся сладкие сны. Вдруг посреди ночи дверь в комнату распахивается.

Внутри врываются пятеро мужчин в балахонах и масках. Ты слышишь, как в соседней комнате плачут мать и сестры. Ты слишком напугана, чтобы звать на помощь. Мужчины сдергивают одеяло. Широко раздвигают тебе ноги. Все происходит в полном молчании. Они не говорят ни с тобой, ни друг с другом.

Ты думаешь, что это изнасилование. Позор, означающий для тебя смерть и проклятие. Оказывается, нет. Ещё хуже. Ты замечаешь блеск бритвенного лезвия в руках одного из мужчин. Он наклоняется. Прямо к твоему священному плоду.

На мгновение тебя охватывает такой стыд, что ты готова умереть. Затем все заслоняет боль. Никогда в жизни тебе не было так больно. Мужчина тяжело дышит. Вытирает лезвие об одеяло. На ткани остается кровь и кусочки кожи. Твоей. Мужчина вновь принимается за дело. Он не останавливается, пока не вырезает всю нечистую плоть. Потом они заворачивают тебя в одеяло, словно укладывают спать. «Во имя Господа, — шепчет один из них. — Господь не оставит тебя». Он произносит это так нежно, что ты испытываешь чувство, похожее на благодарность. К этим дьяволам!

Но дело обстоит ещё хуже — если такое возможно. Потому что, когда мужчины уходят, ты замечаешь босую ногу, на которой отсутствует один палец. И это странно. Во-первых, это означает, что они сняли сандалии, прежде чем ворваться в твою комнату. Во-вторых, ты узнаешь эту ногу. Или походку. Или кольцо на руке. Или родинку.

В это мгновение твой мир выворачивается наизнанку. Потому что эти мужчины, вырезавшие у тебя женское естество и лишившие

наслаждения, которого ты теперь никогда не узнаешь, — твои любимые дядья.

И это еще не все. Ты выздоравливаешь. Растешь, превращаешься в женщину. Выходишь замуж, рождаешь детей, в том числе дочь. И однажды ночью просыпаешься от хлопка двери в ее комнате. Через минуту слышишь отчаянный крик. Точно так же, как твоя мать, а до того ее мать и ее... ты ничего не делаешь. Просто лежишь и плачешь, закрыв лицо ладонями.

Ученик поворачивает голову и смотрит в пустые глазницы лежащего рядом черепа. Насекомые сделали свое дело. Если не обращать внимания на жуткий рассказ ангела, он обрел покой. Ученик пытается понять, какой урок ему хотят преподать, и не может.

— Зачем? — выдыхает он. — Зачем мне это рассказывать?

— Затем, что твой народ превратил меня в воплощение зла. — В голосе ангела одновременно чувствуются стальные нотки и обида. — Но даже мое воображение и время, которого у меня в достатке, не способны создать жестокости, которые вы совершаете по отношению к себе подобным — ежедневно и ежеминутно. Худшее зло — то, которое вы оправдываете религией, законом или долгом. А ведь существуют злодеяния настолько ужасные, что их невозможно оправдать никакой извращенной логикой или самой нелепой религией, и тогда вы приписываете эти злодеяния мне. Тому, кто дал вам огонь, обучил языку, подарил города, вытащил из грязи.

Ученик вежливо слушает.

— Ад существует, — заключает ангел. — Только он не здесь.

— Прости нас, — выдыхает ученик. — Пощади нас.

Ангел понимает, что он имеет в виду.

— При одном условии.

— Повелитель?

— Освободите меня.

Ученик делает вдох. Затем осторожно выдыхает. Он страдает, но не чувствует этого. Блаженство.

— Повелитель, — шепчет он. — Я бесполезен.

— Может, и нет, друг мой.

Ученик ждет дальнейших указаний. Их нет. Только размышления.

— Мы близки к окончательному решению, — говорит ангел. — Оно должно еще немного созреть. Еще чуть-чуть побыть в утробе. Свобода близка, и я ее чувствую. Дверь открывается.

Ученик удивляется, зачем ангел искушает его разговорами о свободе и

открывающейся двери — его, лежащего в склепе. Странно, но ему наплевать. Потому что он обрел знание. Живя рядом с трупом, он увидел, как рассеиваются иллюзии жизни. Наблюдал, как исчезает плоть, спал рядом с костями. Страдание преходяще. Даже смерть преходяща. Жизнь продолжается.

Стикс

Армия Ребекки остановилась в том месте, где река разделялась на два рукава. Если верить Клеменсу, левый рукав вел к морю и городу Хинном. Правый рукав нырял в неизвестность. Клеменс настаивал, что их путь лежит именно туда.

— По нашей информации, детей ведут в город, — возразил Хантер. — Город в центре. Город Сатаны.

— А наш друг хейдл сказал, что нет. Не в Хинном. Совершенно точно. Это был арьергард. Дети в основном отряде. Они направлялись в город, но другой — город Быка. Таурус, так он его назвал. Нужно искать рога. Начал рассказывать дальше, а потом его голова вроде как испарилась прямо у меня на глазах.

Беквит — вот кого он имел в виду. Кудесник оптического прицела.

— Рога. — Клеменс указал на левый рукав реки. — Мы со съемочной группой выбрали этот путь. Спустились к морю, обогнули его и попали в Хинном. Отсюда не меньше трех недель пути. — Он махнул в сторону правого протока. — Нам сюда, в город Быка. Хейдл сказал, до него несколько дней.

— Нужно разделить армию на две части, — предложил Хантер Ребекке.

— Это сделает нас вполонину слабее, — возразил Клеменс.

— Зато мы охватим в два раза большую территорию.

— И станем слишком слабы, чтобы сражаться.

Ребекка жевала никотиновую жвачку. Черный кофе и жвачка стали ее главной опорой. Она заставила мужчин еще немного помучиться в ожидании окончательного решения.

— Время дорого, — сказал Хантер.

— Не распыляя силы, мы...

Их пререкания становились смешными. Исчерпав аргументы, соперники обратились к клише. Ребекка продолжала жевать жвачку. Она научилась объявлять решения — неважно, правильные или нет — без малейших сомнений в голосе.

— Передайте приказ, — сказала она. Хантер и Клеменс прекратили спор. — Мы поворачиваем. Идем по правому рукаву.

— Все? — спросил Хантер.

— Вся армия.

— По моей информации...

— У вас свои источники, мистер Хантер, а у меня свои.

Она едва не истекла кровью, пытаясь узнать этот маршрут у хейдла. Разрезанная рука — не самая веская причина, чтобы предпочесть одно голословное заявление другому. Однако насилие придало ему непосредственность, которая ассоциировалась с истиной. Кроме того, Клеменс прав. Разделившись, они потерпят поражение.

К этому моменту флотилия резиновых шлюпок и надувных плотов растянулась на три дня пути — по приблизительным оценкам. Радиосвязь с большей частью армии отсутствовала. Ребекка понятия не имела, сколько людей у нее осталось и что — остров, континент или воды Тихого океана — находится у них над головой на поверхности земли. Стрелки компасов вели себя словно пьяные. Часы были ненадежны, и синхронизировать их не представлялось возможности. Положение очень серьезное.

— Я так решила, — сказала Ребекка. — Отсюда поворачиваем в правый рукав к другому городу.

Хантер проиграл спор. К его чести, он не стал дуться и не отвернулся. Просто кивнул. Подчинился.

Клеменсу тоже нечего было сказать. Он удалился своей подпрыгивающей походкой и исчез в темноте. Ребекка осталась с Хантером одна.

— Разрешаю вам плыть дальше, — сказала она. — Если вы так уверены, берите своих людей и отправляйтесь в Хинном.

— Это вежливый способ избавиться от меня?

— У меня нет времени на вежливость. Я предоставляю вам свободу действий. Делайте что хотите. Выбирайте свой путь или идите со мной. Поступайте так, как считаете правильным.

Хантер подчинялся ей, скрипя зубами, но не уходил. Ребекка не знала, восхищаться такой верностью или сердиться. Каждый день она видела, что Хантер удивляется выбору маршрута, ее одержимости, демократической манере обращения с людьми и особенно снисходительности к преступлениям и дезертирству. Нельзя сказать, что его расстраивало дезертирство — сам он считал этот процесс похожим на слив туалетного бачка. Скорее, он был убежден, что каждого дезертира, вернувшегося в их ряды, следует выпороть из принципа. Более того: выпороть, чтобы продемонстрировать твердую руку. И начинать нужно с Беквита, убеждал Хантер Ребекку.

Теперь у него появился шанс самому принимать решения — по крайней мере, отчасти. Он мог идти в Хинном.

— Неужели вы не видите, что пытается сделать Клеменс? Вбивает клин между нами.

— Мистер Хантер, он пытается удержать нас вместе.

— Только для того, чтобы разделить нас. Лучше оглохнуть, онеметь и ослепнуть, чем следовать за ним.

— Тогда не делайте этого. Куда бы он ни повернул, идите другим путем. Отправляйтесь в Хинном. Держитесь от него подальше.

— Тогда у него будут развязаны руки, — сказал Хантер. — Куда бы ни пошел этот прокаженный, я следую за ним. Он знает больше, чем говорит.

— Я думала, вы считаете, что Клеменс просто заблудился. Кстати, мистер Хантер, он не прокаженный.

— Хейдлы изменили его. Мы понятия не имеем, кто он теперь. Дикая собака. Вопрос лишь в том, на чей свист он отзовется. Наш или их?

— Прокаженный и собака. Еще что-нибудь прибавите?

Хантер смахнул с винтовки невидимую пыль. Потом поднял взгляд на Ребекку:

— Вы мужик, Ребекка.

— Плевать.

Он ответил одной из своих полуулыбок. Ничем не прошибешь, подумала она. Хантер и его парни снова оказались в незавидном положении.

Они задержались у развилки еще на тридцать часов, собирая первую волну плотов, сплавлявшихся по реке. Казалось, этому не будет конца. Борясь с нетерпением, Ребекка вымыла голову, обрезала ногти и, повинуясь внезапному порыву, покрыла их ярко-красным лаком. У мужчин своя боевая раскраска, у нее своя.

Наконец их набралось больше ста двадцати. Ребекка оставила пятерых, чтобы они собрали следующих пятьдесят человек и направили вслед за основной группой, потом еще пятьдесят и так далее. Однако после недолгих размышлений вернулась и приказала прикрепить к стене стробоскопический фонарь в качестве указателя.

— Оставьте им записку рядом с фонарем, — сказала она. — Пусть следуют за нами. Нельзя терять ни минуты. В правый проток. Скажите, пусть поторопятся, а иначе мы закончим войну без них. Потом вернемся домой.

— А мы? — спросил один из пятерых.

— Найдите лодку, — ответила она. — Вы идете с нами. Мне нужен

каждый из вас.

Это воодушевило армию. Новость быстро распространилась. Ребекка дорожит каждым бойцом. Они нужны. Война почти закончена. Люди начали грузиться в лодки.

К Ребекке подошел Беквит. Она не заметила, как снайпер высаживался на берег. На самом деле она не видела его уже много дней, после того неудачного выстрела в деревне на берегу старицы. Ей казалось, что Беквит мог дезертировать. Тем не менее он здесь, и, несмотря на его непоколебимое упрямство, она была ему рада.

— Хорошо, что вы с нами, — сказала Ребекка.

В отличие от остальных мужчин, составлявших ядро ее армии, Беквит мылся и брился. И поэтому казался моложе — или остальные выглядели старше. Винтовка, как обычно, убрана в чехол. Снайпер напоминал ей мальчишку с гитарой. Мальчишку, поняла она, немногим старше ее. Неприятная мысль. Ребекка сжилась с ролью «суперматери» и теперь с трудом вспомнила, что ей не исполнилось и двадцати семи.

— Да, мэм.

Ребекка ждала. Он молча стоял рядом.

— Вы что-то хотите, мистер Беквит?

— Разрешите взять лодку, мэм?

Видеть покидавших ее людей — все равно что наблюдать заход солнца. Этот хотя бы спрашивает разрешения.

— Вы уверены, что не хотите еще немного побыть с нами?

— Я хочу пойти в город, — ответил Беквит. — В Хинном.

Ребекка умолкла.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Кто-то должен проверить его.

— Все данные указывают на правый проток, — заметила Ребекка.

— Возможно, я ошибаюсь. Уверен, что не в первый раз.

— И все равно считаете, что это необходимо.

Страдальческое выражение его лица поразило ее. Человек явно мучается.

— Я не знаю, что еще можно предпринять.

— Идите с нами, — посоветовала она.

Пальцы Беквита сжали чехол винтовки. Ребекка увидела, как напряглись мышцы.

— А если детей там нет?

Мир, казалось, содрогнулся. Ребекка управляла событиями, но и

события управляли ею. Может, она зря доверяет Клеменсу и не доверяет Хантеру? Почему монстр лучше наемника, или как там его называть? Может, она совершила ошибку, не отправив половину армии в Хинном? Может, нужно остановиться и начать все сначала? Как поступить? От этого зависит жизнь ее ребенка.

Вокруг сновали тени, слышалось звяканье металла. Сталкиваемые на воду лодки скрежетали по камням. Армия пришла в движение. Уже поздно что-то менять.

«Будь сильной».

— Вы останетесь один.

Беквит улыбнулся. Он уже один. Женщина давала ему шанс.

— Мы их найдем, — сказал снайпер.

Ребекка отвела взгляд.

«Еще один, кого я никогда не увижу».

— Берите лодку, — сказала она.

Снайпер повернулся, намереваясь уйти.

— Подождите, мистер Беквит. — Он остановился. Ей хотелось сказать ему что-нибудь доброе. — Надеюсь, вывернете лодку.

Снайпер вздернул подбородок, словно на голову ему вылили пригоршню чистой воды. Движение было произвольным. Ребекка застала его врасплох. Это длилось секунду или две, но она увидела, что на Беквита словно снизошло благословение. Ребекка вздрогнула. Неужели ей дана такая сила?

Беквит опустил голову. Удивленно посмотрел на нее. По крайней мере, на него эта сила действует.

Вокруг заметались лучи фонарей, замелькали тени. Беквит начал что-то говорить. Потом на него кто-то налетел. Он попрощался с ней кивком — как ковбой в бесчисленных фильмах — и нырнул в темноту, в сторону другого рукава реки.

Ребекка не стала его задерживать. Она забралась в лодку, где ее уже ждали, и отряд двинулся по правому протоку. Лучи света с лодок впереди и позади ее освещали путь.

Ребекка сидела, выпрямившись, на корме лодки, чтобы все могли ее видеть и брать с нее пример. Лучи света остановились на ней, осветили руки. Ребекка раскрыла ладони, и они наполнились светом. Не мигая, она смотрела на яркий свет.

Ее охватило странное чувство. Если она благословила Беквита, то и он благословил ее. Заставил увидеть собственную силу, о которой сама не подозревала. Теперь все ясно. Объяснение может быть только одно. Бог на

ее стороне.

Ребекка больше не думала о Беквите. Он выполнил свое предназначение. Теперь ей открылся путь. Сэм будет спасена.

По мере того как удалялась армия, развилка реки постепенно темнела. О ее присутствии напоминал только стробоскопический фонарь, прикрепленный к стене.

Река ярко вспыхивала и погружалась во тьму, потом снова вспыхивала и снова становилась черной. Фонарь был не только сигналом, но и свидетелем. Только он видел, как развилки достигли вторая и третья волны флотилии.

Течение медленно несло лодки — с мертвецами. Десятки их проплыли мимо. Казалось, что вспышки света оживляют тех, у кого сохранились глаза, — люди словно дышали, смотрели и шевелились. Но их пути разошлись с путем Ребекки. Им предстояло исследовать более далекие земли.

ДОКУМЕНТЫ

«ПАБЛИШЕРС УИКЛИ»

19 января

Мемуары: Охота на Армагеддон

Для сбежавших добровольцев будущее сулит успех

Они, возможно, никогда не участвовали в сражении, но по мере того, как добровольцы из «крестового похода Колтрейн» продолжают возвращаться из глубин планеты, разгорается битва за их воспоминания. По последним данным, около пятидесяти издательств подписали контракты на пятьдесят три новые книги, и конца этому процессу не видно.

20 марта наступление на рынок откроют «Падение в пропасть» С. Дэниела Бартлетта и «Слепая судьба» Бостона Томаса. Летом на этот плацдарм высадутся еще двадцать наименований, в том числе «Ночное видение» Тины Холуэй, «Пиратский флаг» Джозефа Дага и «Обманутый» Мейсона Этли.

Стараясь не отстать, кинокомпании «Уорнер бразерс» и «Дримуоркс» подыскивают съемочные площадки для уже запущенных в производство фильмов. Проект «Дримуоркс», получивший название «Крестовый поход детей», уже находится в стадии кастинга, и работа над ним поручена режиссеру Дэвиду Гойеру.

Вне всякого сомнения, повышенное внимание к этой теме вновь поднимет старый вопрос: когда травмированному обществу можно возвращаться к своему самому ужасному кошмару? «В идеальном мире мы должны были бы подождать еще год или два, — говорит глава издательства „Рэндом хаус“ Роберт Росс. — Следовало дать рынку созреть и надеяться на счастливое завершение спасательной операции. Но другие издательства торопятся, и у нас не остается выбора, кроме как выпустить свои книги весной и летом».

Судя по сигнальным экземплярам, в этом сезоне признание

собственной вины вышло из моды, поскольку многие авторы винят в своем участии в спасательной операции что угодно и кого угодно, только не себя. Несколько книг попытаются заполнить пустоту, обусловленную отсутствием центральных фигур, которые считаются пропавшими без вести или погибшими, в том числе Ребекки Колтрейн, ее родившегося под несчастливой звездой военного советника и особенно детей.

Несомненно, самой неоднозначной новинкой сезона станет книга Дж. К. Барнума «Не вводи меня во искушение: Триумф Нелли», написанная от лица одного из пропавших детей. «Несмотря на то что Нелли — вымышленный персонаж, никто из детей еще не вернулся, а я никогда не бывал в субтерре, это не выдумка, — говорит Барнум. — Нелли — собирательный образ восьмерых детей, в основе которого лежат мои серьезные исследования, в том числе пятьсот часов интервью с членами их семей, в которых я жил, а также многочисленные беседы с бывшими колонистами и ветеранами субтерры». Он также ссылается на свой опыт спелеолога-любителя и...

Когда Али открыла глаза, Грегорио гладил ее лицо.

Длинные черные волосы, абсолютно чистые. Глаза сияют. Затылок цел, как до падения. Одежда не порвана и не испачкана кровью. Это Грегорио — до самых кончиков прямоугольных ногтей.

— Я ждал тебя целую вечность, — сказал он.

Али лежала на боку и смотрела на него. Голос как у Грегорио.

— Ты умер, — ответила она.

— Разве я похож на мертвого? — Грегорио заправил за ухо прядь волос. — Не бойся, — сказал он.

— Я не боюсь.

Это сон. Али не сомневалась. Сны теперь трудно отличить от реальности.

За спиной Грегорио воздух светился, словно флуоресцентное желе. Бабочки украсили стены оранжево-черным узором. В отдалении высились похожие на облако руины Тадж-Махала. Или рухнувший Нотр-Дам? Это не горгульи там, наверху? А может, минареты или шпили?

«Ты сошла с ума, — убеждала себя Али. — Одержима снами. И красотой».

Не самая плохая доля.

— Это иллюзия, — сказала она. — Болезнь. Зараза идет от озера.

Али села. В животе у нее заурчало. На глаза попались часы на руке. Время остановилось. Все правильно. Сон.

— Ты голодна, — сказал Грегорио. — Путь был долгим.

Он протянул ей что-то на раскрытой ладони. Ее вновь окружили голоса.

«Яблоко», — шептали они.

Действительно яблоко. Спелое, без единого изъяна. Казалось, оно меняло свою форму на ладони Грегорио — словно трюк фокусника, когда один предмет превращается в другой. Но Али не могла разгадать секрет фокуса. В животе опять заурчало.

— Бери.

Черные усы раздвинулись. Сверкнули белые зубы.

«Грегорио».

Али надкусила яблоко. Оно оказалось хрустящим, вкусным и холодным.

— Пойдем со мной, — позвал Грегорио. — Нам нужно о многом поговорить.

Во всем виноваты голоса. Это они вытащили его из-под груды камней. Нужно каким-то образом вновь похоронить его.

Али медленно встала, покачиваясь от усталости и голода. Грегорио поддержал ее. Его ладони гладили руки и бедра Али, обхватывали груди. В этом не было ничего эротического или рискованного. Его руки, жадные и любопытные, казались какими-то отстраненными, словно он гладил собаку или лошадь. Не похоже на Грегорио. Хотя он не Грегорио. Это сон, ее сон.

«Проснись!»

Они спустились по обвалившейся лестнице. Вошли в каменный лабиринт, то ли поднимавшийся с пола, то ли оседавший в него. Шаг за шагом она погружалась в невероятный мир.

В воздухе мелькали бабочки. Гудели цикады. Мимо пролетела птица квезаль с яркими длинными перьями; в ее клюве трепыхался кузнечик. Вверху кружились зеленые попугаи. Вдалеке над водопадом поднимались клубы молочно-белого тумана.

— Это не настоящее, — сказала Али, обращаясь сама к себе.

— Скажи, что ты видишь.

Она описала оазис с кедрами, попугаев, бабочек и Тадж-Махал.

— Я ожидал от тебя большего.

Он казался разочарованным.

Неужели ей возражает порождение ее собственного сна?

Грегорио что-то сказал. Она не поняла. На запястье села бабочка. Али почувствовала легкий поцелуй.

— А теперь что ты видишь?

— Одного из твоих монархов.

— Ты не пытаешься. Смотри внимательнее. *Увидь*.

Давным-давно, еще в монастыре, Али прошла курс духовного размышления. «Сто первая молитва», как называли эти занятия девочки. Сестра Эллен, больше похожая на буддийского монаха, чем на монахиню, учила их искусству созерцания. Суть заключалась в том, чтобы раскрыть свой разум, одновременно закрывая его. Рассеять иллюзию.

Али закрыла глаза. Сделала глубокий вдох, отбросила страхи, усталость и голод.

«Тихо», — мысленно приказала она голосам.

А затем отключилась от этого мира, даже от мыслей о нем. Очистила свой разум.

Шепот стих. Али открыла глаза.

Крылья с оранжевыми и черными узорами исчезли. На их месте были сухие, испещренные прожилками мембраны. Бабочка стала черной. Ее тельце раздулась от крови. Али нахмурилась. Пиявка с крыльями?

Она накрыла бабочку ладонью. И отвлеклась. Голоса вернулись.

«Монарх, — шептали они. — Крылья. Трепещут. Оранжевые с черным».

Али убрала ладонь — пиявка исчезла. С руки взлетел грациозный монарх. И даже оставил оранжевую пыльцу на кончиках пальцев. Али потерла пыльцу большим пальцем, и та превратилась в кровавую полосу. А затем снова стала оранжевой и сухой.

Голоса окружали ее. Шептали, уговаривали.

«Пыльца, а не кровь, — повторяли он. — Бабочки. Красота».

Грегорио наблюдал за ней.

— А теперь слушай, — сказал он. — *Услышь*.

Вихрь шепота — голоса умерших — закружил ее. Множество языков были подобны музыке во сне. Так легко поддаться их уговорам. Но ей удалось расчленить их.

Закинув руки за голову, Али впускала в себя голоса и отделяла друг от друга. Словно разделяющий тушу мясник, она отсекала то, что напрямую ее не касалось — горловое пение и гортанные языки, подражательные звуки животных, доисторическое мычание, — и искала знакомое. С английским было легче всего. Али различала отдельные слова. Слышала их. Видела, как они оживают.

С каждым взмахом крыльев бабочки слова влетали в ее голову: «бабочка», «монарх», «крыло», «оранжевый», «черный»... Она увидела каплю воды, и шепчущие голоса придали ей смысл: «прозрачный», «влага», «бусинка», «свет»... То же самое происходило с зелеными попугаями в кедровом лесу. Слово за слово, при помощи тысяч и миллионов слов в ее мозгу формировалась иллюзия.

Каждый голос был занят своим делом. Один нашептывал об иглах кедра, другой — о наросте на стволе. Все вместе они создавали дерево, затем и лес. Голоса выстраивали песни сверчков, аромат цветов апельсина и корицы.

Али резко обернулась. Черные глаза Грегорио стали светло-голубыми. Голливудские усики исчезли, а на щеках проступили грубые шрамы. Это длилось не больше секунды. Затем голоса снова прорвались в ее мозг. Вновь появились лес и ярко-зеленые попугаи. Лицо Грегорио — или маска — вернулось на место. Но Али уже видела. Знала. Это не он.

— Кто ты?

— Кого ты видишь?

— Маску, — ответила она.

— Это твоя маска, Али, а не моя. Ты надела ее на меня. И только ты можешь ее снять.

— Али? — повторила она. — А что случилось с Александрой?

Шарада с Грегорио разгадана.

Маска словно растворилась. Образ Грегорио уступил место другому лицу, скрывавшемуся под ним. Али ясно видела его — морщины, шрамы, следы от старых ран, отнятая жизнь и вечный поиск самого себя. Лицо преисподней, каким она увидела его десять лет назад, лицо варвара, худого и голого, как Адам. Это был отец ее ребенка.

— Айк... — выдохнула она.

Что это за сон, который все длится и длится?

Волосы Айка поседели. Когда-то Али сравнивала его глаза с синим небом, теперь подземелье выбелило их, превратив в голубоватые стеклышки. Мощные плечи, созданные для того, чтобы носить рюкзак в пустынных горах, исхудали так, что сквозь кожу проступали кости и сухожилия.

— Что ты здесь делал? — спросила она.

— Лучше, но ненамного.

Ни объятия. Ни поцелуя. Ни намек на прошлое. Как будто и он разочаровался в ней.

— Айк, это я.

— Поешь.

Больше он ничего не сказал. Али всматривалась в удлинненное, с резкими чертами лицо. За эти годы Айк отдалился не только от нее, но и от самого себя.

— Мы должны выбраться отсюда.

— Что мы и делаем, — кивнул Айк.

Тем не менее он продолжал вести ее в глубь лабиринта.

Спотыкаясь, Али ковыляла за ним. Айк молчал. Не спрашивал о ребенке. Не пытался перекинуть мост через минувшие годы. Просто шел. При каждом шаге его голые ягодицы сокращались и расслаблялись. Подошвы ступней почти беззвучно ступали по камням.

Среди деревьев важно расхаживали павлины.

Водопады звенели, словно серебро.

Али следовала за Айком с неугасимой надеждой приговоренного к смерти пленника. Глупо. Потому что она уже начала догадываться, что происходит.

«Наживка», — подумала Али.

Айк просто наживка. Классическая ловушка.

На протяжении тысячелетий хейдлы проделывали этот трюк, обучая одного раба, чтобы он приводил других. Мужчины, женщины и даже дети — все поднимались на поверхность, заманивая людей вниз. Иногда посланцы преисподней являлись в образе прекрасных суккубов, молодых женщин, которые забирали с собой монахов, принцев и легко возбуждающихся мальчиков. Иногда это был мужчина с добрыми глазами, охотившийся за вдовами и уводивший их в горные пещеры. В данном случае Али сама себя вела вниз. Айк просто делал ее плен окончательным.

Она оглянулась, ища признаки лагеря хейдлов. Может, дети здесь?

Али посмотрела на спину Айка. Она помнила его кожу. Когда муж спал, она изучала глифы и знаки, вытатуированные и выжженные на его коже. Теперь отметины побледнели, словно текст в книге, оставленной под дождем. Четким остался только один знак на пояснице — алеф.

— Куда мы идем? — спросила она.

Айк молча вытянул руку. Над вершинами деревьев гигантской луной висел Тадж-Махал — резные башенки и стены, сверкающие купола. Души мертвых тянутся к ней со своими фрагментами вымышленных образов. Али ощущала их как некое давление в голове: каждый голос исполнял отретпетированную партию, создавая крошечную частичку большой иллюзии. Словно паук плел вокруг нее огромную, прекрасную паутину.

«Замолчите!»

Али отогнала голоса. Лес и цветы превратились в острия скал и россыпи камней. Тадж-Махал исчез. Вместо него Али увидела руины какого-то сооружения вроде крепости или собора. Рухнувшие арки, обвалившиеся стены, осыпающиеся шпили напоминали горку блинов у стены подземной пещеры. Время уже наполовину переварило их.

Там ее тюрьма.

— Айк, — позвала она. — Спаси меня.

Когда-то он уже сделал это. Проследил ее путь, когда Али попала в плен, ворвался во вражеский лагерь и сражался, как герой комиксов. Вывел ее из тьмы. Спас.

Теперь это другой Айк.

— Наоборот, Али. Ты спасешь меня, — ответил он. — Но прежде мы вернемся в самое начало.

Попытка побега бессмысленна. Бежать? Она едва плелась. Даже если бы Айк позволил ей уйти, даже если бы она нашла туннель, по которому спускалась, даже если бы научилась различать, какие животные и растения

годны в пищу, даже если бы смогла вскарабкаться на скалы, пересечь озеро и прогнать назойливых призраков, разум почти покинул ее. И его уже не вернуть. Никогда.

Иллюзия вернулась. Сталагмиты вновь превратились в кедры. Соляные наплывы стали важными павлинами. Летучие мыши вернули себе обличье попугаев.

— Подожди, — взмолилась она. — Мне нужно отдохнуть.

Только бы собраться с мыслями.

Айк не останавливался.

Тадж-Махал приближался. Трава льнула к ногам. Кедры качались. Над головой пел жаворонок.

Оглянувшись, Али увидела лишь голые скалы и трещины. Дверь захлопывалась у нее за спиной. Голоса — души мертвых, если такое возможно, — набросились на нее. Али сражалась с навязанными иллюзиями. Они обрушились на ее защитные рубежи. Так и должно быть, подумала она. Лингвист заперт в клетке из слов.

Они подошли к сверкающему мосту из бамбука и серебристых нитей. Али остановилась. По ту сторону моста среди сверкающих руин ждали ее собственные руины.

— Пойдем, — сказал Айк.

Али старалась не поддаваться страху.

— Дети там?

Он не подтвердил ее предположение, но и не отверг. Вопрос заинтересовал его.

— Ты за ними пришла?

— А ты думаешь, за тобой?

Он улыбнулся и ступил на мост.

— Дети, Айк.

Он продолжал идти — он и покрытая шрамами кожа на спине.

— Твоя дочь... — Эти слова остановили его. — Расскажи мне о детях, Айк.

Он повернулся.

— У тебя был ребенок?

— У нас, Айк. Она была твоей дочерью.

Он подошел ближе.

— Я хочу знать о ней все.

— Слишком поздно, Айк.

— Может, и нет.

— Она умерла семь лет назад. Тебя не было с нами при ее рождении.

Почему тебя волнует ее смерть?

— Сколько ей было?

— Три. — Али вспомнила о свечах на торте. — Я отмечала три ее дня рождения.

— Мало, — сказал Айк. — Но достаточно, чтобы знать свое имя.

Ни сожалений, ни соболезнований. Преисподняя соскребла с него все человеческое.

— Где дети, Айк?

— Ее имя, пожалуйста.

Как будто он спрашивал название книги. У Али перехватило дыхание.

— Нет. — Али прижала к сердцу сжатый кулак. — Ты подонок.

— Ее имя, — повторил он. — Какой от этого вред?

— Где дети, Айк?

— Имя.

— Нет.

Иллюзия начала распадаться.

Али посмотрела на то, что было у нее в руке. Яблоко превратилось в кусок мяса размером с кулак. Сердце. Камеры вскрыты. Волокна мяса застряли у нее в зубах.

Али в ужасе разжала пальцы.

— Что ты со мной делаешь, Айк?

— Его звали Макнаб, — сказал Айк. — Еще один пилигрим, не оправдавший надежды. Посмотрим, оправдаешь ли ты.

Али пристально смотрела на него. Внезапно исчезло сходство не только с Грегорио, но и с Айком. Она с изумлением наблюдала, как маска исчезает, открывая то, что скрывалось под ней. Али никогда не видела этого лица, тем не менее оно почему-то казалось ей знакомым, словно тень в зеркале, мелькнувшая во сне.

Всю жизнь по непонятным для нее самой причинам Али коллекционировала многочисленные имена этого существа — на всех человеческих языках. Но теперь почему-то не могла вспомнить ни одного.

«Ты», — успела подумать Али, прежде чем он прыгнул на нее.

22 января

Армия Ребекки сплавлялась по реке еще два дня.

Ничто не предупредило их о провале, в который обрывалась река, — ни рев водопада, ни усеянное камнями мелководье. Река просто соскальзывала в безмолвную черную дыру. Они потеряли плот и трех человек, прежде чем маленькая флотилия сумела пристать к берегу.

Целый день ушел на то, чтобы из моряков снова превратиться в солдат. Разбив лагерь на берегу реки, они набили рюкзаки припасами и амуницией, сколько были в состоянии унести, и приготовились к тому, что могло ждать их впереди. Час за часом они смотрели на реку, ожидая, когда покажутся новые плоты с сотнями людей на борту. Никто так и не появился.

Ребекку изумляло — но уже не расстраивало, — что из армии в тысячу триста человек у нее осталось всего сто десять. То есть коэффициент отсева составлял девяносто процентов. Непонятно, почему она уже давно не повернула назад. Непонятно, почему кто-то еще остался с ней. Оставалось лишь предполагать, что пути Господни неисповедимы.

— Мы не можем ждать вечно, — сказала Ребекка Хантеру и Клеменсу.

Они сидели перед круглой стеной из поставленных друг на друга камней. Рядом тихо струилась река, а затем обрывалась в бездну. Они добрались до конца света.

— Лучше тронуться в путь, не дожидаясь их, — предложил Клеменс. — Мы избавились от лишнего жира. Остались лишь выносливые боевые машины.

— У тебя хорошее настроение, черт возьми, — заметил Хантер.

— Почему бы и нет? Возвращение домой, как сказала Ребекка. Я собираюсь вернуться.

Потери подстегнули их. Ребекка считала жизнерадостность Клеменса проявлением силы духа. Он обретал форму, словно освобождающаяся из камня статуя. Он не ударил в грязь лицом.

— Мы уже близко, — сказал Клеменс.

— Откуда ты знаешь? — спросил Хантер. — Кажется, ты здесь никогда не был.

Клеменс подошел к стене и похлопал по знаку — возможно, это было схематичное изображение животного, — вырезанному на поверхности

скалы. Все повернулись, чтобы посмотреть. На камне заплясали лучи фонарей.

— Судьба, — произнес Клеменс. Потом задрал футболку. Среди шрамов и геометрических узоров на его груди имелся такой же знак. Кончиком пальца он обвел знак на своем теле, затем на камне. — Видите рога?

— Рога дьявола, — слышался чей-то голос.

— Рога Быка, — поправил Клеменс. — Таурус. Его город. Дети там.

Раздался крик. Воины Ребекки — профессионалы, охотники на оленей, резервисты — окружили ее лесом винтовочных стволов. Момент настал. Пора открыть шлюзы.

Ребекка забралась на камень и окинула взглядом ввалившиеся глаза, спутанные волосы, всклокоченные бороды, бейсболки, косынки, береты, шлемы, амулеты, четки, смазанную маскировочную краску. Они ждали от нее каких-то слов, чего-то напыщенного, как в голливудских боевиках. В фильмах Джейка в такие моменты гладиатор, горец или тренер произносил воодушевляющую речь.

— Мы пришли победить дьявола, — наконец произнесла Ребекка. — Вперед, к победе.

Слабо, подумала она. Очень слабо.

Они ждали. Ребекка продолжала стоять.

— Аминь.

— Аминь, — повторили они.

Ожидание затягивалось. Ребекка лихорадочно подыскивала нужные слова. Потом протянула руку. Люди придвинулись ближе, накрыв ее ладонь своими.

— Драться! — выкрикнула она. — Драться! Драться!

Эти слова достигли цели.

— Вперед! — ответили они и бросились в туннель, гремя амуницией, с оружием на изготовку.

Они привязали лодки в ряд, словно машины на общественной парковке. Словно это был еще один день в череде будней. Ребекка оставила записку отставшим: «Поторопитесь».

Клеменс, как обычно, шел один. Хантер, как обычно, отправил несколько своих волков из «Зоны высадки» вперед, чтобы они проверили туннель. Остальные потащили тяжелую поклажу по тропе. Ребекка вскинула на плечи рюкзак и присоединилась к основному отряду.

Одним из преимуществ сокращения армии было то, что она ближе узнала людей. Это была странная близость. Ребекка дотрагивалась до них, а

они не смели прикоснуться к ней. Она знала их, но все меньше и меньше по именам. Их лица сливались в один яркий образ. Армия превращалась в единое существо. Принадлежащее ей.

У одного были мощные бедра фулбэка.^[28] Другой отличался выносливостью. Этого парня отличал типичный чикагский юмор, поддерживавший товарищей в самые тяжелые дни. А у того болевой порог как у камня. Она мысленно продолжила список. Хотя это уже не список.

Когда они двигались, как единое целое, когда она управляла ими, словно одним организмом, у нее возникало ощущение, что движется ее тело. Они стали ее пальцами, проникающими в эту дыру. Их пот был ее потом. Ребекка любила их как саму себя — то есть не здесь, не сейчас, когда-нибудь потом. Все зависит от Сэм.

Три дня они шли по разбитой тропе. С десятью тоннами на спинах это был тяжелый крестьянский труд. Никто не жаловался. Никто не зачехлял оружие.

На третий день отряд догнал Клеменса.

— Город здесь, — сообщил он. — В нескольких часах ходьбы.

— Город? — переспросил Хантер. — Он на самом деле существует?

— Еще как.

Ребекка протиснулась вперед.

— А дети?

Клеменс протянул длинный гладкий камень. Ребекка нахмурилась.

— Нашел под скалой, — пояснил Клеменс. — Тампон.

Ребекка озадаченно посмотрела на него. Ногтем большого пальца он сколупнул с камня засохшую корочку.

— Кровь?

— Не тревожьтесь, — успокоил Клеменс. — Это менструальная кровь.

Хантер шагнул к ним.

— Может, она принадлежит животному?

— Исключено. — Клеменс коснулся засохшей чешуйки кончиком языка. Его большие выпученные глаза уже не казались чистыми и честными. — Человеческая кровь. Женская. Ей несколько дней. Женщина использовала этот голыш, чтобы остановить кровотечение.

— Камень лежал под скалой? — спросил Хантер. — Ты заглядывал под скалы?

— Я живу под скалами, — ответил Клеменс.

Четыре часа спустя они достигли города, построенного в громадной пещере. Отряд подкрадывался к врагу, словно их приближение — со всем

этим шумом и светом — могло остаться незамеченным. К счастью, город был пуст — по крайней мере, на первый взгляд.

Лучи налобных фонарей ящерицами скользили по крепостным стенам. Массивные ворота рухнули много лет назад. Ребекке хотелось броситься внутрь, однако она сдержалась.

Каменные бычьи головы с зелеными рогами из оникса торчали в верхней части стен. У каждой три глаза, а не два... один в центре лба. Коровьи Будды, подумала Ребекка.

Повинуясь инстинкту, люди рассредоточились, словно подкрадывающиеся к противнику индейцы, и укрылись за камнями. Ребекка держалась поближе к Хантеру, профессиональному солдату, который, в свою очередь, не отходил от Клеменса, своего врага.

— Нужно добавить света, — предложил Хантер. — Пустим осветительные ракеты. Посмотрим, что у нас тут.

Из тьмы возник город. Он был похож на видение, мерцавшее по ту сторону крепостных стен. Известняковые колонны высотой в пять или шесть этажей напоминали пчелиные соты. По густо застроенному склону холма вились лестницы.

Ребекка впервые увидела город хейдлов. Открывшаяся картина поразила ее.

— Они все это построили?

Преисподняя представлялась ей как обитель бесконечных страданий и боли. Однако в период расцвета страданиями дело не ограничивалось — это был рай без молока и меда. Темный рай, подумала Ребекка. Шедевр из камня и человеческой крови.

— Они прошли этим путем, — сказал Клеменс.

— Откуда вы знаете?

Клеменс потянул носом воздух. Затем подошел к камню и перевернул его, открыв «колбаску» экскрементов.

— Хейдл, — сказал он и протянул экскременты Хантеру, который пристально наблюдал за ним. — Человек.

— Так все же, Клеменс? Хейдл или человек?

Ребекка наконец поняла. Дерьмо хейдла. Мясо человека.

— Я отправлю разведку. — Хантер повернулся к Ребекке. — Поддерживайте освещение ракетами. И скажите вашим героям, пусть не снимают оружие с предохранителей. Мне совсем не хочется, чтобы эти парни стали палить по теням.

Люди Хантера побежали к воротам и скрылись в крепости. Прошло пять долгих минут. Наконец на стене появился человек. Махнул рукой.

Ребекка вошла в город вместе с остальными. Арка ворот была высокой, словно предназначенной для великанов. Ее встретил Хантер.

— Хорошие новости и плохие новости. Их здесь нет. По крайней мере, в этой части города. Он протянулся на несколько миль. Потребуется несколько недель, чтобы обойти все дома подряд. Нужно действовать выборочно.

Они обсудили план прочесывания города. Хантер разделил добровольцев на группы с командиром во главе. Каждой группе была выдана рация.

— А у нас будут позывные или что-то в этом роде? — спросил один из командиров.

В своей маскировочной раскраске он больше напоминал клоуна, вырядившегося солдатом.

— Сами выбирайте, — усмехнулся Хантер.

— Мы будем «Сигма-один», — сказал клоун.

— «Фокстрот-девять», — подхватил другой.

— Боже... — пробормотал Хантер.

— Мы готовы? — спросила Ребекка.

— Вы остаетесь, — приказал Хантер.

На этот раз Клеменс согласился с заклятым врагом.

— Слушайте его, — посоветовал он Ребекке.

Она не ответила. Просто вытащила из кобуры «глок» Джейка и начала подниматься по лестнице. Или пусть ее свяжут, или идут следом. Связывать ее не стали.

Город Быка напомнил ей книжки доктора Сьюза,^[29] которые она читала Сэм. Лестницы вели к новым лестницам. Над круговыми лабиринтами вздымались шпили. Вода весело журчала в акведуках, украшенных разноцветным лишайником. Не хватало только усатых жителей.

Люди Хантера обыскали несколько зданий. Пригнувшись и вытащив пистолеты, они заглядывали в двери. Нервные, словно колибри. Через полчаса чувство опасности притупилось. Вероятно, город необитаем еще со времен Христа.

Они дошли до края болота. Когда-то это был большой бассейн. Со временем прямоугольные края потрескались и обвалились. Вода стала зловонной. Дно заросло сорняками.

Чуть дальше по берегу возвышалась полуразрушенная крепость, господствовавшая над городом и этим краем болота. Люди Хантера

короткими перебежками приблизились к крепости, но и она оказалась пустой. Ребекку охватило отчаяние.

Через болото тянулся длинный ступенчатый мост из каменных плит. Хантер выпустил осветительную ракету. На противоположном конце моста засверкали белые пики гор.

— Снег? — удивился кто-то из солдат.

Не снег и не горы.

— Пирамиды, — сообщила Ребекка, опуская бинокль.

— Длина моста не меньше четверти мили, — сказал Хантер. — Другого пути на остров нет. Это значит, что в древности никто не мог попасть туда или выйти оттуда, минуя крепость. Возникает вопрос, для чего ее построили: чтобы защитить пирамиды от города или город от пирамид? Что там такое, на острове?

«Сэм», — подумала Ребекка.

Она снова вытащила из кобуры «глок» Джейка и направилась к мосту, кивком предложив остальным следовать за собой. Едва она ступила на первую плиту, Хантер схватил ее за руку. Опять. Как на платном мосту.

— Никто туда не пойдет, пока мы не произведем разведку. Я знаю, о чем вы думаете. И я согласен с вами. Дети, скорее всего, там. Но мост смертельно опасен. Пройти по нему можно только цепочкой, не защищенной ни спереди, ни с флангов, без всякой поддержки и резерва. А если нам придется отступать... — Он указал на воду. — Неизвестно, что тут за глубина.

— Мы не остановимся здесь.

— Мы не пойдем в западню, спустив штаны и закрыв глаза.

Ребекка попыталась высвободить руку.

— Для детей драгоценна каждая минута.

— Здесь мы так растянемся, что достаточно легкого дуновения, чтобы уничтожить нас, — сказал Хантер. — Нужно организовать передовую базу, доставить туда продовольствие и приготовиться к худшему.

Снизу послышались голоса. Хантер бросил взгляд на подножие лестницы и, выругавшись, отпустил руку Ребекки.

— Киногерои!

Десятки крошечных фигурок пробирались через развалины и карабкались по лестнице. Первым, задыхаясь, появился «клоун» в маскировочной окраске.

— Что вы делаете, черт бы вас побрал? — рявкнул Хантер. — Я же сказал разбить базовый лагерь и охранять тылы!

— И опоздать на вечеринку? Самое главное будет впереди, и мы не

хотим ничего пропустить. Мы уплатили взнос.

Один из его товарищей согнулся пополам, прижав винтовку к голеним и жадно глотая ртом воздух. Люди всё прибывали — в различной степени изнеможения.

«Взбесившиеся лежебоки», — подумала Ребекка.

— Кто охраняет провиант? — спросил Хантер. — Если хейдлы захватят лагерь, нам конец.

— Не терять бдительности, мы знаем — ты все время это повторяешь. Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю — всегда. Да тут никого нет. — Он увидел пирамиды. — А это что?

— Возвращайтесь в лагерь. Все до единого, черт возьми.

— Скажи это своим парням.

Охранники Хантера рассредоточились, приготовившись сдерживать растущую толпу. Стволы их винтовок слегка приподнялись. Палец Хантера придвинулся на спусковой крючок.

Внезапно подстрекатель осознал, что зашел слишком далеко. Он испуганно затих. Между ног у него появилось темное пятно.

— Полегче, джентльмены, — сказал неожиданно появившийся Клеменс.

— Отойди, Клеменс. У него есть язык. Он не нуждается в переводчике.

— Ребекка, мне кажется, парни заслуживают некоторого уважения. Предлагаю вот что. Я провожу добровольцев через мост. Остальные могут охранять этот берег.

Ребекка посмотрела на остров с нагромождением пирамид. Она все еще чувствовала следы от пальцев Хантера на руке.

«Надо спустить собак».

— Каждый решает сам за себя, — сказала она.

Хантер недовольно покачал головой. Палец соскользнул со спускового крючка. Охранники опустили винтовки.

— Вы совершаете ошибку.

— Мистер Хантер, мне все время пытались указывать, контролировать каждый мой шаг. Слушайся я этих людей, мы не добрались бы сюда, и дети были бы потеряны навеки. Кроме того, мы только что прошли через развалины города, и там никого нет.

— Лагерь и провиант — наш билет на выход, — возразил он. — Если на нас нападут с тыла, мы окажемся запертыми в городе.

— Позади только отставшие, — сказала Ребекка. — Я оставила им записку. Они позаботятся о лагере, когда придут.

— А до тех пор провиант нужно охранять.

— Вот идите и охраняйте, — ответила она.

Хантер покачал головой.

Ребекка снова направилась к мосту. На этот раз за руку ее схватил Клеменс.

— Кроме вас.

— Отпустите!

— Вы нужны нам целой и невредимой. Мы очистим остров. Это не займет много времени. — Он насильно оттащил ее к Хантеру. — Включите рацию. Ждите сигнала, Ребекка. Скоро все закончится.

Толпа распалась.

Несколько человек рывкнули боевой клич рейнджеров, только он явно не подходил для этой ситуации — как слишком широкие штаны.

Подпрыгивающей походкой Клеменс захромал по массивным ступеням. За ним потянулась длинная цепочка добровольцев. Из рации послышался его голос:

— Проверка, проверка, один, два, три. Слышите меня?

— Что ты видишь, Клеменс?

— Фараонов пока нет.

Он явно пребывал в игривом настроении.

Каменные ступени представляли собой плоские верхушки огромных колонн квадратного сечения, поднимавшихся из болотной жижи. Там, где колонны разошлись, образовались провалы. Люди продвигались по мосту — растягивались длинной цепочкой, сбивались в кучу, прыгали, перешагивали трещины, замедлялись, ускорялись. Наблюдая за ними через бинокль ночного видения, Ребекка насчитала восемьдесят девять человек. Все, кроме охранников Хантера.

Тем временем Хантер расставил стрелков справа и слева. Пристроив винтовки на обветшалые статуи и обломки колоннады, они прильнули к оптическим прицелам. Ребекка смотрела в бинокль, пытаясь в инфракрасном и ультрафиолетовом свете различить признаки жизни среди безмолвных пирамид — в том числе чужой.

— Есть контакт, — сообщил по рации Клеменс.

С такого расстояния он выглядел как крошечное зеленое чучело. Прерывистая цепочка людей достигла берега, и Ребекка потеряла Клеменса из виду.

— Рассредоточьтесь, — сказал Хантер. — Займите оборону. Найдите укрытие. Следите за флангами. Не входите туда, пока не обеспечите

прикрытие.

Ответ Клеменса последовал через минуту.

— Никто не слушает.

Осветительные ракеты опустились в воду. Их место тут же заняли новые. Прямо-таки праздничный салют.

— Вы видите детей? — вступила разговор Ребекка.

Она тщетно пыталась различить в толпе скрюченную, словно канцелярская скрепка, фигуру Клеменса. Несколько человек взобрались на статую. Она разлетелась на куски. Вверх радостно взметнулись руки.

— Что они делают? — спросила Ребекка.

— Боюсь, тут у нас приступ золотой лихорадки.

— Золото?

— Везде. На статуях, стенах и даже тротуарной плитке. Это превращается в охоту за сокровищами.

— К черту! — Она опустила бинокль. — Я иду туда.

— Ребекка... — раздался в наушниках голос Хантера.

Затем они увидели вспышки выстрелов.

Ребекка замерла.

Над озером поплыл звук лопающегося попкорна. Неужели они совсем обезумели и впустую растрачивают патроны?

— Клеменс, — сказал Хантер, — пусть прекратят огонь. Немедленно.

Голос Клеменса то появлялся, то исчезал.

— Ребекка... безопасность...

Рация усиливала звук выстрелов. Послышались крики. Связь оборвалась.

— Черт, все-таки это случилось, — пробормотал Хантер.

Между пирамид показались люди; они бежали к мосту. На таком расстоянии фигурки выглядели крошечными, и Ребекка не могла всерьез воспринимать их отчаяние.

Счастливики из первых рядов бросились по мосту. Позади них люди отталкивали друг друга, пытаясь пройти первыми. Похожие на муравьев фигурки полетели в воду. Болото оказалось мелким: вода едва доходила до пояса. При виде хаоса на мосту все больше добровольцев просто прыгали в воду и брели к противоположному берегу, с оружием и без.

Хлопки попкорна не стихали. Некоторые целились, но большинство просто палили в сторону пирамид.

— Отходим! — крикнул Хантер своим людям. — Это ловушка. Назад, к воротам! Охраняйте припасы!

«Сэм».

— Мы не можем их бросить, — сказала Ребекка.

Внезапно один из добровольцев прыгнул с грани пирамиды. Просто повернулся и бросился вниз. Его тело кувыркалось, словно тряпичная кукла. Эта картина испугала Ребекку больше, чем объявшая толпу паника. Человек взобрался так высоко лишь для того, чтобы покончить с собой.

Она заметила еще одну фигурку, карабкавшуюся на другую пирамиду. Опять самоубийство? Человек взбирался все выше и выше, подальше от царившего внизу хаоса.

Негромкий звук выстрелов вновь заставил ее посмотреть на толпу. В задних рядах люди падали, словно под ударами невидимой косы.

Ребекка понимала, что должна ужаснуться. На ее глазах происходило нечто страшное. Но она не видела лиц, не слышала криков, не заметила ни одного хейдла и поэтому воспринимала все это как мультфильм, только очень мелкий. Люди бежали. Падали с берега в воду. Застревали в тростнике. Ребекка опустила бинокль. Невооруженным глазом в темноте были видны лишь редкие вспышки выстрелов.

Ребекка вновь поднесла бинокль к глазам. Человек на пирамиде добрался до самой вершины, практически до орнамента. Он сидел, подперев рукой подбородок. «Мыслитель» в миниатюре, поднявшийся над суетой.

Позади толпы мелькнула бледная тень. И мгновенно ужас стал реальным. Точно так же под тexasской луной разрывали на части Джейка.

«Сражайтесь! — мысленно приказала Ребекка. — Встаньте и сражайтесь. Как сражался Джейк».

Враг оставался невидимым, если не считать прыгающей бледной фигуры. Ребекка видела лишь безумную панику, словно из зоопарка сбежал тигр.

Люди бросали рюкзаки и оружие. Пирамиды постепенно растворялись в тени. Болото потемнело.

Охранники Хантера направили осветительные ракеты так, чтобы они зависли над болотом. Из полутьмы проступили пробиравшиеся по мосту фигуры. До них оставалось около сотни ярдов — еще далеко.

Ребекка слышала кашель и плеск, доносящийся из воды. Кто-то блял, словно ягненок.

— Семь... нет, девять, — вслух считала она. — Это все?

— Идемте со мной, — сказал Хантер.

Ребекка оцепенела.

— Что?

— В крепость. Быстро!

Ребекка подумала, что Хантер демонстрирует свою власть.

— Мы не можем просто бросить их.

— Можем.

— Но дети...

— Не теперь.

Ребекка бросилась бежать.

У самого моста она посмотрела на протянувшиеся через воду ступени. В свете ракет камни как будто двигались, похожие на изгибающийся позвоночник.

Впереди послышался крик. Ребекка едва не соскользнула в воду. Перед мысленным взором появилась Сэм, исполняющая балетные па на известняковом утесе за домом. Ребекка ступила на мост.

Первый из спасшихся был в шоке, но мог двигаться.

— Они идут!

Даже спасаясь бегством, эти трое не бросили золотые безделушки.

— Не останавливайтесь, — сказала она, осторожно обогнула их и двинулась дальше.

У следующего была резаная рана. Ребекка вспомнила его. Архитектор. Из Цинциннати. Двое детей. На боку у него надулся розовый пузырь. Каким-то образом парню удавалось держаться на ногах.

— Ложитесь, — сказала Ребекка. — Я приведу помощь. Мы вас вынесем.

Он проковылял мимо, не поднимая остекленевшего взгляда.

Пятый едва не сбросил ее с моста, торопясь на берег.

Еще дальше в воде брели двое мужчин.

— Давайте руку. — Ребекка наклонилась и вытащила одного из них на мост.

Это был фокусник-любитель. Часто демонстрировал разные трюки с картами. Вдвоем они наклонились помочь его товарищу.

— Спасибо, — поблагодарил человек в воде. — Спасибо.

Его Ребекка тоже узнала. У него невеста в Нью-Джерси. Он разучивал «Лунную сонату».

Благодарная улыбка вдруг застыла на его лице. Мужчина вытащил руку из воды. Запястье было обернуто прозрачным полиэтиленовым пакетом. Он принялся бить рукой о колонну. И выть.

К нему подплыл второй кусок полиэтилена. Потом третий. Ребекка направила луч фонаря в воду. Болото буквально кишело ими. Медузы.

Мужчина резко откинулся назад. Исчез под водой. Поверхность болота

вновь стала неподвижной.

— Арон? — позвал фокусник.

Около уха прожужжала пчела. Ребекка нахмурилась.

Послышался звук выстрела.

Ребекка посмотрела на мост. По каменным ступеням крались бледные тени. Снова засвистели пули. Она потянула фокусника за руку.

— Его нет.

Прежде чем она успела ответить, фокусник прыгнул в болото.

— Арон?

Ребекка повернулась и бегом бросилась к крепости.

Сзади послышался крик. Вода забурлила.

«Не смотри!»

Внезапно крепость осветилась вспышками выстрелов. Воздух по обе стороны от нее пел. Она перепрыгивала с камня на камень. Бежала между двух завес из свинца.

Раненный в живот архитектор распластался на мосту. Как «лежачий полицейский».

«Не останавливайся!»

Он пошевелился. Ребекка замерла.

— Давай!

Собрав неизвестно откуда взявшиеся силы, она подняла его. Раненый вскрикнул. Ребекка согнулась под его весом. Отступить нельзя.

— Ребекка, — в пятидесяти ярдах ее ждал Хантер, — бросьте его!

— Помогите мне.

Шатаясь, она двинулась вперед.

Хантер опустил на колени, словно рыцарь в доспехах. В его руке появился пистолет. Голова архитектора, лежавшая у нее на плече, дернулась. Ребекка увидела пулевое отверстие на лбу. Мозг растекся у нее по плечу. Действительно серое вещество.

— Ложись!

Хантер целился прямо в нее.

Из дула пистолета вырвалось пламя. Ребекка почувствовала, как пуля просвистела у нее над ухом. Что-то тяжелое ударило по ногам. Она упала.

Лежа лицом вниз, Ребекка не осмеливалась оглянуться и посмотреть, что придавило ее ноги. Оно двигалось. Бормотало на древнем языке.

Тело архитектора соскользнуло в воду. Глаза его были открыты, словно наблюдали за Ребеккой.

«Закрой глаза».

Она зажмурилась.

В воздух взвились осветительные ракеты. Прямо перед глазами Ребекки. Она попыталась разобрать их глупые каракули. Слушала жужжание пчел.

Существо на ее ногах продолжало дрожать. Точно так же подрагивали ноги оленя, которого подстрелил Джейк. Это была ее первая и последняя охота. Если не считать эту.

«Сэм!»

Чья-то ладонь грубо сжала ее руку. Сомнений быть не могло. Право собственности, подумала она. Девяносто процентов всех законов. Существо завладело ею.

— Ребекка!

Она открыла глаза. Это был Хантер. Он выставил свободную руку, целясь из пистолета. Раздались выстрелы. Пули ударились о камень. Осколок попал ей в ухо. Горячий.

Ноги освободились. Хантер снова схватил ее за руку.

— Идти можете?

— Да, — ответила Ребекка.

Ноги не слушались, и она поползла.

Хантер взвалил ее на плечо и опустил на землю только на берегу.

— Давай! — скомандовал он.

Небо залило белым светом. Будто раскрылось яйцо Фаберже. Внутри пещеры засиял чужой, фантастический мир: пирамиды, болото с плавающими телами, мост и бледные обезьяноподобные фигуры на нем. Затем легкие наполнились горячим воздухом, и Ребекка прикрыла ладонью глаза, защищаясь от яркого света.

ДОКУМЕНТЫ

ЕЖЕДНЕВНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД, КОРПОРАЦИЯ «ERRI»

18 января

Главное событие дня

Китай открывает и закрывает створки ракетных шахт

Вчера в эскалации напряженности Китай открыл створки пятидесяти четырех шахт межконтинентальных баллистических ракет.

Объединенное командование ПВО североамериканского континента наблюдало за инцидентом при помощи спутника, и трем противоракетным комплексам на авиабазе Мальмстром в Монтане был отдан приказ открыть шахты. Через восемь минут Китай закрыл створки шахт, не произведя запуска. Президент США распорядился перевести американские пусковые установки в дежурный режим, и все створки были закрыты без запуска.

Послу Японии, представляющему интересы Китая, была вручена нота с протестом против провокации. Министерство иностранных дел Китая продолжает игнорировать американского посла, хотя он имел частную беседу с премьером Жеминем.

Китайские средства массовой информации и Интернет не сообщают об инциденте. Утечки в американские средства массовой информации тоже не было. Население обеих стран ничего не знает о конфронтации.

Али проснулась посреди японского сада камней с аккуратно разровненным граблями песком.

Ночной кошмар, когда Грегорио превращался в Айка, который становился Им... казался далеким и совсем не страшным. Гораздо приятнее наслаждаться этим сном. Лепестки цветов вишни снежными хлопьями падают вниз. Воздух ароматен и чист. Одна и в безопасности. Разумеется, нет.

На песке не было следов. Али не помнила, как пришла сюда или как затягивались ее следы на ухоженном песке. Кто-то положил ее в саду камней, пока она была без сознания, и расставил декорации.

Все тело болело. Словно она упала со скалы или ее сбила машина. Мышцы сводило судорогой. Ногти обломаны. Но сильнее всего боль была в промежности, как от разрывов во время родов.

В памяти всплыли картины его неистовства. Границы японского сада стали размытыми, лепестки вишни застыли в нерешительности. Али оттолкнула от себя хаос. Она не готова пережить насилие. Лепестки продолжили падение.

Сзади послышался голос.

— Доброе утро, Али.

На ветке карликового дерева сидела мать. Ее умершая мать.

Избавиться от иллюзии на этот раз не составило труда. Али прогнала нашептывающие голоса. Каменный сад с красивыми узорами на песке был настоящим. Остальное — ложь. Лепестки цветов вишни оказались хлопьями пепла. Синее небо превратилось в свод из истерзанного камня. Воздух спертый и зловонный. Карликовые деревья исчезли. На их месте прямо из земли торчали ископаемые останки какого-то древнего зверя.

И разумеется, тут не было матери. Человеческая внешность испарилась. Али увидела его глаза. Древние глаза. Он стар — несмотря на белую, как алебастр, кожу.

Голоса обрушились на нее. Они нашептывали о прекрасном саду под синим небом, о матери. Али не подпускала их. Ее жизнь зависит от ясности ума и способности рассуждать, определяется сомнением, а не верой. В этих глазах нет жалости. Возможно, любопытство. И скука. А еще ум. Но явно не милосердие и уж точно не извинение.

— Ты не моя мать, — наконец произнесла Али.

Больно двигать челюстью. Что он с ней сделал?

— Хорошее начало.

— Ты хейдл?

Он усмехнулся — очень тихо.

— Может, ты мне снишься, — сказала она. — Или я сошла с ума.

— Прошу тебя, Али. Если мы собираемся быть вместе, ты должна проявлять большую сообразительность. Мы знакомы. Ты уже много лет охотишься за мной, а я за тобой. Ну, что скажешь? Станцует?

В его поведении было что-то от животного мира: спокойствие рептилии, твердость взгляда, как у птиц, неподвижность богомола. Ни единого шрама или отметины на коже, что очень странно в этом жестоком мире. Загадочное лицо — оно так же отличалось от человеческого, как человеческое от обезьяньего. Жидкие усики, как у подростка. Но синяя радужная оболочка практически выцвела. Он красив той красотой, которая подходит для любого возраста и любой эпохи.

И где всем известные признаки монстра?

Словно прочтя ее мысли, он похлопал себя по голове.

— Рогов нет. — Он заглянул себе за спину. Потом опустил взгляд на ноги. — Крыльев тоже. И раздвоенных копыт. — Потом сложил руки на груди. — Так что с этим покончено.

Али вдруг подумала, что если легенды не врут, если это действительно мятежный ангел, отправленный в ссылку, то она практически видит перед собой лицо Бога. Облик мысли, облик первой названной мысли. Перед ней сидит, закинув ногу на ногу, первое Слово — Слово, сотворившее плоть.

Она отбросила эту мысль. Абсурд, каприз воображения, искушение вроде того сна, который ждет, чтобы унести ее к цветам вишни. И все же...

— Как мне тебя называть? — спросила Али.

Ей требовалось имя. Его настоящее имя. И это не просто тщеславие лингвиста. Слова обладают властью. Слова способны управлять империями: свидетельством тому могут служить цезарь, фараон или мистер вице-президент. Какое имя он назовет? То, которым назвал себя сам, или то, которое ему дали другие? И кто дал — поклонники или жертвы? Еще одну возможность — единственную — она отвергла. «Бог?» Нет, невозможно.

— Зови меня... — он выдержал паузу. — Измаил.

Потом улыбнулся. Это была шутка, но не только. Али вправе как угодно интерпретировать его слова.

Проверяет.

Измаил, подумала Али. Отверженный сын. Странник в пустыне и отец

незаконнорожденных рас. Оставшийся в живых. Все это позаимствовано из Библии, а концовка из Мелвилла. Она поняла. Одно-единственное имя дало ей ответы на многочисленные вопросы, которые теперь нет нужды задавать.

И тут же появилась другая мысль. А вдруг эта ссылка на Библию означает нечто большее? Что, если в незапамятные времена он сочинил историю про Измаила как аллереорию собственной судьбы? Библия написана Зверем? Потрясающе, подумала она. И нелепо.

— Когда-то я знала человека, который делал безумные заявления, — сказала Али. — Ему удалось убедить нас, что он... — какое же имя назвать... Вельзевул, Старше-чем-старый, Питар, Тень Бога? Нет, нет, нет, — неуязвим, — закончила она. — А оказался обыкновенным человеком. Его застрелили. Я сама видела.

Значит, проверка? Тогда и она проверит его.

— Должно быть, Томас. Один из моих мучеников. Кстати, не первый иезуит, которого я использовал. Считай его моим тайным агентом. Я взял святого отца под свое крыло почти сто лет назад, долго обучал его, а потом отправил назад, в мир, чтобы он стер мои следы. Именно Томас рассказал мне о тебе. Я надеялся, что ему удастся, если можно так выразиться, убрать меня со сцены и вновь спрятать среди мифов.

— К чему волноваться из-за мифов. — Али разговаривала с ним так, словно он действительно был тем, кем мог быть. — Мы все равно перестали верить в твою реальность.

— Я надеялся, что вы совсем забудете обо мне. Современный мир так увлечен собой. Но потом благодаря моим бедным, голодным дикарям вы наткнулись на входы в этот мир. И вдруг выяснилось, что если ад реален, то я тоже реален. А значит, я неизбежно становился врагом для наемных убийц, экзорцистов и мускулистых христиан, которые спускались сюда, охотились на меня, загрязняли мою воду, нарушали мир. — Он умолк. — Поэтому я устроил так, что меня — или моего иезуита — убили в присутствии свидетелей. На твоих глазах, если быть точным.

— Моих?

— Неужели ты думаешь, что твое присутствие при смерти Томаса случайно? Томас был организованным и очень скрупулезным человеком. В точности следовал моим инструкциям.

— Но почему я?

— Любовь, — просто ответил он.

Слово полетело в нее. Как роза. Или пуля. Али изумленно смотрела на него.

— И освобождение, — прибавил он.

— Освобождение?

Он похлопал себя по голове.

— Вот она, тюрьма. Теперь я точно знаю. Не каменные стены вокруг нас. Здесь, все здесь. Я хозяин своей свободы. Но мне нужна помощь. Подсказка. Некое воспоминание о будущем. У кого-то — возможно, лингвиста вроде тебя — есть ключ. Волшебное слово. Что-то вроде: «Сезам, откройся». Чтобы отпереть мою дверь.

Али не знала, как понимать этот безумный разговор. Какая тюрьма? Какая дверь?

— Волшебных слов не существует, — сказала она.

— Сначала ты утратила веру в Бога, а теперь веру в слова? Зачем ты спустилась сюда, сестра?

Он застал ее врасплох. Действительно, пора вспомнить.

— Дети, — ответила Али. — Я пришла, чтобы найти детей.

— Агнцы в пустыне. Разве это не относится ко всем нам?

— Они здесь?

— Они мои.

Али вспомнила о детях из ледникового периода, чьи кости были сложены у холма с алефом. Как давно он забирает себе детей?

— Позволь мне их увидеть.

Али попыталась встать. И едва не лишилась чувств. Неужели у нее еще и ноги сломаны?

— Отдохни. — Он — наполовину обезьяна, наполовину Бог — побрел прочь, тяжело ступая по песку. — Мы станцуем с тобой в другой раз.

ДОКУМЕНТЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В случае ядерного нападения:

1. *Немедленно укройтесь в помещении.* Спуститесь как можно ниже.
2. *Спуститесь в подвал.* Если сообщение застало вас на открытой местности, ищите подземные помещения, такие как шахты лифта, лестницы, метро, шахты, пещеры и канализационные системы.
3. Избегайте верхних этажей жилых домов и общественных зданий. Закройте окна и двери, выключите все кондиционеры, нагреватели и системы вентиляции.
4. Оставайтесь на месте, смотрите телевизор, слушайте радио или подключитесь к Интернету, чтобы не пропустить официальные сообщения.
5. Вы должны понимать, что в случае опасности вам могут предложить «укрыться на месте» или эвакуироваться.

При распределении лекарственных препаратов и вакцин слушайте информацию о признаках и симптомах заболеваний, а также о том, куда обращаться за медицинской помощью в случае болезни. *Если вы заболели, немедленно обращайтесь за медицинской помощью.*

Убежище напомнило Ребекке о тортe на последнем дне рождения Сэм, роскошном сооружении из мороженого от «Дэйри куин». Джейк поставил его не в морозилку, а просто в холодильник, и когда торт достали, прямоугольные края оплыли, а свечи опрокинулись.

Сильнейший жар оплавил стены крепости. Башни опасно наклонились. Низ зубчатых стен закрывали натеки кальцита. Повсюду сновали маленькие болотные крабы — по полу и по стенам. Невозможно сделать шаг, не раздавив несколько штук, а стоило лишь присесть, крабы начинали карабкаться по рукам и ногам.

Тем не менее это сооружение было их единственной защитой, и они сознательно обосновались в нем. Хантеру доставляло удовольствие называть крепость акрополем, который — как он объяснил — был не только скопищем колонн на холме, но и укреплением, господствовавшим над древнегреческими городами. Крепость возвышалась над руинами Быка, однако Ребекка считала ее своим Аламо.^[30] Таковы техасцы.

Одна сторона крепости выходила на болото с мостом, ведущим к пирамидам. Противоположная сторона смотрела на шпили и лабиринты городских развалин. Ребекка, охранники из «Зоны высадки» и трое спасшихся с острова продолжали высматривать тех, кто вырвался из западни. Но тьма никого не отпустила. Переносные рации, выданные этим «киногероям», молчали. Ночь победила.

Всего за час они лишились практически всего, за исключением своих жизней. «Киногерои» погибли, а вместе с ними еда, лекарства и амуниция, которые они должны были охранять в лагере, больше не существовавшим. Ребекка и оставшиеся с ней двадцать один человек из охотников превратились в добычу.

Хантер был настроен философски, если, конечно, выражение «всякое бывает» можно считать философией. Его подчиненные ворчали. Баррикадируясь в крепости с помощью больших валунов и противопехотных мин, распределяя сектора обстрела и обрабатывая раны, они возмущались нелепостью происходящего. Обвиняли «киногероев» в глупости. Упрекали себя в том, что взяли недостаточно амуниции. А больше всего проклинали коварство хедди, что, по мнению Ребекки, имело не больше смысла, чем проклинать дьявола. Покрытые кровью и потом, раздраженные, испуганные, взвинченные от адреналина, люди изо всех сил

пытались отрицать очевидное: они в западне.

Ребекка не тратила нервную энергию понапрасну. В седьмом классе школы каждый техасец изучает историю штата. Благодаря урокам мисс Крукс, рассказывавшей об Аламо, Ребекка ощущала себя увереннее, чем остальные. Для нее осада была делом естественным, будто жара в августе. Пока остальные кляли судьбу, она уже размышляла, как победить ее.

Ребекка разыскала трех мужчин, которым удалось вернуться живыми от пирамид. Один из них зажимал длинную рану на бедре, которая уже начала воспаляться из-за попавшей в нее болотной жижи. Осматривая рану, Ребекка задавала вопросы.

— Что вы там видели?

— Пирамиды, статуи и кости, — сказал раненый. — А еще золото. Оно везде. — В этом можно не сомневаться. Его рубаха вздулась от награбленного добра.

— Какие кости?

— Скелеты, прикованные к полу. Рабы в золотых цепях! Все кости и черепа разбросаны у подножия гигантской статуи. Это человек с головой быка, облицованный золотом Минотавр.

— А дети?

— Дети? — переспросил раненый.

Ребекка посмотрела на него. Симпатия к этому человеку не уменьшилась, но к ней добавилась печаль. После стольких миль пути их крестовый поход превратился в мелкое воровство.

— Мне нужен врач.

— Врача нет, — сказала Ребекка. — Его послали охранять базовый лагерь. Лагеря тоже нет. Врач мертв.

— Тогда лекарства, — настаивал раненый. — Пенициллин. И сульфамидный порошок. И набор для зашивания ран. И что-нибудь обезболивающее.

— Я поговорю с капитаном.

— А еще мне нужна винтовка. — Он вытащил золотую чашу и протянул Ребекке. — Вот. Для капитана. Или оставьте себе.

— Отдыхайте.

Он почувствовал ее отвращение.

— Не ставьте на мне крест, Ребекка. Я ведь дошел сюда.

Она подошла к двум другим. Никто не видел детей. С виноватыми лицами они просили еду и оружие.

— Вам ведь пригодится каждый, кто может спустить курок, — сказал один из них.

Хантер недовольно фыркнул, когда она передала ему просьбу спасшихся. Потом перечислил оставшиеся лекарства и продукты. Еды хватит на два дня. Патронов по десять обойм на каждого. Три ракеты с зарядом белого фосфора.

— То, что у нас осталось, принадлежит моим людям, а не идиотам вроде этих. Они хотели приключений. Они их получили.

Ребекка протянула золотую чашу.

— Он умрет без лекарств.

— Эти придурки, похоже, убили нас, Ребекка.

— Я думала, вы пришли защищать их.

— А я думал, они пришли искать детей. Нашли?

— И все-таки?

Хантер оттолкнул чашу.

— Возьмите лекарства. И я выдам каждому винтовку. От нас еще что-нибудь нужно?

Она смотрела на Хантера, и ей хотелось дотронуться до его руки или плеча, перекинуть мост через разделяющую их пропасть. Она нужна ему не меньше, чем он ей, но сказать это — значит оскорбить его. Поэтому Ребекка просто покачала головой, и каждый занялся своим делом.

У осады крепости несколько стадий. Это Ребекка знала на примере Аламо. Закрепившись в оплавленной цитадели, люди будут надеяться, молиться и ждать. Когда помощь не придет, их охватит отчаяние. Затем они примирятся с Богом, посчитают патроны и будут сражаться до последнего человека.

Но в каждой бойне есть выживший — по крайней мере, в Аламо был. И если кому-то суждено вырваться из этой переделки, то именно Ребекке. Сэм близко. Она не остановится ни перед чем, чтобы найти дочь. Все очень просто.

Взобравшись на уступ, Ребекка снова направила бинокль на остров. Никакого движения. Потом заметила инфракрасную точку высоко в воздухе и сосредоточилась на ней. Человек, вскарабкавшийся на вершину пирамиды, до сих пор сидел там. Ребекка совсем забыла о нем.

Одинокий страж тронул ее. Вдохновил. Его трюк удался, по крайней мере пока. Он прячется на самом виду, в гуще врагов. Возможно, хейдлы совсем не супермены. Возможно, их сила имеет предел. Возможно, она тоже научится быть невидимой.

Внизу вода в болоте плескалась о каменный берег. Хор лягушек затянул свою песню. Ребекка вспомнила слова Клеменса, что в

преисподней возможен покой, но нужно пройти через ад, чтобы обрести его.

Крики начались несколько часов спустя. Они отражались от поверхности воды, словно пущенная сильной рукой галька, такие тихие, что кваканье лягушек практически заглушало их. После резни, устроенной хейдлами на острове и на мосту, Ребекка даже не подумала о пленниках. Хантер бросил в болото камень, и лягушки умолкли. Ради поддержания боевого духа лучше бы они продолжали свой концерт.

Ребекка никогда не слышала, чтобы так кричали от боли. Тональность звуков менялась, как при настройке музыкальных инструментов.

— Что они делают с этими людьми? — спросил кто-то.

— Развлекаются.

— Возвращайтесь на свои посты, — приказал Хантер.

Но куда бы они ни пошли, едва слышные крики преследовали их. Словно комариный писк.

Крабы не давали спать.

На третий день осады они услышали негромкий стук, как будто в окно барабанят капли дождя.

— Наполнитель для кошачьего туалета, — засмеялся пулеметчик. — Они бросают в нас кошачий наполнитель.

Он зачерпнул горсть хрупких комочков и просеял сквозь пальцы.

Через несколько часов у пулеметчика начался кашель.

Подобно ночным насекомым, часовые следили за обстановкой, прильнув к инфракрасным приборам видения и снайперским прицелам. Одна группа сканировала местность радаром. Химические осветительные патроны окрашивали помещения крепости в зеленые и оранжевые тона.

В искусственных сумерках всюду разыгрывалось воображение. Они видели то, чего не существовало, и не замечали реальных вещей. Их преследовали призраки и вампиры, на поверку оказывавшиеся скалами или клочками тумана. Кто-то взорвал противопехотную мину, уничтожив ни в чем не повинную статую.

— Хиггинс, ты убил садового гнома, идиот.

Легче поверить, что им нечего бояться, кроме самого страха.

Странная осада, почти воображаемая. Они были окружены, но не ордами варваров с катапультами, а разнообразными оттенками тьмы и тишины. Лягушками, тенями и средневековыми демонами. Ощущение, что вокруг никого нет, было таким сильным, что один из «киногероев», желая реабилитировать себя, вызвался сходить в разведку.

— Может, они ушли. И мы можем возвращаться.

— Хорошая идея, — сказал один из охранников.

Волонтер выбрался через окно и исчез в темноте. Больше они его не видели. Надгробное слово было кратким и грубым.

— Тупая задница, — сказал кто-то.

Этой же ночью умер «киногерой» с резаной раной.

Теперь, когда армия столкнулась с врагом, со всей очевидностью проявилась бесполезность Ребекки. Она ничего не знала о тактике боя, не умела обращаться с оружием, и ее так называемое руководство сошло на нет. Она завела их в тупик.

Ребекка взяла на себя мелкие дела. Хантер поручил ей распределять еду и доставлять на посты. А еще она вела список погибших — насколько позволяли воспоминания оставшихся в живых. Большинство добровольцев просто исчезли, забрав в небытие и свои имена. Сама она отчетливо помнила только Клеменса. Порождение двух миров, чужой для всех, монстр, который наконец обрел покой в этой гигантской каменной темнице.

Доставив последние плитки спортивного шоколада на пост с радаром, Ребекка услышала негромкий хлопок. Часовой у окна хлопнул себя по шее.

— Насекомые, — сказал он.

Минуту спустя его напарник почесал голову и обнаружил крошечные древесные шипы, мельче иголок кактуса, которые застряли в верхнем слое кожи. Еще больше маленьких игл в беспорядке торчали из одежды.

На третий день осады два оператора радара свалились с лихорадкой.

Продукты закончились.

Пулеметчик с кашлем умер. Причина смерти: наполнитель для кошачьего туалета.

Около четырех часов утра из темноты прямо на них бросился хейдл. Часовой уложил его одним выстрелом в голову. Тут же в воздух взлетели осветительные ракеты. Вокруг никого не было.

Ребекка присоединилась к Хантеру на переднем краю баррикады. Тело лежало в нескольких ярдах от входа и напоминало тело обезьяны, только голое, без единого волоска. Развитая мускулатура и тонкая, будто бумага, кожа. Обитатели подземного мира лишены жира. Перед тем как напасть на них, хейдл углем и охрой нарисовал полосы на своем теле.

— Не вижу никакого оружия, даже камня, — заметил Хантер. — Это не подрывник и не бомбист-самоубийца.

— Интересно, чего он хотел? — произнесла Ребекка. — Зачем так жертвовать собой?

— Может, проверял нашу оборону. А может, просто хотел совершить

подвиг.

У хейдла были рога и очень длинные пальцы; кроме того, он сделал себе обрезание. Занятная мелочь. Эти монстры ухаживали за собой.

Ребекку захлестнула волна отвращения. А что, если подобное существо прикасалось к Сэм?

— Выстрелите в него еще раз.

— Нет смысла. Посмотрите на него.

— О них всякое рассказывают. Так просто их не убить.

— Все это сказки, Ребекка. Он мертв. Лучше побережь патроны.

— Убейте его еще раз.

Хантер пристально разглядывал ее.

— Целься в шею, — наконец приказал он.

Послышался звук выстрела.

— Готово, — доложил стрелок.

Ребекка поднялась на крышу, захватив с собой бинокль. Одинокий хейдл был предвестником. Скоро решительный штурм. А она не готова. Еще не нашла себе убежище, тайный туннель внутри или снаружи крепости. Притвориться мертвой, по всей видимости, не выйдет.

Направив бинокль на пирамиды, Ребекка стала искать парня, сидевшего на вершине. Если он смог пережить резню, значит, у нее тоже получится. Верхушка пирамиды была пуста. Видимо, удача отвернулась от него.

На четвертый день осады Ребекке приснился День благодарения: ветчина, индейка и Сэм в костюме пилигрима. Проснувшись, она открыла глаза, но запах мяса почему-то не исчез. Ребекка пошла на запах и наткнулась на пятерых мужчин, вяливших длинные полоски мяса над газовой горелкой. Рядом стояла бутылка соуса «Табаско».

Тело хейдла, который вчера бросился на них, было прикрыто накидкой. Мужчины, сидевшие на корточках вокруг горелки, смотрели на Ребекку, не испытывая чувства вины.

— Хотите? — предложил один из них.

Пахло вкусно. В животе заурчало.

— Ешьте, ребята, — ответила она. Глупо обвинять их в каннибализме.

— Тут много.

— В другой раз.

Ребекка не обманывала.

Не то чтобы она не могла переступить через табу. Благодаря охотникам из Города Электричества Ребекка точно знала, каким будет вкус мяса. Довольно скоро она присоединится к остальным, чтобы сохранить силы

для Сэм. Теперь — когда тело хейдла лежало прямо тут — это было слишком.

Ребекка навестила парней, управлявших радаром. Хантер устроил для них нечто вроде карантина — в основном с целью скрыть их состояние от остальных. Оба впали в беспамятство. Из рта шла пена. Очевидно, в иглах кактуса содержался яд. Хантер предположил, что враг применил духовые трубки. Он приказал своим людям следить за тем, что они вдыхают и к чему прикасаются, но в темноте выполнить приказ было не так-то просто.

Если не считать каннибализма и биологической войны, осада проходила довольно однообразно. Снаружи ничего не происходило. Квакали лягушки. Похожие на комариный писк крики истязаемых не умолкали ни на минуту. Ребекка начала подозревать, что хейдлы просто ждут, когда они тихо сойдут с ума и умрут от экзотических болезней.

Затем из мертвых воскрес Клеменс.

Из темноты послышался голос:

— Не стреляйте, парни. Это я, друг. Я иду.

Из темноты возник Клеменс — через четыре дня после исчезновения среди пирамид, весь в синяках и порезах. Они пропустили его через ворота, заваленные камнями. Ни дать ни взять второе пришествие Иисуса Христа.

Все собрались вокруг него. Усадили. Напоили водой. Люди, презрительно называвшие Клеменса прокаженным, теперь приветствовали его как героя. Каким-то образом ему удалось перехитрить врага и остаться целым. Клеменс мог бросить их на произвол судьбы, но рискнул всем и вернулся. Причина могла быть только одна. Он знает путь к спасению.

— Еда! — крикнул кто-то. — Дайте ему поесть.

В руках солдат появилась тарелка с полосками мяса. Клеменс понюхал и отстранил ее.

— Дареному коню... — произнес кто-то. — Жуй, приятель.

— Вы это ели?

Выпученные, как у амфибии, глаза Клеменса смотрели на Ребекку.

— Еще нет, — ответила она.

— Хорошо.

И тут до Ребекки дошло, что он пришел спасти ее. Жалкое подобие человека, Клеменс по-прежнему хотел быть ее рыцарем.

— Что ты видел? — спросил Хантер. — Сколько их? Какое оружие? Кто ими командует?

— То же самое они хотят знать о вас, — ответил Клеменс.

Хантер помрачнел еще больше.

— Что ты им рассказал?

— Мне ничего не пришлось им рассказывать. Это делают пленные. Разве ты не слышишь?

— Что ты там делал, Клеменс?

— Торговался.

— А дети? — спросила Ребекка.

Глаза Клеменса словно затянуло пеленой. Сквозь рубашку проступила кровь. На этот раз хейдлы пощадили его: ни сломанных костей, ни примитивной пластической хирургии. Раны и синяки выглядели свежими и не очень серьезными.

— Как тебе удалось бежать?

Они хотели узнать его тайну.

— Я не сбежал. Меня послали, — ответил Клеменс. — С предложением. Можете назвать это амнистией.

Солдаты встrepенулись. В их глазах зажглась надежда.

— Нам нужно поговорить.

Клеменс обращался к Ребекке и Хантеру.

Хантер приказал всем отправляться на свои посты. Потом повернулся к Клеменсу. Ненависть его была густой как ночь.

— Говори.

— Дети живы, — сообщил Клеменс.

Ребекка смотрела на него во все глаза.

Он расстегнул рубашку и снял с шеи шнурок. Протянул ей. На шнурке висело распятие ее матери, которое Ребекка дала Сэм в одну из наполненных страхом ночей. У нее перехватило дыхание. Мысли путались.

— Я их видел, — сказал Клеменс. — Разговаривал с Самантой.

В груди словно распахнулась дверь клетки. Из горла вырвался всхлип. Перед глазами все поплыло.

Ребекка схватила Клеменса за руку.

— Расскажите, — только и смогла выговорить она.

— Не буду лгать, — сказал Клеменс. — Они в ужасном состоянии.

Неужели так плохо? Конечно плохо — Ребекка не сомневалась.

— Да?

— Истощены. Некоторые ранены. Травмированы. — Клеменс заметил ее страх. — Не волнуйтесь, их не переделывали. Это происходит позже.

«Переделывали?»

Вот, значит, как он справляется с ужасом при взгляде в зеркало.

— Условия амнистии, — сказал Хантер.

— Все не так просто.

— Условия, — повторил Хантер.

— Вы пришли за детьми. Им это известно.

Ребекка почти ничего не видела. Слезы казались горячими.

— Да? — прошептала она.

Клеменс не отрывал взгляда от винтовки Хантера.

— Я парламентар, — сказал он.

— Назови условия, Клеменс.

— Им нужны вы.

— Зачем? — спросила Ребекка.

Разве от них осталось что-то, представлявшее хоть малейшую ценность?

— Говори, — настаивал Хантер.

— Простой обмен, — пояснил Клеменс. — Один ребенок на одного взрослого.

— Что? — прошептала Ребекка.

— Чушь собачья, — сказал Хантер.

Ребекка пыталась найти хоть какой-то выход. Бабушка любила повторять, что надежда есть всегда.

— Это всего лишь предложение. Мы можем поторговаться.

— Я уже торговался, — покачал головой Клеменс. — Сначала они просили троих за одного. Большого вы не добьетесь.

Жесткое лицо Хантера было красноречивее слов. Обмена не будет. Никаких добровольцев. Это исключено. Они пришли за детьми и готовы биться до последней капли крови, но ни один не сдастся добровольно. Все будут сражаться и умрут здесь.

— Нет, — объявила Ребекка. — Вы пойдете назад. Скажете им... — Она запнулась. — Скажите, что я... я приду. В обмен на всех детей.

Кто будет любить Сэм так, как она? Кто ночью будет укрывать ей ноги одеялом? Кто догадается спеть ей «Зеленые рукава»? И вспомнит ли Сэм мать через много лет, когда все это останется в прошлом?

— Идите и скажите им. — Ребекка торопилась, боясь, что мужество покинет ее.

Открытые миру, лишенные век глаза Клеменса выглядели древними и одновременно юными, циничными и невинными. И это шрам или улыбка?

— Уже. Я знал, что они предложат. Знал, что ответите вы. Я им сказал. Они могут получить вас. И меня.

Ее сердце наполнилось радостью.

— Вы это сделаете?

— Хватит! — сказал Хантер. — Никуда вы не пойдете. И он тоже.

— Но дети...

Хантер направил винтовку на Клеменса.

— Он солгал, Ребекка. Детей там нет.

— Америка, — выдохнул ангел.

— Да, Америка, — сказала Али. Это было на следующий день. Она по-прежнему не могла стоять. — Зачем похищать наших детей? Почему не взять их из ближайших поселений или с тропического острова, о котором никто не слышал?

— Из-за тебя, Александра. — Он начал называть ее этим именем. Похоже, скитания души Грегорио закончились. Возможно, сила притяжения увлекла ее в эту глубокую темницу, или она стала одинока, а может, еще надеялась защитить Али. Как бы то ни было, Али снова стала Александрой. — Ты бы пришла сюда, будь дети из Тимбукту или Катманду? Нет, существовал единственный способ выманить тебя из твоего маленького рая под солнцем.

— Похитить их и заманить меня под землю?

— Но ведь сработало?

Теперь Али уже не сомневалась, кто он такой. Великий инквизитор, тигр в клетке и энциклопедист. В незапамятные времена, когда это место покрывала вода, он был древним моряком, а после того как море пересохло, стал Иовом, отшельником. Обманщик, распутник и благородный революционер. Кукловод, использующий души мертвых в качестве ниточек для управления своими куклами. Чудовище.

— Наживка? — спросила она. — Дети для тебя только наживка?

— И еще матки. Разумеется, созревшие или почти созревшие. — Он был откровенен. — Или пища. Посмотрю, что из них выйдет. Через тысячу лет. Их далекие потомки могут кое-чего достичь. Или нет. Я уже ошибался. Видел проблески величия в ваших родственниках хейдлах. Совершенствовал их на протяжении тысячелетий, уверенный, что они именно то, что мне нужно. А затем их огонь погас — не спрашивай почему. Плохая наследственность. Дефект нейронных связей. Не важно почему, но они не подошли.

— А мы подходим?

Али чувствует на себе его пристальный взгляд.

— Время покажет.

— А что случится, если мы не оправдаем надежд?

Он пожал плечами.

— Тогда я переключусь на следующую юную красотку.

Его голос подобен океану, спокойный и в то же время наполненный древними жестокими штормами. Ему известно то, что всегда интересовало Али. А она знает то, что нужно ему. В этом все дело.

— Куда ты отправишься, когда будешь свободен? — спросила она.

— Все равно. Мне нужен лишь клочок земли, чтобы лежать под лучами солнца. Никакой роскоши. Подумай. У меня ничего не было, даже рубашки. Как у Адама и Евы, как у брошенного в лесу младенца.

— Ты все время говоришь о бедности и своих скромных потребностях. А я вижу у тебя за спиной дворец, построенный для тебя рабами. Как примирить одно с другим?

Он обещал устроить ей экскурсию, когда Али снова сможет ходить. И откровенно рассказал, что сделал с ней. Это выходило за грань просто насилия. Он утратил контроль над собой. Его рассказ, такой яркий и отвратительный, вызывал благоговейный страх, делал его безумие варварским и одновременно священным. Еще одна проверка, решила Али. Проверка и урок. Он предлагал ей учиться на своих страданиях. И ждать еще больших страданий.

— Империи приходят и уходят. Знаешь, сколько их я создал и опекал лишь затем, чтобы стать свидетелем их падения? Раньше Египта и Вавилона, задолго до них, были мои сироты хейдлы, гонимые, испуганные и невежественные. Они спустились под землю, и я дал им величие, а они погрузились во тьму. Потом сюда пришла Америка.

— Нет, — поправила его Али. — Весь мир. Америка лишь внесла в нашествие свою лепту.

Не «вторжения» — это было бы слишком резко. Али старалась выбирать выражения, защищая свою страну.

— Да, на нас обрушился весь мир. Но именно Америка принесла сюда яд, уничтоживший моих бедных, диких хейдлов.

— Значит, это месть? Ты забрал детей, чтобы поквитаться?

— Думаешь, я не имею права? Ваша эпидемия уничтожила всех — стерла с лица земли все поколения и племена, даже память о них.

— Не совсем. Оставшихся хватило для набега.

Где он прячет детей? Совершенно очевидно, что все его рассказы как-то связаны с ними. Он одинок, и ему — по крайней мере, пока — доставляет удовольствие ее общество.

— Мне нравится Америка, — сказал он, возвращая их разговор к началу. — Я люблю вашу воинственность, ваш энтузиазм, уверенность в себе, дух первооткрывателей. Возможно, в них мое спасение. Нужно лишь добавить немного разумного управления, хотя некоторые из ваших

правителей довольно умны. Но ваши претензии на империю терпят крах. Я нужен вам не меньше, чем вы мне. Считай это Новым Заветом. Вторым пришествием «Пакс Американа». А для меня это надежда на солнечный свет. Мы справимся, Александра.

— Чего ты от нас ждешь? — Али уже спрашивала вчера, и вопрос расстроил его. Она не отступала. — Пробурить дыру и впустить к тебе солнце? Осушить океан? Вырезать тебя из недр планеты? Кесарево сечение, достижение инженерии или чудо? Что сделает тебя свободным?

— Не знаю.

— Что-то вроде невидимой ножовки для невидимых цепей, — усмехнулась она. — Насколько я понимаю, тут тебя ничего не держит.

Он зачерпнул ладонью песок.

Ее насмешка — и собственное неведение — бесила его. Именно поэтому Али продолжала настаивать. Несмотря на свои знания и память, именно этого он не знал. Его плен связан с неведением. Неведение и есть плен.

— Ты хочешь найти способ выбраться отсюда, — сказала Али. — Сколько раз ты терпел неудачу?

— Нужно пытаться.

— Отпусти детей.

Он улыбнулся ее наивности.

Али приподнялась на локте и пальцем начертила на песке символ. Он увидел алеф. Улыбка сползла с лица.

— Сезам, откройся, — произнесла Али.

— Если знаешь ответ, говори.

Его голос звучал сурово.

— Отпусти их. Это начало ответа.

— А остальное?

Она указала на символ на песке.

— Освободи меня.

— Не могу. Я не знаю ответа, — сказала Али. — Пока.

Он не стал раздумывать, торговаться или угрожать. Не колебался.

— Договорились.

— Ты их отпустишь?

Али вглядывалась в его лицо, боясь обмана, но лицо оставалось невозмутимым. Ему можно было приписать любую эмоцию, любое намерение.

Песок высыпался из ладони сквозь растопыренные пальцы, и только позже Али задумалась, набирал ли он песок, чтобы отпустить его в ответ на

ее вопрос, который Али обязательно задаст ему в разговоре, им же спланированном. Он знал, чего хочет. Но так ли хорошо ему известны ее желания? Али чувствовала себя в паутине рядом с пауком.

— Как зовут твою дочь? — спросил он.

— Что?

— Мне нужно имя твоей дочери.

Он уже спрашивал — в облике Айка.

— Зачем?

— От этого зависят жизни детей.

Неужели он верит в магию слов? Сколько предрассудков у этого существа? Али не видела вреда в том, чтобы назвать имя.

— Мэгги.

Он отряхнул руки и встал.

— Куда ты?

— Освободить их.

— Возьми меня с собой, — попросила Али. — Я хочу видеть, как ты их освобождаешь.

— Ты можешь идти?

— Отнеси меня.

— Хорошо. Можешь смотреть, только издалека. Попробуешь подойти хотя бы на шаг или скажешь хоть слово, и дети могут погибнуть. Понимаешь?

— Да.

Он взял ее на руки. Температура его кожи была точно такой же, как у воздуха и песка. Если в нем вообще текла кровь, она была холодной, как у рептилий.

Они покинули сад с ухоженным песком. Он преодолел не одну милю, поднимаясь и спускаясь по крутым тропкам, пробираясь по пронизывающим камень артериям. На самом краю скалы ловко прыгал с уступа на уступ. Под ними лежала разоренная земля, вся в трещинах и натеках кальцита. Дома из массивных каменных блоков стояли пустыми, потрескавшимися от землетрясений. Строители и хозяева этого обширного города давно умерли.

Вдалеке сверкал золотом монастырь. Когда они подошли ближе, Али увидела, что от монастыря остались одни развалины. Стены покрывало не золото, а кристаллы пирита. Ее нога задела кристаллы, и на коже остались царапины. Прекрасный издали, вблизи пирит опасен.

Ангел спустился в долину за монастырем. Углубление напоминало длинное, извилистое кладбище с вырытыми на склоне холма пещерами;

одни отверстия были открыты, другие завалены грудями камней.

— Дети там? — спросила она.

— Терпение.

— Но ведь это кладбище. Они мертвы?

— Давным-давно в этих пещерах медитировали монахи. Толку от них никакого. В конце концов я закрыл заведение.

Когда они вошли в эту долину мертвых, Али чуть не вырвало от смрада экскрементов и разлагающейся плоти. По склонам разбросаны черепа и кости, некоторые совсем свежие, с остатками кожи и волос. Али догадывалась, что среди них есть и останки людей. Все это напоминало логово льва — доисторического льва.

— Боже милосердный... — прошептала Али. — Что ты с ними сделал?

Он не стал оправдываться.

— Услуга за услугу. За все нужно платить. Одни были величайшими охотниками или воинами своего времени. Другие — мудрецами или пророками. Все пришли сразиться с тьмой. Я ждал их — священный Грааль. Я дал им цель. Они дали мне... аппетит.

Они спускались все ниже. Али начала различать стоны, доносящиеся из замурованных гробниц. Она подняла голову. Одни говорили с американским акцентом, в речи других слышались интонации языка хейдлов.

— Новички, — объяснил он. — Раненые и умирающие, люди и хейдлы. Они много недель пробирались ко мне. Остатки знаменитого крестового похода ради спасения детей.

— Ты заточил их в пещеры?

— Признаю, не самое комфортабельное жилье. Но им нужно где-то преклонить голову. И созреть.

В его словах Али уловила лучик надежды. Потому что, если эти раненые солдаты не умерли, дети тоже могут быть живы. Она стала прислушиваться к тихим голосам.

— А в которой пещере дети?

— Я не видел детей.

Он сказал это бесстрастно, словно напоминал о чем-то забытом.

— Ты говорил...

— Я обещал освободить их, а не показать.

Он не останавливался.

— Куда же мы идем?

— Ты должна верить. Хоть во что-то.

Он поднялся по склону к каменной перемычке и положил Али рядом с неровным отверстием.

— Смотри отсюда. С безопасного расстояния. Ты должна лежать очень тихо. Ни звука — что бы ты ни увидела.

— На что смотреть?

— Ты хотела, чтобы я спас детей? Для этого мне нужно вытащить меч. Какие дети? Какой меч? Она устала от его игры.

— И запомни: ни слова. Иначе детям конец.

ДОКУМЕНТЫ

ИЗ ПОЛОЖЕНИЙ КУРСА ПОДГОТОВКИ СНАЙПЕРОВ МОРСКОГО СПЕЦНАЗА

Дыхание

Управление дыханием составляет основу процесса прицеливания. Если снайпер дышит во время прицеливания, то расширение и сужение грудной клетки вызывают вертикальное перемещение дула винтовки. Правильное дыхание во время прицеливания: снайпер делает вдох, потом нормальный выдох и задерживает дыхание во время естественной паузы. Пауза может быть продлена до восьми или десяти секунд, до возникновения неприятных ощущений. При нехватке воздуха наблюдаются непроизвольные подергивания мышц, а глаз теряет способность к фокусировке. Если снайпер задержал дыхание дольше восьми — десяти секунд, ему следует восстановить нормальное дыхание, а затем снова начать процесс прицеливания.

Конец близок. Ребекка чувствовала это по неумелым молитвам, письмам, надписям на камне и импровизированным алтарям. На каждом посту к патронным обоям и гранатам были прислонены фотографии и сувениры. Люди перестали говорить о следующем Рождестве, о том, сколько пива они выпьют или со сколькими женщинами переспят, когда все закончится.

На шестой день осады Хантер спустился в лазарет, превратившийся в морг и тюрьму для Клеменса, и пристрелил — как собак — двух операторов радара. Никто не протестовал. Стоны и крики несчастных стали невыносимыми. Крошечные иголки содержали вирус бешенства, и шансов на выздоровление не было.

Крепость пахла жизнью и смертью.

Ребекка не могла спать и старалась не сидеть на месте. Она стала для солдат музой. Переходя от поста к посту, Ребекка утешала тех, кто в нуждался в утешении, выслушивала признания, шутила с самыми стойкими. Так она заключала мир с ними. Это их Аламо, а не ее. Они воины, и для них такой конец логичен. Ей нужно найти дочь.

Хантер запретил ей навещать Клеменса.

— Пусть этот иуда сгниет, — сказал он.

Ребекка не смогла удержаться. Клеменс лежал на земле, связанный специальной пластиковой лентой и скотчем, не замечающий завернутых в пончо соседей.

— Попейте.

Она приподняла ему голову.

— Освободите меня. И я вас спасу.

— Только вместе с Сэм. И другими детьми.

— Я обещаю.

— Мне нужно подумать.

Этот разговор повторялся несколько раз, днем и ночью. Она даже украдала нож, чтобы перерезать путы Клеменса, но не могла себя заставить. Для этого потребовались бы все ее мужество и вера, потому что в глубине души Ребекка боялась, что он просто спасает свою шкуру. Но не это останавливало ее. Скорее, она не освобождала пленника потому, что Клеменс оставался единственной ниточкой, связывавшей ее с Сэм. Он видел девочку живой. В этом смысле Клеменс был ее музой.

В конце каждого разговора Клеменс спрашивал, ела ли она мясо хейдла. Ответ всегда был одинаковым:

— Пока нет.

В конце концов даже самые стойкие из солдат присоединились к трапезе. Они уже съели бедра и лодыжки хейдла и заканчивали руки. Ребекка отказывалась по настоянию Клеменса.

— Сохраняйте чистоту, — повторял он. — Продолжайте поститься. Пришло время для видений и прозрения. Пейте больше воды. В ней содержатся минералы. Они помогут вам видеть ночью.

И действительно, ее глаза привыкали к темноте. С остальными происходило то же самое. Чем меньше света они использовали, тем лучше видели. Несколько человек цеплялись за свои миниатюрные фонарики, словно за последние угли последнего костра. Но в переносном смысле слепы были как раз те, кто видел лучше всего. Когда фонари погаснут, они станут самыми уязвимыми.

Хантер застал ее, когда Ребекка тайком выбиралась из комнаты.

— На вашем месте я бы не проявлял излишней нежности, — сказал он. — Клеменс больше не один из нас.

Он явно намеревался убить Клеменса. Ребекка не удивилась. Единственное, чего она не понимала: зачем Хантер так долго сохранял пленнику жизнь. Потом догадалась. За неимением холодильника для мяса его держали живым. Пока.

В ту ночь она разрешила путы Клеменса. Хантер не оставил ей выбора.

— Возьмите меня с собой, — попросила Ребекка.

— Вы недостаточно быстры, — ответил он. — Я приведу ее к вам.

— Обещайте.

— Закройте глаза и загадайте желание.

Ребекка зажмурилась, а когда открыла глаза, Клеменс исчез.

Она думала, что Хантер придет в ярость, обнаружив исчезновение пленника. Он только вздохнул. Его суровое лицо выглядело очень старым.

— Вы его так любите?

— Люблю? — поразила ее.

Первая атака началась после полуночи. Ребекку разбудили щелчки выстрелов. Затем громко бухнула противопехотная мина. Ракеты осветили болото. Ребекка выглянула наружу, перегнувшись через подоконник. Она ожидала увидеть тысячи наступающих врагов. Не больше десятка тел лежали на мосту и плавали в воде.

После этой атаки в воздухе постоянно висела одна осветительная

ракета. Теперь, когда они снова перестали видеть в темноте, рассчитывать приходилось только на освещение, которое в конце концов погаснет. Люди хотели дать бой врагу.

— Проклятье! В гроб я, конечно, попаду, но, черт возьми, не собираюсь в нем умирать, — сказал один из солдат.

— Спустите нас с цепи, — ответил другой.

Ребекка молчала. Во-первых, это люди Хантера. Во-вторых, им некуда идти. Тут их Аламо.

Вторая атака больше походила на соревнование скалолазов.

— Смотрите, что там, — сказал один из часовых.

Внизу, у подножия утесов за крепостью, они увидели бледную полосу, похожую на морскую пену, выстилавшую стены над городом. Пена поднималась выше.

— Поджарьте их! — приказал Хантер.

Они выпустили вниз ракету с зарядом белого фосфора. Она ударила в стену, словно комета. Яркий белый шар осветил лабиринт шпилей и переходов. Из центра шара вырвались лучи фосфора. При контакте с воздухом каждая частичка раскалялась до температуры в пять тысяч градусов по Фаренгейту.

Огненная шрапнель очистила стены. Ребекка видела крошечных белых обезьян, размахивающих руками и исчезающих в дыму. Следующие полчаса охранники Хантера бросали вниз гранаты и камни, словно забавляющиеся с петардами дети. Они тщательно целились, стараясь нанести врагу максимальный ущерб.

— Как сельди в бочке, — радовались они.

Настроение у всех улучшилось. Появились предположения, что осада прорвана. Хедди нанесен сокрушительный удар. Оставшиеся в живых попрячутся по норам.

— Мы почти выбрались.

Хантер приказал не выходить из крепости.

— Это было бы слишком просто, — предупредил он.

— Послушай, на дворе двадцать первый век. А они пещерные люди. Все кончено.

— Все только начинается, — возразил Хантер. — Акрополь — наш единственный шанс.

Ворча, они разбрелись по местам. Осада продолжалась.

Что ж, остаться не значит голодать. Трем солдатам разрешили затащить внутрь ближайшие тела. Час спустя крепость наполнилась запахом жареного мяса.

Ребекка уже поборолa искушение. Ее организм привык к медленному умиранию от голода. Она достигла просветления. Все виделось очень ясным и четким. Она ощущала себя легкой словно перышко.

Каждая осветительная ракета висела в воздухе тридцать пять минут. Эти новейшие модели были крошечными, с наночастицами краски. Они не опускались на парашютах, а висели на воздушных шарах. Ребекка надеялась, что Сэм и дети тоже видят эти плывущие над болотом и городом шары.

Прошел еще день.

На девятое утро Ребекка обнаружила, что у половины солдат из глаз и ноздрей сочится кровь. Люди, спотыкаясь, бродили по коридорам. Они кашляли кровью, везде оставляли кровавые следы. Здоровые сторонились больных, забаррикадировавшись в комнатах и на постах.

— Эбола, — сказал Хантер. — Я видел такое в Индии. Но почему они заразились, а мы нет?

Ребекка все поняла. Эти зомби с кровоточащими глазами первыми попробовали мясо врага. Вероятно, тот хейдл заразил себя, а потом доставил свою плоть прямо к их порогу. Люди стали жертвами собственного аппетита.

Сохраняй чистоту, говорил Клеменс. Он знал. Ребекка не стала ничего говорить Хантеру. Он тоже ел мясо — она видела — и, значит, тоже обречен; нет смысла повторять приговор.

Развязка подкралась незаметно, босая, с золотистыми волосами.

— Будь он проклят... — выдохнул Хантер.

Далеко внизу к ним приближалась крошечная фигурка. Ребекка нащупала бинокль, навела резкость.

— Сэм... — прошептала она.

Сэм и в то же время не Сэм. Лохмотья — это естественно. Белокурые волосы висят жирными космами. Тут нужен шампунь. Девочка исхудала. Но все поправимо.

Оставалось еще кое-что. Ребекка ее помнила не такой — словно разросшийся сад вышел за свои границы. За три минувших месяца она вытянулась, точно сорняк в саду, утратила детскую пухлость и стала волочить ноги словно каторжник.

Однажды Джейк повез их на свой знаменитый пикник, а потом Ребекка три дня вычесывала колочки из волос Сэм, боролась с капризами, лечила волдыри. Это первое, о чем подумала Ребекка, не отрываясь от бинокля. Сэм нужны горячий суп, ванна и нежная любящая забота матери.

И тогда все пройдет. Они начнут сначала.

— Сэм! — громко крикнула она.

Девочка встрепелась.

— Мама?

Голос был еле слышен, но это был ее голос.

Потом Ребекка увидела веревку на тонкой шее девочки. Ее вели на поводке.

— Вижу троих, — сказал Хантер в микрофон рации.

И только тогда Ребекка заметила бледные тени позади Сэм. Они использовали ее дочь как живой щит.

Волна ненависти захлестнула ее. Воздуха не хватало. Она опустила бинокль.

«Дыши!»

Ребекка заставила себя сделать вдох.

Хантер пошевелился. Прильнул к прицелу, палец на спусковом крючке.

— Что вы делаете? — спросила Ребекка.

— Мой первый, — сказал Хантер в микрофон. Ответа она не слышала, но догадаться было несложно. Второй и третий тоже стали мишенями. — По моему выстрелу, — прибавил он.

— Приказываю не стрелять.

— Помолчите! — бросил он.

— Там моя дочь.

— А если бы это был чужой ребенок?

Ребекка колебалась.

— Хотя не думаю, — сказал Хантер. — Он не дурак.

— Что?

— Клеменс.

— О чем вы?

— К нам приближается единственное, что может пробить брешь в обороне. Ваша дочь. — Хантер сделал ударение на последнем слове. — Это идея Клеменса.

— Безумие.

Хантер не ответил.

— Он не на их стороне. Это невозможно.

Возможно. Сомнений быть не могло. И что из того? У Ребекки не оставалось времени. Там, внизу, Сэм.

— Не стреляйте, — сказала она.

— Хотите, чтобы я их впустил?

Сердце Ребекки было готово выскочить из груди. Она посмотрела вниз. Белокурая заложница приближалась.

— Да. Пусть войдут. Их только трое. Впустите их. — «Снимите веревку с ее шеи». — Убьете их внутри.

— Мои люди слепнут от собственной крови. У нас больные и раненые. Эти трое животных — лишь наконечник стрелы. За ними придут другие.

А если Хантер и его снайперы промахнутся? Все происходит слишком быстро. Нужно замедлить события.

— Подождите, — попросила она. — Послушайте меня. Посмотрите на меня.

Хантер не отрывался от прицела. Не отвечал. У Ребекки возникло ощущение, что та веревка сдавливает ее шею.

— Остановитесь, — сказала она. — Просто остановитесь.

Хантер не двигался. Готовился к выстрелу. Перестал дышать.

И Ребекка решила. Прыгнула на него.

Грянул гром.

Казалось, голова раскололась надвое.

«Боже, он застрелил меня».

Хантер упал от ее толчка. Она удивилась. Этого сильного мужчину, солдата, может сбить с ног женщина?

— Что вы наделали?! — зарычал он, отшвыривая ее.

Не обращая внимания на звон в ушах, Ребекка бросилась к окну.

На тропинке распростерлись два тела, переплетенные, словно огромный крендель, — хейдлы. Сэм сбежала! Ребекка схватила бинокль; благодарность переполняла ее. Жива! Сэм жива!

Она почти не замечала взмывших в небо ракет и треска выстрелов, не видела волны бледных тел, бегущих по мосту, карабкающихся к ним из болота и из города, наступавших со всех сторон.

Бинокль помимо ее воли выхватывал картинку за картинкой. Она видела все: чудовищные рога, раскрытые в безмолвном крике рты, подпиленные зубы, брызги крови. Пули и осколки врезались в толпу. Никакой хореографии. Просто обрезанные нити марионеток. Куклы падали. Шлепок животом о воду. Маленькие фигурки, летящие в пропасть.

В фокусе оказалось человеческое лицо. У него была знакомая рыжая борода. Потом появились другие лица — «киногерои» из плоти и крови. Они переправились на остров и канули в преисподнюю. И вот они здесь, бегут вместе с быками, целые и невредимые.

Затем одно из лиц съехало в сторону. Другое покрылось морщинами,

словно резиновое. Человек отшвырнул собственное лицо, буквально сорвав его с головы. Вокруг него другие тоже положили конец маскараду, сбросив лица мертвых людей.

— Сэм! — крикнула Ребекка.

«Идите сюда, сию же минуту, юная леди. Вам пора спать».

Что-то горячее чиркнуло ее по щеке. Потом еще раз. Ребекка опустила бинокль. Хантер вновь занял позицию у подоконника и, прильнув к прицелу, выбирал цель для очередного выстрела. Гильзы отлетали в сторону, застревая в ее одежде и волосах.

Скверно. Где же прячется эта девчонка? Ребекка должна спуститься и найти свою балерину.

Разбросав камни у двери, она сошла вниз по пандусу. Потом обогнула бедняг с кровоточащими глазами. Кто-то выстрелил из ракетницы в проем в стене, но промахнулся, и теперь осветительная ракета горела внутри здания.

Белые как мел фигуры хлынули в арку.

«Наконечник стрелы».

Щеку обожгло взрывом. Вверх поднялся столб дыма. Словно извержение вулкана.

Ребекка повернула налево, чтобы не столкнуться с толпой у ворот, и оказалась в одной из боковых комнат. Через оплавленную амбразуру можно было выползти наружу. Это называется из огня да в полымя. Ужас окружал ее со всех сторон.

Слух восстановился. Воздух наполнился криками. Камни и осколки барабанили по стене. Кто-то упал с высоты. Кровь залила ее лицо. Ребекка поскользнулась, восстановила равновесие и бросилась бежать.

— Сэм!

Тела и камни преграждали ей путь. Тела плавали в болоте, подобно лилиям, белые на зеленой воде. Осветительные ракеты взмывали в небо. Свет был оружием. Чем больше света, тем лучше. Глаза слезились.

— Сэм! — закричала она.

Ребекка была невидима. Как еще это объяснить? Она брела в самой гуще схватки, целая и невредимая. Средневековые чудовища из ночных кошмаров пробегали мимо, переговариваясь на своем птичьем языке, сверкая металлом оружия, фрагментами доспехов и шлемами. Пули оставляли отметины на камне. Кто-то подорвал мину. Парни из «Зоны высадки» знали свое дело. В воздух полетели руки и ноги. «Рубленый салат».

Небо залило ярким светом. Ребекка упала. Ее толкали. Гигантская

ладонь ударила по ней.

«Спи», — подумала она.

Затем: «Просыпайся!»

Ребекка с трудом поднялась на ноги среди изуродованных тел. Уже несколько минут стояла полная тишина. Вокруг все замерло. Оружие, которое применили бойцы Хантера, буквально выкосило поле боя. Стояла только Ребекка. Но недолго. Приближались новые фигуры.

Она почувствовала запах дыма. Горели волосы. Ребекка ладонью погасила огонь.

Рубашка соскользнула с плеч. Инстинктивно прикрыв грудь, Ребекка увидела кровь на руках. Потом ощутила резь и жжение в спине. Нахлынула боль. Она зашаталась и попыталась дотянуться до ран.

— Ребекка!

Услышав свое имя, она повернулась. Именинный торт превратился в тыкву для Хеллоуина с освещенными глазницами окон. Где-то там, наверху, был Хантер.

— Возвращайтесь! — крикнул он.

Спотыкаясь, Ребекка брела между изуродованных тел. Похоже на мясной отдел супермаркета с разложенными на прилавке ребрами, отбивными и почками. Пара кусков мяса шевелилась. Такое не следует показывать ребенку.

— Сэм! — позвала она. — Сэм!

Слева из болотного камыша выскользнуло что-то безволосое и мокрое. На поверхности воды появились еще пять таких же существ и вслед за первым направились к крепости. Вновь послышались хлопки выстрелов.

Ребекка дошла до двух тел, сплетенных в виде кренделя. Наконец-то. Вот где все началось. Эти животные прикрывались ее дочерью как живым щитом. Ребекка пнула одного из них. Скотина. Потом ударила ногой еще раз, изо всех сил. Тело откатилось в сторону.

Под ним пряталась золотоволосая Сэм.

Ребекка едва не закричала. Она вспомнила, как целился Хантер, как она прыгнула на него, как выстрелила винтовка. Но через мгновение уже не помнила ничего.

— Вот ты где, малышка.

Она обняла Сэм, поцеловала в лоб — в то, что от него осталось, — и погладила по волосам. Они раскачивались взад-вперед и плакали от счастья. Обнялись. Еще раз. Сэм так обрадовалась.

Мимо проносились тени. Снова послышались взрывы. Крики.

«Военные фильмы Джейка».

— Пойдем домой, — сказала Ребекка. — Как насчет сэндвича с поджаренным сыром и горячего шоколада?

Она взяла Сэм на руки и пошла. Из верхнего окна башни вылетела ракета. Воздух расцвел яркими лепестками фосфора. Обезьяны заматались и завывали, обожженные огнем. Что это за зоопарк?

Ребекка повернула в другую сторону. Она несла своего ребенка. Сэм понравится пение лягушек. Нужно уйти подальше, отыскать тихое и спокойное местечко.

Держать Сэм стало тяжело. Ребекка опустилась на колени.

— Мамочке нужно немного отдохнуть, — сказала она.

Высоко над головой распустился ослепительно белый цветок. По небу прокатились раскаты грома. Ребекка устроила на земле постель, подложив под голову подушку из камней, и крепко заснула вместе со своей золотоволосой балериной.

ДОКУМЕНТЫ

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ КАНАЛ «ФОКС НЬЮС»

6 февраля

Программа Роба О'Райана «Час горячих новостей»

О'Райан: К нам присоединяется писатель Томас Лидди. Его книга «Мрачная правда: что скрывает администрация Барра», недавно выпущенная издательством «Долфин пресс», уже вызвала бурю на Капитолийском холме. Добро пожаловать, мистер Лидди!

Лидди: Спасибо за приглашение.

О'Райан: Начнем с утверждения, что эта захватывающая книга в очередной раз показывает, как мягкотелые и левые политики разрушают нашу страну. Итак, вы утверждаете, что спасательный отряд Колтрейн, членом которого вы были, уже не существует.

Лидди: Совершенно верно. Они убиты. Все до единого.

О'Райан: Убиты...

Лидди:...китайской армией.

О'Райан: Китайской армией!

Лидди: Ими пожертвовали ради мира.

О'Райан: Вот, значит, о чем говорит название книги. Мрачная правда заключается в том, что президент Барр и его администрация уже несколько недель знают об этом, но скрывают от американского народа. Почему?

Лидди: Думаю, это называется раболепием.

О'Райан: Именно такой слабостью пользуются тигры. Особенно пекинской разновидности. Сначала они направляют ударную субмарину с ядерным оружием к нашим берегам, потом сажают один из наших самолетов, потом уничтожают группу американских граждан, занятую поиском пропавших детей. И президент их покрывает? Невероятно.

Лидди: Я полагаю, что правда должна стать известна.

О'Райан: Теперь давайте перейдем к нападкам на вас. Книга вышла в свет два дня назад, а либеральная пресса уже обвинила вас в трусости, в стремлении к дешевой популярности, в разжигании милитаристских

настроений, в несостоятельности как отца. Давайте прямо сейчас опровергнем эти обвинения. Во-первых, трусость. В книге вы честно признаете, что в какой-то момент повернули назад, оставив отряд Колтрейн, потому что... Впрочем, расскажите об этом сами.

Лидди: Я чувствовал, что мы идем в расставленную китайцами западню.

О'Райан: А как вы это почувствовали?

Лидди: Я религиозный человек, сэр. Верю в загробную жизнь.

О'Райан: Продолжайте.

Лидди: О ловушке предупредил меня отец.

О'Райан: Ваш отец умер год назад, правильно?

Лидди: Я отчетливо слышал его голос. И если бы не послушался, то был бы уже мертв.

О'Райан: Либералы и атеисты всю потешаются над этим. Но тот факт, что вы сегодня живы, подтверждает, что вы, если можно так выразиться, получили информацию для служебного пользования.

Лидди: Полагаю, это божественное вмешательство, сэр.

О'Райан: Да будет так. Теперь обратимся к обвинению, что два года назад вы оставили жену и детей...

Айк слышит скрежет и стук камней, отодвигаемых от входа. Внутрь врывается свежий воздух. Это становится для него жестоким ударом. Покой был так близок. Еще немного, и он присоединился бы к великому потоку. А теперь ангел разбирает его гробницу.

— Нет, — шепчет он.

Могучая рука хватается его за лодыжку. Его за ноги вытаскивают из дыры, но Айк пытается ухватиться за кости. Его кости. Они стали его.

Ангел груб. Он вытаскивает брыкающегося Айка из мрачного убежища. Айк лягается. Странно, у него откуда-то появились силы. Даже шатающийся от голода, полубезумный, он вырывается и бросается на эти безжалостные глаза. Граница между телом и волей исчезла. Может, это сон? Ведь Айк касается того, к чему невозможно прикоснуться, он действительно ударяет ангела по лицу.

Дважды он кидается вперед. Дважды его отшвыривают.

Ангел удерживает его.

— Зачем? — спрашивает Айк.

— Ты уже созрел, — отвечает ангел. — Пора отрабатывать свое содержание.

Айк чувствует влагу на губах. Он сопротивляется воскрешению. С жизнью покончено, раз и навсегда. Но его тело — это тело животного. Помимо его воли оно принимает пищу.

— Я слышу голоса агнцев, заблудившихся в пустыне, но они недоступны для меня, — говорит ангел.

Он бросает Айку какой-то сверток, который со стуком падает на землю. Айк видит нефритовые доспехи, оставшиеся от прошлых охот.

— Больше не хочу.

Айк не добавляет почетный титул. Ни Повелитель, ни Ринпоче, ни Учитель. Он отвергает ангела. Хотя понимает, что отвергает жизнь. На этой стадии игры неблагодарный ученик заслуживает только смерти.

Ангел исполнен милосердия или по меньшей мере желания проявить милосердие.

— У тебя есть обязательства, — говорит ангел.

Айк чувствует, что становится сильнее. Гораздо сильнее.

— Ты больше ничему не можешь меня научить.

— Дорогой Айк, — говорит ангел, и тот факт, что он называет

ученика по имени — впервые за многие годы! — говорит о многом.

Он отвергает ученика, который отверг его, возвращает Айку к своему ничтожному эго. Кроме того, он признает существование бессмертного цикла: то, что пришло к нему вначале, было Айком, и то, что покинет его в конце, тоже будет Айком. Можно считать это некрологом.

— После стольких лет, проведенных вместе, — продолжает ангел, — ты все еще не понимаешь. Вопрос всегда был не в том, чему я могу тебя научить, а в том, чему ты должен научить меня. Мы заключили сделку. Я поделюсь тем, что знаю, а ты сделаешь то же самое, ничего не скрывая.

— Я отдал тебе все.

Ангел продолжает разговор, словно перескочив на два или три шага вперед.

— А теперь о твоей дочери...

Айк поднимает голову.

Удивление выдает его. Он не знал, что должна родиться девочка. Айк тщательно скрывал от учителя своего нерожденного ребенка, мальчика или девочку. Если проявленное неуважение не стоило ему жизни, то расплата за обман неминуема.

Ангел все видит: обман, дерзость и фатализм.

— Неверный пес, — говорит он.

Но не убивает и не калечит Айку. Пока.

Пища усваивается организмом Айку. То, чем ангел его накормил, вызывает возбуждение. Айк не может сидеть. Он встает. Ходит. Сердце его учащенно бьется. Ему нужно двигаться. Ударить. Уничтожить.

— Ты начинаешь сердиться. — Ангел наблюдает за ним с невозмутимостью врача. — Это тебя немного подогреет. Чуть-чуть. Считай это моим подарком. Еще не больно?

Айк бросается на ангела, выставив ногти, словно когти. Ангел отбрасывает его.

— Великолепный Айк, не растрачивай дар на меня. Он нужен твоей дочери. Постарайся сдержать себя еще чуть-чуть. Скоро уже не сможешь.

— Что ты с ней сделал?

— Вопрос в том, что сделал с ней ты. Полагаешь, я должен быть доволен, что ты бросил собственного ребенка, чтобы последовать за мной? Насколько мне известно, приносить детей в жертву бессмысленно. Кроме того, они могут вернуться и мучить тебя, Айк. Как этот ребенок. Ты пожертвовал дочерью, а она вернулась и преследует тебя. Чтобы

спасти от себя самого.

Айк пытается унять бурное дыхание. Ему хочется бежать. Подпрыгнуть в воздух и полететь. Хочется убить это существо, которое невозможно убить. Все, что угодно, лишь бы погасить пылающее в мозгу пламя.

— Расскажи мне.

— Не вини ее, Айк. Вини себя. Абсолютно естественно, что она ищет отца.

Айк стонет. Он кидает вниз камень, который раскалывается, разбрасывая искры. Запах каменной пыли волнует его. Он с трудом сдерживает себя, хотя и ненадолго. Быстро оценивает информацию. Совершенно очевидно, что его ребенок не у ангела. Ему предлагают сделку. Прежде чем ярость уведет его отсюда, он переходит к делу.

— Чего ты хочешь?

— Как я уже говорил, в пустыне заблудились агнцы, но они недоступны для меня. Я хочу, чтобы ты, спас их от чудовищ.

Айку уже приходилось собирать заблудившихся. Он приводил их к ангелу и больше никогда не видел. Одни отправлялись в каменные мешки. Другие обучались, чтобы выполнять те или иные поручения. Третьи служили пищей остальным.

Только он никогда не слышал, чтобы ангел называл его находки агнцами. Это насторожило его. И разозлило.

— Кто? — рычит он. — Где?

— Девочки, приблизительно того же возраста, что и твоя дочь. Красивый букет, плюс минус один или два цветка. В самом начале были и мальчики, но они плохо переносили путешествие и все равно не нужны. Никто из них не дошел.

Айк ходит взад-вперед. Сбрасывает вниз еще один камень.

«Освободи меня».

— В любом случае, партия товара уже двигалась сюда, но сбилась с пути. Похоже, мое стадо увел один из моих учеников. Возможно, ты помнишь его — ты сам поймал его для меня несколько лет назад. Клеменс, довольно умный парень, но патологически тщеславный и хронический клептоман. Судя по всему, он собирается оставить девочек себе и основать независимую республику. Время от времени такое случается. Отправляешь посыльного за едой, а он все съедает сам.

Мышцы Айка полны энергии. Он отбегает на небольшое расстояние, потом возвращается. Торопись, думает он. Букет или закуска, цветок или агнец, гарем или пища? Какая разница? Ангел непредсказуем. Он решит,

как использовать девочек, когда они будут принадлежать ему. Доставить их предстоит Айку.

— Моя дочь.

Айк скрипит зубами. Он в ярости. Это больно.

— Дочь будет ждать тебя там. Приведи мне детей, и она твоя.

— Ее имя.

— Ах, это. — Ангел оскаливается. — Зови ее Мэгги.

До него доходит — даже сквозь ярость. Связь с ребенком глубже, чем он думал. Так звали мать Айка. Али помнила.

— Где дети?

Агнцы, цветы — обреченные.

— В городе, который когда-то был известен как Ниу, Таурус или Бык. В честь моего очередного гибрида, помилуй его бог, еще одной моей неудачи. В конце концов я положил этому конец. Послал туда смертельный вирус, уничтожил население, разрушил город. Это случилось... девять тысяч лет назад. Мой сын, жестокое чудовище, все еще жив — умирает голодной смертью, замурованный внутри горы. Берегись его, друг мой. Не корми животных. Но я хочу сказать вот что: мистер Клеменс незаконно поселился в развалинах и возрождает идола.

— Куда идти? — спрашивает Айк.

Ангел ногтем вырезает символ на ладони Айка.

— Бык. Следуй за ним.

Айк поворачивается, чтобы уйти. Ангел хватается за руку.

— Прямо сейчас в городе происходит небольшая заварушка, — говорит он. — Когда ты доберешься туда, все будет кончено. Я ставлю на хозяев поля. Кто бы ни выжил с обеих сторон, убей всех. Они выполнили свое предназначение.

— Всех, — повторяет Айк.

— Не девочек, разумеется, — с их головы не должно упасть ни волоса. И будь добр, приведи ко мне Клеменса, живого. Нам нужно кое-что обсудить. Небольшое предупреждение: я его кое-чему обучил в надежде, что со временем он станет искусным убийцей. — Ангел достает шестидюймовый шип в футляре из пустотелой кости. — Новенький, из ромбового ската. Я использую их как перья для письма. Ты слушаешь меня, Айк? В этом нет чернил. Кончик смочен ядом.

Ангел обхватывает лицо Айка и приближает к себе.

— Чувствуешь огонь внутри? Ты готов?

Айк кричит. А может, это всего лишь шепот. В гробнице было так тихо.

— Твоя дочь, Айк. Не забудь. Приведи мне детей.
Он вырывается из объятий ангела и бежит.

Из своего укрытия на склоне холма Али наблюдала за ангелом, Измаилом. Он спустился в ущелье, подобно стремительному потоку воды, скользя между груд камней, которыми были завалены пленники и кости. Ни разу он не опустил взгляд, чтобы посмотреть, куда ступает нога. Создавалось впечатление, что ангел помнил, где лежит каждый камень.

Остановившись возле завала, он принялся разгребать его, расшвыривая валуны с такой легкостью, словно это мелкая галька. Через несколько минут геркулесовых усилий открылось отверстие пещеры. Ожидая, что оттуда цепочкой потянутся девочки, Али задумалась. Как они найдут путь домой? Кто будет заботиться о них? Чем они будут питаться? Единственный выход — пойти с ними. Но отпустит ли ее это существо?

Измаил — Старше-чем-старый, или как он там себя еще называл, — просунул руку в нору и что-то схватил. Али наблюдала за борьбой. Тот, кто был замурован внутри, явно не хотел выходить.

Словно помогая при родах, ангел медленно извлек на свет сначала одну ступню, затем другую, потом бедра, туловище и наконец всклокоченную голову человека. Где же дети?

С такого расстояния Али с трудом различала детали. Мужчина был высоким и худым, как скелет, но свирепым. Лишь только Измаил опустил его на землю, пленник вскочил и ринулся в бой. Ангел отшвырнул его, тот снова бросился на своего спасителя. На этот раз удар Измаила был такой силы, что зашатались скалы. Али слышала, как они заскрежетали и застучали друг о друга. Прежде чем освобожденный пленник успел подняться, ангел схватил его за горло и прижал к земле.

Один из солдат Ребекки, подумала Али. Или хейдл, хотя и это не объясняет его необузданную силу. Человека обстругали — в буквальном смысле — до первобытного состояния. От него осталась лишь примитивная злоба. Ей казалось, что этот пленник имеет отношение к костям, усеявшим склоны. Нетрудно представить, как он разрывает могилы — вампир во плоти. При чем тут освобождение детей?

Удерживая пленника одной рукой, Измаил влил ему в рот какую-то жидкость. Потом наклонился и что-то сказал. Мужчина тут же замер. Как от выстрела в голову. Измаил погладил седую гриву пленника. Потом убрал руку с горла мужчины и отступил.

С минуту человек не шевелился. Али даже подумала, что Измаил убил его.

Наконец по телу пленника пробежала дрожь. Кошачьим движением он вскочил на ноги и выпрямился. Теперь Али увидела татуировки, покрывающие истощенное тело. Ни грязные волосы, ни выпирающие ребра, ни прошедшие годы не помешали Али узнать его.

— Айк?

Имя едва слышным шепотом непроизвольно слетело с ее губ.

Айк мгновенно присел. Повернул голову к склону холма, где пряталась Али. Странная реакция, склонность к насилию, появление из могилы — все это испугало Али.

Его голова дергалась вперед и назад, как у гиены, которая ушами и носом пытается уловить то, что не видят глаза. Измаил оглянулся на укрытие Али, затем пнул Айку под ребра. Снова ударил, требуя внимания к себе.

Али была потрясена. Больше десяти лет назад она похоронила этого человека. После того как его облик и голос — призрак, душа или что-то еще — явились к ней через Измаила, она не сомневалась, что Айк мертв. А теперь он снова воскрес.

Али с трудом удержалась, чтобы снова не позвать его, на сей раз громко. Он придет за ней. Выведет из бездны — как в прошлый раз.

Но еще оставались дети или хотя бы призрачная возможность, что они действительно живы. Али поняла: Измаил взял ее с собой, чтобы испытать. Подав голос, она спасет себя. И обречет на гибель детей, если они еще живы. Молчанием она может спасти детей, а может и не спасти, и уж точно погубит себя.

Измаил ждал, повернувшись к ней спиной. Выбор за ней. Одна дорога ведет к солнцу, другая уводит в глубь преисподней. Он самоутверждался, но в то же время заставлял самоутверждаться ее. Али вздохнула. Молча попрощалась с солнцем.

Айк перестал искать ее. Снова стал ходить взад-вперед. Возможно, он посчитал, что ее голос принадлежит призраку, еще одной потерянной душе. Измаил оглянулся на убежище Али, затем ухватил Айку за волосы и поставил на ноги. Указал куда-то вдаль.

В воздухе разнесся крик. Через провал в стене Али увидела, как Айк вприпрыжку побежал по ущелью.

Измаил поднялся по склону. Али лежала там, где он оставил ее.

— Меч извлечен.

— Что ты ему сказал? — спросила она.

— То, что его вдохновит. Сказал, что среди этих детей его дочь.

— Она умерла.

— Как мало в тебе веры, — произнес ангел.

ДОКУМЕНТЫ

«ВЭРАЙЕТИ»

«Бригада тьмы» ныряет во тьму

9 февраля. Вчера на киностудии «Уорнер бразерс» начались съемки киноэпопеи с бюджетом 180 миллионов долларов о гибели спасательной операции Ребекки Колтрейн, получившей название «Бригада тьмы». Фильм, постановкой которого руководит Дэниел Рэдклифф, сменивший актерское амплуа на режиссерское, снимается только на поверхности, в гигантском павильоне неподалеку от Солт-Лейк-Сити, и должен выйти на экраны к Дню благодарения.

Ему на пятки наступает картина студии «Дримуоркс» «Крестовый поход детей» — история о трех попавших в беду молодых людях, дружба которых крепнет по мере погружения в хаос. Если бюджет фильма может служить показателем, то 220-миллионный проект со звездным составом (Риз Уизерспун и Дэниел Дэй-Льюис) составит серьезную конкуренцию «Бригаде тьмы» в борьбе за премию «Оскар». Съемки фильма начнутся в следующем месяце на территории Хорватии.

Проснувшись, Ребекка обнаружила, что лежит у воды, ветер стих, а ее объятия пусты. Она не стала паниковать. Просто Сэм рано встала и играет где-то неподалеку. Девочка понимала, что не должна волновать маму.

Ребекка с трудом вспоминала шум и суматоху с вспышками света и взрывами. Теперь мир прост и тих. Они с Сэм вместе. Если не считать эту минуту.

— Сэм?

Услышав голоса играющих в отдалении детей, Ребекка встала. Почему-то она была голой до пояса. Спереди все в порядке. Но спина жутко болела, как после солнечного ожога. Даже хуже. Волосы опалены до самых корней. Странно.

Детское пение повело ее по тропинке вдоль озера. Она нашла их в камышах.

— Вы видели Сэм? — спросила она лягушек.

Сэм засмеялась — где-то вдали.

— Мама! — позвала девочка. — Я здесь!

Боже, как хочется пить. Вода доставляла наслаждение. Ребекка плеснула пригоршню себе в лицо. Смочила затылок, где выгорели волосы. Как это могло случиться? Ладно, слезами горю не поможешь. Опять отрастут.

Терять ей было нечего. Ребекка шагнула в болото, прошла чуть дальше и легла в воду на спину. Дети — они всегда остаются детьми — играли в прятки в рогозе. Пение смолкло.

Мир здесь утратил вес, перестал давить на нее. Руки свободно покачивались в воде. Коричневые соски плавали на поверхности, словно два острова. Ребекка сдавила грязь между пальцев ног.

В какой-то момент в воде появились лица. Поначалу она приняла их за призраки, висящие прямо под поверхностью. Оказалось, это отражения. Ребекка подняла взгляд.

Пять гоблинов сидели на корточках у кромки воды, плечом к плечу, как горошины в стручке, и смотрели на нее. На одном поблескивала кольчуга из какой-то давно минувшей эпохи. Трое были одеты в окровавленные обрывки военной формы; в руках они держали исковерканные винтовки, а на шее у них висели влажные мешочки. К одному из мешочков был прикреплен кожаный валик. Пенис, вдруг поняла Ребекка.

В одно ужасное мгновение перед ней в хронологическом порядке промелькнули все недавние события: ночное похищение, отчаянное сопротивление Джейка, крестовый поход, сражение и даже неровное отверстие в голове Сэм. Эти картины завертелись вокруг нее, все быстрее и быстрее.

«Сэм мертва!»

Душераздирающий вопль вырвался из ее горла.

И вдруг ее мозг не выдержал. Щелкнул переключатель. Крик затих. Мир вокруг опять стал прекрасен.

Пять гоблинов не имели никакого отношения к детям. Они тихо переговаривались, и их речь звучала почти музыкально, с легкими прицеливаниями. Ребекка улыбнулась. Ей вспомнилась техасская ночь со стрекотом сверчков и мерцающими светлячками.

Наконец гоблины встали и пошли своим путем.

Сэм...

— Сэм, — позвала она.

— Мама.

Ребекка побрела к берегу. Они оставили полоску свежего мяса на ее брюках. Сэм дразнила ее, прячась где-то неподалеку. Ребекке нравилось, что девочка счастлива.

Тропинка была окрашена лужами крови, усеяна стеблями тростника, острыми металлическими и каменными осколками. Вдалеке виднелась крепость. Вновь нахлынули страшные воспоминания, но ей удалось отогнать их. Помогало то, что тела исчезли. Это она одобряла. Закончив игру, нужно убрать за собой.

Ребекка подошла к странному мосту из верхушек колонн, перекинувшемуся через воду. Она представила, как ее маленькая балерина перепрыгивает с плиты на плиту.

— Мама! — нетерпеливо позвала Сэм.

Ребекка двинулась по мосту.

Картину портило всего одно тело. Мужчина плавал в воде лицом вниз. Казалось, его удерживают на поверхности тугие воздушные шары розового цвета, прикрепленные к спине, рукам и ногам. Медузы наслаждались добычей. Впрочем, неважно.

— Ма-ма!

Вперед. На противоположном конце моста выстроилась череда белых пиков.

— Осторожнее, Сэм.

Кажется, ее веселая Хайди ^[31] карабкается на вершины Альп?

Нет, это не Альпы. И не Хайди. Пирамиды. Они в Египте. Вверх по гребням карабкаются какие-то животные. Египетские обезьяны?

Вблизи пирамиды оказались не такими ровными и красивыми. Алебастровая облицовка потрескалась и местами обвалилась. Белый булыжник устлан белыми костями.

— Сэм, милая, — позвала Ребекка.

Ей не нравились дома с привидениями. Здесь плохо пахло. Из каждой трещины, с каждого выступа скалились черепа. Наверху сновали животные. Меж гигантских оснований пирамид скользили тени. Ребекка старалась не смотреть на них. С глаз долой — из сердца вон. Или наоборот? Она запуталась. Впрочем, неважно.

— Пора идти, Сэм, — снова позвала она.

— Иди сюда, мама.

Ребекка с трудом карабкалась вверх, преодолевая завалы. В самом центре комплекса пирамид раскинулась широкая площадь. Залитая кальцитом, засыпанная обломками алебаstra и заросшая толстыми лианами, она была похожа на лес без деревьев. В дальнем углу под самой большой пирамидой виднелась более-менее расчищенная площадка. Ребекке вспомнилась требующая ремонта развалюха, которую купили они с Джейком. Тяжелый труд, тонны краски, мили обоев — и хибара превратилась в уютный домик.

Она посмотрела на маленькие фигурки, которые очищали верхние части пирамид и убирали камни. Кому-то в голову пришла верная мысль — тому, кто обладал властью. Наверное, король. Или — если это Египет — фараон. Она разыщет этого парня и спросит дорогу на Остин, а затем заберет Сэм, и они отправятся в путь.

Ребекка заблудилась среди мешанины опрокинутых обелисков и торчащих из трещин в земле лиан. Спину саднило. Она чувствовала себя слабой, как котенок.

— Мама.

Ребекка направилась к гигантской пирамиде. Рабочие трудились на уходящей ввысь грани. Вниз с грохотом катились камни. В воздухе висела пыль. Чуть дальше к вершине поднималась крутая лестница.

Из-за стены на нее смотрел мужчина с усами и густыми баками. Откуда-то в памяти всплыло его имя.

— Мистер Джонсон, — сказала она и подошла, чтобы спросить, как чувствует себя его больная диабетом жена.

Это была всего лишь голова на каменном выступе. Ребекка слегка

растерялась. Она надеялась, что мужчина ей поможет.

— Сэм?

Здесь произошло нечто такое, что не хотелось вспоминать, — как в запрещенных для детей фильмах. Неподходящее место для ребенка.

Едва заметная тропинка петляла меж недавно откопанных статуй. Они изображали гротескных существ, наполовину людей, наполовину животных. Похоже на персонажей сказок, вырезанных из камня: Медуза Горгона, Бэтмен, крылатая обезьяна из страны Оз. Самой большой и внушительной была статуя Минотавра.

— Мой архангел, — послышался сзади чей-то голос. — Наконец-то вы решили нанести нам визит.

Ребекка обернулась. Еще один гоблин, но немного отличавшийся от других. Бледная кожа все-таки имела какой-то оттенок, а ужасная болезнь съела нос и веки. Поверх набедренной повязки он носил кольчугу. Взгляд выпученных глаз остановился на ее груди.

Хорошо, что тут нет няни, подумала Ребекка. В ее книжках леди не носили белых туфель до Пасхи или после Дня труда. И леди уж точно не разгуливали голыми по пояс. А если и разгуливали, то у джентльменов хватало такта не пялиться. Хотя это чужая страна. У всех свои обычаи.

— Мы знакомы?

Гоблин приблизился и заглянул ей в глаза.

— Боже милосердный.

— Сэр?

— Может, оно и к лучшему, — пробормотал он.

Ребекка его смутно помнила — эту веселую лупоглазую жабу. Наверное, выпрыгнул из какой-то книжки, которые читали Сэм перед сном. Без лишних слов он протянул руку и приподнял ее грудь, словно спелый фрукт. Стиснул, потом отпустил.

Ребекке, наверное, следовало возмутиться, но ей не хотелось уподобляться «отвратительным американцам», которые вечно закатывают сцены и нарушают местные обычаи.

— Я ищу дочь, — сказала она. — Ее зовут Сэм.

— Знаю. Ее унесли, пока вы спали.

— Что вы имеете в виду?

— Ее нужно немного привести в порядок, Ребекка.

Разумеется, они должны были спросить разрешения.

— Скажите, кто тут главный?

— Вы действительно меня не помните?

— Прошу прощения. Вы король?

Это позабавило его.

— Почему бы и нет. Я всегда говорил, что мечтать нужно о большом.

— Мне нужно домой.

— Сюда, Ребекка.

Гоблин повел ее по дорожке. Он сильно хромал. С каменных выступов на нее смотрели знакомые лица. Некоторые были причесаны и украшены, словно домашние любимцы. Она старалась не давать воли своим мыслям.

Показался какой-то лес.

Вокруг нее в воздухе висели люди. Нет, не висели. Парили. Как по волшебству. Не видно ни проволоки, ни веревок. Вытянувшись по стойке «смирно», обнаженные тела парили в нескольких футах над землей. Двое подняли головы. На их лицах и шее вздулись вены. Глаза вылезли из орбит. Один тихо застонал. Ребекка вспомнила о курах, несущих слишком крупные яйца.

Она не хотела ничего видеть. Это не ее дело. Заберет Сэм и уйдет отсюда. Но воображаемые шоры спали. Безумие отступило. Она увидела.

Пытки, подобно шляпкам и туфлям, выходят из моды. Люди слышали о дыбе, колесе и четвертовании, но забыли, что значат эти слова. Так, например, Ребекка никогда не задумывалась, как выглядят посаженные на кол. О таком не рассказывают в утренних передачах Национального общественного радио. Даже в фильмах Джейка про гладиаторов и горцев такого не увидишь.

— Боже правый... — прошептала Ребекка.

Она прикрыла грудь, словно этот жест мог ее защитить. «Киногерои» и охранники Хантера. Десять. Мозг считал. Глаза смотрели.

Коля вонзены между ног. Несколько человек, вытянув ноги, пытались пальцами достать земли. Крови мало. Значит, умереть они должны не скоро.

— В конце, — сказал Клеменс, ее проводник, — так или иначе каждого ждет свой кол. Место, где мы можем вспомнить свои грехи, оглянуться на свою жизнь и понять, каким мы были ничтожеством. Фокус в том, чтобы оттянуть этот момент насколько возможно.

Разум отказывался верить. Клеменс — король гоблинов.

— Вы в этом участвуете?

— Вопрос сохранения собственной шкуры. По крайней мере, той, что у меня осталась.

Он провел пальцами по шрамам, рубцам и клеймам.

— Ведь это их рук дело.

Чудовища, о которых мама и папа говорили, что они не существуют.

— Вы не понимаете, Ребекка. Хейдлы не уничтожили меня. Они меня создали. Этих людей не наказывают, а освобождают. Бездельники, верящие в дхарму, или последователи Христа — все заблуждаются. Иллюзия вовсе не страдание. Надежда. Хотите реальности? — Клеменс похлопал по одному из кольев. — Вот она. Тут нет лжи. Нет надежды. Эти люди обрели истину.

Это был лес боли. Люди стонали... осторожно — вот наиболее точное слово.

Ребекка пыталась постичь всю глубину его предательства. Возвращалась к прошлому, вспоминала мелочи, которые теперь казались очевидными, предупреждения Хантера и тревожные предчувствия, от которых она отмахивалась.

— Все это время вы вели нас в их ловушку?

— Мою ловушку, — поправил Клеменс. — Записку написал я. Это мой почерк.

— А похищение?

— После эпидемии одного из старейшин хейдлов посетило видение — якобы их бог желает человеческих детей. К моменту моего появления старик уже был мертв, а я просто подхватил его идею.

Мир опять стал быстро вращаться.

— Вы забрали наших детей?

Ей хотелось броситься на него.

«Ты убил моего ребенка. Ты убил моего мужа».

Предательство опустошило ее. Она с трудом держала голову прямо.

— Поверьте, лучше я, чем они, — сказал Клеменс. — Потому что они собирались принести всех в жертву какому-то древнему богу. Таков был их план, пока я не вмешался. Захватить детей, увести под землю и преподнести богам, чтобы задобрить их. Жертвоприношение. Пища для богов. Они даже думают, что один из богов живет на этом острове. У них невероятные суеверия. У демонов есть демоны. Вы видели, что они сделали с мальчиками — превратили их в молитвенные флаги. Девочек ждала худшая судьба. Я вмешался. Спросил их, зачем кормить старую власть, если возможна новая? Я снова заставил их думать о будущем. Повсеместное восстановление городов. Возрождение подземного государства. Конечно, потребуется время. Но это начало. Тут наше место. И ваше, Ребекка.

— Мы — ваш народ.

— Я сам себе народ.

— Сюда идет остальная армия.

Клеменс взглянул на ряд умирающих пленников.

— Вы — все, что осталось, Ребекка.

— Нас будут искать.

— Искать поисковый отряд? Упорствовать в безнадежном деле? Ваша армия, дорогая, — это последний выстрел в темноту. Вы исчезли в бездне. Погибший отряд? Вы погибшая армия. Вы превратились в сказку.

— Кто-нибудь придет за нами.

— Нет, не придет. Этого места не существует. Мы направлялись в другой город, Хинном, помните? После того как мы обрушим туннель у развилки реки, карта будет окончательно уничтожена.

— Они придут, — пробормотала Ребекка.

— Все имеет свой срок хранения, Ребекка. Люди уже двинулись дальше. Кроме того, они хотят, чтобы мы оставались тут, сражались с тьмой до скончания века. Вот о чем они хотят читать. Такова ваша аудитория. Мы стали вчерашней новостью. Но через тысячу лет мы превратимся в миф. В этом смысл. Подняться над пигмеями и занудами. Стать богами.

Перед глазами всплыл чистый лоб Сэм, пробитый пулей. Ребекка никак не могла прогнать эту картину. В ушах звенело. Она раскинула руки. Отгородилась от дурных мыслей.

— Вы опять нас покидаете, Ребекка?

Клеменс погладил ее по голове.

С громким стуком она прихлопнула ладонями ужасную картину и посмотрела на него.

— Моя дочь, — сообщила она, — играет вместе с другими детьми.

Сэм снова ждала ее.

«Мама!» — звала девочка издали.

Пирамида превратилась в большую белую гору. Ребекка обнаружила, что ее окружают люди с оберток фруктового мороженого на палочке, кокосовые орехи с нарисованными лицами.

Король гоблинов приблизился.

— Не важно, — сказал он и надел ей на шею ожерелье. — Мы построим царство из всего, что потеряли, но не можем забыть.

Улыбаясь, Ребекка потрогала ожерелье. Его нити были тонкими и золотистыми, как белокурые волосы.

«Я никогда с тобой не расстанусь», — мысленно пообещала она.

— И растворимся во тьме, — произнес Клеменс, наблюдая, как окончательно исчезает то, что осталось от прекрасной женщины.

ДОКУМЕНТЫ

АГЕНТСТВО «АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС»

Сенат одобряет поправку о флаге

11 февраля. На экстренной специальной сессии Сенат одобрил Двадцать девятую поправку к Конституции, защищающую от осквернения американский флаг.

Новая поправка гласит: «Конгресс обладает властью запрещать осквернение действием флага Соединенных Штатов».

На вопрос об актуальности поправки о флаге лидер сенатского меньшинства ответил, что дьявол незаметно подкрадывается к Америке.

«Дело не в том, как часто сжигают флаг, а в неприемлемости самого поступка, — заявил сенатор от Северной Каролины Майлз Джефрис. — Законы этой страны основываются на понятии добра и зла, а не на частоте событий. Сегодня, когда мы стоим лицом к лицу с врагом, нация должна твердо заявить о том, что есть добро».

С 1995 г. поправка о флаге 12 раз принималась палатой представителей, но не проходила в Сенате.

«Звезды выровнены, — сказал сенатор Джефрис. — Наконец государственный флаг США может реять, не опасаясь саботажа изнутри».

— Новости с фронта, — объявил ангел. — Сражение закончилось.

Он сидел на песке, скрестив ноги, обнаженный, упираясь ладонями в колени: жемчужно-белый Будда с выцветшими глазами.

Сегодня Али впервые смогла подняться на ноги. Суставы у нее распухли, синяки яркими пятнами выделялись на коже, но в конечном итоге ей удалось встать и вымыться. Волосы будто стали на пять фунтов легче. Лохмотья, в которые превратились джинсы и рубашка, сменило шелковое кимоно с золотым шитьем.

«Позаимствованное у японской принцессы».

От кимоно исходил специфический запах старой кожи. Догадаться несложно. Ради нее ангел раздел одну из своих мумий.

— Дети в безопасности? — спросила Али.

— Большинство. Но есть и потери.

— Потери?

— Да. Там была женщина по фамилии Колтрейн, — сказал он.

«Была».

— Ребекка, — кивнула Али.

— Ты с ней знакома?

— Немного. Две короткие встречи. Второй раз она спасла меня от толпы.

— Тогда тебе это покажется трагедией. Дочь убили прямо у нее на глазах, когда они уже почти воссоединились. Похоже, Ребекка сама стала причиной смерти девочки. Подробности мне пока неизвестны.

Али вспомнила фотографию, которую показывала Ребекка, и имя девочки, Саманта. Но на всякий случай промолчала. Ангел внимательно наблюдал за ее реакцией. Это в высшей степени цивилизованное существо было диким зверем. В любой момент он мог броситься на нее.

— В твоих глазах слезы, Александра?

Али подавила эмоции.

— А что с Ребеккой?

— Бедняжка Ребекка, ее разум не выдержал, — ответил ангел. — Подозреваю, теперь ее жизнь превратится в сущий ад.

— Она сильная женщина. Справится.

— Думаю, ты проецируешь, — возразил ангел. — Ты потеряла ребенка, а теперь она. Ты хочешь, чтобы ей стало лучше, потому что

желаешь того же себе самой.

— Горе утихнет, — настаивала Али. — Нужно время, но Ребекка поправится.

— По-прежнему фантазируешь. Расскажи мне о своем горе.

— Она успокоится.

— А ты успокоилась?

Зачем он терзает ее?

— Да.

— Мэгги пребывает в мире? — спросил ангел. — Дочь никогда не говорит с тобой?

— Я похоронила ее восемь лет назад.

— Только она не осталась в могиле.

— Что ты хочешь сказать?

— Разве ты не слышала, как она зовет тебя?

— Тут у меня есть сомнения.

— Сомневаешься в собственной дочери?

— Здесь, внизу, я сомневаюсь во всем.

Али начинала догадываться, какое из подземных явлений было самым странным. Последние несколько лет ученые наталкивались на отклонения от законов природы, наблюдавшиеся в субтерре. Время деформировалось. Законы эволюции не соблюдались. Во тьме существовал свет. Были сфотографированы предметы и животные, поднимавшиеся в воздух мощными электромагнитными импульсами. Немногочисленные объяснения выглядели неубедительно. Но все это бледнело по сравнению с тем, что увидела она.

Али не нравилось слово «душа». Следовало бы использовать более строгий термин, отсекающий паранормальные аспекты. Может, «бестелесная память», «отделенное сознание» или просто «голоса».

Как их ни назови, эти маленькие осколки сознания похожи на радиосигналы, курсирующие между мирами. Они беспрестанно повторяют свои имена. Приносят сводящие с ума фрагменты новостей, выполняют простейшие поручения. А большую часть времени одиноко скитаются в недрах планеты.

И властвует над ними, похоже, одно существо, то же, что в данный момент над Али: бледный, смертельно опасный изгнанник. Он утверждает, что использует души. С помощью их шепота создает войны, религии, искусство и прочие проявления зла. Они, в свою очередь, дают ему ощущение цели.

— Сомнение — это хорошо, — сказал ангел. — Но должна

существовать и реальность. Тебе нужен надежный якорь если не здесь, то наверху.

Али ждала. Даже отвлекаясь, он шел к цели.

— Однажды вечером ты посмотрела в зеркало, — продолжал он. — Думаю, это случилось вскоре после похорон Мэгги. Ты посмотрела и увидела дочь. Ее лицо проступало сквозь твое. Робко. Ее первое появление. Ты не представляешь, как она волновалась. Вместо того чтобы обрадоваться, ты закричала. Потом вернулась и повесила зеркало полотенцем. Помнишь?

Лишившись дара речи, Али во все глаза смотрела на него.

— Ты сообщила мне имя Мэгги, — объяснил он. — Я ее нашел. Мы говорили.

У Али закружилась голова.

«С моим ребенком?»

— А если я скажу, что могу воскрешать мертвых?

— Фокус, — прошептала она.

«Воскрешать мертвых?»

— Нет, не фокус, — возразил ангел. — Назовем это взаимодействием.

— Я тебе не верю.

— Ну да, у тебя нет оснований.

Он немного наклонился вперед. Закрыв глаза и поднес правую ладонь к песку, коснувшись его кончиками пальцев.

— Мама.

Голос доносился сзади.

Али не оглядывалась. Ангел — монстр — был мастером обмана.

— Мама.

На этот раз голос звучал не внутри головы. Али заставила себя посмотреть. И схватилась за сердце.

Двухлетняя Мэгги ковыляла по песку. Но это был другой песок и другой день — на пляже. Иллюзия повторяла все мельчайшие подробности, даже тень от куска выброшенного на берег дерева. Али слышала, как гремит ожерелье из раковин и бусин, вплетенное в волосы дочери. Кричали чайки. Вдыхал океан. Али опустилась на колени и раскрыла объятия. Все реально — белая соль на коже, маленькие пальчики, бессознательно сжимающие руку Али, пятно от кетчупа на рубашке.

«Мамамамамама. Я лублу тебя».

В точности как она помнила.

— Нет, — сказала Али.

И тут же ее объятия оказались пустыми. Иллюзия исчезла. Звук прибоя

и солнце рассыпались на кусочки.

— Мама, — снова услышала Али.

Она повернулась влево. Мэгги, уже годом старше, махала рукой, стоя на ступенях библиотеки, окруженной деревьями. Свет стал ярче, в воздухе чувствовался запах листьев. Мэгги была бледна. В тот день они открыли для себя сказку «Дедушка Вечер». Через неделю анализ крови подтвердит диагноз.

— Идем, мама, — звала Мэгги, придерживая дверь.

Все, что нужно, — войти вслед за дочерью. И тогда они навеки будут вместе.

— Нет, — сказала Али.

Библиотека исчезла.

Снова голос дочери, уже с другой стороны.

Али встала. Кости болели. Сердце разрывалось.

— Прекрати, — сказала она.

Ангел открыл глаза. Оторвал пальцы от песка. Свет померк. Запах листвы исчез.

— Ты уверена? — спросил он.

Али оглянулась. Она потратила жизнь, чтобы добраться до этой бесплодной земли. По неизвестным причинам из всех, кто приходил сюда до нее: мистиков с их загадками, воинов с сильными руками и скорбящих с мольбами, — лишь она одна сегодня готова выполнить поручение. Будь это так просто, кто-нибудь давным-давно сделал бы то, для чего она пришла.

— Зачем ты мне это показывал?

Ангел снова уперся ладонями в колени. На гладкой, как у дельфина, коже не проступало ни одной вены. Он никогда не потел. И у него не было пупка.

— Пока ты остаешься со мной, она будет тут — для тебя.

— А если я уйду?

— Я отправлю ее глубже.

— Куда?

— Не знаю.

— А что там, внизу?

— Я не знаю.

Узнать он мог только одним способом.

— Они не возвращаются?

— Никогда, — ответил ангел.

ДОКУМЕНТЫ

ЕЖЕДНЕВНАЯ СВОДКА ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Капитан китайской субмарины — сын командующего Народно-освободительной армии Китая

13 февраля. Капитан китайской субмарины, выбросившейся на берег Калифорнии, является незаконнорожденным сыном генерала Ван И Чапа, занимающего высший командный пост в Народно-освободительной армии Китая.

Этот крайне деликатный государственный секрет раскрыл премьер КНР Дэн Жеминь. Новость была сообщена послом России, представляющим интересы Китая до восстановления дипломатических отношений КНР и США. Послу также было поручено передать, что если сын генерала и остальной экипаж — в одностороннем порядке и без предварительных условий — будут быстро переданы под личный надзор премьер-министра, то «птицы с радостью улетят домой». Речь идет о экипаже американского самолета.

Следует отметить, что премьер-министр Жеминь ведет борьбу за власть с военными, и особенно с генералом Ваном, маоистом старой закалки. Жеминь относительно молод, здоров, характеризуется центристскими взглядами и западными вкусами. Освобождение — под гарантии премьера — капитана и экипажа субмарины позволит Китаю сохранить лицо и одновременно укрепит позиции Жеминя. Это продемонстрирует, что сотрудничество с США полезно для Китая.

Эксперты по Китаю из Государственного департамента и ЦРУ согласны, что это уникальная возможность повлиять на политику Китая, проложить путь к возобновлению дискуссий, направленных на разрешение территориальных споров в тихоокеанской зоне Субтерры.

Само воплощение дьявола — покрытая бородавками кожа, обломанные рога, похотливые глаза — спокойно сидело у ворот города Быка, Ниу, или Тауруса, вырезая свое имя на колонне. Пророк рассказывал им о видении, в котором в город вступал лев. Но, слава богу, захватчики мертвы. Лев не пришел.

Его клан — все, что от него осталось, — спал рядом. Великая битва в крепости света истощила их. Большинство его соплеменников мертвы. Остальные ранены. Они распростерлись среди камней и остатков лагеря захватчиков.

Поднимался ветер.

Он терпеливо вырезал свое имя на камне. Полоски мяса свисали с захваченных рюкзаков. На камнях сушились скальпы и снятая с людей кожа.

На самом деле это чужое имя, и он даже не знает, как произнести его. Еще в юности ему понравились очертания этих букв, и он вырезал их на камне всюду, куда приводили его скитания. Все дело в памяти. Он хотел, чтобы его помнили, даже под чужим именем.

Он почти закончил, когда на город обрушился предсказанный пророком лев.

Шейный позвонок, самый верхний, называют атлантом, потому что он держит мир на своих плечах. Резким движением рук Айк перевернул мир хейдла. Художник-любитель молча сполз на землю. Если Айк и заметил собственные инициалы, «АК», то не обратил на них внимания. Он давно забыл о себе.

Айк шагал среди спящих фигур. Трое лежали рядом, подергиваясь во сне; один негромко похрапывал. Чтобы не тратить патроны и не попортить шкуру, охотники раздавливают грудную клетку попавшего в капкан животного. Айк босыми ногами раздавил трех спящих. Словно прошелся по мешкам с хворостом.

Проснувшись, остальные увидели мертвых товарищей и рослого убийцу. Узнали его легендарную броню. Доспехи из зеленых нефритовых пластин, принадлежащие Старше-чем-старому. Увидели пустые руки, горящие яростью глаза и поняли, что его коснулась рука Бога. Берсеркер, внушающий благоговейный страх.

Один побежал в город. Остальные бросились на Айку. Он уничтожал

их голыми руками. Использовал каждую брешь. Бреши есть всегда.

Истинная ахиллесева пята — это шея с нервными волокнами, артериями и другими жизненно важными органами. Айк крушил шеи.

Глаза тоже превосходная цель. Зрительный нерв очень чувствителен, даже у слепых.

А еще можно объединить удар в пах с кастрацией. Первое оглушает, от второго враг истекает кровью.

За рога очень удобно хватать.

Усилием всего в восемь фунтов — если его правильно приложить — можно выбить коленный сустав. Айк с успехом применял этот прием.

Учитель выразился ясно. Время людей прошло. «Убей всех».

От этого зависит жизнь его дочери. Дочери? Изумление не проходило. Айк пытался выбросить эту мысль из головы. Она отвлекала. Хотя одновременно питала бушевавшую внутри ярость. Он понятия не имел, как выглядела дочь, как звучал ее голос. Но ему казалось, что он видит перед собой ее лицо.

Айк шел между шпилей из синего камня, поднимался по крутым лестницам, прислушивался к тихому журчанию в засыпанных камнями акведуках. Город в лучшем случае спал, самодовольный и величественный. Цивилизации возникают и гибнут. Расы приходят и уходят. Он уничтожал призраки — всего лишь.

Встревоженные хейдлы сбегали по ступеням или карабкались на стены, а один даже выполз из акведука, но их встречала пустота. Затем появлялся Айк — отделялся от дверного проема или высвобождался из-под предыдущих жертв, — и они застывали на месте, пораженные видом священных доспехов. Хотя причиной их смерти становился не только шок.

Пребывание в склепе изменило восприятие Айком времени. Он не стал двигаться быстрее, но каждое движение связывалось со следующим, и эта связь позволяла видеть брешь. Айк уподобился мяснику из буддийской легенды, нож которого с каждым ударом становится все острее.

В пустотелых шпилях засвистел ветер. Айк воображал себя этим ветром, несущимся среди шпилей и ульев. Он не слышал собственного крика, не чувствовал запаха крови. Его путь был чист.

Он забирался все дальше, в центр города. Хейдлы преследовали его, собирались группами, ошеломленные и взбешенные. И испуганные. Это их территория, и численностью они превосходят врага. Айк должен был стать легкой добычей. Но на нем доспехи Бога. Либо он убил Бога, что невозможно, либо Бог опять ополчился на них.

По большей части они встречались ему по одному и по двое. Клинки отскакивали от нефритовых пластин, однако находили незащищенную плоть рук и ног. Раны горели. В его сознании это были не раны, а языки пламени. Объятый пламенем, он жег город, опустошая его.

Ветер усилился. Город наполнился первобытной песней и криками умирающих.

Айк сломал позвоночник воину, разрисованному полосами, как карамель на палочке. Вспорол живот франту с перьями, привязанными к рогам, затем еще одному, с маленькими раковинами в ушах; где-то глубоко шевельнулась жалость. Они были любителями прекрасного, эти воплощения дьявола. Один уселся на груду собственных внутренностей и запел в высшей степени изысканный псалом.

Уничтожая врагов, Айк читал узоры и шрамы, отмечая, из какого клана или туннеля они пришли, куда приводили их долгие скитания. Некоторые названия были знакомы ему по временам рабства. Другие, более древние, он просто слышал. Сражаясь с ним, хейдлы радостно приветствовали бывшего раба.

Тела одних защищала только краска. Другие носили ржавые, потрепанные кольчуги, третьи красовались в лохмотьях военной формы и снаряжения, которые они сняли с убитых солдат. Многие были в плохом состоянии; измотанные битвой, они едва могли ходить, не говоря уже о том, чтобы сражаться. Убивая, Айк испытывал к своим жертвам не больше жалости, чем к самому себе.

Чтобы противостоять клинку, нужно стать его тенью, повторять его движения. Затем клинок превращается в твою тень. И тогда ты останавливаешь тень, ломаешь руку и отбираешь нож. Так Айк завладел ножом, потом двумя.

Ребра образуют грудную клетку, которая не только защищает внутренние органы, но и зажимает проникшее внутрь лезвие. Поэтому лучше избегать ударов в сердце. Вспороть живот. Перерезать горло. Подходящее место также под ключицей. Там находятся нежные вершушки легких. Ножи Айка погружались в плоть.

Нельзя сказать, чтобы им руководил расчет. Враги сами выбирали один из бесчисленных способов смерти. Он просто предоставлял средства.

Ветер еще больше усилился. Среди гигантских стен дервишами закружились вихри. Они метались по улицам с зияющими ртами дверей, дочиста выметая город.

Айк не представлял, куда нужно идти. Ориентиром ему служили враги. Откуда они появлялись, туда Айк и шел. Поток камней скатился по одной из лестниц, и он стал подниматься по ступеням. Наверху оказалась полуразрушенная, продуваемая ветрами крепость. От нее через болото с тростником и зловонной водой протянулся каменный мост. Когда на поверхности появились два хейдла и бросили к его ногам свои жизни, Айк понял, что ему туда. Там он окончательно разделается с несчастными существами и найдет детей, в обмен на которых ему обещана дочь.

Когда он ступил на мост, послышались выстрелы из автоматической винтовки. Вспышки мерцали в одной из бойниц древней крепости, но пули шлепались в воду — довольно далеко, что неудивительно для хейдла. Непонятно, как вообще один из них догадался взять винтовку. Обоим закончилась. Айк побежал.

Ветер неистовствовал. Струи воздуха били в лицо. Водяные смерчи перехлестывали через мост. Тростник гремел, словно лес копий.

Трое врагов одновременно бросились ему навстречу. Один поскользнулся, и ветер сдул его в воду; из болота послышался крик. Не останавливаясь, Айк убил двух других. Сегодня он вестник смерти. Там, где он проходил, не оставалось ничего живого.

Берег острова был пуст, и это могло означать только одно: они приготовили ловушку — или много ловушек — среди пирамид. Еще не поздно уйти. Они с радостью отпустят его назад, в глубь бездны. Их мифы пополнятся рассказом о том, как Бог обрушил стены города и едва не уничтожил всех, но в последний момент остановил свой меч. Подобно любому избранному племени, они будут приносить жертвы, благодарить и восстанавливать свой род.

Нет, ангел вынес им приговор: смерть. Хотя и этот приговор бледнел рядом с похищением дочери Айка. Ему нужны дети, и он не остановится. Пирамиды визжали.

Алебастровые осколки, сброшенные с вершин, отскакивали от стен. Бледный воин спрыгнул на него сверху. Айк рванулся ему навстречу и отбросил на камни.

Одна за другой все ловушки оказывались бесполезными. Теперь им его не остановить. Несмотря на то что ноги наливались свинцом, а ножи двигались все медленнее, Айк был стремителен, как сама судьба.

Немногочисленные враги облепили вершины пирамид, словно обезьяны, и швыряли в него камни. Подходить ближе они не осмеливались. Лишь несколько камней попали в Айка. Он был священен. Волосы и борода развевались, как у неистового Моисея, и гнев приносил безмятежность.

Мир вокруг рушился, однако, куда бы ни направился Айк, все успокаивалось и расступалось перед ним.

Наверное, ему следовало и дальше бродить среди руин, уничтожая демонов тьмы и невежества. Но ярость его росла. Натолкнувшись на сопротивление ветра, он перестал бежать и перешел на шаг. Пламя на руках и ногах погасло. Теперь он увидел свои раны во всей красе. Исполосованные предплечья приняли на себя основной удар. Одно запястье, по всей видимости, сломано. Айк видел, но не чувствовал нож в онемевшей руке. Маленькая, словно детская, стрела торчала из плеча — наверное, отравленная. В душе шевельнулись сомнения.

Замелькали ненужные мысли. Сколько врагов еще осталось? Seriously ли он ранен? Есть ли у него хоть какой-то шанс продержаться достаточно долго, чтобы увидеть дочь? Айк оглянулся. Где он? Где дети? Пирамиды, поваленные колонны, груды мусора — все завертелось вокруг него.

Потом он почувствовал запах девочек, по крайней мере некоторых. Принесенный ветром запах их зрелости невозможно перепутать ни с чем — впрочем, как и намерение их тюремщиков. В этом голодном мире пленников не держат просто так. Каждый служит определенной цели или умирает. В данном случае все понятно и просто: девочки предназначены для размножения. Вопрос лишь в том, для чьего размножения, ангела или шайки мятежников? Ответ предстал перед ним во всей своей жестокой очевидности, и Айк вдруг понял, что этот ответ ему не нравится.

Теперь он стал легкой добычей. Странно, что никто на него не нападает. Ни свиста стрел, ни смельчаков, стремящихся совершить подвиг, ни обезьяноподобных существ, с гиканьем швыряющих камни. Он один среди пирамид — он и запах человеческих женщин.

Айк сел, усталый и растерянный. Положил на колени ладони, все еще сжимавшие ножи. Сгорбился, защищаясь от ветра, который набрасывался на него со всех сторон. Ветер мешал. Поворачивая между стен, он закручивался в вихри, один внутри другого. Запах мог прийти откуда угодно.

Ветер продолжал трепать Айку. Время шло. Айк смотрел, как высыхает кровь на ранах. Запах усилился. Айк поднял голову.

Между камней к нему приближалась женская фигура — обнаженная. Все тело девочки, от лба до пяток, представляло собой живописное полотно, разрисованное узорами, цифрами и словами. От сосков расходились концентрические окружности, остроконечные стрелы упирались в лоно. На лобке яркая охра в виде перевернутого треугольника.

Девочка была чем-то вроде уступки. Подношением. Он может делать с

ней все, что хочет. А потом пойти за ней.

— Где остальные? — спросил Айк.

Она указала на плоскую вершину самой большой пирамиды.

— Кто тебя послал? — Язык с трудом ворочался во рту.

Девочка молча покачала головой.

— Человек по имени Клеменс?

— Я не знаю его имени, — ответила она. — Мы просто делаем, что он говорит.

Айк видел темные круги у нее под глазами, следы плети на ногах. Щеки обветрились. Она недавно в плену.

— Ты смелая девочка, — с трудом выговорил Айк. Все болело.

— На чьей вы стороне?

Какой странный вопрос, подумал он. Потом понял, что больше не знает ответа.

— Своей дочери.

Это была правда, хотя и замаскированная.

Под напором ветра девочка покачнулась. Что-то прошептала. Айк не услышал, а увидел слово на ее губах.

«Помогите».

Казалось, камни зашевелились под его ногами. Девочка не представляла, о чем просит. Помочь ей? Он пришел, чтобы использовать ее. Обменять ее — вместе с подругами по несчастью — на своего ребенка.

«Отключись, — подумал Айк. — Перезагрузись».

Да, он ей поможет. Спасет их всех, но по частям — сначала свою дочь, потом остальных. Те, кто сможет прожить достаточно долго, будут спасены.

Агнцы, цветы, обреченные. Он выбросил эту мысль из головы, по крайней мере попытался. Эта девочка гораздо реальнее его дочери. До той поры, пока ангел не наполнил его гневом и не наставил на этот путь, Айк не смел даже думать о дочери.

— Пожалуйста! — взмолилась девочка. — Заберите меня! Спасите!

Искусительница. Он мог сделать с ней все, что угодно. Даже убить. И тогда искушение исчезнет.

Айк выронил ножи, и они с громким стуком упали на камни. Потом встал.

— Я хочу видеть свою дочь.

Девочка опустила голову. На изгрызенных до крови ногтях сохранились чешуйки яркого лака. Ее плечи вздрогнули.

— Не плачь. — Айк лихорадочно искал слова, за которые она будет

держаться все месяцы и годы, пока он не вернется и не спасет ее. — Все это ненастоящее. Сон. Вот увидишь.

Девочка подняла голову, и он ожидал увидеть в ее взгляде доверие или хотя бы стоическую благодарность. Но ее глаза налились кровью — это был ужас, а не надежда. Никогда в жизни Айк не чувствовал себя таким подлецом.

ДОКУМЕНТЫ

САЙТ ТЕЛЕКАНАЛА СИ-ЭН-ЭН

Команду подводной лодки меняют на экипаж американского самолета-шпиона

14 февраля. Драматический поворот событий: сегодня Белый дом выступил с заявлением, что экипаж китайской субмарины, выбросившейся на берег в Калифорнии, в понедельник будет отправлен домой. Минуту спустя китайский премьер Жеминь объявил, что экипаж американского самолета-шпиона также будет возвращен домой. Кроме того, он заявил о готовности Китая возобновить переговоры по территориальным проблемам субтерры.

Реакция на новости последовала незамедлительно.

«Обе стороны заглянули в пропасть, обе стороны испугались, обе стороны отошли от края, — сказал сенатор Джон Чини, влиятельный демократ, член сенатского Комитета по вооружениям. — Это был разумный компромисс, который приведет к конструктивным отношениям в будущем».

Республиканец Гэри Грант, председатель Комитета по ассигнованиям палаты представителей Конгресса был более осторожен:

«Это лишь видимость компромисса. Кто-нибудь обратил внимание? Между нашим заявлением и их была минутная пауза — вечность по меркам дипломатии. Другими словами, мы уступили Китаю, и Китай поощрил нас. Я хочу знать, что это за сделка. Я позабочусь, чтобы расследование началось немедленно. При необходимости мы назначим специального прокурора, чтобы выяснить все обстоятельства.

Можете не сомневаться, я рад, что наши сограждане вернутся домой как раз к розыгрышу Суперкубка. Но необходимо помнить, что китайцы направили к нашим берегам ударную субмарину с ядерным оружием на борту, а затем устроили столкновение с невооруженным американским самолетом в международном воздушном пространстве, подвергнув смертельной опасности его экипаж. А теперь мы делаем первый шаг. Где извинения от Китая? Где наш захваченный самолет? Есть ли у этой администрации мужество? Дракон снова заговорил, и мы снова отступаем. Этому следует положить конец».

Еще один удивительный момент. Один из высших командиров Народно-освободительной армии Китая выступил с критикой премьера Жеминя:

«Народ Китая подвергся унижению. Мы не должны возвращать нарушителей, пока Америка не извинится. Варвар у наших дверей, и мы не должны попустительствовать ему».

С вершины пирамиды охотник наблюдал, как человек в зеленых доспехах, прихрамывая, бредет среди руин. Он был абсолютно уверен, что это человек, а не хейдл. Следы, ведущие от реки, а также длинные, растрепанные волосы и борода выглядели человеческими. Но разве человек мог так неистовствовать? Совершенно очевидно: это дикий зверь, которого следует остановить.

Он смотрел, как человек идет за разрисованной девочкой. Подобно муравьям, они пробирались по каменной россыпи, напоминающей лунный ландшафт. Их поведение озадачило охотника. Что нужно этому человеку? Откуда он взялся? Это вестник или просто очередной убийца?

Задавая себе эти вопросы, охотник не переставал размышлять, как справиться с ветром, вихри которого закручивались один внутри другого.

Айк с девочкой миновали раму с парусами странной формы, наполненными ветром. Это была человеческая кожа, аккуратно растянутая на подпорках. Кое-где виднелась татуировка, которую явно оценят новые хозяева. За углом Айк увидел тех, кто последними носили эти украшения.

Длинный ряд мужчин, с которых живьем содрали кожу и насадили на кол. Исходив преисподнюю вдоль и поперек, Айк уже ничему не удивлялся. Теперь их души освободились и — хотелось бы верить — очистились страданиями. Основную работу сделала сила тяжести. У некоторых под подбородком вышли острия кольев. Других пустили на ветчину: живым или уже мертвым отрезали одну или две ноги, чтобы употребить в пищу.

Приблизившись, Айк увидел, что один из пленников поднял голову; в его взгляде не было ничего, кроме боли.

— Хватит, — сказал Айк и одной рукой остановил сердце человека с содранной кожей.

— Кретины, — сказала девочка.

Она смотрела на солдат.

— Они пришли спасти вас.

— Они не смогли спасти даже себя.

Трупы смотрели на статую Минотавра. Лицо ее выветрилось и стало почти неразличимым. От бычьих рогов остались обломки. Эту помесь человека и быка можно трактовать двояко. Либо дикая природа цивилизовалась, либо цивилизация одичала.

Айк поднимался вслед за девочкой по крутым ступеням пирамиды. Их было несколько сотен. Отдыхая на середине пути, он окинул взглядом сумрачные долины между пирамидами. Пустые. Даже трупы убраны, унесены соплеменниками для вторичного использования. Живые и мертвые, подумал он. Все убежали. Вулкан готов взорваться.

Поднимались они медленно. Казалось, ветер твердо решил занести эти рукотворные пирамиды песком. Крупинки царапали лицо. Сил у Айка почти не осталось.

— Смотри, — сказала девочка.

Внизу, на широкой площади, образовался гигантский смерч. Вихрь метался из стороны в сторону, подхватывая все, что только можно. В мгновение ока он проглотил тела солдат на кольях. Потом стал подниматься вверх по грани пирамиды, передумал, соскользнул вниз и распался.

— Сюда.

Они достигли площадки на вершине пирамиды. Полуразрушенное куполообразное сооружение окружал небольшой лес статуй. Купол напомнил Айку буддийскую ступу — гигантские, почти женские глаза смотрели в вечность, а на месте носа красовался вопросительный знак. Входом служил рот. Девочка нырнула внутрь.

Айк остался снаружи. Она была наживкой. Это ловушка. И возможно, уже захлопнувшаяся.

Площадка, по всей видимости, использовалась для человеческих жертвоприношений. Тут стоял алтарь с желобками для крови. Вдоль стены тянулись цепи и ножные кандалы, ожидавшие пленников; ветер посвистывал в их звеньях. В углу, свернувшись, словно младенец, лежал человеческий позвоночник с остатками мяса и нервов.

Позади лестница круто обрывалась вниз. С высоты Айк увидел другие пирамиды, в беспорядке разбросанные вокруг самой высокой, и понял, что это облицованные камнем острова. Архипелаг, ждавший следующего потопа.

Знак быка, вырезанный у него на ладони, повторялся на камне над входом. Второй символ тоже связывал Айка с этим местом — он был вырезан на спине и напоминал букву «N». Душой и телом Айк принадлежал этому месту. У него не оставалось иного выхода, кроме как войти.

Айк осторожно продвигался вперед. Ноги, казалось, весят по тонне. Ветер продолжал тревожить раны. Айк обогнул статуи богов и богинь, наполовину животных, наполовину людей; некоторые были повалены землетрясениями и неумолимым временем, но большинство устояло.

Медуза Горгона, гарпии с женской грудью и крыльями, змея с руками и ушами.

Человек-рептилия вдруг ожил на пьедестале.

Айк почувствовал движение у себя за спиной. Затем сокрушительный удар повалил его на землю. Сквозь заливавшую глаза кровь он увидел изувеченного раба и сразу узнал его.

— Клеменс.

Давным-давно Айк участвовал в массовке на съемках боевика. Каждые несколько дней в сценарии появлялся большой пробел, озаглавленный «Сцена драки», и им приходилось тузить друг друга. Теперь, похоже, предстоит еще одна «Сцена драки».

Клеменс снова ударил его. Дубинкой. Она сломала Айку ногу.

В отличие от кино тут не было остроумных ремарок. Это убийство. Медленное. Дубинка вновь поднялась и опустилась.

Айк пополз за статую. Клеменс снова достал его. Он не торопился наносить решающий удар.

Айк откатился в сторону. Если не избавиться от дубинки, игра проиграна. Дочь останется в плену.

Он встал, опираясь на здоровую ногу, и поднял руку. Раскрылся. Клеменс замахнулся, словно бейсбольной битой. Дубинка обрушилась на нефритовые пластины. Айк услышал, как затрещали ребра. Застонав, он резко опустил руку и схватил дубинку.

Потом Клеменс совершил еще одну ошибку. Он потянул дубинку, пытаясь высвободить оружие. Не сопротивляясь, Айк подался вперед, позволил Клеменсу притянуть его к себе, затем резко толкнул его и схватил за горло.

Второй рукой нащупал костяной футляр, спрятанный внутри доспехов. Вытащил шип с нервным токсином. Одна царапина, и «Сцена драки» закончится.

Перехватив шип, словно нож, он вытягивает руку.

В это мгновение его запястье словно взрывается. Айк хмурится, и тут его накрывает волна боли. Проваливаясь во тьму, он видит летящую в воздухе ладонь, которая все еще сжимает перо.

Один выстрел — один труп.

На этот раз Беквиту было нечем гордиться.

По чистой случайности ему удалось выследить жертву, взобраться на одну из пирамид, подготовить выстрел и учесть ветер. А то, что пуля попала в цель, было не просто случайностью, а настоящим чудом. Тем не

менее он завалил зверя.

Больше часа Беквит пролежал на животе на вершине пирамиды. Он терпеливо следил за целью в перекрестье прицела, сначала среди камней внизу, затем на ступенях большой пирамиды в дальнем конце острова. Ждал, положив палец на спусковой крючок и размышляя о доспехах этого человека, о его седых волосах, о странном поведении девочки, надеялся, что, прежде чем ему придется стрелять, он узнает, где спрятаны остальные дети.

Даже после того, как девочка исчезла в дверном проеме на вершине пирамиды, Беквит не выстрелил, рассчитывая выяснить, что ищет жертва. На это способны лишь лучшие снайперы. Глядя через прицел, они могут поставить себя на место мишени, чувствуя окружающее ее пальцами, видя ее глазами, используя жертву для раскрытия тайны, притаившейся на книжной полке, на экране компьютера или даже в зеркале. Один раз Беквиту это удалось, когда он наблюдал за двойным агентом, который дыхнул на зеркало, чтобы прочесть невидимое сообщение. Потом Беквит его застрелил.

Он сделал все возможное, чтобы не промахнуться. Измерил расстояние до цели — 825 ярдов, — подсчитал плотность и влажность воздуха и откорректировал прицел колесиком траектории. Пришел к выводу, что ветер своими завихрениями сам себя уравнивает, и не стал трогать эту настройку. Потом навел перекрестье прицела на спину жертвы и стал ждать дальше. Оба, снайпер и его цель, расслабились среди статуй полулюдей-полуживотных.

Когда одна из статуй вдруг ожила и спрыгнула с пьедестала, Беквит вздрогнул от испуга и едва не потерял цель. Целую минуту его прицел заполняли размытые очертания чудовищ. Если бы он не узнал Клеменса, то мог бы всадить пулю в обоих — на всякий случай.

Потом в прицеле возникло изуродованное лицо, и Беквит понял, что проводник нашел детей. Клеменс оказался прав, и теперь он сражается с закованным в броню убийцей. Чтобы спасти детей, нужно спасти Клеменса. Это шанс искупить свои грехи.

Прошла еще одна долгая минута, прежде чем Беквит выстрелил. Он ждал, пока Клеменс окажется на безопасном расстоянии от цели. Когда они схватились врукопашную и убийца вытащил какое-то оружие, медлить уже было нельзя. Беквит спустил курок.

Пуля ушла в сторону дюймов на десять. Не подними убийца руку, Беквит вообще не попал бы в цель. А так пуля перебила запястье, и, прежде чем снайпер успел выстрелить еще раз, зеленые доспехи скрылись из виду.

Беквит наблюдал еще минуту, чтобы убедиться, что Клеменсу не нужна помощь. Проводник оглядывался, охваченный благоговейным страхом. Беквит разделял его священный трепет. Каким-то образом ему удалось искупить грехи. Сделать свой главный выстрел.

Скоро они обо всем расскажут друг другу. Но сначала нужно спуститься, найти дорогу через развалины и подняться к Клеменсу и девочкам. Беквит внимательно осмотрел окрестности в оптический прицел и удовлетворенно вздохнул. Хедди освободили помещение.

Быстро собравшись, Беквит начал спускаться. Мысленно он уже организовывал эвакуацию. Сосчитать девочек, осмотреть и накормить их, потом начать движение. Никто не придет, чтобы вывести их в безопасное место. Здесь им нужно рассчитывать только на себя, а до дома еще очень далеко.

ДОКУМЕНТЫ

САЙТ ТЕЛЕКАНАЛА СИ-ЭН-ЭН

Китай выставляет Соединенным Штатам счет на 1 миллион долларов за стоянку самолета

15 февраля. Вашингтон. Китай выставил Соединенным Штатам счет в размере 1 миллиона долларов на покрытие расходов по обслуживанию самолета-шпиона, совершившего посадку на китайской территории.

Однако в пятницу официальный представитель Государственного департамента заявил, что правительство не собирается оплачивать счет.

«Приятно сознавать, что у них есть чувство юмора», — заявил чиновник на условиях анонимности, высмеивая мелочность китайских претензий.

Американский самолет-шпион был вынужден совершить посадку на китайском острове Хайнань после столкновения с китайским истребителем, преследовавшим его. Инцидент еще больше усилил напряженность между двумя странами, и отношения между ними достигли самого низкого уровня за последние два года.

После долгого дипломатического скандала, когда Китай в течение одиннадцати дней удерживал двадцать четыре члена экипажа, на этой неделе Пекин разрешил американским специалистам демонтировать машину и отправить домой. США хотели отремонтировать самолет, чтобы он мог улететь самостоятельно, но Китай ответил, что не может позволить самолету подняться в воздух с острова Хайнань — это было бы национальным позором.

На его руке стоял слон.

Глаза Айка медленно открылись.

Одна рука безвольно лежала на груди. Вторая отсутствовала. Он лежал внутри купола.

Со всех сторон на него смотрели глаза. Он видел синяки и ссадины, сопливые носы и свежие татуировки. Волосы украшены камнями и цветными лентами. Восемь, девять, пятнадцать. Аик сбился со счета. Сознание покидало его.

По всей видимости, он умирал. Разочарование чем-то напоминало откровение. Не так давно внутри каменного склепа он изо всех сил старался отделиться от этого мира. Теперь же пытался уцепиться за него.

— Мэгги... — прошептал Аик.

— Что он говорит? — спросила одна из девочек.

— Не подходи близко, — предупредила другая. — Он один из них.

— Нет, это человек. Мне так кажется.

— Он искал нас. Сам мне сказал. Он чей-то отец.

— Не мой. И вообще у него вид сумасшедшего. Посмотрите на него.

— Какая разница? Он умирает. Это все они.

Никто не нагнулся к нему, чтобы утешить или предложить воды. Его раны пугали их. Они продолжали говорить о нем как о бродячей собаке.

Над головами девочек на сводчатом потолке Аик увидел символ быка. Это храм, посвященный сыну ангела.

«Мой сын умирает голодной смертью, замурованный внутри горы».

Вот она, гора. Внутри живет его сын. Аик вспомнил. В качестве кары за поклонение чудовищу ангел уничтожил город. Потому что они не прекратили кормить его сына.

Аик посмотрел на девочек. В другое время, в другом мире он посоветовал бы им бежать, пока не поздно. Но девочки служили товаром для обмена. Даже теперь, искалеченный, истекающий кровью и связанный, словно животное, он цеплялся за надежду, что ему удастся купить для своей дочери дорогу к солнцу.

— Он идет, — сказала одна из девочек, и все разбежались.

Аик смог рассмотреть круглое помещение. В сводчатом проходе, ведущем наружу, завывал ветер. У стен сложены еда и амуниция, отобранные у убитых солдат. Маленькому девичьему отряду этих

продуктов хватит на несколько месяцев. Если кто-нибудь займется охотой и собирательством, тут можно прожить годы.

Дети сбились в кучу. Только теперь Айк увидел женщину; она сидела в углу и беспрерывно раскачивалась взад-вперед, явно безумная.

Послышался чей-то голос.

— Сменили хозяина. — Клеменс наклонился над ним. В зеленых доспехах. С довольным видом он похлопывал по залитым кровью нефритовым пластинам и, казалось, был готов пуститься в пляс. — Ты слишком долго служил старому гринго. Веселые деньки закончились. Теперь ты принадлежишь мне.

Он опустил на корточки и достал маленький нож. Боль ослепительной молнией пронзила голову Айка. Клеменс выпрямился. В руке он держал окровавленную раковину: ухо Айка.

— Помнишь, как ты заклеил меня? — Клеменс распахнул доспехи и показал клейма и шрамы. — Ты был первым. Поймал меня и вырезал на мне свое имя.

— Не мое, — прошептал Айк. — Его.

Он произнес древнее имя Бога, имевшее тысячу смыслов.

— Ты имеешь в виду то животное, которому меня отдал? — спросил Клеменс.

— Его клеймо спасло тебе жизнь.

Клеменс приставил нож к груди Айка и провел огненную линию.

— Одного я никогда не мог понять, — сказал Клеменс. — Почему ты не сбежал? Мы оба знаем, что он заключен тут навечно. Ему не выйти. Он заперт. Но ты мог убежать. Зачем, черт возьми, ты тут сидел?

«Чтобы убить зло».

Айк не произнес этого вслух. Ветер завывал между статуями снаружи.

— Я знаю: он тебя послал, — сказал Клеменс.

Нож углубился между ребрами. Клеменс был точен, стараясь не нанести смертельную рану.

— Мы братья, ты и я, — сказал он, когда Айк снова пришел в себя. — Подумай об этом. Мы оба спустились сюда. Нас обоих взяли в плен. Изменили. Только я изменился больше. Придется догонять. Немного шире улыбка, незакрывающиеся глаза, чуть подправить позвоночник. Впрочем, это потом, а сначала я позабочусь о твоей руке.

Он подался вперед и склонил голову, чтобы лучше видеть. Нож вонзился в сустав. Айк закричал.

— Какая неблагодарность.

Клеменс снова воткнул нож.

Пытка продолжалась. Боль уносила во тьму. Но Айк каждый раз выныривал.

Хуже всего была абсолютная бессмысленность произошедшего. Он отдал все, ничего не получив взамен. В конечном итоге дочь заменит его в плену, и бесконечный цикл не будет разорван.

В душе Айк продолжал бороться. Пока он жив, еще остается шанс на свободу. Разумеется, речь идет не о его свободе. Ее он давно принес в жертву. Освобождение ребенка или идея ребенка, идея о его освобождении от зла. Чтобы дочь никогда не испытала того, что испытывает теперь он.

Клеменс орудовал лезвием ножа. Корчась, теряя сознание, Айк держался.

«Зачем?»

Его стоическое самообладание бесполезно — тщеславие пленника.

«Сдайся».

У него не осталось ничего, что можно было бы предложить. Затем он понял.

«Ничего, кроме дочери».

Глаза Айка открылись. Во всем мире у него осталась одна ценность. Один товар для обмена. Его ребенок. В это мгновение он от нее отказывался.

Если нельзя спасти дочь, то можно, по крайней мере, спасти остальных девочек. Более того. Он не спасет ее, если не спасет их.

Сверху медленно проступило лицо Клеменса.

— Уведи отсюда девочек, — прошептал Айк.

— О чем ты, братец?

— Вам нельзя тут оставаться.

— Можно, — возразил Клеменс. — У нас есть припасы. Мы приготовились к долгой стоянке. Я подружусь с девочками.

— Там, внутри, кое-кто есть. Его сын. Бык. Он еще жив.

— Опять боги и чудовища? — Клеменс улыбнулся. — Прости. Ты ошибся номером.

— Уведи их.

— Ты проделал весь этот путь, чтобы передать нам дружеское предупреждение?

— Он пришел за дочерью, — сказала высокая девочка, которая привела Айка.

Ее слова прозвучали как претензия на независимость. Надежда, понял Айк. Она еще смеет надеяться. И подписывает себе приговор. Потому что Клеменс займется ею, пока она не заразила других.

Клеменс подозвал девочек. Глаза, сопливые носы, грязные волосы и босые ноги образовали круг.

— Что еще говорил вам этот плохой человек?

— Вы забрали его дочь, и он пришел, чтобы вернуть ее, — сказала высокая девочка.

— Так?

Клеменс повернулся к Айку.

— Нет.

— Говорил, — настаивала девочка.

Догмат веры. Айк был отцом, который никогда не перестанет искать их. Айк видел это в ее глазах — в глазах всех девочек.

Клеменс тоже.

— Которая из них твоя? Может, эта?

Он выдернул одну девочку из круга. Синяки на запястьях и шее. На спине нарисованы крылья бабочки.

— Нет, — сказал Айк. — Ее тут нет. Я ошибся.

Клеменс схватил другую.

— Эта?

На плечах и руках у нее были погребальные украшения. Клеменс провел рукой у нее между ног. Она пискнула, словно птица.

— Тише, малышка, не плачь, — пропел кто-то.

Все повернулись на звук. Женщина у стены. Раскачиваясь, так что подпрыгивала ее тяжелая грудь, она продолжала петь колыбельную. Поначалу Айк подумал, что она хочет успокоить детей. Затем увидел у нее в руках скальп с косичкой белокурых волос.

Клеменс устало хлопнул в ладоши.

— Отец встречается с матерью, — сказал он Айку. — Это Ребекка. Когда-то была красавицей. Но, боюсь, с ней не все в порядке.

— Может, его дочь Саманта, — предположила одна из девочек. — Только ее тут нет.

Женщина запела громче. Айк сложил все вместе — скальп и имя.

Клеменс бросил в женщину камень. Она умолкла. Клеменс вернулся к прерванному уроку.

— Хорошо, девочки. Так чей же это папа?

Внезапно всем расхотелось быть его дочерью. Их глаза потускнели.

— Ничей? — переспросил Клеменс. — Тут нет его дочери? Давайте, вот он, спаситель. Никто не хочет, чтобы ее спасли?

— Саманта, — громко сказал Айк.

Ребекка снова запела.

Клеменс посмотрел на него. Потом снова бросил камень в угол, но женщина не умолкала.

— Кто-нибудь, выведите ее отсюда. — Девочки попятились к выходу. — Одной достаточно.

Самая маленькая взяла Ребекку за руку и вывела наружу. Стало тихо.

— Он плохой человек, девочки, — сказал Клеменс. — Обижает людей. Крадет и делает с ними ужасные вещи. Посмотрите на меня. То же самое он собирался сделать с вами. Я же говорил, что позабочусь о вас. Тут мы в безопасности. Когда придет время, мы отправимся домой.

— Бегите!

Айк обращался к девочкам.

Клеменс повернулся к нему с ножом, потом ему в голову пришла новая идея.

— Кори, помоги мне. Иди сюда. Поначалу это непривычно. Но мы должны научиться заботиться друг о друге.

Остальные отступили от Кори. Эта была та высокая девочка. Она не двигалась.

— Возьми нож, — приказал Клеменс. — Сделаем это вместе.

— Бегите, — повторил Айк.

— Очень хорошо. — Клеменс вздохнул. — Придется самому.

Нож вонзился в тело.

— Саманта, — прошептал Айк. Мир стал белым. Нож поднялся и снова опустился. Айк слышал, как свистит его легкое. — Саманта, — повторил он.

Нож скользнул глубже.

Внезапно все остановилось. Нож со стуком упал на каменный пол.

Айк открыл глаза.

Клеменс сидел на корточках рядом с ним. Хватал ртом воздух. Руки его судорожно дергались. Он пытался оглянуться, но шея вдруг отказалась повиноваться. Потом повалился на бок.

Над ним стояла женщина по имени Ребекка. Большим и указательным пальцами она, словно ручку, держала отравленный шип. Клеменс рядом с Айком мычал, выпучив глаза. Живой, но парализованный.

Женщина посмотрела вниз, на Айка, и моргнула, как будто искала точку опоры. Он видел происходящую в ее душе борьбу — Ребекка против безумия.

— Сражайся, — прошептал Айк.

Детям нужна мать. Кто-то должен увести их отсюда — немедленно, пока хейдлы не осмелели и не вернулись. Не Айк. Он умирал. Ребекка

должна побороть безумие — ради детей.

Айк держался на грани беспамятства сколько мог. Он не знал, как отпереть ее клетку. Должно же существовать нужное слово. Он должен попытаться.

— Саманта, — сказал Айк. — Вы ей нужны.

Глаза Ребекки расширились от ужаса. Потом снова стали безмятежными, и женщина запела:

— Спи, малышка.

В дверях мелькнула тень.

«Бегите», — подумал Айк.

Поздно. Тень заполнила дверной проем.

Айк больше не мог держаться. Силы у него закончились. Погружаясь во тьму, он услышал мужской голос:

— Боже, что я натворил на этот раз?

Стоя на коленях на твердой как железо земле, ангел омывал ноги Али. Он провел пальцами по ее стопе.

— Дети свободны, — объявил ангел.

Али уловила нотки разочарования. Это выдавало его вероломство. Значит, он не хотел, чтобы дети вновь увидели солнечный свет. Ангел поручил Айку увести их еще глубже. Использовал бы их, держал при себе Али и использовал ее тоже. Но что-то не сложилось.

Али тихо торжествовала. Это существо, кем бы оно ни было, не всемогуще. Его планы могут нарушаться.

— Они будут в безопасности?

— Если людские милости можно называть безопасностью.

«Милости», — подумала Али.

Интересно, какие милости ждут ее? Обрушит он на нее свой гнев или продолжит омовение? И почему открыл ей свое вероломство? Ведь это делало его уязвимым. Почти смертным. Али постаралась расслабиться.

Ангел принялся массировать подошву ее ноги.

— Пора отпереть мою клетку, — сказал он.

Его шея была гладкой, как у ребенка. Али дотронулась до нее. Нужно держаться за эту шею изо всех сил. Он хотел быть для нее всем: мужем, ребенком, учителем, учеником, хозяином, рабом.

— Тогда дай мне ключ.

Ангел встал и взял ее за руку. Они прошли по мосту из железа и серебра. Весь период выздоровления Али провела на песке перед огромным, луноподобным дворцом. Теперь наконец ангел повел ее внутрь.

То, что снаружи напоминало Тадж-Махал, внутри было похоже на все музеи, библиотеки и монастыри, которые когда-либо видела или воображала Али. Направо и налево тянулись вереницы залов с древностями, книгами и всяким хламом. Она не знала, с чего начать.

Воздух светился голубовато-золотистым светом, словно туман в Сан-Франциско за несколько минут до того, как его рассеют лучи восходящего солнца. Высокий сводчатый потолок покрывали росписи. На мраморных плитах пола даже был голубиный помет. Всюду вплетались ее собственные воспоминания. Но когда Али отогнала голоса и рассеяла слой иллюзии, коллекция древностей оказалась реальной.

— Это мой склад, — сказал ангел. — Я его соержу. А он меня.

Коллекция занимала огромную территорию. Али никогда не видела столько драгоценностей, древностей и обычных вещей, собранных в одном месте. Рядом с секстантом шестнадцатого века, с помощью которого определяли местоположение солнца, лежали вилки, украшения хейдлов и телефонная книга Нью-Джерси. Баскетбольный мяч валялся среди глобусов и необычных черепов.

До каких пределов простирается это место? Где кончается реальность и начинается сон? Али растерялась.

Они шли среди стеллажей, на которых теснились книги, свитки и рукописи. Глиняные таблички стройными рядами выстроились рядом с рулонами карт. Али тянуло к полкам. Отовсюду на нее смотрели бесчисленные языки разных эпох и народов. Комиксы о Конане Варваре соседствовали с математическими уравнениями и клинописью хейдлов. Лопатка какого-то животного, испещренная клинописными значками, была завернута в газету «Хиндустани таймс».

— Вот твой текст, — сказал ангел. — Расшифруй книгу человечества. Слово за словом, проделай обратный путь. Сними все покровы. Верни меня к началу.

— А потом? — спросила она. — Что ты будешь делать после того, как я освобожу тебя?

— Я начинаю вспоминать, — ответил он, — как это будет.

— И что ты помнишь?

— Солнце будет желтым. Когда я выйду из тьмы, моего лица словно коснется благословляющая рука. Веки заиграют красками. Я вдохну его сладость.

— Тогда ты не пленник. Ты уже знаешь, что такое солнце.

— Знаю так же, как вы, люди, знаете меня — с помощью воображения. Понимаешь? Воображение — моя тюрьма. Ваше воображение.

Али отвергла эту мысль.

— Ты говорил, что попал сюда задолго до нашего появления. Тогда при чем тут мы?

— С начала времен эти стены просто служили мне домом. Потом появилось человечество и поведало о мире под солнцем. До этого момента мой дом не был тюрьмой. Первое ваше слово стало моим проклятием. Верни меня к тому первому слову.

Ангел оставил ее и отправился «на охоту».

Али нашла пустую комнату и устроилась в ней, позаимствовав все необходимое со «склада». Постелью ей служил спальный мешок. Она

надела стеганую куртку эпохи Мао и штаны для альпинистов фирмы «Грамиччи», а на стены повесила гобелены, принадлежавшие цивилизации, которая погибла десять тысяч лет назад.

Здесь начиналась новая для нее жизнь. Со временем она сольется с окружающим ее миром, станет слышать его голоса, проникнет в сознание людей, о существовании которых никто даже не подозревал. Теперь Али поняла смысл врученного ей шелкового кимоно. Она невеста и королева — по крайней мере, пока не разочарует его и, вероятно, ни днем позже того дня, когда добьется успеха.

Каждая новая эпоха начинается с первого шага, который и делает ее новой. Сфера Али — знания. Но для того чтобы заявить о себе, она не стала открывать книгу или разворачивать рукопись.

Али уселась на пол, скрестив ноги и выпрямив спину; мысленно она повторяла имя ребенка. Закрыла глаза и вызвала образ. Затем наклонилась вперед и кончиками пальцев коснулась пола.

Ангел научил ее этому трюку — в качестве награды, — если она захочет увидеть Мэгги.

Али вызывала не дочь.

«Саманта».

Не было ни вихря, ни дыма — ничего необычного. Но Али почувствовала, что пространство перед ней наполнилось. Она дала направление, идею, стимул, и ощущение присутствия исчезло с быстротой мысли. Пространство перед ней снова стало пустым. Довольная, Али оторвала пальцы от пола.

И только потом развернула свиток, с которого должна была начать. Греческий перевод «Гимна Атону», ставшего прообразом Книги Псалмов. Текст нанесен на шкуру страуса способом бустрофедон, при котором одна строчка читается слева направо, другая — справа налево и так далее. «Бустрофедон» в буквальном переводе означает «поворот быка» — строчки текста имитируют движение быка, вспахивающего поле.

Здесь ее алеф, ее бык, ее инструмент. Али не знала, куда он приведет ее через год. И сосредоточилась на тексте.

О, сколь многочисленно творимое тобою
и скрытое от мира людей,
бог единственный, нет другого, кроме тебя!
Ты был один — и сотворил землю по желанию
сердца твоего.

ДОКУМЕНТЫ

ВЕЧЕРНИЕ НОВОСТИ ТЕЛЕКОМПАНИИ СИ-БИ-ЭС

16 февраля

Диктор: Капитан китайской субмарины был застрелен сегодня, когда вместе с экипажем готовился сесть в самолет, чтобы улететь домой.

СМЕНА КАДРА:

Экипаж китайской субмарины в белой форме вытянулся по стойке «смирно». Камера показывает их бесстрастные лица. На заднем плане ждет самолет.

Подходит американский офицер. Китайский капитан делает шаг ему навстречу.

В этот момент из рядов журналистов выскакивает человек. Он достает пистолет и кричит: «Билли, сынок, я иду!»

Треск выстрелов. Капитан падет на землю.

Еще один выстрел. Убийца выстрелил себе в голову.

СМЕНА КАДРА:

Диктор: Установлено имя убийцы: Иен Хейнс из Атланты, штат Джорджия. По свидетельству соседей, он был отцом-одиночкой, потерявшим сына во время «октябрьского похищения». Официальные лица утверждают, что Хейнс принимал препараты от депрессии и сопровождавших ее галлюцинаций. На убийство незамедлительно отреагировал сам президент.

СМЕНА КАДРА:

Президент Мьюр сидит в Овальном кабинете.

Президент: Мы решительно осуждаем бессмысленное убийство офицера китайского флота. Наш народ выражает глубокое сочувствие родителям этого человека. Важно понимать, что стрелявший был одиночкой и не имел никакого отношения к властям. Он жестоко страдал после похищения сына. Мы ведем расследование трагедии и сообщим все подробности премьеру Жеминю, попытки связаться с которым не

прекращаются. Хочу вновь повторить, что это ужасное убийство было совершено сумасшедшим, и оно не должно нанести ущерб мирным отношениям с Китаем.

СМЕНА КАДРА:

Конгрессмен Гэри Грант: Выступление президента служит еще одним примером зоны молчания, которая окружает все, что касается Китая. Теперь мы извиняемся за ряд агрессий, спровоцированных их действиями. Что дальше: коллективное покаяние перед коммунистами? Я предложил специальному прокурору проверить финансовые связи президента с китайскими нефтяными корпорациями...

СМЕНА КАДРА:

Диктор: Источники в Государственном департаменте сообщают, что у них нет сведений о возможном военном перевороте в Китае.

Помогая нести безымянного отца по ступеням горы вниз, все девочки начали видеть в нем собственного отца. Под кровью, седой бородой и гривой волос обнаружилось подобие человека, прихода которого ждала каждая.

Беквит повел их по мосту, потом через город, вывел из ворот и направил по тропе. Он разведывал дорогу. Охранял тылы. Подбадривал, когда они уставали. День за днем первым вставал и последним ложился. Куда бы они ни повернули, везде был он со своей винтовкой.

Именно Беквит не позволил им тронуть Клеменса. Девочки хотели убить проводника, отомстить за все страдания.

Беквит сказал что-то о том, чтобы заглянуть в пропасть, но не упасть в нее. Поэтому они оставили монстра на вершине пирамиды, парализованного, с широко раскрытыми глазами и мокрым от плевков лицом.

От безумной Ребекки помощи ждать не приходилось. Девочкам было непривычно чувствовать себя в роли матери взрослой женщины, но о Ребекке заботились все. Это отвлекало их от собственных несчастий. В каком-то смысле Ребекка и стала им матерью, своей беспомощностью и бессмысленным бормотанием объединяя в семью. Девочки кормили и мыли ее.

Ночью они спали, улегшись вокруг безымянного человека, который стал для них рыцарем в сверкающих доспехах. Только это были не сверкающие доспехи, а пластины зеленого нефрита. Тяжелая, пропитанная кровью штука, но Беквит свернул ее и держал рядом с владельцем. Доспехи Бога, как он их называл.

С большим трудом они добрались до маленькой флотилии плотов на берегу реки. Мужчину и Ребекку они устроили на одном из плотов и тянули за собой на веревке. Течение реки становилось сильнее, а силы убывали. После развилки начиналась еще одна, более широкая река.

Вдоль берега тянулась исхоженная тропа. Если спуститься вниз по Стиксу, сказал Беквит, попадешь в другой мертвый город. Он ходил туда один, тщетно разыскивая их.

Маленький отряд двинулся вверх по реке. Этот путь вел к цивилизации.

— Распределяйте силы, — говорил он девочкам. — Дорога домой

займет определенное время.

Девочки обсуждали между собой, что значит «определенное»: неделя или месяц. И сколько еще предстоит пройти, сто миль, тысячу или больше. Хотя это уже не важно. Теперь они в безопасности. На пути домой. Когда они спрашивали Беквита, далеко ли еще, то слышали один и тот же ответ: «Не за следующим поворотом». Им нравилась его честность. Этому человеку можно верить.

А затем река разделилась на притоки; вправо и влево от нее отходили многочисленные туннели. Беквит выбрал один из них, и они брели по нему несколько дней, пока туннель не разветвился еще на десяток ходов. Стало ясно, что они заблудились.

— Здесь мы отдохнем, — сказал Беквит, и они разбили лагерь в старом загоне для рабов с ржавыми железными болтами и примитивным граффити.

День за днем снайпер пытался разведать путь.

Спасшиеся девочки — подобно членам любого первобытного племени — страдали от глистов, вшей и других неприятностей. Под ногтями у всех поселилась какая-то розовая плесень. Вода и пища вызывали расстройство желудка. Глаза болели. Суставы распухли. Никто не жаловался — они шли домой.

Потом девочек свалил грипп.

Под тихое журчание реки и неумолимое пение Ребекки Беквит заботился обо всех сколько мог. В конце концов настал его черед свалиться в лихорадке. Несколько дней болезни превратились в неделю. Беквит лежал в бреду, трясясь от лихорадки. Похоже, они ушли настолько далеко, насколько смогли.

Привычно сбившись в кучу, девочки предались коллективному отчаянию. Планета смыкалась вокруг них. Если не считать шума реки и испуганных вскриков, когда им снились ночные кошмары, мир вокруг становился все тише. Никто больше не уходил на поиски пищи. В лучшем случае они наполняли бутылки речной водой. Все спали по двадцать часов подряд. Долгая ночь медленно пожирала их.

Паралич постепенно отпускал Клеменса.

Когда неблагодарный гарем с безумной матерью, чубастым простофилей снайпером и еще дышащим телом врага удалился, Клеменс уже не сомневался, что все обошлось. Если яд не убил его, значит, его действие должно закончиться — вопрос лишь во времени. И тогда он начнет все сначала. Он это умеет.

Всю первую неделю он лежал на спине внутри каменного купола, смотрел в потолок и придумывал, как вновь вернуться на сцену. Это отвлекало от голода и жажды.

Без девочек, которые помогли бы ему создать империю, в этих продуваемых ветрами и проклятых Богом развалинах у него нет шанса. Может, стоит податься в восточные регионы, где его никто не знает. Возьмет новое имя — все равно Клеменс не настоящее — и найдет себе новую нишу. Если все время цеплять свой фургон к чужим лошадям, в конечном счете куда-нибудь приедешь. Главное — настойчивость.

Когда прошла неделя, а тело все еще не освободилось от власти яда, Клеменс забеспокоился. Даже с учетом замедлившегося обмена веществ силы скоро закончатся. Он смотрел на уложенные вдоль стены продукты и усилием воли пытался подтянуть их к себе — разумеется, тщетно. В один из дней Клеменс сказал себе, что когда-нибудь будет вспоминать это время как период, когда он был зелен, словно салат. Теперь он сам не отказался бы от листика салата.

Не давала покоя и другая мысль. Что, если хейдлы вернутся за ним? Девочек нет, и приносить в жертву теперь некого. Что, если они бросят его своему богу, этому чудовищу в яме? Не самая приятная мысль. Монстр примет его с распростертыми объятиями.

К счастью, хейдлы — эти бедняги — не пришли. Вероятно, сбежали, питаясь насекомыми и все глубже погружаясь в пропасть забвения. Провалились они пропадом. С ними покончено.

В середине второй недели зашевелился указательный палец правой руки.

Планы Клеменса изменились. Еще не поздно пуститься в погоню за девочками. Он сохранил жизнь этим маленьким сучкам. Им оставалось лишь кричать, когда он дотрагивался до них. Прекрасно. Он превратится в злого духа. Им будут пугать детей. Приятная мысль. Он создаст империю

из их страха.

Ладонь ожила, когда он спал. Вскоре ладонь уже перемещалась по полу, словно краб, подтягивая за собой всю руку. Клеменс умирал от голода, но еда была слишком далеко. Пришлось искать другой выход.

Ободрав костяшки пальцев о камни, Клеменс подтянул руку к лицу и сунул палец в рот, почувствовав вкус собственной крови. Это придало ему сил. Пришлось сделать над собой усилие, но мизинец — такая мелочь по сравнению с тем, что стояло на кону. Он впился в палец зубами.

Мяса на кости было мало, зато кровь утолила жажду. И к несчастью, привлекла к себе внимание.

Чуть позже Клеменс услышал, как внутри пирамиды скрежещут камни. Поначалу звук был слабым — он мог идти откуда угодно. Постепенно скрежет приближался. Клеменс чувствовал вибрацию камней, рушившихся где-то глубоко внизу, под его головой.

Что-то пробивало себе путь наверх.

Клеменс видел статуи человека-быка, а в городе полно каменных рогов и бычьих голов. Он отбросил эту мысль. Минотавры — сказки для детей и кретинов.

Шум то возобновлялся, то затихал. Клеменс пытался представить, что бы это могло быть. Камнепад. Оползень. Обрушение зданий. Животное.

Пришлось пожертвовать еще одним пальцем. Если бы восстановилась чувствительность ног, он заставил бы себя идти. Тогда можно спастись бегством. Остальное тело подождет.

Следующие два дня Клеменс лежал, прислушиваясь к тому, как что-то выбирается из земли. Суеверия набросились на него, словно стая маленьких собак. Он пинал их — или пинал бы, работай у него ноги. Клеменс не верил в чудовищ. Именно поэтому он спустился под землю — доказать, что чудовища ненастоящие. Тогда кто же восстает из глубин?

Оно приближалось.

Тело Клеменса погрузилось в невыносимое состояние «сражайся или беги». Адреналин хлынул в неподвижные руки и ноги, однако Клеменс не мог ни сражаться, ни бежать. Хотелось закричать, но крик выдаст его.

Он съел третий палец. Оставались ценный большой палец и любимый указательный.

Делать выбор ему не пришлось.

В начале третьей недели, когда ожила вторая рука и Клеменсу казалось, что теперь он сможет выползти из двери и скатиться вниз по ступеням, пол под его спиной провалился. Каменные плиты, прочно скрепленные раствором, разошлись. Падая в образовавшуюся дыру,

Клеменс чувствовал запах сырой земли. Кто-то очень сильный поймал его, а затем в полной темноте потащил в логово в недрах горы.

Шли недели.

Клеменс не видел этого существа целиком, только фрагменты — обтянутые шкурой и венами жилы, влажные ноздри, эти ужасные зубы. Потом он вообще перестал видеть. Монстр лишил его глаз.

Вдвоем они погрузились в долгий сон.

Клеменс лежал в теплых объятиях зверя, убаюкиваемый легкими величиной с него самого, вдыхая запах их общих экскрементов. На него снизошел покой. Время от времени у чудовища будет просыпаться голод. Тогда вернется боль. Клеменс закричит. Потом они снова заснут, и раны Клеменса станут заживать.

Так продолжалось очень-очень долго — они служили пищей друг для друга. У чудовища имелись сосцы, дававшие молоко. Клеменс был источником мяса.

Он старался спать как можно больше, надеясь, что не вернется из одного из снов; возможно, именно так и случилось. В каменном логове, прижатый к медленно бьющемуся сердцу, человек, который мечтал об империи, превратился в закуску и детскую игрушку — сюжет для очень жестокой сказки.

— Поиграй со мной, мама.

Призрак ребенка, скрестив ноги, снова сидел рядом с Ребеккой, упрямый, словно маргаритка на солнце.

— Пожалуйста, перестань, — сказала Ребекка и отвернулась.

— Мама! — На этот раз строже.

Ребекка посмотрела на нее.

Ветер с реки шевелил длинные золотистые волосы. Голубые глаза блестели. В улыбке дочери все так же не хватало одного зуба, а на коленке по-прежнему был лейкопластырь с изображением горбуна из мультфильма «Нотр-Дам», который Ребекка приклеила в день похищения — давным-давно. Все абсолютно точно. За исключением пробитого пулей лба.

— Ку-ку, — сказала Сэм.

Ребекка не хотела заглядывать в голову дочери. Она переключила внимание на лагерь. Увидела фосфоресцирующие фигуры девочек, сбившихся в кучу, а среди них тяжелораненого человека — с клеймами хейдлов, без одной руки. Все ей казались знакомыми. Вспомнить удалось только имя мистера Беквита. Ее архангел Беквит. Его звали Иен. Все спали.

Рядом грохотала река. Водоворот устрашающе шипел. Пена взметалась вверх. Безрадостная картина.

Ребекка пыталась понять, где она находится и что с ней приключилось. И уже начинала понимать. События, лица и голоса сбились в кучу. Кое-что обретало смысл, но большая часть оставалась скрыта странной пеленой. Она пришла, чтобы найти свою дочь — и остальных детей. Ее армия уничтожена, хотя обстоятельства скрывал туман. В памяти всплывали обрывки жутких вещей, и страшнее всего было изображение пробитой головы Сэм. Тем не менее она не помнила, как оказалась в этом мире призраков.

— Кто ты? — спросила она привидение.

— Мама.

Сэм хихикнула, словно принимала недоверие Ребекки за шутку.

— Как ты сюда попала?

Одежда на девочке чистая. На бедре свежее пятно от травы, хотя в радиусе тысячи миль никакой зелени. Ожерелье из карамели, которое девочка надевала на Хеллоуин, даже не надкусано. Тем не менее ее бедный, чистый лоб пробит. Нет. Это существо не ее дочь.

Улыбка Сэм словно съежилась.

— Меня прислали.

Ребекка похолодела. Прислали? В памяти всплыл образ Сэм — золотоволосой Сэм — голодной и грязной, с веревкой на шее, приближающейся к каменной крепости. Она вспомнила, как умоляла капитана не стрелять. Попытка отобрать у него винтовку. Потом грянул гром. Там ее погибель.

— Кто тебя прислал?

Сэм перестала улыбаться.

— Не знаю, — прошептала она.

— Если тебя прислали, кто-то должен был это сделать.

В голубых глазах появилась растерянность.

— Не знаю.

— Ты не моя Сэм.

Девочка замерла.

— Мама?..

— Зачем ты здесь?

— Чтобы пойти домой, — тоненьким голоском произнесла девочка.

— Домой?

Джейк мертв. А Сэм... она не похоронила Сэм. Что все это значит?

— Сегодня утром моя спальня была желтой от солнца. А ночник горит даже днем.

— Я оставила его включенным для тебя, Сэм. Думала, ты еще вернешься.

— Я вернулась, мама. Говорю тебе.

— Ты заглядывала в шкаф? — спросила Ребекка. — Там дырка в полу. Я еще ее не заделала.

— Все в порядке, мама. Теперь все в порядке.

— Нет. Все кончено.

— Не бойся, мама. Все опять будет хорошо. На этот раз я останусь.

Над рекой появилось изображение их уютного дома. У Ребекки разрывалось сердце. Ей так хотелось, чтобы это была Сэм. Но она видела лоб дочери. Отверстие напоминало второй рот. Он скалился обломками зубов.

— Я устала.

Устала от обмана. От ложной надежды. От собственного безумия.

— Я знаю дорогу домой, — сказала Сэм. — Вот зачем я здесь — чтобы показать тебе. Нам нужно уходить. Пока он не нашел нас.

— Кто?

— Ты знаешь.
— Нет, не знаю.
— Да, знаешь.
— Уходи, — сказала Ребекка. — Ты меня пугаешь.
— Я люблю тебя, мама.
— Оставь меня в покое.
— Мама!
— Ты слышала. Возвращайся, откуда пришла.

Ребекка крепко зажмурилась. Не сдавайся, приказала она себе. Сражайся с древней любовью. Убей призраков.

«Не введи меня во искушение».

Когда она открыла глаза, Сэм исчезла.

Вокруг все было неподвижным. Дети дремали. Или умерли. Беквит сжимал в руке винтовку. Незнакомец спал рядом со свернутыми доспехами. Ребекка встала и подошла к нему. Доспехи вызывали у нее отвращение — они пахли смертью. Но ей требовалась защита от собственного ребенка, который преследовал ее. В этой древней броне она почувствовала такую необходимую ей энергию.

Ребекка подняла доспехи, и нефритовые пластины загремели, будто живые. Они оказались слишком большими для нее и весили, наверное, тонну. Зато, застегнув крючки, Ребекка почувствовала себя невидимой. Внутрь не проникнут ни демоны, ни воспоминания. Она вдруг поняла, что может похоронить себя в этом каменном саване. Больше не будет боли. Не будет безумия. Мир не дотянется до нее.

Время остановилось. Ребекка не сразу заметила это. Рев реки стих.

Посмотрев вниз с уступа над рекой, Ребекка увидела, что вода застыла. Течение словно замерзло, превратившись в длинные черные косы. Капли воды сверкающими бриллиантами висели в воздухе.

Пещера превратилась в хрустальный оазис. Водоворот застыл молочно-белой спиралью. В водяном тумане сверкала радуга.

Прежде Ребекка воспринимала подземный мир как жуткую, прожорливую утробу. А теперь вдруг погрузилась в эту скрытую от глаз красоту. Такую мирную. Такую гостеприимную. Почему она раньше не видела этого мира?

Река несла к ней ароматы земли.

«Что еще прячется там, в глубине?»

Ребекка придвинулась к краю обрыва.

— Мама.

Словно писк комара над ухом. Ребекка не отвечала. От хрустального мира кружилась голова.

— Уходи отсюда. Я не шучу.

Оглянувшись, она увидела Сэм. На этот раз Ребекка встретила ее во всеоружии. Теперь ее ничем не прошибешь. Она снова посмотрела на реку. Прекрасную реку.

— Нам нельзя здесь оставаться, — сказала Сэм.

— Иди домой.

— Без тебя не могу.

— Это так...

Ребекка не могла подобрать слово, описывающее восторг, который заполонил ее сердце. Она восхитительна, эта бездна.

— Нет, мама.

— Я больше не боюсь, — сказала Ребекка.

Она справилась с бурей, с яростью и страхом. Ей дано обрести душевный покой.

— Ты должна забрать меня домой.

Отчаяние Сэм испугало Ребекку. Она смотрела на призрак дочери, на пробитый лоб, на утратившие невинность глаза. Теперь во взгляде девочки читались одиночество и пустота. *Во взгляде ее ребенка.*

— Уже скоро, малышка.

— Спаси меня, мама. Пожалуйста.

— Я пыталась.

— Попробуй еще раз. Я исправлюсь, обещаю тебе.

Ребекка вздрогнула.

— Что?

— Я больше никогда не буду плохой.

— Ты не была плохой, Сэм.

— Тогда почему ты уходишь? Я больше не хочу быть одна.

По щеке Сэм скатился бриллиант. Слеза. Закрыв глаза, девочка обхватила себя руками и принялась раскачиваться взад-вперед. Губы ее шевелились, и Ребекка поняла, что дочь молится. Молится за мать. Мать, к которой нельзя прикоснуться. На щеке появился еще один бриллиант.

Ребекка заморгала. А вдруг она ошиблась? Что, если это не призрак?

«Выбирай, — подумала он. — Убей это существо. Или люби ее».

— Сэм? — произнесла она.

Глаза девочки распахнулись. Радость на лице пробила доспехи. Пронзила сердце Ребекки.

— Ты правда настоящая? — прошептала Ребекка.

Сэм выставила палец. Ребекка затаила дыхание. Потом протянула руку через пустоту. Сэм прикоснулась к ней.

— Динь-динь, — пропела девочка, как в прежние времена.

Ребекка смотрела во все глаза. Рана на лбу дочери затягивалась сама собой. Глаза засияли. Она раскрыла объятия.

— Сэм!

Дочь не двигалась.

— Выбрось это, мама.

Взгляд Ребекки упал на зеленые доспехи.

— Они нам могут понадобиться.

— Уже нет.

Сэм права. Уже нет. Больше не будет страха. Не будет сомнений. Они покидают страну мертвых. Ее война закончена. Вот ребенок, за которым она пришла.

Ребекка расстегнула крючки, и доспехи соскользнули с плеч. Она почувствовала себя свободной, словно птица. Размахнувшись, швырнула броню с обрыва.

Доспехи расправили зеленые крылья, будто собирались улететь. Внезапно ожившая река взметнулась вверх и с громким плеском слизнула нефритовую броню, увлекая за собой, в забвение.

Неистовый мир вернулся. Река завывала. Водоворот бурлил. Ребекка отпрянула от бешено кружившегося зверя. На четвереньках она отползла от края уступа и ложных обещаний реки. Сэм всегда была смелее. Она помогла матери подняться.

Они обнялись.

Сердце Сэм билось рядом с сердцем Ребекки. Она впитывала тепло детского тела, гладила волосы дочери, вдыхала знакомый запах за ушком — это ее Сэм. Из плоти и крови. Разве такое бывает?

— Бывает, — сказала Сэм.

— Что? — прошептала Ребекка.

Ребенок может читать ее мысли? Или девочка живет только в ее сознании?

Сэм похлопала ее по спине.

— Слишком много вопросов, мама.

Ребекка вглядывалась в глаза дочери, ища малейшее отличие от Сэм, какой она была или должна была быть. Но видела лишь невинность собственной плоти и крови.

— Теперь мы можем пойти домой?

— Да милая. Но сначала я должна у тебя кое-что спросить. — Ребекка

умолкла, собираясь с духом. — А папу мы можем взять с собой?

— Нет, мама, он не может пойти. — Голос Сэм был едва слышен. — Только я.

— Сэм! — Ребекка сомневалась, можно ли настаивать. И что вообще за всем этим скрывается. — Откуда ты знаешь?

— Просто знаю.

— Ты уверена? Может, попробуем?

— Нам нужно уходить.

— Ты не хочешь попроситься?

— Нет, мама.

— А я хочу.

— Если мы останемся, он найдет нас.

Сэм пристально смотрела на нее.

— Чудовище?

— Хуже.

Ребекка решила не настаивать. Кое-что следует просто принимать на веру.

— Хорошо, Сэм. Пойдем домой.

Держась за руки, они поднялись к лагерю.

— Разбуди этих сонь, — сказала Сэм, потом повернулась к мужчине без руки. — И не бросай его, что бы ни случилось.

— Мы никого не оставим.

— Его особенно.

— Ладно, Сэм.

— Поторопись, — сказала девочка.

— Куда нам идти?

Ребекка не узнавала это место. Река была не похожа на ту, по которой они спускались, и этот лагерь она видела впервые. Похоже, они здесь не проходили.

— Уже близко, мама.

Ребекка осторожно ступала между оборванных и грязных Белоснежек и Спящих Красавиц. Сколько они тут лежат?

— Вставайте, — сказала она и принялась трясти их за плечи и тянуть за ноги, вырывая из объятий глубокого сна.

Наконец открылись несколько пар глаз. Девочки смотрели на нее с неподдельным изумлением.

— Мы идем домой, — объявила Ребекка.

— Оставьте меня, — пробормотала одна из девочек. Теперь саму Ребекку принимали за призрак. — Уходите.

— Осталось немного, — сказала Ребекка. — Мы спасены.

Беквит пошевелился.

— Они пришли за нами? — спросил он.

— Да. Один.

— Один?

— Нам больше и не нужно.

Беквит попытался сесть.

— Где он?

Ребекка махнула в сторону камня, на котором сидела Сэм. Беквит недоуменно прищурился.

— Вы ее не видите?

— Ее?

— Сэм.

— Ох, Ребекка.

Голова Беквита упала на грудь. Ощетинившись, она едва не накинута на снайпера. Девочки смотрели на нее полным жалости взглядом, и на мгновение Ребекка вновь засомневалась, не сошла ли она с ума. Фигурка Сэм дрогнула. На лбу девочки опять открылась рана. Затем Ребекка взяла себя в руки.

— Еще одно мое привидение. — Она улыбнулась. — Теперь у меня появился нюх на них.

Сэм издалека подала ей тайный знак, которому когда-то научил ее Джейк. «Так держать». Теперь они одна команда. Вместе они справятся.

— Я знаю путь наверх.

— Выхода нет, — пробормотал Беквит. — Мы заперты.

— Доверьтесь мне.

— Не мучай нас, Ребекка.

— Вставай, Иен. — Теперь она могла его так называть. Могла войти в их мир. Потому что ее миру уже ничего не угрожало. — Я знаю дорогу.

— Откуда? — спросил Беквит.

— Помню.

— Что помните? Мы шли другим путем.

Ребекка встала.

— Просыпайтесь, — сказала она. — Мы идем домой.

Во выючном мешке обнаружилась походная кухонная плита и немного еды. Роясь в скудных запасах, Ребекка выбрала для начала порошок какао. Пока ее маленькое племя будет пить горячий шоколад, она сварит котелок лапши. Сахар и углеводы — вот что поставит их на ноги. Надежда поможет идти.

— Сходи за водой! — крикнула она Сэм, но вовремя сдержалась, чтобы не произнести имя. Девочки вновь с подозрением посмотрели на нее. — Кто пойдет? — спросила она. — Никто? Ладно, не надо. Вы пока собирайтесь, а я сама наберу воды.

Подхватив связку пластиковых бутылок и большой котелок, Ребекка спустилась по скользкой тропинке к кромке воды. Теперь река неистовствовала. Уже не манила и не искушала, а с ревом набрасывалась на нее, вырвав из рук две бутылки. Река изо всех сил старалась утащить ее, но Ребекка не поддалась и с наполненными водой сосудами вернулась в лагерь.

Беквит встал. Девочки со стонами бродили рядом, разминая затекшие руки и ноги.

— Вижу, вид у вас неважный, юные леди, — сказала Ребекка. — Ладно, не волнуйтесь. Горячая ванна, поход в супермаркет — и вы снова станете сами собой.

Она зажгла плиту.

Память постепенно возвращалась к ней. Где бы они ни находились, Сэм выведет их. Там, впереди, должны быть поселки. Люди приютят их, накормят, выведут из тьмы. Двери распахнутся. Солнце раскрасит их лица. Солнце! Мудрое светило.

Голубое пламя с ревом вырывалось из печи, заглушая жалобы девочек. Одна за другой они подходили, чтобы посмотреть на огонь. Верить, подумала Ребекка. Верить, что наша ночь закончится.

В первой попытке высвободиться из объятий сна Айк вынырнул посреди кровавого жертвоприношения. Крупные мужчины — полинезийцы, судя по лицам — отрезали ему руку. Наверное, каннибалы, подумал он. Или хирурги. А может, нечто среднее. Наверное, они полагали, что он в коме, и поэтому решили не делать анестезии.

Боль удивила его. Айку хотелось убежать от нее. Но страдание есть дитя неведения, и он встретил боль тибетской молитвой бардо, заполняющей пропасть между жизнью и смертью.

«Когда меня преследуют снег, дождь ветер и тьма, даруй мне чистый, божественный глаз мудрости».

Несколько минут это помогало.

Деревянная пила ходила взад-вперед, вгрызаясь в кость руки. Судя по их усилиям и злости, они делали это впервые. Затем один из мужчин заметил, что Айк наблюдает за ними, и испуганно вскрикнул. Его товарищи выронили ножи и другие инструменты и перекрестились. Еще раз взглянув на свою руку, Айк пришел к выводу, что это неподходящее время и место, чтобы возвращаться в мир, и снова погрузился в долгую медитацию.

Сердце забилося медленнее. Он вернулся к древним загадкам и парадоксам.

«Быть может, мы лишь видим бесконечные сны в бесконечной ночи? Можно ли на самом деле проснуться? И как узнать, что ты уже не спишь?»

Во второй попытке Айк увидел под собой реку окаменелостей. Мимо плыл сверкающий вихрь раковин; плавники и тонкие ребра выглядели очень красиво. Потом он услышал стук колес по рельсам, почувствовал плавное покачивание и обнаружил, что лежит лицом вверх на железнодорожной платформе, которая едет по туннелю. Окаменелости были не внизу, а наверху, вмурованные в каменный свод. Мимо проносились сотни миллионов лет давно угасшей жизни. Айк закрыл глаза и вернулся к размышлениям.

«Темная сторона Луны на самом деле не темная. Половину времени ее освещает Солнце. Что написано там, где наша слепота не позволяет видеть?»

Вынырнув на поверхность в третий раз, Айк почувствовал

приставленный к горлу нож. Железнодорожная платформа по-прежнему раскачивается из стороны в сторону. Либо путешествие очень длинное, либо прошло лишь несколько минут.

Не открывая глаз, Айк слушает, как человек, держащий нож, проклиняет его на незнакомом языке. Явственно чувствуется его ненависть и страх. Он думает, что убивает дьявола.

Намерение убийцы благородно, но ему не суждено осуществиться. Айк знает, что ангела невозможно убить — только запереть. Эту весть он должен передать миру. Необходимо демонтировать все колонии, вывести всех мужчин, женщин и детей, запечатать преисподнюю. Человечество забрело в лес, в котором хозяйничает опасный зверь. Если кто-то случайно освободит зверя, катастрофа неминуема. Ангел должен остаться в изоляции, глубоко под землей, лишенный солнца.

Айк открыл глаза, собираясь объяснить все это убийце. Хриплый шепот еще больше испугал незнакомца, который разразился потоком проклятий, перемежающихся с именем Аллаха. Нож поднялся, чтобы вонзиться в грудь Айка.

Айку ничего не оставалось, кроме как убить своего мнимого убийцу. С быстротой мысли он заставил свою руку нанести смертельный удар. Такая тактика непременно привела бы к успеху, остановив нож... будь у него правая рука. Короче говоря, контратака была плодом его воображения. Не встретив препятствия, нож устремился вниз. Айк хотел посмотреть, как глубоко вонзится лезвие.

К удивлению обоих, нож отскочил от грудины, и из-под него посыпались искры. По всей видимости, подумал Айк, его тело отчасти окаменело, и это стало первым веским доказательством. Убийца опомнился. Нож опять взлетел вверх, на этот раз нацелившись в живот.

Да будет так, подумал Айк. Он ничего не мог сделать, чтобы предотвратить смерть. Все добытые с таким трудом открытия пропадут втуне. Мир будет жить без его предупреждения.

В это мгновение над убийцей нависла какая-то стройная фигура. Ладонь обхватила его подбородок. Голова убийцы резко повернулась. За головой последовало тело — отделилось от поезда и исчезло во тьме.

К Айку склонилось озабоченное лицо. Оно принадлежало молодому человеку с глазами старика. Похоже, насилие не доставляло ему удовольствие. Американец догадался Айк.

— Я спал, — извинился мужчина.

— Я тоже, — прошептал Айк.

— Беквит, — представился незнакомец. — Я тот, кто тебя уложил.

— Я твой пленник?

— Мой... что? Нет, конечно.

Айк попытался вспомнить, что произошло. Подобно убийце из сна, его остановили в тот момент, когда он собирался пронзить врага. В решающее мгновение, уже в движении, его запястье взорвалось. Теперь Айк понял. Ему отстрелили руку.

— Твоя работа?

Беквит поморщился.

— И далеко ты был? — спросил Айк.

Хотя это не имело особого значения. В любом случае фантастический выстрел.

— Больше четырехсот ярдов.

Интересно. Этот человек запомнил схему выстрела.

— Орлиный глаз, — сказал Айк.

— Что?

— У тебя талант.

Беквит нахмурился.

— Ну да, стрелять хороших парней? — Он распахнул рубашку Айка и грубоватыми солдатскими движениями ощупал раны на груди, не задерживаясь на тех, что не представляли опасности. Озабоченность в его взгляде сменилась облегчением. — Он тебя просто порезал. А мне казалось, что убил.

— И убил бы, — сказал Айк. — Если бы не ты.

На этот раз Беквит принял отпущение грехов. Айк увидел, что виноватое выражение исчезло с его лица. Затем начал терять сознание.

— Держись, — сказал Беквит. — Мы почти вышли.

Но Айк был на шаг впереди. Он уже вышел.

Двое портовых рабочих оставили чудовище на берегу, торопясь на большую вечеринку, или луау.^[32] В мозгу Айка звучали их голоса. Их наняли посидеть с ним час или два, но уроженцы острова были напичканы суевериями. Парни не сомневались, что он умирает, и не хотели, чтобы его дух преследовал их. Кроме того, сюда вместе с «членами семей» прилетели кинозвезды и знаменитые рок-музыканты, а американское посольство оплатило расходы на вечеринку, и это значит, что музыка и барбекю будут потрясающими. Поэтому они бросили его в тени пальмы.

Там Айк лежал на нейлоновых носилках. Ветер перебирал его длинные седые волосы. Он слушал плеск разбивающихся волн и шелест песка. Отделял друг от друга запахи: морские водоросли, мертвая чайка, а

вдалеке древесный уголь и жареная свинина. Солнечный свет заполнил легкие.

Ни одна из этих приятных мелочей не мешала долгой медитации. Они были не более и не менее реальны, чем дом, который он возводил в своем сознании. Там, с внешней стороны век, Великая Иллюзия вновь меняет свой облик, вот и все. Он продолжит собирать фрагменты пляжа для своего воображаемого дома.

Именно тогда песня нашла его. Мысли прервались.

«Тот же голос, та же песня».

Звук доносился со стороны океана, и поначалу Айк подумал, что преисподняя снова охотится за ним. Он не слышал этой мелодии много лет, с тех пор как песня подняла его с постели, оторвала от Али и увлекла под землю, к ангелу. Не открывая глаз, Айк негромко застонал. Дом на зеленом холме рассыпался в прах.

«Пускай я стар, пускай устал... — пел голос. Молодой, а не старый, — я снова мир пройти готов, и травы мять, и с неба рвать, плоды земные разлюбив, серебряный налив луны...»

Надежда покинула Айку. Голос явился, чтобы забрать его. Спасения нет. Он стал выбираться из-под руин. Хорошо это или плохо, но пора возвращаться в мир. С прятками покончено. И с поисками тоже.

«...и солнца золотой налив».^[33]

Айк открыл глаза.

Она танцевала у кромки воды в жаркой вспышке света — девочка с волосами цвета расплавленного золота. Не прерывая песни, играла в салки с прибором, то заходя в воду, то выпрыгивая из волн.

Его дочь.

Он понял это в ту же секунду, как увидел ее. Кто еще мог прийти на пустой пляж? Кто еще мог петь его песню? Умница, она, наверное, сбежала. Или ангел смягчился и отпустил ее. А может, все время лгал, что дочь у него? Может, девочка была свободна и все эти годы ждала отца? Сердце Айку учащенно забилося. Он попытался успокоиться. После стольких лет страха и разлуки радость могла быть опасной.

— Мэгги, — позвал он.

Его голос походил на карканье ворона. Девочка не слышала. Айк откинул голову, набираясь сил. Над ним висела капельница. Солнце сверкало в листве.

До него доносились голоса гостей на вечеринке. Женщина — мать, понял Айк — в плаче выражала свою радость.

«О боже, боже. Боже».

Дети и их семьи праздновали счастливый конец. Он тоже мог присоединиться к ним. Если бы Мэгги подошла к нему.

В небе, покачивая крыльями, пронесся реактивный истребитель. У Айка мелькнула мысль, что самолет зовет его назад. Затем он услышал крики и аплодисменты. Зазвучали жесткие гитарные аккорды «Звездно-полосатого флага» Хендрикса.

Девочка то удалялась, то приближалась, убегая от волн. Это она своей песней выманила его из этого мира, и казалось логичным, что она же возвращает его в мир. Аик сомневался, возможно ли такое — ведь девочка еще не родилась, когда он спустился под землю. Однако его научили с уважением относиться к тайнам. Может, Мэгги искала его с самого начала, чтобы он мог оказаться там, где он ей нужен? Аик не знал. Впрочем, неважно. Дочь здесь, и все, что ему теперь нужно, — это Али. Втроем они будут жить в доме на холме — разве не замечательно?

— Мэгги, — вновь прокаркал он и вновь не получил ответа.

Очевидно, он должен сам пойти к ней. Аик сел — слишком быстро. Кровь отлила от головы. Он упал лицом в песок рядом с носилками, за границей своего кусочка тени.

Солнце пронзило его. Песок пылал. Мухи облепили раны. Аик сумел встать на колени, прежде чем в легких закончился воздух. Потом опустился на пятки.

— Мэгги.

Прибой заглушил его голос.

Голова Айка поникла. Белый песок сыпался на ноги. Он стряхнул песчинки с аккуратностью археолога, открывая кожу с текстом на чужом языке и священными символами. Слова выцвели до такой степени, что он уже не мог прочесть собственную историю.

На песке перед ним появились две босые ступни. На него упала тень.

— Аик, — позвала девочка.

Он поднял голову. Одна коленка девочки была залеплена пластырем с картинкой. Он пытался рассмотреть ее лицо, но пронизанные солнцем волосы полыхали, словно пламя.

— Мэгги?

— Я Саманта.

Он вспомнил. Так звали дочь безумной женщины. Это не могло быть правдой. Ребенка убили. Неужели ангел солгал ему, неправильно назвав имя дочери? Или солгал еще раньше, заявив, что у Айка есть дочь? Но девочка знает его имя. Знает его песню. Они как-то связаны.

— Я твой отец, — вновь попробовал он.

— Нет, — сказала она.

Айк предпринял еще одну попытку.

— Мы никогда не встречались, Саманта. Я ушел очень давно...

Девочка прервала его.

— Меня послала Али.

Наконец-то, подумал он. Дверь открывается.

— Нет, Айк. — Саманта похлопала его по голове. — Послушай меня.

— Она здесь?

Рука девочки скользнула по его исхудавшему лицу. Потом вдруг дернула за бороду.

— Ты не слушаешь.

На этот раз Айк стал слушать. Девочка была посланником. Сообщила ему то, что он не желал знать. Мэгги мертва. Али спустилась в преисподнюю, ведомая его инициалами, и заняла его место рядом с учителем. Все не так, как он представлял.

— Али, — произнес он. — С ним?

— Не пытайся найти ее, — сказал ребенок.

— Что?

— Она просила тебе передать. Не ищи ее. Ей нужно сделать свою работу.

Айк стоял на коленях, и смысл слов девочки постепенно доходил до него. Это не его ребенок. Мэгги умерла. Али в преисподней.

— Твоя мать, — сказал он, — держала косичку из золотистых волос. Твоих волос.

— То было раньше. Теперь у нее есть я.

— Ребекка говорила, что ее дочь убили.

— Кое-что случилось, — сказала девочка. — Я потерялась. А потом открыла глаза и увидела Али. Она меня выбрала.

— Али тебя вернула?

— Она вытащила меня из реки.

— Почему тебя?

— Ты хочешь сказать, почему не твоего ребенка? Она предупреждала, что ты согласишься.

Айк ждал.

— Потому что Али не вернется. А моя мать — это мать. А ты не отец. Ты не знаешь, что делать с ребенком.

Это правда, хотя и горькая, и Айк был вынужден смириться с ней и со всем остальным.

Он потерпел неудачу. Отказался от жизни с Али и ребенком,

похоронил себя под землей — зачем? Чтобы однажды восстать из могилы и спасти мир? Какое тщеславие! Лазарь тоже воскрес из мертвых. Но это не сделало его спасителем — только ожившим человеком.

Издаലെка доносились звуки пирушки. Люди смеялись и танцевали. Играла музыка. У него мелькнула мысль, что он еще может найти себе место в городе людей. Хотя нет, он просто глупец, обходящий стены города. Их веселье смеялось над ним.

Девочка отступила, и солнце ударило ему в глаза.

Айк попрощался с надеждами. Со своим ребенком. Голова его опустилась.

Всю жизнь, от высочайших вершин до самых глубоких недр, он сражался с силой тяжести, и в этой бесконечной борьбе не могло быть победителя. Подбородок коснулся груди.

Мухи пировали его слезами. Пусть выпьют его опустошенность. Собственная тень выглядела такой черной, что в ней можно было утонуть. Упасть, подумал Айк. Вернуться в сон. Он закрыл глаза.

— Айк! — окликнула девочка.

Он не пошевелился. Спать гораздо легче. Во сне можно отвлечься от страданий. Прожить тысячи жизней.

Саманта снова дернула его за бороду.

— Хватит спать.

— Чего ты хочешь?

Айк открыл глаза.

— А что хочешь ты?

— Али, — вспомнил он. — Я должен ее найти.

— Она не разрешила.

— Он уничтожит ее.

Еще один рывок за бороду.

— Глупости! — набросилась на него девочка. — Перестань молоть чушь.

Она говорила с ним, словно духовный наставник. Или нянька. Это удивило его.

— Кто ты?

Прищурившись, Айк пристально посмотрел на ребенка.

— Перестань прятаться. И отвлекаться. Ты должен быть готов.

— Готов?

— Ты теряешь время.

— Готов к чему?

Она взяла его за руку, подняла на ноги и повела к воде. Айк шатался,

словно шел на ходулях, высоко над землей.

— Куда мы?

— Не мы, — ответила она. — Ты.

Девочка подтолкнула его к океану. Доносившаяся из-за деревьев музыка стала громче. Айк сосредоточился на своих ногах. Каким-то образом ему удалось преодолеть полосу песка.

Волны лениво плескались вниз, не доходя до колен. Но без помощи девочки он все равно не удержался бы на ногах. Чем глубже вода, тем легче становилось идти.

Айк начинал понимать.

«Вернуться в сон».

Он погрузился в бирюзовую воду, едва касаясь ногами дна. Наконец тяжесть этого мира отпустила его. Сила тяготения исчезла.

Он продолжал идти, медленно приближаясь к солнцу. Больше не будет боли. Он уплывет с этой планеты.

Чьи-то пальцы сжали его руку.

— Хватит, Айк.

Ее глаза были голубыми, как небо. Волосы словно солнечные лучи. В голосе шум прибоя.

— Чуть дальше, — сказал он.

— Племя нуждается в тебе.

Какое племя? Сколько Айк себя помнил, он всегда был один. Единственный раз, когда он открыл свое сердце, преисподняя ослепила его. Мэгги нет или никогда не было, а Али заживо похоронена.

— Чего ты хочешь? — спросит он.

Ее шепот заманил его в бездну, потом вытащил на свет, а теперь снова не дает покоя.

— А что хочешь ты? — спросила она.

Золотистые волосы разметались по морской пене.

«Готов к чему?»

У него разболелась голова. Через несколько минут Айк откинул голову на воду. Он чувствовал, как море очищает его раны. Рыбы тыкались в ноги. Тьма отслаивалась от кожи, вытекала из мозга.

«Готов к чему?»

Солнце раскрашивало внутреннюю сторону век. Ноги едва касались дна, но еще один шаг погрузит его в бездну. Айк замер на этом водном обрыве. Когда он вновь открыл глаза, девочка исчезла, а остров переместился. Солнце опускалось к горизонту. Стало страшно.

Пляж выглядел далеким и пустым. Похоже на проплывающий мимо

необитаемый остров. Потерпевший кораблекрушение проспал свой шанс. Айк смотрел на расстилающийся перед ним простор. Ему стало страшно. Он постарался отнестись к этому философски. Так или иначе, теперь или позже, бездна получит его жалкие кости.

Солнце все опускалось.

Айк не сопротивлялся. Ему больше не за что сражаться. Приготовься, сказала девочка, уводя его в океан. Теперь он понял к чему — к прекрасному закату, а затем к бесконечной ночи.

Горизонт вспыхнул яркими красками, затем погас. Синий океан стал черным. По телу пробежала дрожь. Вода была холодной. Ветер сменился.

Айк видел мерцание костра среди деревьев. Столб белого дыма поднялся в воздух, словно древний сигнал. Дым стелился над водой, принося с собой запахи: жареное мясо, лук, специи, свежий пот, духи. До него доносились голоса и музыка. Он даже различал отдельные слова.

Они веселились так, словно этот день последний. Или у них впереди еще миллион дней. Праздновали возвращение детей. Отмечали победу. Наконец до него дошло. Побеждали смерть — вот что они делали. Наступала ночь, но у них есть огонь, есть рассказы, они есть друг у друга. Их общность притягивала его.

«Не поддавайся».

Океанское течение тащило его. Что-то толкнуло ногу, живое и тяжелое. Хищники, везде хищники.

«Дальше».

Пальцы ног едва касались дна. Айк приплясывал на месте, чтобы не потерять контакт. Пустота ждала.

«Не сопротивляйся».

Он загребал руками, чтобы не лишиться точки опоры. Да, океан силен. Честно говоря, Айк боялся его. Куда делась его рассудительность? Высоко подняв подбородок, Айк глазами цеплялся за остров.

На далеком пляже появилась женщина. К его глубокому удивлению, она знала его имя. Голос сирены поплыл над водой. Айк не был готов так быстро выдать себя. Ждал, убеждаясь, что это не обман. Может, он кому-то снится или спит сам? Может, он сам себя зовет и слышит собственный голос. Глаза щипало от соленой воды. Он беззвучно сплюнул.

Из-за деревьев появились новые фигуры. Его имя множилось. На пляж спустились дети, за ними их родственники. Его все время искали, понял Айк: сначала Али, следовавшая за его инициалами, теперь эти девочки на пляже с фонариками и факелами.

— Айк.

Девочка бросилась в темную воду. Родители поспешили за ней и вытащили на берег. Другие выстроились вдоль границы прилива. Они увидели его следы, знали, что он тут, но боялись идти дальше. Понятно почему. Наступила ночь, а в ней жили чудовища.

«Племя нуждается в тебе».

Что-то изменилось в нем.

Айк нужен им. Он знает чудовищ. Возможно, не все их разновидности, формы и слабые стороны. Тем не менее даже с одной рукой, одним ухом и разбитым сердцем он не боится самих чудовищ — только ангела, который их сотворил, и бездны, которой нет конца.

Он сам был чудовищем, одичавшим и искалеченным во время своего ужасного путешествия, и люди всегда будут сомневаться, действительно ли он на их стороне. Но это его народ, беззащитный перед неведомым. Что бы ни случилось в случае неудачи Али, он знает, что за этим скрывается нечто еще более ужасное. Людям нужно, чтобы Айк не просто убил очередного дракона: знания, а не война спасут их от тьмы.

Словно почувствовав перемену в его мыслях, преисподняя внезапно схватила его. Течение выбило дно у него из-под ног, и он ушел под воду. Серебристый полумесяц пляжа с огнями и мерцающие над ним звезды — все исчезло. Вода тянула щупальца к его горлу. Бездна засасывала его.

Айк ударил по воде, но его лишь утянуло глубже. Он хотел ухватиться за поверхность — вода скользила между пальцев. Левиафан сомкнул вокруг него свою пасть. Спина коснулась дна. Айк почувствовал, как его тащит по дну головой вперед.

Затем что-то протянулось сквозь воду, коснулось его — камень или животное, но ему показалось, что это человеческая рука. Она не схватила его, лишь замедлила скольжение по склону. На какое-то мгновение — его едва хватило, чтобы Айк почувствовал открывшийся шанс, — бездна отступила.

Второго приглашения не потребовалось. Упираясь ногами в слой ила и ракушек, Айк искал точку опоры. Невидимые существа шарахались в разные стороны от его прикосновения. Воздух в легких кончался, зато теперь он прочно стоял на дне. Паника прошла. Оттолкнувшись, Айк всплыл на поверхность и сделал вдох. Пляж был на месте. Люди все еще стояли у воды.

Айк снова опустился на дно, на этот раз намеренно. Его тело стало слишком тяжелым, чтобы плыть. Но теперь он знал направление, чувствовал под собой подводный склон. Айк уперся ногами в океанское дно и сделал шаг. Медленно, словно великан, он стал выбираться из

преисподней.

ДОКУМЕНТЫ

ИНФРАКРАСНАЯ СИСТЕМА СЛЕЖЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО БАЗИРОВАНИЯ — СПУТНИК 4

Высота 23 мили над территорией Китая

(геосинхронная орбита)

Линза фокусируется на открывающемся в земле отверстию.

Появляется сверкающий цилиндр, а за ним хвост пламени.

Межконтинентальная баллистическая ракета устремляется вверх, а затем спускается, описывая изящную дугу.

Она огибает земной шар и исчезает на неосвещенной стороне планеты.

Через минуту горизонт озаряет вспышка света.

ДИАЛОГИ С АНГЕЛОМ, НОМЕР 11

Ангел ходит — взад-вперед. Мышцы его бедра сокращаются и расслабляются. Настоящий шедевр, думает Али; впрочем, как и все его тело. Проступившие вены вызывают ассоциацию со львом. Рот измазан в крови. Это делает его прекрасное лицо похожим на морду животного. Он часто возвращается домой из своих странствий таким, принося с собой смрад убийств. Домой. Именно так она теперь воспринимала библиотеку — как свой дом. И его. Наш.

Ангел не нуждается в пище и утверждает, что даже не очень хочет ее. Просто еда служит завершением охоты. К счастью, он делится добычей. На иллюзии изящного столика эпохи Людовика XVI лежит кусок мяса. На самом деле стол — просто камень. Но иногда Али предпочитает подобные иллюзии, особенно когда они скрывают пальцы рук и ног.

Али с удовольствием отказалась бы от мяса, утомила себя голодом. Но кто-то должен сторожить это существо. Пока она здесь, пока скрывает от него пароль, миру ничего не угрожает. Значит, она ест ради человечества. Так легче глотать.

Как всегда, ангел исполнен любопытства. Радует ее последним открытием, сделанным в похожей на лабиринт библиотеке. Хочет знать, сколько времени потребуется, чтобы копнуть глубже. Иногда делится секретами. Сегодня играет в загадки.

— Если свет может пронизать тьму, — формулирует он вопрос, — то может ли тьма пронизать свет?

Свобода. Ангел все время говорит о свободе. Али ищет другой подтекст. Однажды он спрашивал о мухе, а на самом деле имел в виду период полураспада империй. Однако здесь, похоже, нет подтекста. Ей ли суждено освободить его? Увидит ли он когда-нибудь солнце?

Али не увильчивает.

— Нет.

Пока ангел сохраняет ей жизнь, она намерена держать его запертым в этой клетке, вместе с собой.

Его босые ноги шлепают по камням — туда-сюда, туда-сюда. Али понимает, ее план давно раскрыт. Ангел показывал ей Коллекцию. В

ночных кошмарах ей снились ужасные вещи, которые он проделывал даже со своими любимцами.

Али готовится встретить его гнев. В любой момент он может наказать ее за непокорность. Каждый ее вдох взят взаймы.

Он бросает на нее внимательный взгляд. Приближается, обхватывает ее подбородок ладонью неземной красоты. Вот все и закончилось, думает она.

Ангел лишь улыбается ей.

notes

Примечания

1

Искаженная цитата из «Гамлета».

В битве у реки Литл-Вигхорн (1876) индейские племена разбили и полностью уничтожили конный отряд генерал-майора Кастера.

Искаженная цитата из Шекспира, «Генрих V».

Обязательно берите с собой аварийные радиомаяки на случай оползня, землетрясения, наводнения или нападения животных. Обязательно берите с собой запасные источники света.

Спецназ ВМС США.

Буквально: «драгоценный» — в Тибете титул перерождающихся лам и выдающихся духовных учителей. Используется и как обращение, и как часть имени.

Джейсон Вурхиз — вымышленный персонаж фильмов серии «Пятница, 13-е», маньяк-убийца, известный своими кровавыми способами расправ над жертвами.

Американский кинорежиссер, для творчества которого характерна помпезность.

Комплекс специальных мер национального масштаба по поиску пропавших детей; «Тревога Амбер» получила свое название по имени девятилетней Амбер Хагерман, похищенной и убитой в штате Техас.

Найденная в 1799 г. в Египте близ небольшого города Розетта (ныне Рашид), недалеко от Александрии, гранитная плита с выбитыми на ней тремя идентичными по смыслу текстами — двумя на древнеегипетском языке, начертанными древнеегипетскими иероглифами и египетским демотическим письмом, и одним на древнегреческом языке.

Американский религиозный и политический деятель, известный телевизионный проповедник.

Влиятельный американский пастор и телевизионный проповедник.

Организация социалистов-пацифистов; впоследствии расширила сферу своей деятельности защитой конституционных и гражданских прав.

Внепартийная общественная организация, ставящая задачу «остановить поднимающийся прилив религиозного фанатизма и нетерпимости в американской избирательной политике».

Самый высокий небоскреб в деловом центре Сан-Франциско.

Канэри (Берк), она же Марта Джейн. Известная личность времен освоения Западных территорий. В детстве переселилась с родителями на Запад, рано осиротела, научилась прекрасно скакать на лошади и стрелять; одевалась, пила и ругалась, как настоящий ковбой. Была проводником геологической экспедиции.

Главный герой фильма Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав», полусумасшедший ученый, стремящийся уничтожить мир.

Символ штата Техас.

Американский политик и государственный деятель, первый и третий президент Республики Техас.

Фермент для расщепления лактозы — молочного сахара.

Недоумок (*исп.*).

Поедатель лотоса, дающего забвение прошлого (в Древней Греции).

Научно-исследовательский центр в г. Санта-Моника, шт. Калифорния, один из крупнейших «мозговых трестов» страны. Изучает проблемы международных отношений и национальной безопасности, научно-технические, экономические и военные вопросы.

Кастильский дворянин, военный и политический деятель, национальный герой Испании, герой испанских народных преданий, поэм, романсов и драм, а также знаменитой трагедии Корнеля.

Лягушонок, персонаж международной детской телевизионной образовательной программы «Улица Сезам».

В скандинавской мифологии радужный мост, соединяющий мир людей с миром богов.

Механическое устройство для подъема по веревке, элемент снаряжения альпинистов, спелеологов, спасателей и скалолазов.

Защитник в американском футболе.

Американский детский писатель и мультипликатор.

Миссия в г. Сан-Антонио, штат Техас, которую в 1836 г. защищала горстка американских повстанцев, боровшихся за независимость Техаса от Мексики.

Девочка, персонаж произведения швейцарской писательницы Йоханны Луизы Спери.

Традиционный гавайский пир, сопровождаемый музыкой, танцами и пением.

Йейтс У. Песня скитальца Энгуса. Перевод Г. Кружкова.